

Родная **ЛАДОГА** № 4(18)' 2011

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**



Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Яснев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Наталья Нарочницкая. Быть Великой Державой	5
Митрополит Калужский и Боровский Климент. «Российское общество и Русская Православная Церковь: исторический путь, опыт взаимодействия и перспективы развития». Доклад на Межрегиональной научно-практической конференции «Православная цивилизация: прошлое, настоящее и будущее»	179

СТРАТЕГИЯ

Михаил Леонтьев. «Только и всего...» или двадцать лет спустя.....	11
--	----

Славянское БРАТСТВО

Васил Шевц. Братья-славяне. Словацкие предприниматели в России. Интервью журналу «Родная Ладога».....	17
--	----

ВЕХИ

Елена Шаляпина. Казанский кафедральный собор. К 200-летию со дня открытия.....	20
---	----

Пути ПОЗНАНИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Религиозно-философская антропология. История и определение термина, современные проблемы	27
Александр Казин. «Всю жизнь меня Бог мучил...» К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)	41

ПАМЯТОСЛОЖ

Валерий Ганичев. Ломоносов идет! Из архангельских заметок. К 300-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765)	36
Николай Коняев. «Его присутствие дает свет и жизнь всем нам...»	198
Маргарита Дмитриева. «В России дела так много!» О литературной деятельности князя Олега Романова	212
Алексей Кондратенко. Иван Белоруссов: «Словесность есть самый высший род искусства».....	290

ПОЭЗИЯ

Николай Рачков	50
Геннадий Иванов	54
Монах Иосиф	172
«Царь грядет»	192
Анатолий Аврутин	236
Андрей Фролов	257

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Виктор Захарченко. Слово о Кубанском казачьем хоре. К 200-летию Кубанского казачьего хора	58
Вячеслав Горелов. Миссия выполнима, или Русское посольство Никиты Зотова и Василия Тяпкина в Крым	93
Олег Пересыпкин. Иерусалим и Россия сегодня	114

ДОСЛЕДИ

Игорь Андрушкевич. Роль военных в государстве в глобальной перспективе.....	77
Григорий Гинзбург. Морская пехота в боях за Родину. К 70-летию наступления под Москвой	150

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Память сердца. Рассказ о жизни русской австралийки из Китая.....	83
---	----

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Моя Смоленка. Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России.....	88
---	----

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Борис Ключников. Мусульманская диаспора в Евросоюзе	99
Борис Подопрigора. Со Средней Азией. Быть или не быть?.....	140

БЕСЕДА

Виктор Пархимович. «На крыле». Интервью журналу «Родная Ладога»	126
Егор Исаев. «Дай мне весну свою, земля!..» Отрывки из беседы писателя о жизни и литературе. Записал Михаил Фёдоров	249

Точка ЗРЕНИЯ

Алексей Швечиков. Либеральная идея: Россия и Запад	131
--	-----

ПРОЗА

Евгений Мельников. Награда	159
Сергей Трахимёнок. Суета сует. Рассказ.....	242
Олег Селедцов. «Простите меня...» Рассказы	297

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы.....	175
---	-----

ЛЕСТВИЦА

Архимандрит Тихон (Шевкунов). Архимандрит Серафим	184
---	-----

Поэтическое НАСЛЕДИЕ

Николай Переяслов. Голубиная книга.....	188
---	-----

Родная РЕЧЬ

Виктор Потанин. Поле битвы — душа. Доклад на Всероссийских Ильинских молодежных научно-богословских Чтениях.....	208
--	-----

Проба ПЕРА

Александр Бывшев. «Новый свет зажегся на востоке».....	220
--	-----

Высокие ТЕХНОЛОГИИ

Владимир Некрасов. Новые способы достижения здоровья и долголетия.....	223
--	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. «Как течет жизнь». О повести «Прохожий». К 60-летию Николая Ивановича Дорошенко	260
Борис Споров. Достоевский издаека. К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821–1881)	275
Юрий Лошиц. Разные люди Светланы Замлеовой	282

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Владимир Крупин. «Главное оружие современности». О назначении писателя в России.....	271
Светлана Замелова. McDonald's от литературы	285



**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

БЫТЬ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ*

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». **Живет в Москве.**

* Статьи и интервью Н. А. Нарочницкой читайте на сайте [www. Stoletie.ru](http://www.Stoletie.ru)

Мир в XXI веке обещает быть не самой комфортной средой обитания. Эрозия международного права, стремление США к глобальному диктату, попытки привести все страны к единому «демократическому стандарту», рост числа локальных конфликтов, серия революций на Ближнем Востоке — вот та реальность, к которой придется приспосабливаться нашей стране.

Уже двадцать лет Россия напряженно ищет свое место в стремительно меняющемся мире. Эти поиски начались с романтических надежд на скорое вхождение в «общеевропейский дом» и присоединение к западной цивилизации. Однако мечты разбились при соприкосновении с суровой геополитической реальностью, после чего пришло осознание, что Россия сможет успешно развиваться лишь как самостоятельный и независимый игрок.

Главная наша угроза находится не вовне, а внутри страны — это катастрофическая ситуация в демографии. Существует определенная взаимосвязь между величиной территории и состоянием державообразующего этноса, коим в случае с Россией является русский народ. А его численность, к сожалению, продолжает сокращаться.

Я не стесняюсь говорить о том, что именно русские являются государствообразующим этносом, поскольку это не направлено против других народов. Многонациональность России — ее изначальная сущность. Как писал Василий Осипович Ключевский, еще до Крещения Руси в дружине киевского князя был целый интернационал, что отличало русское государство от Европы, которая шла по пути создания мононациональных и моноконфессиональных обществ. **Россия же на протяжении столетий накапливала уникальный**

опыт сожительства и соработничества народов — каждый из них мог молиться своим богам, что не исключало принадлежность к целому.

Однако когда державообразующий этнос находится в упадке, это негативно сказывается на положении представителей других национальностей.

Почему же русские сегодня пребывают в кризисе? Причин много. Нельзя забывать, что русским на протяжении всего XX века сначала большевики, а потом либералы-экстремисты внушали мысль, будто они — **неудачники мировой истории**, что их культура и традиции противоречат общечеловеческим ценностям, а патриотизм является «прибежищем негодяев». Борьба с мифическим «великодержавным русским шовинизмом» с 1917 года шла практически непрерывно. Любые проявления национального чувства моментально трактовались у нас как ксенофобия, хотя любовь к своему совсем не означает ненависть к чужому. Стоит ли удивляться, что мы получаем такие уродливые явления, как движение скинхедов? И все почему? Когда национальному чувству не позволяют развиваться в освещении высших ценностей, оно деградирует до уровня животного инстинкта. Так что рост популярности праворадикальных движений свидетельствует не о переизбытке любви к Отечеству, а о недостатке патриотизма...

По своему потенциалу Россия имеет все основания **быть Великой Державой**. У нас есть возможности для устойчивого развития — полный комплекс природных ресурсов, квалифицированная рабочая сила и достаточная военная мощь, чтобы эти ресурсы защищать. Таким уникальным положением могут похвастаться, пожалуй, только США. Даже стремительно развивающийся Китай обладает гораздо меньшим потенциалом, ведь постоянная забота о прокормлении миллиардного населения — очень и очень трудная задача.

Тем не менее при всем нашем уникальном положении в последние двадцать лет вокруг России непрерывно сжималось геополитическое кольцо. Всколыхнулись целые цивилизации — исламская, пантеистическая цивилизация Востока и, конечно, Запад. На протяжении девяностых годов шла бескомпромиссная борьба за российское наследство, что вполне закономерно: вакуум силы всегда порождает непреодолимое искушение занять пустующую нишу.

И пока мы вели разговоры о новом политическом мышлении, мир продолжал пользоваться хорошо испытанным старым.

Когда наши военные корабли перестали бороздить океаны вдали от российских берегов, это не побудило американские корабли вернуться в свои порты. И я не стану упрекать за это американцев! Почему они должны игнорировать законы геополитики, пока мы предавались кабинетным доктринам о превосходстве общемировых ценностей над национальными интересами? Лишь после серии тяжелейших провалов мы начали осознавать, что ковавшиеся веками законы международных отношений никто не отменял. Тот, кто хорошо знает историю, может легко проследить преемственность многих направлений во внешней политике разных стран. Скажем, когда русские осваивали Сибирь и Северный морской путь, никто против этого не возражал. Но стоило России выйти к Черному морю и Кавказу, как этот регион моментально стал объектом самого пристального внимания со стороны англосаксов. Причем это справедливо как для царских времен, так и для современных международных отношений — только на месте Великобритании сейчас находятся США. Так что России волей-неволей прихо-

дится возвращаться к своим внешнеполитическим традициям в отстаивании национальных интересов.

В XXI веке нам предстоит жить и развиваться в очень противоречивом и беспокойном мире, сталкиваясь с целым рядом острейших вызовов. Главная проблема современной политики — это ползучий кризис классического международного права. На наших глазах терпят крах суверенитет и государство-нация — понятия, которые со времен Вестфальского мира 1648 года были краеугольным камнем международных отношений. Это очень опасная тенденция, которая может привести (и уже приводит!) к печальным последствиям. Кстати, само понятие суверенитета заложено в устав ООН. Да, в этом документе также впервые сформулированы правила поведения государств (в том числе по отношению к собственному народу), соблюдение которых дает им право считаться уважаемыми членами мирового сообщества. Но при каждом таком постулате говорится, что эти правила не отменяют принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Когда я цитирую моим западным коллегам первую главу устава ООН «Цели и принципы», они очень удивляются, что **термин «демократия» в ней вообще не упоминается**. То есть монархия и республика, прогрессивные и отсталые страны, религиозные и светские общества равны перед международным правом. А государства имеют полное право выбирать такой политический строй, какой наиболее адекватно отвечает их культурным традициям. Откуда тогда взялось понятие «государство-изгой»? Разве кто-то имеет право решать, какой политический режим следует иметь той или иной стране? Получается, что демократия — это то, что хочет народ, а не то, что указывают правительства других стран.

У нас же «светочами демократии» взята на вооружение какая-то большевистская манера: если народ не разделяет их воззрений, то нужно заменить народ! Неужели мы приходим к попыткам тоталитарного утверждения неких «золотых стандартов»? Похоже, что так...

Обратите внимание на современные конфликты! На вооружение взята фарисейская модель поведения, которая значительно хуже, чем та, что была в языческие времена. Если в X веке князь Святослав перед началом похода предупреждал хазар: «Иду на вы», то сейчас иные страны начинают бомбить даже без объявления войны. Ведь тому, кто развязывает «гуманитарную интервенцию» в защиту прав человека, можно все или почти все.

Меняются и причины, по которым развязываются военные конфликты. Как пишет американский политолог Стэнли Хоффман, «войны с целью повлиять на внешнюю политику того или иного государства были всегда. Но войны с целью повлиять на его внутреннюю политику — явление абсолютно новое».

Пример такого рода конфликта — операция НАТО в Ливии. Это тот самый случай, когда основанием для нарушения суверенитета и бомбардировок служит несоответствие внутренних стандартов страны установленным кем-то правилам. Но ведь это вопиющее беззаконие!

Причем эта ситуация особенно опасна тем, что по мере деградации международного права на первый план выходит право сильного, из-за чего растет напряженность и множится число локальных конфликтов. На Западе очень любят сетовать по поводу распространения ядерного оружия, хотя эта действительно опасная тенденция связана с тем, что только наличие ядер-

ной бомбы спасает вас от нападения могущественных держав. Получается, что «защитить свою козу» маленькие страны могут только в том случае, если у них есть атомное оружие.

Я считаю, что миссия России — всегда стоять на страже международной законности. Нарушения международного права случались и раньше, но эти нарушения — во многом благодаря нашей позиции — так и классифицировались. В итоге основополагающие принципы продолжали худо-бедно существовать. Однако когда сегодня попрание норм международного права не получает должной оценки — последствия могут быть страшны как для самой России, так и для всего человечества.

Колоссальный вызов, стоящий сегодня перед российской цивилизацией, связан с глобализацией. Спору нет, у этого процесса есть вполне естественные проявления — свободное перемещение рабочей силы, капиталов, товаров, технологий и т. д. Однако **глобализацию у нас подменяют глобальным управлением**, в котором не заинтересован никто, кроме мировой финансовой олигархии. Для большинства стран мира эта тенденция порождает острейшие проблемы. Она раскалывает целые народы на узкую элитарную прослойку, втянутую в «глобальный мир», и нищие, бесправные массы.

Ползучую эрозию суверенитета я зафиксировала еще в 1970-е годы. Именно тогда начинают издаваться журналы с названиями вроде «Global governance» (англ. — «глобальное управление»), и именно тогда стали заметнее интеллектуалы, призывающие привести мир к некому единому образу.

К примеру, британский политолог Хедли Булл в одной из своих книг предлагал делить человечество на «мировое общество» и «мировое сообщество». К последнему имеют честь принадлежать исключительно западные страны, потому что они объединены общими демократическими механизмами.

Вообще, дискуссии об утверждении некой мировой демократии всегда меня поражали. Нет, я не являюсь поклонником всего, что происходит в нашей стране, — демократические нормы еще долго будут приживаться на русской почве. Но, признавая необходимость перенимать положительный опыт США и Европы, я не стала бы представлять Запад в качестве такого уж «эталона демократии». Там хватает своих проблем. Посмотрите: демократические институты в Америке и Европе уже давно управляются элитами и описываются с точки зрения теории элит!

Это мы пока находимся в той стадии, когда для нас главное — выборы не сфальсифицировать. А на Западе управление давно осуществляется так, что можно спокойно обходиться без подтасовок.

Кстати, в Америке до сих пор действует очень архаичная и несовершенная система выборов. Усилиями коллегии выборщиков там нередко побеждает кандидат, который не набрал большинства голосов. А еще в ряде штатов можно прийти на избирательный участок и подписаться Шекспиром или Леонардо да Винчи — и вас без проблем допустят к избирательным урнам. Разве вправе страна с такой несовершенной системой выборов учить весь мир демократии?

Я уже не говорю о поразительной клишированности тезисов речей западных политиков. Мне нравится приводить в качестве примера одну забавную цитату из Кондолизы Райс. Вы только вслушайтесь: «В то время как все страны мира триумфально идут по пути демократии и свободно-

го рынка, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой дороги». Молодежь об этом не знает, а ведь люди нашего поколения выросли на подобных бравурных лозунгах! Только во времена СССР «магистральным направлением» считался «переход от капитализма к социализму».

Судя по новейшим тенденциям, на Западе сейчас в какой-то мере наступает «конец истории», предсказанный американским политологом Фрэнсисом Фукуямой. Для меня самым ценным в его статье является признание, что либеральная идея, лишившись в конце 1980-х годов своего коммунистического оппонента, утратила стимул к самосовершенствованию. Да, на волне критики пороков предыдущей модели она принесла немало позитивного, но стоило ей остаться без противовеса, как она стала сама накапливать грехи и нестроения. Посмотрите, сегодня либеральный Запад все чаще выступает в качестве всемирного ментора, приобретая поистине тоталитарные черты!

Возьмем для примера идею мирового суда, которую в последние годы продвигают западные элиты. Гаагский трибунал превратился в политическое судилище, в котором рассыпаются все процессы! Разве может орган, созданный определенной группой стран, судить гражданина другого государства за действия, которые у него на родине не считаются правонарушениями?

Если да, то это означает конец национального права. Давайте на мгновение представим такую ситуацию: исламские страны создают Международный трибунал на основе шариата, добиваются от Вашингтона выдачи Билла Клинтона и судят его за нарушение супружеской верности. С точки зрения ислама это выглядит логично, не правда ли? Однако при всем моем критическом отношении к США я в этой ситуации встала бы на защиту Соединенных Штатов, потому что они имеют полное право жить по своим законам, но не вправе навязывать их другим.

Как мы видим, Запад делает с миром все что заблагорассудится. Однако с Россией, чье влияние в последние годы существенно возросло, он вынужден считаться, когда дело касается наших непосредственных интересов. Событием, которое окончательно покончило с «горбачевщиной» и «kozyревщиной» в российской внешней политике, я считаю Мюнхенскую речь Владимира Путина. Чем же им так не угодило выступление российского президента? Владимир Путин им прямо в лицо сказал правду: в мире множится число войн, международное право сдано в корзину, Запад берет на себя роль ментора, а **в глобальной политике царит тотальное лицемерие и фарисейство.**

Следующим важным шагом, который укрепил наши позиции, стало поведение нашего руководства во время пятидневной войны на Кавказе, когда **мы пресекли авантюру Саакашвили и спасли от истребления население Южной Осетии.**

Это событие я считаю важной вехой, ставшей логическим продолжением Мюнхенской речи. Тогда Россия продемонстрировала Западу: вон она — та черта, дальше которой мы не отступим!

В дни конфликта на Кавказе многие либеральные деятели пугали нас возвращением холодной войны, однако в реальности те события привели к «перезагрузке». Впрочем, по поводу потепления российско-американских отношений обольщаться тоже не стоит, ведь курс Барака Обамы означает всего лишь приостановку определенной риторики. Цели США остаются не-

изменными, и нас по-прежнему ждет продвижение военной инфраструктуры НАТО к нашим границам. К этому надо быть готовым: да, мы должны договариваться с Западом, но при этом его натиску не грех противопоставлять силу и твердость. Сила же состоит отнюдь не в том, чтобы играть ракетно-ядерными мускулами и размахивать кулаками. **Сила — понятие гораздо более тонкое и многогранное.** Как говорил Экклезиаст: «Время разбрасывать и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий». Казалось бы, чего проще — взять и уклониться от удушливых объятий, но какую силу воли нужно порой для этого проявить!

В свое время огромных дипломатических успехов добился канцлер Александр Горчаков. Он тяжело переживал поражение России в Крымской войне и условия Парижского трактата, по которым наша страна на время переставала быть черноморской Державой. Горчаков пообещал себе добиться пересмотра этого договора и за четырнадцать лет — без единого выстрела! — полностью достиг своей цели. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря его внешнеполитической доктрине, которую он сформулировал так: «Император решил... сосредоточить на развитии внутренних ресурсов страны свою деятельность, которая будет направляться на внешние дела лишь тогда, когда положительные интересы России потребуют этого безоговорочно. Россию упрекают в том, что она изолируется... Говорят, Россия дуется. Россия не дуется. Россия сосредоточивается». Вот и сегодня, как мне представляется, нам стоило бы исполнить завет Горчакова — не размахивать кулаками, а **просто взять и сосредоточиться.**

России сегодня важно не втягиваться в конфронтацию, а всего лишь найти в себе мужество сказать: **«Мы пойдем своим путем».** Россия сегодня вправе предложить миру Идею. Но какую? На мой взгляд, в ее основе вполне может лежать представление о мире как о гармонии разнообразия — концепция, которая совсем не противоречит идее единства мира.





Михаил ЛЕОНТЬЕВ

«ТОЛЬКО И ВСЕГО...» ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль» и др. Работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2002 г. — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». С 2009 г. — гл. редактор журнала «Однако». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему *«победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие»*. Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Утонул теплоход «Булгария» с людьми. Не потерпел крушение, а просто, булькнув, ушел утюгом под воду. То есть завершил естественный процесс полной амортизации. Все эти падающие самолеты, тонущие суда и горящие «хромые лошади» связывает нечто общее, и дело здесь не в физическом старении, в пресловутом исчерпании советского технологического ресурса, хотя и это тоже верно. 55-й год постройки — отнюдь не приговор судну. Если только вы осуществляете текущие капитальные ремонты согласно существующим регламентам. Поэтому так предельно глупо выглядят административные реакции — запретить плавание судов типа «Булгарии» или полеты самолетов Ан-24. Ан-24 — вообще самый надежный самолет в мире, правда, при условии грамотного обслуживания. И опять же, дело здесь не в нарушениях регламентов только. Это вообще проблема не техническая а социальная. В результате катастрофы, лишившей нас бывшего не слишком здорового государства и не слишком здоровой социальной системы, мы освоили модель предельно чудовищную, построенную на максимальной предельной ликвидности: выжать денег здесь и сейчас и из того, что попало под руку. Основной и практически единственной причиной выбытия тех или иных мощностей, плавающих, летающих и ползающих средств является их физическая смерть. С людьми или без — это как карта ляжет.

Это модель, в которой никак нельзя дожидаться следующей итерации, второго передела, чтобы как-то расхитить доход, поскольку на первой итерации расхищаются расходы — авансы и кредиты. Эти люди всегда «последний день гуляют», и каждый следующий день «гулянья» — gift — подарок изменчивой

судьбы. Это воровская экономика по сути, по своей доминирующей мотивации. Ничего иного естественным инерционным путем из этого постсоветского материала выстроить было невозможно. Поскольку основным политэкономическим смыслом постсоветской эволюции и была легализация и легитимация воровства. Кстати, довольно смешно смотреть, когда люди, стоявшие у истоков этой эволюции, ее запускаявшие и обслуживавшие, теперь требуют демократии и поносят коррупцию.

Но что произошло 20 лет назад? Что это было? Сам по себе так называемый путч по причине ничтожности в отношении контекста есть вопрос второстепенный. А вот **20 лет без супердержавы**, без великой страны — это уже достаточный исторический срок, чтобы гораздо лучше увидеть то, чего не было столь наглядно видно тогда.

То, что Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой», условно, таковой и было — это очевидный факт вне всякого отношения к предыдущим и последующим процессам.

Это была, понятное дело, катастрофа не только геополитическая, но и нравственная, социальная и экономическая, в том числе глобального масштаба — о чем свидетельствует как раз нынешний кризис.

Если говорить о политической катастрофе, точнее о катастрофе мироустройства — то это очевидным образом была катастрофа для социализма, причем очевидно, что не только так называемый «социалистический лагерь» с реальным социализмом издохли. Самым причудливым образом это оказалось катастрофой для социализма либерального, для социализма социал-демократического, западного. Потому что выяснилось то обстоятельство, что гарантом, политическим и экономическим стимулом для его существования, то есть для мощного социального перераспределения, во всяком случае, в пределах «золотого миллиарда», — было наличие «реального социализма». И тот демонтаж социальных институтов, которые выстроил капитализм, тот механизм микширования, собственно, настоящей, вполне хищнической природы капитализма — он сейчас демонтируется. Он демонтируется вне воли и сознания — бывший теперь уже «золотой миллиард» никто спрашивать не будет, поскольку не будет уже «золота» на миллиард голов.

И главное: это оказалось катастрофой для «реального капитализма».

Оказалось, что капиталистическая система управления миром, система управления экономикой, система управления финансами, система управления интересами нуждалась в противовесе. И в конкуренте (СССР не был напрямую конкурентом экономическим, но он был конкурентом системным). Лишившись его, система пошла вразнос. Опять же, если представить себе нынешний кризис в условиях действующего СССР в параметрах дееспособности хотя бы 1975 года — это означало бы одномоментную победу социализма во всемирном масштабе. Именно поэтому такого кризиса никогда не могло произойти. Мировая капиталистическая система не позволила бы себе нынешнего аферизма, авантюризма и разгильдяйства, которые она себе позволила после того, как почувствовала себя полноправным и безраздельным победителем.

Все фукуямовские химеры по поводу «конца истории», весьма очевидно, приказали долго жить. Мы сейчас видим, что история не только не кончилась, политическое развитие не то, что не остановилось, достигнув своих высочайших толерантно-либеральных вершин, — мы видим, что ис-

тория только начинается. Причем начинается эта новейшая история с таких критически опасных и непредсказуемых форм, перед которыми известные катаклизмы начала прошлых веков просто отдыхают.

А теперь все-таки вернемся к локальным событиям. Что это было с точки зрения конкретного эпизода августа 1991 года. Ровно 20 лет назад господина Горбачева привезли на самолете из Фороса, как мешок. Все про господина Горбачева уже известно: и опубликованы документы, и масштаб личности подтвержден. На самом деле Горбачев здесь — очень показательная фигура. Все, что мы видели 20 лет назад, было проявлением системного кризиса и, простите за тавтологию, кризиса советской системы. Суть системного кризиса в том, что система, сталкиваясь с вызовом, неспособна адекватно ответить на него. То есть система своими «ответами» усугубляет ситуацию, идет вразнос. Сама фигура Горбачева является идеальной персонификацией системного кризиса. Есть блестящая фраза в одном из его интервью. Когда его спросили: что ж вы из Фороса сами-то не уехали — там и охраны никакой не было, и заборчик низенький... — он ответил: «Не президентское это дело — лазить через заборы!» Человек, с одной стороны, неспособный завершить синтаксическую конструкцию, то есть неспособный органически системно видеть ситуацию, а с другой стороны идеально «аппаратно адекватный» системе — это просто подарок для катастрофы. История, как правило, заслуженно дарит недееспособным системам такие подарки.

Самый главный ресурс, который отсутствовал у системы, — это способность к легитимному насилию. Понятно, что идея путча была — продемонстрировать некую волю, напугав призраками исторической памяти. Но она совершенно не была рассчитана ни на какое реальное организованное насилие. Виталий Найшуль как-то определил легитимную власть от обратного, как «власть, которая имеет право стрелять в своих». Это определение точно. И точно видно было, что путчисты при всех своих благих намерениях свою власть легитимной не считали. Поэтому случайно подавленные бронетехникой наивные пылкие юноши стали той минимально достаточной каплей, которая обвалила всю конструкцию так называемого путча. Ничего другого быть не могло.

И тут есть два очень важных урока, крайне актуальных сегодня.

Во-первых: в отличие от того времени, сегодня наше общество просто беременно насилием. Тогда никто, никакая силовая структура, не был готов отдать приказ стрелять. Теперь легче пристрелить, чем послать. Проще, дешевле и меньше проблем.

Кстати, лелеемый либералами образ силовиков, отказывающихся стрелять в народ, — совершенно не означает отказ от насилия. Товарищи никак понять не могут, что автоматически может подразумеваться как раз намерение стрелять. Но не согласно приказу, а согласно собственному разумению, собственному социальному и нравственному (или безнравственному) выбору. Что никаким образом не ведет ни к каким последствиям либералообразного характера.

Во-вторых: колоссальная катастрофа, геополитическая и экономическая, социальная и прочая, не привела к каким-то прямым выплескам социального насилия, к гражданской войне, как этого можно было ожидать при таких масштабах обвала и при таких масштабах последующих трансформаций. По одной простой причине: что бы там ни болтали на «тему борьбы с привилегиями», мы были классово однородным обществом. И уровень

социальной ненависти в нем был минимален — некому и не на кого было идти в гражданской войне. Опять же — урок: на сегодняшний день уровень социальной неоднородности нашего общества мягко говоря, латиноамериканский. Поэтому в случае обвалов, обрывов даже несоизмеримо меньшего характера, чем трансформация 20-летней давности — потенциал гражданского столкновения в стране огромен.

Практически все, что происходило за 20 лет (даже с учетом усилий последнего десятилетия по стабилизации и смягчению социальной напряженности) — в глубинном плане было наращиванием этого потенциала гражданского противостояния. Крах советской системы выдал новым властям некий ресурс толерантности. Той самой легитимности, которой уже не было у советских предшественников.

Новая система получила мандат на то, на что уже не имела мандата советская — на легитимное насилие, экономическое насилие, политическое и даже физическое. И все это власть использовала крайне быстро и безответственно. Мандат на экономическое и социальное насилие полностью, скорее всего, исчерпался дефолтом. Характерно, что, начиная с нулевых, с путинского периода, у нас резко растут социальные расходы и вообще внимание к социальным вопросам. Наша социальная система, безусловно, не плохо эффективна. Но уже на генетическом уровне власть понимает, что вне зависимости от любых среднесрочных трансформаций в краткосрочном плане необходимо заливать, если есть возможность, социальные раны бюджетными деньгами.

Мандат на физическое насилие был масштабно использован в октябре 93-го. Можно представить себе: если бы на такое решились ГКЧПисты, коммунисты бы висели на всех столбах как, в Будапеште в 56-м. Еще раз: легитимная власть — имеет право стрелять в своих. Но, воспользовавшись этим правом, легитимная власть принимает на себя колоссальную ответственность. После 93-го тогдашний «переходный режим» принял на себя колоссальную безответственность. Чем на самом деле исчерпал свою легитимность. Как раз где-то к концу 90-х.

Сегодня, если говорить о насилии полицейском, — то нынешняя власть, педантично и жестко пресекающая все неразрешенные гражданские якобы акции, которые на самом деле являются в первую очередь именно провокациями насилия, — поступает совершенно точно: именно с пониманием ограниченных возможностей масштабного насилия. Поскольку, потеряв контроль над такими, якобы смешными и ничтожными, акциями она может столкнуться с необходимостью куда большего и серьезного насилия, применять которое власть не хочет и не может. Эта тактика абсолютно адекватна.

В целом можно сказать: за эти 20 лет мы сохранили остаточный потенциал, но не решили ни одной проблемы. Само событие 20-летней давности не было решением — оно было, повторимся, катастрофой. Идеологической, ментальной основой этой катастрофы была великая иллюзия. Пока общество этого не осознало, ничего ни с обществом, ни со страной сделать было нельзя. С этой точки зрения Ельцин также был вполне адекватной политической фигурой. Он был идеальным председателем свободного падения в пропасть. Пока страна не ударилась о дно пропасти. Большая удача, что шок от удара привел не к гибели, а к частичному пробуждению сознания.

Главное, чего мы добились, — разгрома интеллигентской либеральной иллюзии. Это уже само по себе большое счастье. С этой точки зрения

последние конструкции — вроде эксперимента над живым телом Михаила Прохорова — абсолютно бессмысленны. Ничего, кроме дорогостоящего фарса, из них не выйдет.

Теперь о стране, которой нет 20 лет. Что от нее осталось? Остался «остаточный» потенциал советской системы, который оказался на удивление огромен. Не мы тащим на себе останки советской системы: это останки тащат на себе нас. Тащить осталось еще лет 5 от силы. Это первое. Второе: живо поколение, которое еще помнит ту страну, то есть оно помнит то, что воспроизводить не надо ни при каких обстоятельствах — и оно помнит иной масштаб жизни, задач, мышления, самоидентификации. Причем не только в России: в Молдове, Грузии, Прибалтике. Этому поколению осталось тоже лет пять в нынешней позиции. Потом придет другое — можно положиться на его генетическую память, но Бог знает, что там эта память нарисует в мозгах катастрофного поколения. Наконец: лет пять нам еще осталось протянуть на дорогах энергоносителях. И все: дальше — «осторожно, двери закрываются».

...И о реванше. Почему при очевидно благоприятном социальном фоне, при спросе на реванш — реванша не получилось? Чтобы был реванш, нужна полная и окончательная катастрофа. Ее не произошло. Вот царскую Россию возьмем: к 20-му году от нее вообще ничего не осталось. Она практически была уничтожена. Германия после Второй мировой войны была разгромлена, унижена и разоружена. Феномен же Советского Союза заключался в том, что его победители решили, что все уже кончилось. К 99-му году они были уверены, что страна, проигравшая войну чеченским бандитам, не способна ни на что. Что ее ядерный и прочие потенциалы не представляют ни серьезной угрозы, ни серьезной задачи. Они могли бы нас тогда замочить — но из жадности они этого делать не стали.

Впрочем, квазиреванш нулевых годов у нас тоже был в определенной степени анестезией. Уже осознав катастрофу, страна физически, материально, геополитически была неспособна радикально лечиться. И у власти на это не было ни мандата, ни ресурса. Никаких других ресурсов, кроме как на анестезию и первичную реанимацию, не было. Вот когда эта анестезия закончится — выяснится, что рана не зажила. И во второй раз анестезия не поможет, придется резать.

«Экономика вечна — смертны люди», — по поводу выхода из нынешнего кризиса заметил Леонид Вальдман, блестящий аналитик, кстати, уважаемый в либеральных кругах. Эта мысль невольно приходит в голову при взгляде на людей, собирающихся на петербургском экономическом форуме. Как известно, девиз его — «Лидеры для новой эры». Оставим в стороне лидеров. Что касается новой эры — вот чего нет, того нет. Не то что видения ее, нет простого смирения согласиться со смертью старой эры. Весь этот сбор по сути является одним из сотен заседаний ликвидационной комиссии по старой эре. При этом комиссия упорно, вместо конструктивной деятельности по ликвидации, занимается религиозными камланиями по ее реанимации. Кандидаты в «лидеры для новой эры» рассказывают нам, что экономика выходит из кризиса. При этом астрономические долги не рефинансируются практически нигде. Они покрываются чистой эмиссией. И, естественно, выигрывает тот, кто эту эмиссию может осуществлять в нечеловеческих масштабах. При этом уже сейчас видно, как эта эмиссия начинает разрушать спасаемую финансовую систему. Разница между Америкой

и Европой — это разница в возможностях выбора антикризисной политики: быстрый конец или достаточно длинная агония. Последняя надежда спасения старой эры — Китай — уже вошел во вполне предсказуемый штопор: невозможно поддерживать могучий рост только за счет некупаемых госинвестиций, если никаким образом невозможно оживить глобальный спрос... Это, так сказать, финансовая составляющая.

Кстати о финансах — бывший министр финансов Алексей Кудрин, прославившийся в свое время предложением спасти американскую экономику с помощью наших огромных валютных резервов, решился на рецидив. На этот раз он предложил российскую помощь в спасении Европы. Так, 30—40 миллиардов отслюнявить. Грандиозность мысли трудно переоценить, особенно если учесть, что это единственная, наверное, самобытная идея, рожденная лидерами новой эры...

«Макроэкономическое равновесие будет восстановлено любой ценой». Это аксиома, которая кого-то должна порадовать, а кого-то напугать. Тем не менее, ее невозможно игнорировать. Хотя именно этим занимаются «лидеры новой эры» на своих форумах. Все, что мы будем наблюдать в перспективе, — это процесс восстановления этого макроэкономического равновесия. Возможно, это произойдет довольно быстро, но переходный период на этом не закончится. В том числе и потому, что никаких действительно новых лидеров и новых идей не видно. Старая эра, старая модель — не жилец. А новой пока нет. То, что нам предлагают в качестве альтернативы, — это большей частью наброски и реинкарнации моделей еще более старых, которые по определению не жильцы. Они уже успели не выжить. Ни в коем случае не претендуя на то, чтобы такую модель описать, попробуем хотя бы обозначить задачу, как мы ее видим.

Мы, если кто помнит, строили общество, цивилизацию, ориентированную на внеэкономические цели (не мы первые, но здесь не об этом). По факту эта цивилизация не справилась с экономическим механизмом реализации этих целей.

Наши конкуренты строили общество, ориентированное исключительно на экономические цели, проще говоря, на наживу. В процессе конкуренции с нами они вынуждены были перенимать и воспроизводить наши социальные ценности и институты. После победы в этой конкуренции оказалось, что в такой системе нет ни стимулов, ни ресурсов поддерживать эти институты. То, что мы сейчас наблюдаем на «Западе», — это демонтаж избыточных социальных институтов, которые система не хочет и не может кормить.

После крушения советской системы мы попали в колею той же общественной модели, только в самом ее примитивном периферийном варианте. Кстати, вся эта «монетизация» социальных институтов, а точнее их демонтаж — это освобождение системы от громоздкого, абсолютно чуждого ей бремени.

Собственно задача: после того как макроэкономическое равновесие будет восстановлено, проще говоря, когда все это накроется медным тазом, выстроить модель общества и цивилизации, ориентированную на **внеэкономические цели** (потому как **иная цивилизация в принципе безбожна и бессмысленна**). Только такую модель, которая обладала бы экономическими механизмами реализации этих целей. Такими механизмами, которые обеспечивали бы ее выживание. То есть гарантию конкурентоспособности. Только и всего.

Славянское БРАТСТВО



Васил ШЕВЦ БРАТЯ-СЛАВЯНЕ. СЛОВАККИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РОССИИ

*Интервью журналу
«Родная Ладога»*

Васил Шевц — глава регионального представительства группы компаний J&T в России и СНГ, генеральный директор компании J&T Group, советник председателя правления J&T FINANCE GROUP, a.s. Родился в 1975 г. в Братиславе (Чехословакия), словак. Окончил МГИМО МИД РФ (ф-т международных отношений, 2001 г.; ф-т политологии, 2003 г.). Магистр мировой политологии. С 2005 — генеральный директор J&T Group, Москва, советник председателя правления J&T FINANCE GROUP, a.s. Братислава. С 2007 — глава регионального представительства группы компаний J&T в России и СНГ. **Живет в Москве.**

«Родная Ладога»: *Пан Шеви, в этом году исполнилось 5 лет с того дня, как компания J&T Group пришла на российский рынок. Что за эти годы сделано, каковы Ваши планы на будущее?*

Васил Шевц: Главным образом это инвестиции в гостиницы «Балчуг-Кемпински» и «Кадашевская», в банки и административные здания в Москве. Объем инвестиций за 5 лет составил около 12 млрд рублей (400 млн USD). Мы предполагаем вести нашу коммерческую деятельность и в других городах России. Нашим приоритетом остаются долгосрочные проекты стратегического значения, но мы не собираемся отказываться и от краткосрочных проектов с быстрым возвратом вложенных средств. Пятизвездный отель «Балчуг-Кемпински» смотрит прямо на Кремль. Собственником этого отеля является наша компания Best Hotel Properties, и мы намерены инвестировать в его реконструкцию 1,2 млрд рублей (40 млн USD).

«Родная Ладога»: *Очень интересной для наших читателей является информация о деловой активности J&T в Татрах.*

Васил Шевц: Действительно, Татрам принадлежат не только наши сердца, но и бизнес. Чем больше мы инвестируем в Татрах, тем больше россиян имеют возможность побывать там. Татры — это гордость Словакии. Загадочные горы с захватывающими дух пейзажами, полные приключений, сулящих изрядную порцию адреналина. Столетиями миллионы людей со всего мира приезжают сюда, чтобы восхититься Татрами. Очароваться красотой острых пиков и глубоких долин. Совершить восхождение на самые высокие горные

вершины. Подышать чистейшим воздухом. Умыться живой водой из горных озер. Напиться целебной влаги из ее хрустальных источников. И, наконец, просто окунуться в атмосферу культурного наследия здешних мест. Откройте для себя этот уникальный источник истинного расслабления. Восстановите свои силы и почувствуйте прилив энергии. Здесь — в Татрах — в уникальном регионе, на относительно небольшой территории сконцентрировано множество природных и культурных достопримечательностей. В окрестностях гор расположены четыре национальных парка — Пиенины, Словацкий рай, Высокие и Низкие Татры. Каждый парк — это феерической красоты природа со своими таинственными горными пиками, живописными долинами, переливающимися красками лесами и бирюзовыми озерами.

Татры — это «дом» для множества уникальных видов растительного и животного мира, некоторые из которых можно найти только здесь. Любопытные путешественники имеют шанс увидеть и сфотографировать на память камзиков (татранских серн), сурков, беркутов. Свою территорию заботливо охраняют белые волки, рыси и бурые медведи. А скалистые вершины украшают такие уникалы, как горечавка, эдельвейс, альпийский колокольчик, дельфиниум и множество других радующих глаз цветов.

Матушка природа одарила Словакию множеством пещер и термальных источников. Самые красивые из более чем 500 словацких пещер и источников находятся в окрестностях Татр. Например, Белянская и Деменовская пещеры. Откройте для себя ошеломляющую красоту подземного мира! Ощутите благотворное воздействие термальных вод, которые поднимаются из глубин Татр и используются в многочисленных спа-салонах и пяти расположенных неподалеку аквапарках.

Татры — это регион с богатым историческим наследием, о чем свидетельствуют многочисленные памятники архитектуры, замки, крепости, храмы. В качестве примера приведем Спишский Град — самый большой памятник такого рода в Центральной Европе. Находящийся в историческом центре средневекового города Левони, Спишский Град включен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь же расположены Любовнянский замок и Храм Святого Якова — крупнейший памятник деревянного зодчества.

Наша компания — «Tatra mountain resorts» (TMR) — крупнейшая туристическая компания в Словакии и самый крупный инвестор в татранском регионе, нацеленная на постоянное развитие туристического бизнеса в этом регионе, расширение спектра предлагаемых услуг и повышение их качества. Компании принадлежит пять ведущих словацких горнолыжных курортов, охватывающих более 60 км благоустроенных лыжных трасс на склонах Татр.

Недавно мы завершили подготовительный этап работ по поглощению Tatrallandia — крупнейшего аквапарка в Словакии. Покупка станет прекрасным примером слияния, поскольку у нас появится возможность предложить туристам не только покататься на лыжных склонах, но и отдохнуть в аквапарке. Мы также получили мандат на участие TMR в программе приватизации польских кресельных подъемников, что очень важно для нас с точки зрения соединения словацкой и польской «половинок» Татр. И, наконец, мы твердо уверены, что у TMR получится купить еще пару курортов не только в Чехии, но и где-нибудь в Альпах.

«Родная Ладога»: *Что Вы имеете в виду?*

Васил Шевц: Это элемент наших мечтаний, но не такой уж нереальный. Альпы очень важны для нас с точки зрения наших продаж на российском рынке. Таким образом, подытоживая, можно сказать, что компания J&T Group видит в России для себя большие перспективы в энергетическом секторе (и производство, и сети), гостиничном бизнесе, банковском секторе, девелопменте и, конечно, в здравоохранении.

«Родная Ладога»: *Пан Шевц, что бы Вы хотели пожелать читателям «Родной Ладоги»?*

Васил Шевц: Прежде всего, крепкого здоровья, семейного счастья и добра. Помните, что наши народы связаны тесными историческими, языковыми и другими узами на протяжении многих сотен лет. Приезжайте в Словакию и Чехию на наши курорты и горнолыжные трассы, останавливайтесь в наших отелях, приходите в наши банки. J&T всегда ждет Вас!





Елена ШАЛЯПИНА

КАЗАНСКИЙ КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР

*К 200-летию
со дня открытия*

Елена Леонидовна Шалапина — родилась в Ленинграде в 1955 году. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке. В настоящее время работает свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). Живет в Санкт-Петербурге.

В этом году исполняется 200 лет Казанскому собору Санкт-Петербурга. Музей истории религии и атеизма, располагавшийся в соборе с 1932 по 2000 год, покинул его стены. 4 ноября 1990 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери, после многолетнего перерыва в здании храма была отслужена Божественная литургия. 29 марта 1998 года Владыка Владимир освятил по полному чину весь собор. С 31 декабря 1999 года, в соответствии с указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 22 декабря 1999 года, Казанский собор стал кафедральным. В 2002 году храм был полностью передан нашей епархии.

Сегодня приход возродился. Теперь это действительно главный собор города. Люди приходят в это намоленное место, в воскресенье у нас 100–150 человек причастников, это постоянные прихожане. В пост у нас бывает около 700 причастников ежедневно.

Приходит множество паломников из разных стран, чтобы поклониться Казанской иконе Божией Матери. Каждую среду здесь служитя акафист чудотворному образу¹.

Образ Казанской Божией Матери, хранившийся в Князь-Владимирском соборе, вернулся на свое старое место в июле 2001 года. Икона является списком с первообраза, обретенного в Казани в 1579 году. Первоначально обретенная икона исчезла при ограблении церкви в Казани в 1904 году. Икона Казанской Божией Матери является одной из самых почитаемых на Руси икон. Она была с войсками Минина и Пожарского в 1612 году. Она была при Кутузове

¹ Из интервью настоятеля Казанского собора протоиерея Павла Красноцветова portalu Pravoslaviye.ru (В тексте далее — курсивом.)

во время Бородинского сражения в 1812 году. При Петре I список с иконы, сделанный во времена Иоанна Грозного, был перевезен в Петербург из Москвы. По имеющимся сведениям, перевезла икону Царица Прасковья Федоровна в 1710 году. Уже тогда икона считалась чудотворной. С 1737 года она хранилась в придворной церкви во имя Рождества Богородицы на Невской перспективе. Позднее на этом месте был построен современный Казанский собор.

В 1922 году храм был razорен и захвачен обновленцами, все ценное выломали и вынесли большевики. Семьдесят лет в соборе находился музей истории религии и атеизма. Атеистическую экспозицию разместили в сердце северной столицы, да еще в таком прекрасном архитектурном сооружении, как Казанский собор. Например, там находились статуи Аполлона Бельведерского и Венеры Милосской из папье-маше и экспонаты, которые рассказывали как в Средние века казнили еретиков в Европе... Честно говоря, такая откровенная советская пропаганда у большинства туристов, а ведь сюда очень много народу каждый день приходило, вызывала отторжение или ироническую улыбку. Все-таки здесь всегда был храм, и даже незнакомые с Православием люди, приходя сюда, невольно чувствовали, куда они попали.

В ноябре 1800 года Император Павел I повелел воздвигнуть вместо обветшавшей церкви Рождества Богородицы соборный храм во имя Казанской иконы Божией Матери. Главным требованием Императора было подобие будущего собора храму Святого Петра в Риме. В конкурсе на лучший проект принимали участие зодчие Ч. Камерон, Ж. Тома де Томон и П. Гонзаго.

Однако неожиданно Павел I утвердил проект Казанского собора, составленный малоизвестным еще русским зодчим Андреем Никифоровичем Воронихиным, бывшим крепостным президента Академии художеств графа А. С. Строганова. Его проект действительно очень напоминал собор Святого Петра в Риме, но Воронихин находит оригинальное решение. Предполагалось возведение двух колоннад — с северной и южной сторон храма. Однокупольный собор в плане имеет вид вытянутого креста, купол расположен не в центре храма, а значительно смещен в сторону алтарной части. Эта асимметрия скрыта колоннадами. Само здание собора скрывается за ними. Виден только купол, находящийся между двумя крыльями колоннады, создающей зрительную иллюзию его центрального положения в самом здании. Предполагалось также создание вокруг храма трех площадей — с северной, южной и западной сторон. Замысел Воронихина, однако, не был реализован в полной мере из-за недостатка средств.

Павел I не успел осуществить закладку здания. Закладка собора была произведена 27 августа (ст. ст.) 1801 года Александром I. Строился собор в течение 10-ти лет. Здание Казанского собора представляет собой великолепный синтез архитектуры и скульптуры. На наружной стороне стен собора размещено 14 больших и малых барельефных панно на ветхозаветные и новозаветные сюжеты. Все панно высечены из пудостского камня. Алтарный аттик с восточной наружной стороны собора украшен колоссальным барельефом скульптора Ж.-Д. Рашетта «Вход Господень во Иерусалим». Со стороны северного фасада собор украшен четырьмя бронзовыми статуями (из предполагавшихся восьми). Это фигуры святого равноапостольного



Казанский собор. Старинная открытка

князя Владимира, святого благоверного князя Александра Невского, святого апостола Андрея Первозванного и святого Иоанна Предтечи. Центральным звеном убранства северного фасада являются бронзовые двери, отлитые по образцу знаменитых дверей флорентийского Баптистерия XIII века. Основным строительным материалом внешней отделки здания был пудостский камень. Во внутренней отделке собора Воронихин использовал финский гранит, порфир, яшму, мрамор, доломит и другие породы камня, добывавшиеся на территории России. Казанский собор по праву можно назвать музеем российского природного камня. Это является заслугой как Воронихина, так и Строганова, который хотел использовать при строительстве собора только отечественные минералы.

Когда в 1922 году собор закрыли, серебряный иконостас старинной работы был переплавлен. После войны 1812 года сорок пудов серебра для этого иконостаса были пожертвованы М. И. Кутузовым. При отступлении Наполеона донским казакам удалось отбить серебряную утварь, награбленную завоевателями. Немало сил потребовалось, чтобы изготовить новый иконостас. Его удалось воссоздать максимально близко к оригиналу по сохранившимся чертежам. В 2001 году чудотворный образ Казанской Божией Матери занял свое историческое место в воссозданном иконостасе.

Иконостас из «донского серебра», по рисунку архитектора К. А. Тона, был закончен только в 1836 году. К «донскому серебру» было добавлено еще примерно столько же серебра, а также серебро Царских Врат от первоначального воронихинского иконостаса, сооруженного в 1811 году. Таким

образом, общее количество серебра, которое пошло на изготовление иконостаса, составило около 100 пудов. Ныне восстановленный иконостас покрыт сусальным серебром. Еще в марте 1803 года Воронихин подготовил список всех произведений живописи и скульптуры для собора с указанием мест расположения и размеров. Работа над художественными произведениями, под строгим контролем Академии художеств, продолжалась до 1811 года. В ней приняли участие около сорока скульпторов и живописцев, в их числе лучшие художники России: скульпторы И. П. Мартос, Ф. Г. Гордеев, И. П. Прокофьев, Ф. Ф. Щедрин, С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский; живописцы В. Л. Боровиковский, Г. И. Угрюмов, А. И. Иванов, В. К. Шебуев и др.

В 20-е годы все иконы собора были изъяты и переданы в музей, где они находятся по сей день. Русский музей в 1997 году отказался передать иконы храму, но нам разрешено было сделать их копии. Помогла петербургская Академия художеств. Кафедру академической живописи возглавлял тогда профессор Крылов. Студенты как раз должны были написать и защитить работы в стиле XVIII века. Мы оплатили им краски и материалы, ведь в 90-е годы у художников не было почти никаких средств, и они занялись копированием икон Казанского собора в Русском музее. Потом эти образы были переданы в храм. Сейчас у нас уже есть свои штатные художники, позолотчики, граверы, есть и профессиональные мастерские, но все возрождалось постепенно. Правый придел, в честь Рождества Богородицы, сохранился в том виде, в каком он был представлен в музее. Здесь находится старинная икона: в 1747–1748 годах живописец Луи Каравак создал образ Рождества Богородицы для Казанского собора. Левый придел, в честь Антония и Феодосия Печерских, был разрушен. Сейчас мы его восстанавливаем. Богослужения возобновились в 1991 году в левом приделе. 30 апреля 1994 года на куполе собора был установлен крест.

Казанский собор был одним из любимейших храмов российских Императоров. Драматические события, связанные с Царской Семьей, отмечались в Казанском соборе особыми молебнами. Так, 2 апреля 1866 года Император Александр II прибыл в Казанский собор из Летнего сада, где на него было совершено покушение террористом Каракозовым. Был отслужен благодарственный молебен в присутствии Императорской Семьи. Был отслужен благодарственный молебен и после железнодорожной катастрофы близ станции Борки 17 октября 1888 года, в результате которой едва не погибла вся Семья Императора Александра III. В память об этом событии в Казанском соборе, на личные средства Александра III, была сооружена Голгофа с предстоящими Богородицей и Иоанном Богословом, подобная иерусалимской. Горячо молились в Казанском соборе сразу же после бракосочетания Император Николай II и Императрица Александра Федоровна. Молились они в Казанском соборе и после коронации, и получили в дар от митрополита Палладия икону Спасителя и копию чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

В ризнице Казанского собора хранилось множество даров, принесенных храму российскими Императорами и членами их семейств. В частности хранились серебряные вызолоченные венцы, в которых венчались Великий Князь Павел Петрович и Великая Княгиня Наталия Алексеевна. В алта-



Казанский собор. Вид на иконостас. Старинный рисунок

ре собора хранилось вызолоченное Евангелие (весом 2 пуда с лишком), подаренное еще церкви Рождества Богородицы Императрицей Елизаветой Петровной. Хранились многочисленные дары Императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I. В день освящения собора 15 сентября 1811 года Императрица принесла в дар золотой потир, украшенный драгоценными камнями и слоновой костью, а также другие предметы, необходимые при совершении таинства Евхаристии. Среди даров Александра I, основателя храма, следует отметить ризу из чистого золота для Казанской иконы Божией Матери. Известие о смерти Александра I пришло из Таганрога, когда в соборе служили молебен о его здравии.

До 1858 года, когда кафедральным собором стал Исаакиевский, ежегодный Крестный ход в день памяти перенесения мощей святого Александра Невского начинался от Казанского собора. При соборе имела воскресная школа для взрослых, издавалась собственная газета.

В настоящее время работает воскресная школа для взрослых, которую с удовольствием посещают многие наши прихожане, всего около 50–60 человек в классе. Конечно, есть и воскресная школа для детей. При ней создан замечательный детский хор. Каждый месяц в честь священномученика Ермогена мы проводим особую «детскую» литургию в нижнем храме: поет наш детский хор, и на богослужение тоже приходят дети.

Казанский собор наряду с Александро-Невской Лаврой всегда был в центре религиозно-общественной жизни Санкт-Петербурга. Особенно ши-

роко развернулась деятельность соборного прихода в годы Первой мировой войны. 10 декабря 1913 года настоятелем Казанского собора был назначен протоиерей Философ Орнатский, будущий новомученик. С началом войны в соборе был организован кружечный сбор средств для помощи фронту, сбор продовольствия, теплых вещей и других необходимых предметов. Одним из первых в России при Казанском соборе был открыт лазарет для раненых. В сентябре 1914 года лазарет Казанского собора приняла под свое высокое покровительство Императрица Александра Федоровна. С амвона собора звучали вдохновенные проповеди отца Философа Орнатского, поднимавшие дух народа. По благословению митрополита Питирима с 1 января 1916 года в соборе начались ежедневные молебствия перед Казанской иконой Божией Матери о даровании победы русскому воинству.



Протоиерей Павел Красноцветов

В 1918 году, в обстановке начинающихся гонений на Церковь, отец Философ решает соорудить в подклети Казанского собора пещерный храм во имя священномученика Патриарха Ермогена, автора тропаря «Заступнице Усердная». В этом храме предполагалось поместить Казанский образ Божией Матери. По благословению митрополита Петроградского и Ладужского Вениамина (Казанского) было положено начало сооружению нижнего храма. Отец Философ не дождался осуществления своего замысла. В августе 1918 года он был расстрелян вместе со своими сыновьями Николаем и Борисом Орнатскими. Но нижний храм во имя священномученика Ермогена был все же создан. В тяжелые зимы 1918—1919 годов именно в нем совершались богослужения, так как в промерзшем Казанском соборе служить было невозможно. Настоятелем собора в это время был назначен протоиерей Николай Чуков, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, чудом избежавший расстрела в 1922 году.

Казанский собор на протяжении 200 лет был, в том числе, собором воинской славы. М. И. Кутузов молился здесь перед тем, как отправиться в действующую армию в Смоленск. Позже собор стал местом хранения многочисленных трофеев Отечественной войны 1812 года — знамен, штандартов, ключей от крепостей и городов, взятых русскими войсками. Здесь же был похоронен великий полководец М. И. Кутузов. ...В 1945 году наши ополченцы принимали перед собором присягу у па-

мятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли. Традиция молиться здесь перед боем продолжается и сегодня: воины перед отправкой в «горячие точки» берут благословение в нашем соборе, участвуют в молебнах и литургии.

Следует отметить, что во время блокады памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли оставались на своих местах. Их не стали зарывать в землю, как прочую городскую скульптуру. В подвале собора размещалось одно из подразделений штаба Ленинградского фронта. В 1942 году в одном из залов музея была открыта выставка «Отечественная война 1812 года». После окончания войны начались ремонтные и реставрационные работы. С начала 50-х годов возобновилась работа музея.

Летом 1989 года в здании собора состоялся акт передачи Православной Церкви мощей святого благоверного князя Александра Невского. Крестным ходом по Невскому проспекту мощи были перенесены в Александро-Невскую Лавру. Несколько позже Церкви были возвращены мощи святых Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, также долгие годы находившиеся в фондах музея.

В 1990 году в Казанском соборе были обнаружены мощи преподобного Серафима Саровского. В 1991 году здесь были обретены мощи святителя Иоасафа Белгородского, которые перенесли в Белгород.

11 января 1991 года в Казанском соборе состоялся акт передачи мощей преподобного Серафима Саровского Святейшему Патриарху Алексию II. Ковчег с мощами был перенесен в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, где находился до 6 февраля. Затем мощи преподобного Серафима были перенесены в Серафимо-Дивеевский монастырь. В настоящее время музей истории религии полностью покинул стены Казанского собора, регулярно совершаются богослужения. Собор открыт и для паломников и для туристов, функционирует экскурсионный отдел.

Но главное, что сегодня Казанский собор — это уже не музейный храм, это дом Божий, это живой приход. Конечно, это не наша заслуга. Богородица собрала нас под Своим Покровом. Наш город и вся наша земля русская — под Ее небесным покровительством.

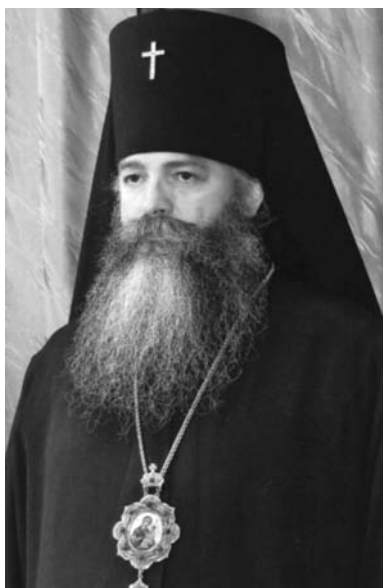
Литература:

Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. СПб., 1994.

Шурыгин Я. И. Казанский собор. Лениздат, 1987.

Православные святые Санкт-Петербурга. СПб., 2007.

Пути ПОЗНАНИЯ



**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

**РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
ИСТОРИЯ
И ОПРЕДЕЛЕНИЕ
ТЕРМИНА,
СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ¹**

¹ Данная статья представляет собой адаптированный фрагмент кандидатской диссертации игумена Константина (Горянова) на тему: «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». Загорск, Троице-Сергиева Лавра, Московская Духовная академия, 1990.

Предлагаемая статья открывает цикл публикаций научно-богословских работ архиепископа Константина (Горянова) на темы религиозно-философской антропологии, развитие которой в России связано с именами выдающихся русских философов В. Несмелова и Вл. Соловьева.

Христианская антропология составляет третье звено в христианской онтологии после теологии (собственно учение о Боге) и космологии (учение о мире). Учение о Боге получило законченные формы в творениях Святых Отцов Церкви и оросах Вселенских Соборов. Космология, а также антропология такой законченной формы не имеют и существуют только во фрагментах Священного Писания и в аскетической литерату-

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

ре. Главной задачей святоотеческого богословия была разработка основных догматов, — темы же антропологии Святые Отцы касались все же лишь попутно. Владимир Лосский (1903—1958), выдающийся русский богослов, профессор Православного Свято-Сергиевского богословского института в Париже, признает, что нам сейчас трудно адекватно найти у Отцов первых веков учение о человеческой личности по субъективным и объективным причинам: «Во избежание подобной бессознательной сбивчивости, а также злоупотребления сознательными анахронизмами, вкладывая что-то от Бергсона в св. Григория Нисского или что-то от Гегеля в св. Максима Исповедника, мы пока что воздержимся от всякой попытки найти в святоотеческих текстах развернутое учение (или учения) о личности человека... Я же лично должен признаться в том, что до сих пор не встречал в святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человеческой, тогда как учение о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно четко»¹.

Церковь в эпоху расцвета богословского творчества не создала законченного учения о человеке, как не создала она и законченной системы космологии, и это обстоятельство иногда способствовало церковным нестроениям. «У каппадокийцев можно найти только отдельные мысли о человеке, содержащиеся в разных произведениях»². Помощь этих замечательных богословов для антропологии заключалась в уточнении терминологии.

В силу исторических судеб христианства, которому постоянно приходилось бороться с ересями, богословие нередко было вынуждено обращаться к антропологии для разъяснения тех или иных назревших в нем догматических вопросов. Так, например, появление ересей о Лице Иисуса Христа заставило христианскую догматику опереться на принципы античной антропологии. Для того чтобы определить — какова была человеческая природа Лица Христа, следовало прежде изучить природу самого человека. И богословская мысль работает здесь в обоих направлениях. Если изучение библейского учения о человеке дает нам понимание человеческой природы Иисуса, то изучение человеческой природы Иисуса дает нам более полное понимание того, чем на самом деле предназначено было быть человеку³.

Следует также отметить, что именно в христианскую антропологию идеи классической философии всегда проникали наиболее свободно. Это имело и отрицательные последствия. Церковная мысль подвергалась в данной области влиянию многочисленных философских направлений, и в недрах церковного сознания возникли очень серьезные и глубокие разногласия, которые касались именно тем о человеке.

Конец XIX — начало XX в. в истории русской философии занимает особое место. Это период важных перемен в социально-историческом и культурном развитии страны. На это время приходится расцвет религиозно-философской мысли, отмеченной именами и творчеством таких видных русских философов, как В. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой,

¹ Лосский В. Н. По образу и подобию. Изд. Св.-Владимирского братства, М., 1995. С. 106.

² Медведев Н. Д. Антропологический этюд // Богословские труды, 1976. Сб. 16. С. 189.

³ См. напр. *Епископ Гурий*. Богозданный человек. Опыт православной теодицеи. Богословские труды. Сб. 12.

Л. Лопатин, А. Козлов, Н. Грот, А. Введенский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Лосский, В. Несмелов, С. Франк и других, выступавших за соединение философии и религии в «новом синтезе». Созданная ими религиозная философия сравнивается по своему величию, значению и самобытности с таким мировым феноменом, как русская литература XIX в. Для этих философов характерны разнообразные попытки постановки и решения проблемы человека. По существу никто из вышеперечисленных философов не остался в стороне от антропологической проблематики.

Однако в русской религиозной литературе нет специальных исследований, посвященных религиозной антропологии этого периода. Известно, что протопресвитер Василий Зеньковский в последние годы своей жизни работал над философской трилогией «Основы христианской философии». Успели выйти два тома: «Христианское учение о познании» и «Христианское учение о мире». Завершению третьего тома, посвященного вопросам христианской антропологии, помешала смерть о. Василия¹.

В советской литературе на вопросах религиозной антропологии специализировался сотрудник кафедры научного атеизма МГУ К. И. Никонов. В изданной им книге под православную антропологию отведены страницы 84–88, из них на творчество В. И. Несмелова приходится только полстраницы². В отечественной богословской науке антропология Несмелова, если не считать одной дореволюционной работы Н. Бердяева, остается практически неизученной, и в библиотеках Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий, а также в фондах Казанской Духовной академии ЦГИА ТАССР нет ни одной диссертационной работы, посвященной «Науке о человеке» Несмелова. О его жизни имеются крайне скудные сведения, и даже год смерти в пятитомной Философской энциклопедии указан ошибочно — 1920 г. вместо 1937 г.

Виктору Ивановичу Несмелову, заслуженному профессору Казанской Духовной академии, принадлежит первая и пока единственная попытка создать систему православной антропологии. С целью восполнить, по мере возможности, этот пробел мы и предприняли настоящее исследование. Работа, на наш взгляд, приобретает актуальность особенно сейчас, в период возвращения русской культуре незаслуженно забытых имен.

Что касается Владимира Сергеевича Соловьева, то это самый значительный русский философ, впервые создавший свою оригинальную систему. Его главная идея — Богочеловечество. Влияние Соловьева в той или иной степени испытала вся последующая русская идеалистическая философия.

Интересно было сравнить два диаметрально противоположных методических подхода к проблеме человека: соловьевскую дедукцию и несмеловскую индукцию. Соловьев, исходя из идеи всеединства, начинал свою систему от всенаполняющего Божества, через первичный хаос (апейрон), все возрастающие уровни организации души мира (царства минералов, растений, животных), которая наконец на уровне человека соединилась с Логосом.

¹ Григорьев Д., свящ. О. Василий Зеньковский // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей под ред. Н. П. Полторацкого. — Питтсбург, 1975. С. 238.

² Никонов К. И. Современная христианская антропология (опыт философского критического анализа). М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 187.

Несмелов же, используя тезис Фейербаха, что последняя тайна теологии есть антропология, начал построение своей системы с гносеологических анализов, потом выявил коренное противоречие в природе человека (в личности отображается образ безусловного бытия, и вместе с тем личность поставлена в условия ограниченного бытия), затем решил эту «загадку о человеке» (человек есть вещь физического мира, несущая в себе образ Бога), доказал необходимость искупления, которое освобождает человека от власти материального мира и, таким образом, человечество получает возможность попасть в царство свободы, которое есть Царство Божие, к Богу.

В. С. Соловьев и В. И. Несмелов в своих антропологических построениях широко использовали наследие классической античной антропологии. В настоящее время в христианской антропологии также используется сократо-платоновский научно-философский язык, «единственный в мире по богатству, красоте и выразительности, доведенный Аристотелем до предельной точности и совершенства»¹.

Антропология, в широком смысле слова, — это учение о природе (сущности) человека. В разные времена, однако, определения то расширялись, то суживались, и термину «антропология» придавалось и придается разное значение в зависимости от того, смотрят ли на антропологию как науку о человеке только с анатомо-физиологической точки зрения, или в нее включают в большей или меньшей степени и духовную деятельность человека. В СССР антропология (официально) определялась как «наука о происхождении и эволюции человека, образовании человеческих рас и о нормальных вариациях физического строения человека... Антропология, в принятом в советской науке понимании, содержит следующие основные разделы: морфологию человека, учение об антропогенезе и расоведение»². За рубежом, особенно в Великобритании и США, в антропологию включают также археологию и этнографию³.

Поскольку же человеческая природа представляет для изучения две области: телесную и духовную, то труды антропологов имеют анатомо-физиологическую или психическую направленность. Поэтому термин «антропология» сам по себе не определяет с надлежащей точностью содержание сочинения, им озаглавленного. Прогрессирующая дифференциация знаний уводила науки о человеке друг от друга, накапливая взаимонепонимание. В наибольшей степени пропасть пролегла между учением о телесности и духовности. Здесь закрепился дуализм.

В греческом философском словаре дается следующее определение: «Антропология есть наука практическая, касающаяся всего того, что говорится о телесной природе человека»⁴. Хотя сам Аристотель, которому принадлежит первое систематическое изложение познаний о человеке, отдает явное предпочтение психологии перед биологией, утверждая, что «занимающемуся теоретическим рассмотрением природы следует говорить о душе больше,

¹ Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Сын человеческий. Мадрид, 1965. Т. 1. С. 12.

² Антропология // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 2. С. 107.

³ Munro E. Anthropology. Encyclopaedia of Religion and Ethics. Ed. by Hastings J. Edinburg, N.Y., in 12v, 1908–1921. V. 1. P. 561.

⁴ Ἀνθρωπολογία // Λεξικὸν τῆς φιλοσοφίας. Ἀθῆναι, 1929.

чем о материи, поскольку материя скорее является природой через душу, чем наоборот»¹.

Кстати, в научной литературе изобретение термина «антропология» (от греч. *ἄνθρωπος* — человек и *λόγος* — учение) как науки о человеке чаще всего неверно приписывается Аристотелю. Так, в «Философской энциклопедии» написано: «Значит, развития А. достигла в Древней Греции и Риме. Термин А. принадлежит Аристотелю»². Авторы университетского учебника уточняют, что Аристотель «употребил это слово преимущественно при изучении духовной природы человека»³.

Однако термина «*ἄνθρωπολογία*» древние греки вообще не употребляли, и он отсутствует в самом полном в мире греческом словаре Н. G. Liddel and R. Scott «A Greek-English Lexicon». Oxford, 1977. Но в этом же лексиконе на с. 141 есть похожее слово «*ανθρωπολόγος*», которое действительно первый и единожды употребил Аристотель в своей Никомаховой этике (ΝΘΙΚΩΝ ΝΙΚΟΜΑΧΕΙΩΝ, 1125a5). В этом тексте на древнегреческом языке «*ἄνθρωπολόγος*» выступает не как существительное женского рода, а как прилагательное двух окончаний и на русский язык переводится деепричастием «говорящий о человеке»⁴. Более полное и правильное представление о значении слова «*ἄνθρωπολόγος*» выясняется из контекста Никомаховой этики, где Аристотель перечисляет качества характера и правила поведения «величавого человека». В переводе Н. В. Брагинской это выглядит так: «Он (то есть «величавый человек». — автор *из. Константин*) не *обсуждает людей* “*ἄνθρωπολόγος*”, ибо не станет говорить ни о себе, ни о другом, право же, ему нет дел ни до похвал себе, ни до осуждения других, и в свою очередь он скуп на похвалы»⁵.

Возможно, что определение, приведенное Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным, заимствовано из статьи антрополога Л. Крживицкого, где написано, что «Термин А. появляется уже в глубокой древности. Аристотель называет антропологами тех, которые изучали человека с нравственной стороны»⁶.

Следует отметить, что сама антропологическая устремленность (в смысле современной антропологии) продолжительное время не находила для себя адекватной формулировки, и, главным образом, внутри западной философии вплоть до начала Нового времени проявляла себя в постановке вопросов метафизической психологии. Главными темами, которые разрабатывали христианские мыслители, были:

- своеобразие человеческой души, в отличие от растительной и животной;
- состав души (она единственна и однородна или в ней есть высшее и низшее начало);
- дискутировались вопросы материальности души, ее телесности и духовности;

¹ Аристотель. О частях животных, 641 а. М., 1937. С. 39.

² Антропология // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. С. 78.

³ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высш. шк., 1963. С. 4

⁴ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского М., 1958. Т. 1. С. 151.

⁵ Аристотель. Никомахова этика, П25a5 // Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4. С. 134.

⁶ Крживицкий Л. Антропология // Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. М., 6-г. Т. 3. С. 230.

— обсуждались вопросы происхождения души, ее самостоятельности и бессмертия;

— особенно много писали об «отношении» души к телу и главному органе души.

Идея восприятия человеком себя как цельной личности была выдвинута Тертуллианом, но непосредственным образом эту проблему стал разрабатывать блаженный Августин.

Сам термин «антропология» появляется лишь в XVI в. в Германии: Magnus Hundt. «*Anthropologium de hominis dignitate, natura et proprietatibus, de elementis, partibus et membris humani corporis*». Leipzig, 1501. Это сочинение чисто анатомическое: «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах тела человека». В конце того же столетия вышел трактат Otto Casmann: «*Psychologia Anthropologica, sive Animae humanae doctrina. Anthropologiae p. II, de fabrica humani corporis methodice descripta*». Nanau, 1594, F 1604 (Антропологическая психология, или учение о человеческой душе, Антропология, ч. II, о строении человеческого тела в методическом описании).

Таким образом, в западноевропейской литературе довольно рано укоренилось двойное понимание термина «антропология», а именно, как науки о человеческом теле, с одной стороны, и о человеческой душе, с другой. «В последующий период так именуются исследования по эмпирической психологии, связанные в основном с морально-философскими вопросами»¹. Термин «психология» принадлежит также Касманну.

Религиозно-философская мысль и раньше уделяла много внимания проблеме человека. Но в настоящее время вопрос о человеке, его сущности, природе, смысле жизни и взаимосвязи с Богом стал тем теоретическим стержнем, вокруг которого вращается вся религиозная проблематика. Конвергенция богословия и философской антропологии разворачивается не однолинейно, а в многообразных взаимодействиях и формах. В начале XX в. возникла религиозно-философская антропология (значительно реже встречается выражение «религиозно-антропологическая философия»). Она имеет апологетическую направленность. Дело в том, что именно религиозные представления о человеке подвергались с середины XIX в. наибольшему нападкам. «Апологетика же должна не только обосновывать истину, но и опровергать стоящую на очереди дня ложь»².

Все варианты религиозно-философской антропологии имеют жизнесмысловое ядро религиозной веры. Однако удельный вес религиозных и философских компонентов, а также способы их структурного объединения различны. В связи с этим термины «религиозная антропология», «религиозно-философская антропология» и «богословская антропология» употребляются неоднозначно, хотя еще и встречаются в богословской и критической литературе дискуссии о границах термина. Два последних термина близки по содержанию и функциям, а иногда их даже отождествляют. Различия между богословской и религиозно-философской антропологиями носят, в основном, методологический характер.

¹ Halder A. Anthropologie, Philosophische // Lexikon für Theologie und Kirche, Freiburg, 1957, Bd. I. S. 615.

² Глаголев С. С. Апологетика // Православная богословская энциклопедия: в 10-ти т. П. г., 1900. Т. 1. С. 942.

Однако следует оговориться, что высказывания о человеке имплицитно содержатся в Ветхом и Новом Завете, догматическом богословии, писаниях Святых Отцов Церкви и различных других религиозных учениях, не посвященных специально проблеме человека. Но это не богословская антропология, как она сейчас понимается. Ибо, во-первых, отсутствует обдуманная систематика данных на основе единого рефлексивно данного подхода, и, во-вторых, категории, связанные с такими непосредственными высказываниями о человеке, — это, в значительной мере, категории предметного мира. Поэтому остается опасность не распознать богословское своеобразие человека и рассматривать его лишь как часть мира, имеющую чисто предметную объективность.

Эксплицитная религиозная антропология по форме может быть выражена в виде широкого религиозно-философского учения о человеке и богословской антропологии. Последняя исходит из догматического богословия: «Это раздел догматики, в котором развивается христианское учение о человеке, то есть учение о сотворении человека и составе человеческой природы, о началах и особенностях человеческой души, о первоначальном состоянии первозданных людей, самовластии человека, о падении, о праотеческом грехе и его последствиях, о грехе вообще, о спасении и обожении человека во Христе. Главным источником догматической антропологии является Священное Писание»¹. Такая антропология непосредственно связана с церковным учением, конфессиональна, несет на себе отпечаток так называемого «академического богословия» или по другой, западной, формулировке «богословия учебников».

Только в XIX в. словосочетание богословская или сверхприродная антропология начинает обозначать систематическое собрание богословских утверждений о человеке. Однако, по утверждению авторов современного труда по католической «Богословской антропологии» А. Скола, Д. Маренго, Х. П. Лопес: «...создание трактатов по богословской антропологии вовсе не было связано с интересом к антропологии: он придет лишь в последние десятилетия двадцатого века»².

Однако «богословие учебников» (у нас — школьное богословие) имело существенный недостаток, а именно, антропологическая мысль, став фрагментарной и раздробленной, оказалась беззащитной перед лицом распространенного предрассудка считать веру чуждой разуму, который, якобы способен самостоятельно выразить всю полноту истины о человеке³.

«Различие богословской и философской антропологии заключается в том, — пишет протестантский теолог Р. Прентер, — что первая рассматривает человека в свете Божественного Откровения во Христе Иисусе, в то время как философская антропология основывается на эмпирическом самопознании человека. Богословская антропология не может ни критически воспринимать философскую антропологию, ни отбрасывать ее как заблуждение. Даже когда человек рассматривается в свете Откровения, эмпиричес-

¹ Δημητριοπούλοσ Παν. Χ. Ἀνθρωπολογία Δογματική // Θεολογική καὶ ἠθική γρηγοροποιεῖα. Ἀθῆναι, 1963. Τ. 2. Σ. 815.

² Скола А., Маренго Д., Лопес Х. П. Богословская антропология: пер. с итал. «Христианская Россия». М., 2005. С. 17.

³ Там же. С. 21.

кое самопознание доставляет свою ограниченную пользу»¹. Это является общепринятым мнением не только протестантских, но и православных, а также католических богословов. Соответствующие настроения и в критической литературе. Так, Ю. Кимелев подчеркивает, что философско-религиозная концепция имеет целью и должна представить философские указания на существование Бога. «Если антропологическая теория принимает существование Бога за не требующую подтверждения данность и в своих построениях исходит из нее, то такую теорию следует считать определенным вариантом теологической, но не философско-религиозной антропологии»².

Оформление богословской антропологии в самостоятельную дисциплину еще находится в процессе становления, и ее функции, границы и специфика дискутируются. Что касается специфики, то положение антропологии необычное. Здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда исследователь богословского вопроса является одновременно и его объектом. Следовательно, богослов здесь становится объектом исследования, но уже не как богослов, а как человек. Антропология определяет, как мы понимаем самих себя и, следовательно, как мы выстраиваем богословскую систему. И наоборот, что такое богословие, как результат деятельности человека.

Учение о человеке имеет особенно большое значение в наши дни вследствие того огромного внимания, которое уделяется человеку различными научными дисциплинами: «антропологический взрыв» на рубеже XX–XXI вв. Как верно подметил академик РАО А. А. Корольков: «если ранее ожесточенно спорили о допустимости самого слова “антропология”, приобретшего отрицательную репутацию в связи с политическими спекуляциями вождей Третьего рейха, если недавно философскую антропологию оценивали как очень узкое направление в философии, определившееся работой М. Шеллера “Положение человека в Космосе” (1928), то к 2005 г. в России уже появилось множество трудов с подобными названиями: “Философская антропология”, “Культурная антропология”, “Социальная антропология”, “Педагогическая антропология”, “Психологическая антропология”, “Интегративная антропология”. Означает ли появление этих книг некий прорыв к новому знанию о человеке — это особый вопрос, пока можно с уверенностью засвидетельствовать факт распространяющегося интереса к антропологии у авторов сочинений, и у читателей, тревогу вызывает как раз избыточность антропологической литературы»³.

Развитие богословской антропологии требует рассмотрения не только ее содержания, но, прежде всего, ее методологии. В этом состоит общая насущная потребность всего богословского знания, а для богословской антропологии эта задача представляется наиболее актуальной.

Тем не менее антропологическое обоснование религии, выражающее в виде феноменов религиозного опыта глубинные и жизненно важные запросы человечества, открывает для апологии христианства немало новых возможностей. Наши оппоненты также признают, что «из всех теологических

¹ Prenter R. Antropologie. N. Dogmatisch // Die Religion in Gersheichte und Gerentwart. Tubingen, 1957. Bd. I. P. 420.

² Кимелев Ю. А. Современная буржуазная философско-религиозная антропология. М.: Наука, 1985. С. 15.

³ Философская и педагогическая антропология: Сб. научных трудов / под ред. А. А. Королькова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 5–6.

концепций и дисциплин богословская антропология в наибольшей мере обладает возможностями соединять различные формы общественного сознания, координировать религиозную философию, психологию, социологию и педагогику»¹.

Можно сказать, что именно этот вариант апологетики имеет наиболее долгосрочную перспективу. Для такой уверенности есть следующие основания. Изучение человека делает более полным наше понимание Откровения Пресвятой Троицы в мире, ибо изучая творение, мы изучаем и Творца. При чем изучение человека может дать нам больше знаний о Боге, чем любое другое Его создание, потому что лишь человек был сотворен Богом по Его образу и подобию (Быт. 1:26–27).

Евангелие открывает нам, что Второе Лицо Святой Троицы вочеловечилось: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1:14). Именно эту плоть Нового Адама апостолы слышали и видели своими очами, рассматривали и осязали, «чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1:1–3). Этот факт означает, что для понимания природы Христа необходимо понять человеческую природу. Вся судьба человека-христианина вписана в судьбу ветхого Адама и Христа Нового Человека. Следовательно, нам надо четко различать сущностного человека, то есть такого, которого создал Бог, от экзистенциального, которого мы видим в реальном существовании. И богословская антропология работает здесь тоже в обоих направлениях. Если библейское учение о человеке дает нам понимание человеческой природы Иисуса, то изучение человеческой природы Иисуса дает нам более полное понимание того, чем на самом деле предназначено быть человеку.

¹ Никонов К. И. Критика антропологического обоснования религии. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 186.





Валерий ГАНИЧЕВ

ЛОМОНОСОВ ИДЕТ!

*Из архангельских
заметок*

*К 300-летию со дня
рождения Михаила
Васильевича Ломоносова
(1711–1765)*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Есть в России немало заповедных земель и мест, сохранивших русскость, ее потаенный смысл, тайну и слово. Архангельский Север — это русское Лукоморье. Невиданной созидательной упругости пружина толкала отсюда «встречь солнцу» умелых, опытных, закаленных, храбрых христиан-поморов по дуге Севера к Ямалу, Таймыру, Якутии, Чукотке, Аляске, Сан-Франциско. Они шли, неся с собой соединяющую и возвышающую русскую речь, умение налаживать отношения с коренными жителями, умение строить, земледельствовать и управлять крепким морским судном. Их путь отмечен крестами и часовнями. Вера Православная возвышала их, а память о Родине укрепляла.

Из Архангельска езда на машине летом недолгая. А каково зимой, в мороз, по скрипучему снегу в наступающих сумерках, когда убыстряется шаг лошадей и трусящих рядом для разогрева ездоков. Оглядываясь «на небо, ельник и песок», стараясь представить начало звездного пути упорного, уверенного в себе, получившего знак свыше холмогорского парня. То, что он был таким уверенным, упорным, решительным, боговдохновенным, нисколько не сомневаюсь.

В музее Ломоносова на Кий-острове копия картины художника Н. Кислякова «Юноша Ломоносов на пути в Москву». Розовощекий парень идет «солнцу и ветру навстречу на битву и радостный труд». Энергично, широко шагает юноша к цели, академическому будущему, как во время написания картины устремлялись вперед комсомольцы-целинники, рабфаковцы, будущие космонавты. Как вихрь ворвался в царство иноземных властителей науки и слова поморский парень, голова которого была способна многое по-

нять, проанализировать, выстроить — и все во славу Отечества и народа российского.

То, что Холмогоры как оплот Православия в XVIII веке не были захолустьем, говорит утвердившаяся тут северная Холмогорская епархия. Да еще с таким епархиальным Владыкой, как сподвижник Петра I епископ Афанасий Холмогорский.

На Руси всегда понимали необходимость духовного наполнения северных земель, укрепляющих верой и силой. Отсюда Петр искал выхода к морям, к Европе, поэтому хотел опереться на эти земли. И в архипастыре Афанасии он получил вдохновенного, страстного помощника. Во время Северной войны Афанасий проявил себя и как дипломат, и как государственный муж, и как вдохновитель воинов. Он благословил и оказал материальную поддержку строительству крепости в устье Двины, изучил все северное побережье Швеции, Норвегии и дал стратегические советы Русскому флоту на этом направлении.

Продолжал духовно-просветительскую деятельность Афанасия архиепископ Варнава. Именно при нем были открыты школы в Николаевском карельском монастыре (1714) и в Холмогорах (1723). Краеведы высказывают предположение, что Ломоносов занимался в этой архиерейской школе.

В Москву Михаил уходил с возделанного поля грамотности, знания духовного.

* * *

1730 год. Поморский парень из Холмогор Михайло Ломоносов идет в Москву. ...Первая треть века XVIII-го. Петр I умер. Его державное наследие разбазаривают, грабят, приватизируют. На смену «птенцам гнезда Петрова» пришли курляндские, голштинские, брауншвейгские, почти гарвардские, советники и фавориты. Для них Империя — это способ нажиться, обогатиться, насытить свои «домашние» владения. Русские подданные Империи — что дворяне, что крестьяне — быдло и чернь, призванная прислуживать, работать и обогащать приближенных к трону.

Долго так продолжаться не могло. Общественное мнение, которое носило имя «молва», все больше и больше осуждало иноземную верхушку власти, ее грабеж и презрение ко всему русскому. И Россия ответила явлением Ломоносова!

Академики в то время с кафедры вещали по-латыни, в быту говорили по-немецки. Ломоносов знал и тот и другой, однако он хотел, чтобы академия заговорила по-русски. Он стал создавать русские учебники. Не академическое вроде бы это дело — писать учебники, «книжицы» — считали академики (да и сейчас считают). Но Ломоносов знал, что важнейший вид деятельности ученого для распространения в России «высоких наук» — «чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножалась».

Ломоносов вводил русскую научную терминологию. Сам Сенат принял решение о печатании его перевода «Экспериментальной физики», Ломоносову было поручено прочесть цикл лекций с использованием необходимых физических приборов.

Это было торжественное и важное событие для русской науки. 20 июня 1746 года русская речь утверждалась на научной кафедре. И это почув-



*Юный Ломоносов на пути
в Москву. Н. И. Кисляков*

ствовало общество. На лекции Ломоносова присутствовало «сверх многочисленного собрания воинских и гражданских разных чинов слушателей и сам господин президент Академии с некоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами»¹. Ломоносов шел и шел дальше и вел за собой русскую науку, русских людей — отечестволюбцев. Эти 40—60-е годы XVIII века были самыми плодотворными в его научных, литературных, педагогических, гражданских делах. В эти годы он закончил строительство первой в России научно-исследовательской и учебной химической лаборатории, написал диссертацию «О рождении и природе селитры».

Событиями становились сказанные в Публичном собрании Академии наук «Слово о пользе химии» (6 сентября 1751 года), «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы проис-

ходящих» (26 ноября 1753 года), «Слово похвальное Петру Великому» (26 апреля 1755 года), «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее» (1 июля 1756 года), «Слово о рождении металлов от трясения земли» (6 сентября 1757 года), «Рассуждение о большой точности морского пути» (8 мая 1759 года), «Рассуждения о твердости и жидкости тела» (6 сентября 1760 года).

Это были развернутые научные и публицистические размышления об открытиях в науке, о природе общественных явлений, об исторических и нравственных ценностях.

Это был возвышенный пример служения своему долгу.

Это был факел, освещающий прошлое и будущее.

А в промежутках между этими, скажем, публичными, общественными отчетами и манифестами от науки — кропотливая исследовательская, практическая работа на всех фронтах: в лабораториях, в кабинетах, на стекольной фабрике, в академической гимназии и университете, в типографиях и академической канцелярии, Академии художеств, дома...

И печатные труды, труды, труды. Книги, статьи, сочинения.

13 января 1757 года в академической типографии отпечатана «Российская грамматика», а в феврале в типографии Московского университета начато

¹ *Меньшутин Б. Н.* Михаил Васильевич Ломоносов. СПб., 1911.

печатание первого тома собрания сочинений самого Ломоносова. В 1761 году он пишет письма И. И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа». В сентябре 1763 года заканчивает «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание взаимного перехода сибирским окном в восточную Индию». В этом же году в типографии Академии наук завершено печатание книг «Первые основания металлургии, или рудных дел» и «Известия о российской минералогии».

И главное во всем этом — страстное желание служить России, возвышать ее, поднимать ее потенциал, дух русских людей, бороться за их просвещение, продвижение молодых. Он был неутомим в этом борении за Россию, не останавливался ни перед какими авторитетами. Спорил, ругался с ними, порой был несдержан, учинял «предерзости», за что даже подвергался домашнему аресту (1743). Не чванился и, извинившись в Академическом собрании «по предписанной формуле», продолжал быть столь же настойчивым и неуступчивым в служении Отечеству. Дело, конечно, не в том, что он спорил и ругался с иностранцами и отечественными чужеземцами, а в том, что добивался в науке и всех остальных делах лучших, высочайших результатов, которые и были главным аргументом в этих спорах. Ломоносов, борясь с недобросовестными «немцами» всех мастей, отнюдь не был ксенофобом, ненавистником всех иностранцев, хоть такое мнение и высказывалось. И ныне, когда кто-то заявляет о своей приверженности России, о любви к национальной культуре, тут же звучат обвинения: шовинист, ксенофоб, маргинал, а то и «фашист».

Ломоносов подобных обвинений не боялся. Был он, как и всякий подлинно русский человек, по Достоевскому — «всечеловек». А разговоры о его ненависти к иностранцам глупы и беспочвенны, ибо женат он был на немке, его племянник учился у академиков В. Крафта и Л. Эйлера, со многими немцами Ломоносов дружил. А с Миллером и другими учеными-академиками спорил не потому, что они были немцы, а потому, что решительно протестовал против норманской теории, по которой русы не способны были к самоорганизации, созданию собственного государства. Везде и во всем он старался быть доказательным, хотя порой страсть перехлестывала границы. И от этой твердости, доказательности уважение к нему в академии, в обществе, Державе возрастало. И после тщетных попыток убрать, сместить его, принизить роль и положение в академии пред ним склонились и поручали одно за другим важнейшие дела и возводили на новые научные ступени.



Михаил Васильевич Ломоносов

В 1758 году М. В. Ломоносова назначают руководителем Географического департамента и Исторического собрания, в 1760 году — руководителем Академического университета и гимназии, в 1764 году он избран почетным членом Российской академии трех знатнейших художеств, а в декабре произведен в статские советники, что давало право на дворянство. Так через тридцать лет крестьянский сын стал дворянином. Его избирают почетным членом Королевской шведской академии, почетным членом Академии наук Болонского института.

Ломоносов ушел из жизни в 54 года. Многие проекты его были не осуществлены, многие замыслы не свершились, но он проделал гигантскую работу, изменив представление русских людей о своем месте в делах Державы и общества.

В свое время была одержана блестящая ратная победа на Куликовом поле Дмитрием Донским, но еще более велика была тогда победа над ужасом перед врагом, сковавшим русских людей. «И хлеб не шел в рот от страха», — писал тогда летописец. Сергей Радонежский и Дмитрий Донской разрушили этот страх. Поэтому столь велик и своевременен их подвиг. Велик подвиг и Михаила Ломоносова, который, проявив гениальное рвение в науке, снял оцепенение перед иноземщиной и своей судьбой доказал, «Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать».

Сейчас, когда ситуация в России напоминает ту, с которой когда-то столкнулся пришедший из Холмогор юноша, мы чувствуем, что Ломоносов нужен нам, что он снова должен прийти в Россию.



Пути ПОЗНАНИЯ

*Смотрите, братья, чтобы кто не
увлек вас философиею, по стихи-
ям мира сего, а не по Христу.*

Колосс. 2,8

Что такое философия?

Говорят, что каждый человек (особенно русский) в своем роде философ. Однако это не более верно, чем утверждение, что любой человек, так или иначе, врач, или предсказатель погоды, или еще что-нибудь в этом роде. Конечно, у каждого из нас есть свое мнение о том, почему у него болит голова, но за это не дают медицинского диплома. Точно так же каждый из нас полагает нечто о смерти (философия, согласно Платону, есть прежде всего размышление о смерти), но это вовсе не означает, что любой прохожий на улице — профессиональный философ. Вот тут-то и скрывается главный парадокс философского мышления: *предмет философии — назовем его условно смыслом жизни — дан каждому человеку и человечеству в целом как непреложная умственная задача, в то время как профессионально (сознательно) занимающихся этой проблемой людей на свете считанные единицы.* Вопрос, собственно, заключается в том, каков источник истины для человека — той истины, без которой он не может жить?

Федор Михайлович Достоевский был тем русским писателем, который едва ли не глубже всех в мире обдумал для себя и для других указанные «детские» вопросы. Именно поэтому его можно назвать крупнейшим отечественным философом. В отличие от богословия (теологии), опирающегося прежде всего на божественное Откровение, философия есть попытка осмыслить сущее (Бога, человека и мирозда-



Александр КАЗИН

«ВСЮ ЖИЗНЬ МЕНЯ БОГ МУЧИЛ...»

*К 190-летию со дня
рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 году Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге.**

ние) с позиций *свободного человеческого ума*. Разум при этом, оставаясь свободным, может пойти различными путями. Восточная (китайская, индийская и др.) философия, например, сохранила несомненную связь с безличной даосской или ведической мистикой, и потому во многом несет на себе печать пантеизма («всебожия»). На Западе, напротив, философская мысль в лице франко-германского рационализма и особенно англо-американского позитивизма/прагматизма решила полностью освободиться от «религиозных пережитков», продемонстрировав свою независимость от разного рода «мифов». Так или иначе, в обоих случаях фактически устраняется подлинно философское — человеко-божеское — отношение, то есть устраняется основная проблема философии. Ибо великий основной вопрос всякого философствования — это **вопрос об отношении человека к Абсолюту со всеми вытекающими отсюда духовными, нравственными, интеллектуальными, эстетическими, политическими, экономическими и даже эротическими последствиями**. Говоря предельно обобщенно, Восток устраняет из этого отношения человека, растворяя его в дао, нирване и т. п. Запад устраняет из него Бога, растворяя Его в человеческом cogito, трансцендентальном единстве апперцепции, абсолютной идее, воле, правила высказывания и т. п. Пожалуй, только в русской христианской мысли оба участника главного философского диалога — и Бог, и человек — остаются самими собой, действуют «нераздельно и неслиянно», и потому наиболее ответственно. Именно потому так трудна работа русской мысли, русской культуры и русской жизни в целом, и творчество Федора Достоевского — одно из главных тому свидетельств.

«Но какой же Достоевский философ? — спросит иной образованный читатель, воспитанный, к примеру, на немецкой рационалистической (не говоря уже о позитивистской англо-американской) традиции. Он писатель, романист, мастер художественного слова. Настоящий философы — это, скажем, Кант или Гегель, у которых есть система, логика, диалектические законы, метод «отрицания отрицания», параграфы, наконец. Там все определено с самого начала, все логически стройно и закончено. Любуйся и учись...»

К сожалению, придется образованного читателя разочаровать. Так называемая «немецкая классическая философия» в лице Канта, Фихте, раннего Шеллинга и Гегеля — это, конечно, по-своему увлекательная и красивая, но все же лишь частная (национально-немецкая) версия философствования о Боге, свободе и бессмертии, в которой все указанные — великие и таинственные — предметы превращаются в логическую конструкцию человеческого ума, или, проще говоря, в понятия, так что философ имеет дело уже не с Богом, а с понятием Бога и т. п. А с понятиями как таковыми изобретательный человеческий ум может делать что угодно — создавать из них любые «логики», располагать их в виде затейливых интеллектуальных схем и узоров и др. В середине XX века выдающийся немецкий драматург Бертольд Брехт устами персонажа своей пьесы назвал «Науку логики» Гегеля одним из величайших произведений мировой юмористической литературы. «Речь там идет об образе жизни понятий, об этих двусмысленных, неустойчивых, безответственных существах: они вечно друг с другом бранятся и всегда на ножах, а вечером,

как ни в чем не бывало, садятся ужинать за один стол»¹. Брехт, собственно, хотел этим сказать, что любая — даже самая гениальная — философия в конечном счете есть разновидность литературы, *словесность*, написанная на естественном национальном языке, и в этом плане принципиально не отличающаяся от любой интеллектуальной пьесы или романа. И хотя мощная гегелевская диалектика очаровала в свое время половину Европы, включая и многих русских мыслителей², именно Достоевскому (наряду с С. Кьеркегором) принадлежит заслуга не просто интеллектуальной критики Гегеля, а формирования полностью противоположной автору «Большой логики» *христианской диалогической установки целостного духа*, включающего в себя и знание/незнание, и веру/сомнение, и красоту/безобразие, и добро/зло. Логика (системность) совокупного религиозно-философско-художественного мышления Достоевского — это не формальная логика аристотелевского типа, и даже не диалектическая логика канто-фихте-гегелевских, нередко вымученных построений, рабствующих у заранее заданного монологического принципа, а *глубинный Логос божьего человеческого диалога, опирающегося на живой православный (соборный) опыт верующего разума*. Вместе с тем это философия, а не богословие. Вот о ней мы и поговорим.

Как к Достоевскому подступиться?

Существует море литературы о Достоевском — начиная с его современников, во главе с В. Г. Белинским, и до сегодняшнего дня. Каждый комментатор, разумеется, смотрит «со своей колокольни», что вполне естественно, ибо беспредпосылочного, «чистого» знания не бывает: в основе любого познания лежит изначальная аксиома, исходная мировоззренческая ценность, и соответствующая ей методология.

В настоящей статье, конечно, нет места для подробного обзора, поэтому скажу только, что каждый из пишущих о Достоевском авторов во многом приписывал писателю собственное мировидение, начиная с «революционного демократа» Белинского и кончая З. Фрейдом, увидевшим в «Братьях Карамазовых» типичный «эдипов комплекс». Писали о Достоевском как «жестоком таланте» (Н. К. Михайловский), приписывали ему «тайноведение духа и нелюбовь к плоти» (Д. С. Мережковский), называли его «архискверным» реакционером (В. И. Ульянов-Ленин) и при советской власти фактически запрещали. С другой стороны, такой немецкий мыслитель, как Ф. Ницше, называл его своим учителем. Из всей массы достоевдоведческой литературы я бы выделил книгу Н. А. Бердяева «Миросозерцание Достоевского» и исследование М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Бердяев в своей книге дает весьма глубокую и полную интерпретацию основных идей и образов писателя, однако книга написана со свойственной

¹ Брехт Б. Разговоры беженцев // Брехт Б. Театр. В 5-и т. М., 1965. Т. 4. С. 61.

² Повальное (в определенных кругах) российское увлечение Гегелем иронически обыграл поэт А. Жемчужников:

«В тарантасе, в телеге ли
Еду ночью из Брянска я,
Все о нем, все о Гегеле
Моя дума дворянская».

Бердяеву позиции религиозного модернизма, что снижает значимость его работы. Что касается труда М. М. Бахтина, то это, без сомнения, одно из наиболее глубоких проникновений в жизненный мир Достоевского и его героев, определенный автором как «полифонический роман» — многоголосие, где каждый голос-персонаж равноправен с другим и жив тем, пока не сказал своего последнего слова. В недавней статье В. Ветловской («РЛ», № 2, 2011) дана серьезная критика этой концепции, однако мне представляется, что проблема «полифонии» Достоевского требует дополнительного осмысления.

В настоящей статье ставится задача обсудить (разумеется, кратко) религиозно-художественную философию Ф. М. Достоевского, исходя по возможности из ее собственного центрального вопроса, который по-разному представлен во всех без исключения его произведениях, от ранних до последних. И таким вопросом, без сомнения, является **вопрос об Абсолюте в его отношении к человеку и человека к нему**. «Всю жизнь меня Бог мучил», — говорит один из его героев. «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла», — напишет впоследствии он сам. Но это будет уже потом, после «Братьев Карамазовых», а пока остановимся вкратце на ранних произведениях писателя, следуя в этом плане за хронологией его собственного развития, тем более, что философское «мучение» у него везде об одном — о Боге, свободе и бессмертии. Подчеркну при этом, что я не стремлюсь на этих страницах к полноте академических штудий: моя задача не филологическая, а философская.

О свободе

Честно говоря, я не большой поклонник ранних повестей писателя, таких как «Двойник» или «Хозяйка»: читать их трудно и занудно. Исключение составляют, пожалуй, «Бедные люди» — недаром Белинский встретил молодого автора восторженным восклицанием: «Да вы сами-то понимаете, что вы такое написали?!» Ныне, по прошествии ста шестидесяти пяти лет со времени издания этой вещи, можно сказать, что в этой повести, и прежде всего в лице ее главных героев, заключен, как в семени, весь последующий Достоевский, но именно в своей возможности, в потенции. *Философ* Достоевский начинается, конечно, с «Мертвого дома», «Зимних заметок о летних впечатлениях» и «Записок из подполья».

Недаром Достоевского называют самым петербургским писателем: его путь — это путь петербургской истории. Увлечение смолоду Западом, утопический социализм, кружок Петрашевского, смертный приговор, замененный сибирской каторгой — таково было начало этого пути. Подобно всей петровской России, Достоевский очаровался Западом, впустил его в себя, открыл ему свою душу. В чем-то это очарование было сходно с галлицизмом юного Пушкина. Однако уже в омском остроге, пережив опыт смерти и жизни на берегу Иртыша, Достоевский приходит к новому для себя мировидению. Можно сказать, что в его лице к такому новому для себя состоянию пришла «душа Петербурга»; к сожалению, за душу эту боролись и другие силы...

Вот, к примеру, одна из его ранних вещей — «Записки из подполья» (1863). Еще не написаны ни «Преступление и наказание», ни «Бесы», — а в

«Записках» уже черным по белому сказано, что все дело человека, кажется, только в том и состоит, чтобы доказать себе, что он человек, а не штифтик... Мировая гармония, выгода — чушь: главное — это свобода. «Я, например, нисколько не удивлюсь, если ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия (намек на мертвый антропоцентрический идеал, начиная с теории «разумного эгоизма» Чернышевского и кончая нынешним буржуазным раем. — А. К.) возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в бока и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы (социально-экономические построения самодовольного земного «муравейника». — А. К.) отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле положить!»

Историк философии, конечно, разглядит в этих словах предвосхищение Ницше и Сартра. Нас же интересует здесь в первую голову идея отказа от материальных — обывательских благ, если они куплены ценой души, предназначенной для Царства Небесного. «Вы — род избранный, люди, взятые в удел» (Петра I 2:9), — говорит апостол, и именно эта огненная мысль лежит в основе подпольных парадоксов героя Достоевского, хотя сам он себя аттестует больным и злым одиночкой, бредущим где-то по Разъезжей под мокрым снегом. Выражаясь теоретически, в словах подпольного остроумца заключено концептуальное ядро целой историографии, развернутой позднее в «Бесах» и в «Поэме о великом инквизиторе».

Западная сказка

Или взять, например, его «Зимние заметки о летних впечатлениях». Сколько русских путешественников побывало в Европе, но такого *смеха* над буржуазным «хрустальным дворцом» на Руси еще не раздавалось! В лице Достоевского петербургская культура еще раз доказала, что она «русская душою» — вопреки итальянской архитектуре города. Разумеется, у Достоевского и речи нет об унижении наших западных братьев во Христе; это смех сквозь слезы над тем, что кажется им смыслом жизни и ради чего они жертвуют своим временем, сердцем, мозгом. Вот, скажем, Париж: «...Это самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре. Что за порядок! какое благоразумие, какие определенные и прочно установившиеся отношения; как все обеспечено и реализовано; как все довольны, как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя, что довольны и совершенно счастливы, и... и... остановились на этом. Далее и дороги нет. <...> Право, еще немного, и полуторамиллионный Париж обратится в какой-нибудь окаменелый в тишине и порядке профессорской немецкий городок, вроде, например, какого-нибудь Гейдельберга. Как-то тянет к тому. И будто не может быть Гейдельберга в колоссальном размере? И какая регламентация! Поймите меня: не столько внешняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно, разумеется), а колоссальная внутренняя, духовная, из души происшедшая...». Венцом современного Парижа, его великой тайны у Достоевского предстают «мабишь» и «брибри» («моя птичка» и «козочка») — идеальная супружеская пара, свято соблюдающая равенст-

во карманов и бракосочетание капиталов при осуществлении знаменитых «свободы, равенства, братства». Много лет спустя В. В. Набоков по-своему поддержит Достоевского в поединке с Европой, заметив, что на Западе как будто вовсе не известно слово «пошлость».

Или вот еще один светоч Запада — Лондон. «...Буржуа, например, в Париже, сознательно почти очень доволен и уверен, что все так и следует, и прибьет даже вас, если вы усомнитесь в том, что так и следует быть, прибьет, потому что до сих пор (через полвека после казни Людовика XVI. — А. К.) все что-то побивается, несмотря на всю самоуверенность. В Лондоне хоть и так же, но зато какие широкие, подавляющие картины! Даже наружно какая разница с Парижем. Этот день и ночь суетящийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугунки, приложенные поверх домов (а вскоре и под домами), эта смелость предприимчивости, этот кажущийся беспорядок, который в сущности есть буржуазный порядок в высочайшей степени, эта отравленная Темза, этот воздух, пропитанный каменным углем, эти великолепные скверы и парки, эти страшные углы города, как Вайтчепель, с его полуголым, диким и голодным населением. Сити со своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в единое стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. Вы даже как будто начинаете бояться чего-то. Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится страшно. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? — думаете вы; не конец ли тут? не это ли уж, и в самом деле, «единое стадо». Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? Все это так торжественно, победно и гордо, что вам начинает дух теснить. Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара — людей, пришедших с одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательно свершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что многое надо векового духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...»

В позапрошлом веке большинству русских людей было ясно, что принять существующее в Лондоне и Париже за идеал может либо человек неправославный (которого, к примеру, соблазнили или насильно заставили поменять веру), либо какой-нибудь Смердяков, мечтой которого всегда была лавочка в том же Париже и который сожалел, что Наполеон не покорил Россию: «умная нация победила бы весьма глупую-с: совсем другие порядки были б». Сам Достоевский указывает источник этого спора — это приход Спасителя на землю и его искушение злым духом: «Если ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4:3—4). Собственно, это и есть *главная историософская тема Достоевского*, в том числе тема о России. Запад не выдержал дьявольского искушения, превратил свою историю — вопреки воле Христа — в поход за

хлебом, тогда как в России это дело еще не решилось, здесь продолжается битва злого духа против Сына Божия, а после битвы — сердца людей. Революционный меч и ваалово богатство еще не овладели Русью — все еще впереди...

Еще одна встреча с Западом у Достоевского — в позднем романе «Подросток». Здесь Европа предстает «русскому мальчику» со своей денежной, буржуазной стороны (опять-таки уже внутри русской православной души, а не снаружи, как в «Зимних заметках» или в «Игроке»). Здесь соперником Христа напрямую выступает золото («желтый дьявол»). Ротшильдовская идея соблазняет подростка Аркадия Долгорукого: он хочет иметь миллион, причем даже не для траты, а просто для сознания своего могущества («с меня довольно сего сознания»). В лице подростка Петербург хочет стать новым Вавилоном и Цюрихом сразу, но получается еще одна русская трагедия, потому что богатство не освящено Православием, и обрести его можно лишь через грех («от трудов праведных не наживешь палат каменных»). Впоследствии греховность богатства скажется в петербургской России прямо-таки ненавистью к буржуазному процветанию — и у купцов, жертвующих миллионы на монастыри или на... революцию, и у самих революционеров, видящих в социализме спасение от мирской скверны...

Борьба за Русь

Решительный шаг Достоевского в его борьбе за Россию — это роман «Преступление и наказание». Роман до того петербургский, что по нему можно изучать расположение городских переулков, — и вместе с тем это роман о Наполеоне, точнее, о русском Наполеоне, который — в соответствии с демократической теорией «разумного эгоизма» — решил осчастливить человечество с помощью человекоубийства. Идея Родиона Раскольникова — это идея сверхчеловека, которому все позволено и которым восхищается вся Европа. Кто там считал, сколько крови пролил Наполеон — зато он гений! Понадобились все духовные и телесные силы русского народа, чтобы переломить Бонапарту хребет при Бородине и поджечь его в Москве (об этом — великая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», написанная в те же годы); роман «Преступление и наказание», как и вся петербургская культура, борется с наполеонизмом (окультурным человекобожием) внутри себя самого, в своих «глухих уголках» и «подпольных мечтах». После убийства старухи и ее сестры Раскольников кается в своих грехах и идет на каторгу вместе с «вечной Сонечкой» — такая же драма ожидала в XX веке и весь радикальный Петербург...

Подлинные вершины религиозной историософии Федора Михайловича Достоевского — это романы «Бесы» (1872) и «Братья Карамазовы» (1879). В «Бесах» писатель прочерчивает прямую линию от либералов 1830–1840-х годов (во главе с тем же Белинским) до кровавых нигилистов 70-х (Нечаев, народовольцы). Петр Верховенский, Николай Ставрогин, Шигалев — это духовное потомство Белинского, Грановского, Герцена и других прекраснодушных свободолюбцев, разрушивших православный Логос золотой царской Руси, превративших ее в серебряную и затем — в железную. Говоря словами А. Ф. Лосева, на Руси происходило смешение мифов, в результате чего все более утрачивалось самостояние последнего Православного Цар-

ства. Буржуазный миф материальной выгоды («желтый дьявол») отождествлялся с наполеоновско-ницшеанской мечтой о сверхчеловеке (человекобоге), что давало в итоге миф о революции («красный дьявол»). Подобно Тютчеву, Достоевский указал подлинный источник революции — это католическо-протестантское обмирщение христианства до либерально-буржуазной утопии. В России из этой утопии были сделаны крайние выводы; если Бога нет, то я — Бог, — говорит один из «бесовских» героев Кириллов и кончает свою жизнь самоубийством, чтобы окончательное своеволие заявить. Тем же кончает и кандидат в антихристы, ложный Иван-царевич Ставрогин...

Наконец, в «Братьях Карамазовых» Достоевским развернута целая религиозно-художественная мистерия России на фоне апостасийного мирового движения. Четыре брата Карамазовых (включая сюда их «тайного» родственника Смердякова) — это как бы четыре архетипа русской души, разорванной между Христом и его противником. Петербургская — серебряная — Россия фактически разделилась внутри себя, а разделившееся царство не устоит. Напрасно проповедует старец Зосима (символический образ оптинского подвижника), напрасно он посылает из монастыря в мир Алешу — падший мир не принимает Христов завета. Еще в романе «Идиот» Достоевский показал, а в «Братьях Карамазовых» снова подтвердил образ гонимой истины, в котором ученик Сына Божия может засвидетельствовать свое избрание. Алеша и становится таким избранником-воином. Вечное несение Креста — вот что такое судьба России в этом мире, по Достоевскому.

Особого упоминания заслуживает «вставная новелла» романа — поэма о великом инквизиторе. Если иметь в виду ее историософскую схему, то она выстраивается в такой последовательности: католичество — протестантизм — либерально-буржуазный миф — коммунизм. Великий инквизитор обвиняет Христа именно в том, что он слишком многого хочет от людей, словно бы не жалея их: «Кто любит идею, тот убивает людей», — заявит в XX веке Альбер Камю. Заветное и, очевидно, вполне искреннее желание инквизитора — осчастливить людей без Христа, то есть превратить человека из образа Божия в человекобога. «Будете, как боги» (Быт. 3:5), — сказал змей Еве в раю; как раз такой подмены жаждет и великий инквизитор. Предполагаемая расправа инквизитора с Сыном Божиим — это второе распятие Христа «миром сим», совершающееся уже не на Голгофе, а во всей всемирной истории. Так история братьев Карамазовых — и вместе с ними петербургской России — вписана Достоевским во вселенский план мирового спасения.

К вопросу о полифонии и гностицизме

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что художественное мышление Достоевского поистине уникально: его основные *идеи-образы-голоса (идеобразы)* действительно полифоничны в бахтинском смысле, то есть ведут свой судьбоносный спор до конца, не зная, чем он закончится. По существу, не знает этого и сам автор (точнее, авторский голос как один из многих). И это неудивительно: ответ на поставленные «детские» вопросы знает только сам Господь Бог, а личный голос автора Достоевского — вполне православный и патриотический — есть только один из возможных голосов среди множества иных высказываний на страницах его гениальных

романов. В этом плане прав Бахтин со своей концепцией полифонического романа — в отличие, например, от произведений Льва Толстого, который всегда все знает про (и за) своих героев. Кстати, именно за попытку «монологического» разрешения загадки мировой истории упрекал Достоевского К. Н. Леонтьев, увидевший в его знаменитой «Пушкинской речи» христиански неоправданный метаисторический оптимизм («розовое христианство»). Но это уже не роман, а публицистика.

Другое дело, что указанную полифонию не следует абсолютизировать. Конечно, ответом на терзания Ивана Карамазова служит весь роман, его совокупный тотальный смысл. Выражаясь философски, можно сказать, что идейно-образная полифония Достоевского имманентна, а итоговый христианский предел — Страшный Суд — трансцендентен, то есть принадлежит не какому-либо литературному персонажу, и даже не самому писателю, а именно и только Творцу, который правду видит, но не скоро скажет. В этом же, между прочим, состоит коренное отличие «мироздания по Достоевскому» от самых изощренных гностических и герметических конструкций, где добро и зло расположены, так сказать, на одной плоскости, как два равноценных божественных духа, и потому фактически тождественны друг другу. Как русский писатель и православный христианин (а не еретик), Достоевский не мог уравнивать между собой темные (нисходящие) и светлые (восходящие) бытийные токи, как это сделали, например, Ф. Ницше или Ж. Батай. Вселенная Достоевского, при всем ее полифонизме, всегда сохраняла между ангелом и демоном некую «непереходимую черту», предвосхищающую ту окончательную «Осанну!», которая обращена у автора «Братьев Карамазовых» именно к вечности, где сверхсущая тайна добра и зла разрешена от века, а не к грешной земле, где эта тайна неизбежно распадается в многоголосии состояющихся духовных и телесных энергий. Христианская вера — это подвиг, а не констатация факта.



ПОЭЗИЯ



Николай РАЧКОВ

«ДУХ РОДИНЫ — НЕИСТРЕБИМ...»

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

* * *

Неужто роща в соловьиных гнездах
И ливень за окошком, где цветы,
И этот свет лазурный, этот воздух,
И все, что есть вокруг — все это Ты?

И слыша запах зреющего хлеба,
Упав, раскинув руки, на траву,
С одной любовью я гляжу на небо.
Я верую. Я плачу. Я живу.

* * *

Владимиру Крутину

По улицам Владикавказа
Бродили мы вдвоем с тобой.
Сквозь золотые листья вяза
Свет проливался голубой.

Мы шли — а вслед гремели ружья
Давно умолкнувшей войны.
Бросались в бой, редуты руша,
Кавказа вольные сыны.

Был слышен дух посмертной славы,
Кинжальный скрежет, дикий вскрик.
Здесь право утвердил Державы
Неудержимый русский штык.

В предгорьях гордого Казбека
Еще живут былые сны.
А мы с тобой другого века,
Сыны почти другой страны.

Те величавые преданья
Уже все тише, все бедней...
Мы горько слушали рыдания
Кровавой распри наших дней.

Они записаны подробно
В сердцах, ослепнувших от слез.
Выл Терек за спиною злобно,
Рычал, как цепь порвавший пес.

Но солнце ласково сияло,
И детский смех звенел в игре.
Ковры, подушки, одеяла
Спокойно сохли во дворе.

Мы белый хлеб с тобой ломали,
И вкусен был соленый сыр.
Мы русские. Мы крепко знали,
Чего нам стоил этот мир...

УЧИТЕЛЬ

Поймите, не проситель,
Не грозный судия,
Стоит в стране учитель
На грани бытия.

Отбросим сантименты:
Стоит — да что с того?
Увы, все президенты
Забыли про него.

Стоит, поскольку совесть
Не продал никому.
Все фурсенки, озлобясь,
Стреляют по нему.

Вот-вот и рухнет скоро
У школы потолок.
Нет никакой опоры,
А он ведет урок.

Пусть бедным, но опрятным,
От славы вдалеке,
Ведет урок на внятном,
На русском языке.

Он бросить пост не смеет,
Он знает, что нельзя.
Разумное он сеет
И вечное, друзья.

Стыдитесь, бруды, гракхи,
Все трепачи страны,
Дельцы и олигархи, —
Вы все ему должны.

Он верит, что на свете
Не доллар и не газ,
Всего дороже — дети,
В них — продолженье нас.

Борясь за человека,
За свет в его душе,
Стоит под дулом века
Один на рубеже.

Почти один, учтите.
Высок его зарок...
Горжусь тобой,
учитель,
Российский педагог.

* * *

Я, наверно, сегодня стихи сочинять бы и бросил,
Если б вдруг не вот этот внезапно открывшийся вид:
Над притихшей водой васнецовской Аленушкой осень
В сарафане старинном о чем-то волшебю грустит.

Загрустил невзначай, замечтался и я, загляделся,
И открыл свою дверь на какой-то таинственный стук.
Я увидел с утра, как овечьим тулупом оделся
И продрогший овраг, и застывший от холода луг.

Я люблю твой простор, край ты мой золотисто-багряный!
И пускай горизонт вновь от туч наседающих мглист.
Вот опять на ветру, над уже помертвевшей поляной,
Словно древний пергамент, шуршит опадающий лист.

По весне на стволе здесь появится новое племя,
От зеленой листвы будет ветер пленительно пьян.
Я и сам понимаю: всему на земле свое время,
Словно пепельный куст погружаясь в холодный туман...

* * *

И весело, и горемычно
Деревня много-много лет
Глядела из окна привычно
Во все глаза на белый свет...

...Иду по травам осторожно,
Зеленый стебелек жуя.

Здесь можно и сквозь годы, можно
Услышать запахи жилья.

Как будто здесь, где избы были,
Еще печной витает дым.

...Всех извели.
Все истребили.
Дух Родины — неистребим.

* * *

*В апреле 2010 г. сгорели две башни Псковского кремля,
в одной из которых был расположен ресторан.*

И Псков горит... И сполохи экранные
Высвечивают бедствие кремля.
Спокойно спят тевтоны ресторанные, —
Да им — гори вся русская земля!

За это и спросить сегодня не с кого,
Как некому посеять лен и рожь.
Довмонта нет.
Нет Александра Невского.
Везде грабеж великий и кутеж.

Везде тельцу златому воскурение,
От коего кружится голова.
Но душно...

И народное терпение
Натянута уже, как тетива.

НА ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Здесь шли бои.
Вот здесь рванул фугас.
И рухнул дуб с горы в объятья долу.
И я надеюсь, что в последний раз
Здесь вновь прицельно разбомбили школу.

Границу запирают на замок.
Тревожат тишину
лишь птичьи крики.
И я гляжу на кухонный дымок,
На заросли колючей ежевики.

Гляжу на отцветающий левкой,
На мальчиков усталых, запыленных.
Здесь мира нет.
Здесь держится покой
Пока на их не сломленных погонах.

ЛИСТЬЯ

Сверкая молодостью внешней,
Они под ветром в жизни здешней
Шумели, нежно трепетали,
Боролись, в облаках витали.
И вот, вздохнув, с дерев слетели
Они в осенние постели,
В канавы, на дорогу, в грязь,
С землей сырой соединясь,
И превратились в прах навек...

И ты вот так же, человек.

* * *

В этом мире слепому и зрящему
Есть один непреложный наказ:
Полюбите вы по-настоящему,
И не важно, полюбят ли вас.

Жизнь порой колесо неудобное,
Переедет судьбу — и не раз.
Только сделайте что-нибудь доброе,
И не важно, оценят ли вас.

Тихим вечером иль в непогодину,
И в счастливый, и в горестный час
За себя помолитесь, за Родину,
И не важно, услышат ли вас...





Геннадий ИВАНОВ

«ЦВЕЛИ АБРИКОСЫ В ДАМАСКЕ. В РОССИИ МОРОЗЫ ЦВЕЛИ»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Суета или разная гадость
Обступает — и нет уже сил...
«Не теряйте пасхальную радость!» —
Так отец Николай говорил.

Вспоминая отца Николая,
Вспоминаю пасхальные дни,
И, душою весь мир обнимая,
Вижу в нем не печали одни.

Сколько радости в нем, сколько песен,
Сколько ангельски ясных полей!..
Дорогие, родимые веси
Льют мне в душу покой и елей.

Да, не все тут отрадная сказка.
И болит моя брменная плоть.
Но есть главное: есть у нас Пасха!
Нас, людей, обнадежил Господь!

* * *

По жизни, как из окружения, —
Порой, побитые, бредем...
Идем в свое расположение.
А где оно, мы не найдем.

Все это, видно, испытанья.
Души проверка. Надо ждать.
Переживающим страданья
Господь дарует благодать.

* * *

Суворов живет подаяньем.
Суворов не граф, а поэт.
Суворов живет покаяньем.
Жилья у Суворова нет.
И нет ни семьи, ни работы,
И выпить он хочет всегда,
И нету ни капли охоты
Жить так, как живут господа...

И в этом хорошего мало —
И все понимают, и он.
Но, кажется, жить как попало
Велит ему некий закон...

* * *

Не стоит село без праведника...
Села кое-где еще есть пока.
Значит, есть у нас еще праведники,
И нам рано, друг, помирать с тоски.
Нам самим пора быть поправедней —
Будет Русь стоять до последних дней.

* * *

За всякое благодеяние	Душа, ты не напрасно пела
Тебе, Господь, благодарение.	среди тоски.
Душа хотела покаяния.	
Душа хотела воспарения!	Среди тоски, среди печали
	искала путь.
И все, чего душа хотела,	Нет на земле тебе причала...
Ты дал, Господь.	Когда-нибудь
Идут года, дряхлеет тело —	
земная плоть...	Отыщется причал и берег.
	А там — лучи!..
Идут года, дряхлеет тело...	Ты дал мне право в это верить
И все-таки,	в любой ночи.

ГОРА ВОЛОШИНА

На могилу Волошина гальку свою принесу.
Здесь обычай такой — приносить с побережья гальку
На вершину горы, где поэт завещал схоронить...

Вот стою на горе — между морем и небом простор!
И могила поэта плывет в этом дивном просторе
Вместе с вольной горой — и они приплывут, приплывут
В мир другого Простора, где дивная райская галька!

НО В ЭТОТ РАЗ ТРЕВОЖНО...

Щиты богатырей — Гергебля гребни.
Здесь дух Шамиля — Ахульго, Хунзах...
Аварский край, край песенный и древний,
Опять я побывал в твоих горах.

Но в этот раз тревожно в сердце было.
Как будто с доброй сходим колеи...
И поднимается слепая злая сила.
Уже идут жестокие бои.
Кавказ, Кавказ, надолго ли мы вместе?
Нам надо вместе быть и заодно.
Но каждый день идут о взрывах вести.
Где свет сиял — становится темно.

Кавказ, Кавказ, что сделалось с Россией —
Она ослабла, потеряла путь...
В России стало веять *энтропией*.
О, как бы жизнь и мощь в нее вдохнуть?

ГЛЯДЯ НА ДВОРНИКА

Приветствую тебя, Таджикистан!
Ты на сугробе, как на постаменте,
Стоишь с лопатой под моим окном.

В моей Москве тебя теперь так много,
Что мне не надо ехать в Душанбе,
Чтобы тебе сказать: «Салам алейкум!»

Приветствую тебя, Таджикистан!

МОНАСТЫРЬ ШЕРУБИН В СИРИИ

Монастырь Шерубин — переводится «храм херувимов».
На высокой горе близко к небу стоит монастырь,
потому — Шерубин, близко к ангелам...
Холод весною
здесь пронзающий.
Ниже, в долине,
в это время цветут абрикосы, айва...
Даже снег тут лежит, словно где-нибудь в Суздале нашем...
Здесь паломнику — каждому — рюмку подносит монах.
Ибо надо согреться.
И мы там немного согрелись.

Монастырь православный,
из древних времен монастырь.
Мы здесь Богу молились о близких своих, о России
с простодушной надеждой,
что наши молитвы несут
херувимы к Престолу Всевышнего прямо.

АНДРЕЮ РЕБРОВУ

Цвели абрикосы в Дамаске...
В Дамаске арабские сказки.
В Дамаске советские были.
И мы здесь с Андрюшей были.

Мы соки там разные пили,
Ходили, глядели кругом...
Древнейший базар посетили,
И что-то купили мы в дом.

В великой там были мечети,
Глядели, как малые дети.
Молиться мы там не молились,
Мы просто зашли, удивились.

Мы ночью там шли без опаски,
Спокойно повсюду в Дамаске,
Когда-то в Москве было тоже
До дома идти не тревожно...

Цвели абрикосы в Дамаске.
В России морозы цвели.
И мы уезжали из сказки,
Поскольку мы сказку прочли.

.....
Вдруг все изменилось в Дамаске —
И кончилась та тишина.
Стрельба, автоматы и каски...
Повсюду кончаются сказки.
А следом приходит война.

* * *

Я не хочу принадлежать дорогам.
Устал от многочисленных дорог.
Они лежат, как змеи, за порогом.
Я запер дверь, сию, суров и строг.

Теперь и мне пора засесть за дело,
По всем углам собрать черновики...

Чтобы душа в предчувствии запела,
Ждала неупиваемой строки.

Блуждаю среди записей, заметок...
И мне спешить не надо никуда.
От мира мне в окне хватает веток.
Мне не хватало воли и труда.

* * *

Белый голубь на белом снегу.
Словно вылеплен голубь из снега...
Вот опять я куда-то бегу.
В этой жизни так много бега.

Но нельзя пробежать, пролететь
Мимо этого чуда.
Если тут красоты не узреть,
Значит, в сердце — остуда.

Я стою и гляжу, и гляжу,
Птицу взглядом ласкаю...
Я по жизни ведь птицам служу,
И деревьям, и маю...

А куда-то бегу, ухожу
От себя торопливо.

Я по жизни ведь птицам служу
И дождям, и приливам...

Кто-то скажет: а людям служил?
Ну а как же, конечно...
Вместе с ними я жил и тужил,
Вместе с ними был грешным.

И жалел я людей, и любил,
Помогал понемногу...
Может кто-то меня не забыл,
Слава Богу.

Ну а голубь, вообще красота —
Это тоже людское.
Чтоб не гасла в душе высота
В суете и покое.

* * *

Берега оберегают речку...
Облака обласкивают луг.
Эх, обида, полезай на печку,
А печали, исчезайте вдруг!

Я теперь хочу сказать, что баста —
Надо тризну горькую кончать...

Родина жива, она прекрасна!
Есть за что Россию величать!

И пора свернуть с дороги ада.
Слезы есть, и горе тоже есть,
Но идти в слезах нам к Богу надо.
У Него для нас Благая весть.

История и современность



Виктор ЗАХАРЧЕНКО

СЛОВО О КУБАНСКОМ КАЗАЧЬЕМ ХОРЕ

*К 200-летию
Кубанского
казацкого хора*

Виктор Гаврилович Захарченко — родился в 1938 году в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Генеральный директор — художественный руководитель ГНТУ «Кубанский казачий хор», народный артист России, Украины, Республики Адыгея и Республики Абхазия, лауреат Государственной премии России, доктор искусствоведения, профессор, композитор. Имеет множество государственных, международных, церковных наград. **Живет в Краснодаре.**

Слово о судьбе войскового Певческого Государственного Кубанского казачьего хора и нашем духовном возрождении¹

14 октября 2011 года исполняется 200-лет со дня основания Войскового певческого — Кубанского казачьего хора.

Юбилейные торжества пройдут чередой российских и зарубежных гастролей. К юбилею разрабатываются уникальные концертные программы, готовятся к выпуску новые диски, книги, нотные сборники.

Одним из самых грандиозных проектов, приуроченных к 200-летию Кубанского казачьего хора, является музыкально-театрализованная постановка под рабочим названием «Большая казачья история». Идея принадлежит художественному руководителю и генеральному директору коллектива Виктору Гавриловичу Захарченко. Режиссер-постановщик — главный балетмейстер Кубанского казачьего хора Валерий Анучин. Спектакль в двух действиях и восьми картинах посвящен жизни казаков Запорожской Сечи, истории их переселения на Кубань и особенностям взаимоотношений казаков с коренными народами Северного Кавказа. Сенсационным проектом уже заинтересовался американский продюсер Саша Воск.

«Большая казачья история» — славное продолжение традиций Кубанского казачьего хора. В России и за рубежом этот проект является первым и единственным полномасштабным этнофольклорным спектаклем о жизни запорожцев и

¹ публикуется с небольшими сокращениями.

кубанских казаков. Вокальные и хореографические возможности артистов, творческий и научный потенциал Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор», а также новейшие технологии шоу-индустрии позволяют создать уникальный проект, насыщенный яркими картинками и колоритными образами, способный увлечь современного зрителя удивительным прошлым казачьего этноса. Стоит отметить и новый музыкальный материал, в котором привычные фольклорные песни в исполнении Кубанского казачьего хора будут представлены в современной обработке.

В рамках плана по подготовке к празднованию 200-летия коллектива создаются уникальные по своей фольклорной ценности и эмоциональному наполнению концертные программы Кубанского казачьего хора. Сегодня его репертуар во многом базируется на ставшем уже историей казачьего края репертуаре Войскового певческого хора, изобилующем фольклорными мотивами времен Запорожской вольницы, когда зарождалась казацкая песня, вселяющая в народные сердца дух истинной любви и гордости за Отчизну. Юбилейные концерты 2011 года проектируются по материалам богатейшего музыкального наследия — сохранившимся в архиве ГНТУ «Кубанский казачий хор» сценариям торжеств по случаю столетия хора в 1911 году.

В течение последних десяти лет ГНТУ «Кубанский казачий хор» славится проведением красочных фольклорных фестивалей, идеологическая цель которых — сохранение и укрепление традиционной культуры Кубани.

Плодами материального культурного наследия двухсотлетней истории старейшего национального коллектива станет переиздание книг и нотных сборников, датируемых началом XX века. Одна из них — книга по истории профессиональной музыкальной культуры Кубани, составленная сто лет назад есаулом Иваном Ивановичем Кияшко. В 2006 году книга уже переиздавалась под редакцией Виктора Гавриловича Захарченко небольшим тиражом. Сегодня по многочисленным просьбам профессорско-преподавательского состава вузов края и поклонников творчества хора книга вновь включена в планы по переизданию.

По инициативе художественного руководителя хора Виктора Гавриловича Захарченко ведется подготовка к выходу в свет аудиоальбомов, посвященных памяти безвременно ушедших из жизни знаменитых солистов Кубанского казачьего хора — заслуженной артистки Украины Марины Крапостиной (1969–1999) и народного артиста России Анатолия Лизвинского (1947–2008), внесших мощный вклад в историю хора, в историю формирования образа хора в глазах миллионов зрителей в России и за рубежом, в историю славы Государственного Академического Кубанского казачьего хора. Будем помнить!

Юбилей — знаменательное событие не только для артистов и поклонников хора. Это уникальная возможность сконцентрировать на время проведения праздничных мероприятий хоровую элиту, профессиональные танцевальные коллективы в залах нашей хлебосольной Кубани. Это шанс почувствовать неиссякаемую силу народного единства, ведь Кубанский казачий хор на протяжении двухсот лет успешно несет в зрительные залы глубину самобытной народной культуры казачества,

спланивая и объединяя посредством традиций песенного творчества славянское пространство.

Два века во славу Кубани, на благо России!

* * *

Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть.

И. А. Ильин

Согласитесь, рассказать о судьбе даже одного человека очень нелегко. Ведь жизнь каждого — это целый мир. С одной стороны, неповторимый и единственный в своем роде, а с другой — непременно чем-то похожий на других.

Еще более трудно рассказать о жизни и деятельности выдающейся личности, таланта, гения. Тогда объект для подобного описания становится столь высоким и многогранным, что далеко-далеко не каждому автору, дерзнувшему написать о нем, дано будет осознать и вместить в себя весь масштаб этого таланта или этой гениальности. И, наконец, сколь сложно и нелегко написать историю большого художественного коллектива, например, театра, хора, оркестра. Особенно, если этому творческому коллективу, как Кубанскому казачьему хору, исполнилось уже 199 лет.

За эти долгие годы столько людей, человеческих судеб, характеров, талантов прошло через хор! Столько было сделано, пережито, пройдено — через исторические эпохи, войны и потрясения! И все это описать, никого и ничего не упустив, не впадая в субъективизм, дать адекватную оценку всем и всему — задача для одного человека явно непосильная. По крайней мере, для меня.

Отсутствие полноценной истории Кубанского хора постоянно мучило и мучает меня по сей день. Многочисленные друзья и поклонники хора непременно должны знать его сложное, драматическое и славное прошлое. Но как о нем узнать? Из какого источника?

С 14 октября 1974 года, то есть со дня моего назначения художественным руководителем Кубанского казачьего хора, в жизнедеятельности коллектива начался, по существу, новый творческий этап. Данная книга касается его лишь в небольшой степени. Вот об этом периоде, если Богу будет угодно, будет написана следующая книга, уже по «новейшей истории» Кубанского казачьего хора. Надеюсь, она станет достойным продолжением этой.

Мне также хочется поделиться некоторыми размышлениями о прочитанной книге, о судьбе Кубанского хора и судьбе нашей традиционной культуры, о духовно-нравственном состоянии нашего общества — с надеждой найти у вас понимание и поддержку.

* * *

В книге «Из истории Кубанского казачьего хора» через 95 лет обрел свое второе рождение фундаментальный материал «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811—1911 годы. Исторический очерк столетия их существования». Составил есаул Ив. Ив. Кияшко. Екатеринодар. 1911».

Автору, по его выражению, «на скудном материале» удалось достаточно полно осветить жизнь и деятельность войсковых хоров на протяжении

столетия. И. И. Кияшко не был музыкантом по профессии, он был талантливым архивариусом. И, тем не менее, все, кому дорога история профессиональной музыкальной культуры Кубани, ее прошлое, настоящее и будущее, прочтут его книгу с особым благодатным чувством и пристрастием.

Книга Ивана Ивановича является своеобразным историческим памятником и учебником по музыкальной культуре Кубани. Ее переиздание, как и восстановление разрушенных православных храмов, памятника Екатерине II выдающегося русского скульптора М. О. Микешина, стало требованием времени, возвращением на круги своя. Ведь именно с войсковых хоров — Певческого и Музыкантского — начинается история музыкальной культуры Кубани. Эти музыкальные коллективы оказали решающее воздействие на развитие профессионального музыкального искусства Кубани с 1811 года по нынешний день.

Надо сказать, что отдельные сведения и имена музыкальных деятелей прошлого, благодаря любознательным краеведам, историкам, музыковедам и другим деятелям науки и искусства, ссылавшимся на исторический очерк И. И. Кияшко в своих научных работах, давно дошли до заинтересованного читателя. Настоящее переиздание этой редкой книги, несомненно, значительно расширит круг ее читателей, и она теперь, по существу, выведена из разряда «редких». Вы прочитали ее, и мне нет необходимости пересказывать содержание. Но некоторые мысли по прочтении исторического очерка «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...» мне все-таки хотелось бы высказать.

Из книги И. И. Кияшко мы узнали, что войсковой Певческий хор начал свою первую церковную службу 1 октября 1810 года, на Покрова Пресвятой Богородицы. В этот же день его первым регентом стал дворянин Константин Гречинский. А Музыкантский хор начал свою деятельность почти на полтора года позже: 1 февраля 1812-го. Первым его капельмейстером стал отставной майор Франц Антонович Цых.

Но официальной датой основания двух войсковых хоров почему-то стало 1 октября 1811 года. О причине такого решения войскового начальства судить трудно. Однако, мне думается, что оно вызвано именно тем, что два хора были, как сказано выше, созданы не одновременно, а с указанным временным разрывом. Столетний же юбилей двух хоров решено было провести вместе, чтобы не праздновать два отдельных. И, вероятно, поэтому сократили временной разрыв. 1-е же октября, Покрова Пресвятой Богородицы, как день рождения певческого хора избрано, по-видимому, еще и потому, что Покрова Богородицы был и остается одним из самых почитаемых двенадцатых православных праздников христолюбивого Черноморского и Кубанского казачества.

Из исторического очерка И. И. Кияшко мы узнали, кто стоял у самых истоков нашей профессиональной музыкальной культуры. Иван Иванович первым из исследователей дал высокую оценку многогранной деятельности К. В. Россинского, связанной с созданием Певческого хора: «Благодаря огромной энергии К. В. Россинского дела хора постепенно улучшились и вскоре он стал на прочную ногу».

Через два года И. И. Кияшко издал еще одну небольшую книгу (всего на 12 страницах) — «Войсковой протоиерей К. В. Россинский. Екатеринодар. 1913». В ней он снова вернулся к оценке личности К. В. Россинского.

Книга оказалась даже более редкой, чем «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...». Лишь в единственном экземпляре она хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Мне рассказала об этом кандидат исторических наук М. Ю. Горожанина, написавшая глубокое исследование о К. В. Россинском. «Он стоял у истоков не только образования, но и всей культуры Черноморского казачества. Войсковой священник, медик, педагог, краевед, поэт и библиофил — все это соединилось в нем одним. Именно К. В. Россинский долгое время был связующим звеном между отдаленным казачьим краем и центром России»¹.

И. И. Кияшко не случайно уделил много внимания талантливой личности К. В. Россинского, высказав во второй книге высоконравственные мысли в назидание своим современникам и потомкам, а значит, и нам, дорогие читатели: «К. В. Россинский — крупная фигура в истории Черноморского войска, человек, **до фанатизма преданный делу народного просвещения** (здесь и далее выделено мною. — В. З.), **положивший все свои, труды и деньги на это... Непростительно нам, кубанцам, забывать этого достойного человека, так много сделавшего для Черномории**». Это глубокая боль Ивана Ивановича за нашу беспамятность. Никак нельзя нам забывать славные имена и дела наших предков, самоотверженно отдавших служению богу и обществу не только свои таланты и труд, но и самые свои жизни.

Запомним же эти имена, открытые нам есаулом Иваном Ивановичем Кияшко: протоиерей Кирилл Васильевич Россинский, первый регент Певческого хора дворянин Константин Гречинский; имена регентов: есаул Гавриил Григорьевич Пентюхов и сотник Матвей Гаврилович Пентюхов, священник о. Гавриил Донецкий, священник о. Иоанн Эрастов, урядник Моисей Варфоломеевич Терпилец, учитель пения Михаил Лебедев, хормейстеры Федор Михайлович Дунин, Михаил Городецкий, Григорий Митрофанович Концевич, Яков Михеевич Тараненко; имена первых певчих: бас — казак Переяславского куреня Михаил Бударщиков, дисканты-малолетки: Щербинского куреня — Онисим Лопата, Уманского — Филипп Манжелевский и Калниболотского — Семен Дмитренко, альты-малолетки: Канеловского куреня — Павел Сахно и Шкуринского — Андрей Кучер...

Не забудем и имена Императоров российских: Екатерины II, подарившей Черноморскому казачьему войску «Жалованную грамоту» на вечное владение кубанскими землями за их ратные подвиги и верную службу, а также серебряные литавры и серебряные трубы; Александра I Благословенного, в царствование которого созданы войсковые Певческий и Музыкантский хоры; Александра II Освободителя, который в сентябре 1861 года, проезжая через Екатеринодар, с большим вниманием прослушал хор и отметил «стройность пения Певческого хора и выдающиеся голоса»; Александра III, который во время своего пребывания в Екатеринодаре в сентябре 1888 года выразил «благодарность войсковому певческому хору за отличное исполнение им музыкальных программ» и обратил внимание на штатное его устройство и **«всемилоостивейше изволил повелеть озаботиться**

¹ Горожанина М. Ю. Просветитель Черномории Кирилл Россинский // Периодика Кубани-2005. Краснодар, 2005. В глубоком всестороннем исследовании жизни и творчества К. В. Россинского автор приводит список работ Кирилла Васильевича и список литературы о нем разных авторов.

расширением и улучшением этого хора»; Николая II, в царствование которого войсковые хоры торжественно отметили свой 100-летний юбилей.

Вспомним войсковых наказных атаманов: генерал-майора Федора Яковлевича Бурсака, поддержавшего предложение протоиерея К. В. Россинского о создании Певческого хора, а через год и о создании Музыкантского хора; генерал-лейтенанта Михаила Павловича Бабыча; брата Ивана Ивановича Кияшко — генерал-майора Андрея Ивановича Кияшко, начальника штаба Кубанского казачьего войска (замученного большевиками в 1917 году) и многих других.

Запомним имена всех тех, кто в меру своих сил всячески содействовал творческому развитию войсковых хоров. И склоним наши головы перед светлой памятью наших предков в благодарственной молитве. Вечная им память и вечная им слава!

На нашу долю выпал высокий долг: сохранить на века национальную духовную и культурную святыню — войсковой Певческий — Государственный академический Кубанский казачий хор. И беречь его от всех бед, го-нений, посягательств, подмен и расформирований, которые не раз были в истории хора и которые вполне могут подстергать впереди, ибо темные, бесовские силы не дремлют. И какие еще испытания выпадут на долю Кубанского хора, знает один лишь Бог.

Темные силы — это не образное выражение, а жесткая реальность не только прошлого, но и нашего времени. Мир, по Евангельскому слову, лежит во зле. Борьба добра и зла, света и тьмы усиливается и нарастает с каждым днем. Истинные граждане нашего Отечества, окормляемого Бого-родицею и сонмом русских святых, в земле Российской просиявших, силам зла и лжи должны противопоставить добрые и благие дела. Слово Правды, как и слово Любви, есть Слово Божие. Иеромонах Роман, используя известное выражение Святого Благоверного Князя Александра Невского в своем стихотворении, ставшем песней Кубанского казачьего хора, «Вся Россия стала Полем Куликовым» написал: «Бог не в силе, а в Правде. Правда в верных сердцах».

* * *

Процитирую Ивана Ивановича Кияшко, ибо эти слова относятся не только к его современникам — их уже давно нет, но прежде всего к нам, ныне живущим, и к тем, кто будет жить после нас. Относятся они, безус-ловно, и лично ко мне, и ко всем труждающим ныне в Кубанском ка-зачьем хоре, и к различным властным структурам: городским, краевым и федеральным.

«Необходимо, — пишет И. И. Кияшко в последней, заключительной главе, — чтобы войсковые музыкально-художественные и вместе с тем учебно-музыкальные учреждения — войсковые Певческий и Музыкантский хоры — встретили столетие своего существования при новой внутренней организации, которая не допустила бы их унизиться до музыкально-ремес-ленных учреждений, а напротив, подняла бы их в соответствии требований искусства и века.

Необходимость существования всякого учреждения обуславливается именно его способностью удовлетворять нуждам окружающего его обще-ства, и если учреждение будет отставать от века и потому не в силах будет

удовлетворять требованиям общества, то тогда и самое его существование является бесполезным и никому не нужным. В последнее время Наказный атаман генерал-лейтенант Бабыч, генерал-майор Кияшко много сделали на пути поднятия хоров и дай Бог, чтобы в будущем как они сами, так и их преемники не останавливались на этом и продолжали дело развития хоров в надлежащем направлении».

Перечитывая внимательно книгу И. И. Кияшко «Войсковые Певческий и Музыкантский хоры...», начинаешь глубже осознавать, какую важную роль в жизни и деятельности войскового Певческого хора играли те, кто стоял у верховной власти Кубанского казачьего войска, и какую роль играла личность того или иного регента хора. Именно с именами наказных атаманов, начальников штаба Кубанского войска и, конечно же, с именами регентов и капельмейстеров связаны творческие подъемы и спады войсковых хоров.

Вот такая оценка дана И. И. Кияшко регенту певческого хора уряднику Гавриилу Григорьевичу Пентюхову в IV главе:

«Долголетняя служба его была крайне плодотворна для хора; последний был им прекрасно организован: имелись чудные, выдающиеся голоса, и пение было поставлено на высокую степень совершенства, так что даже Наказный атаман генерал Заводовский, человек крайне требовательный и суровый, но вместе с тем большой знаток и ценитель пения, всегда отзывался о Певческом хоре с большой похвалой, а регента Пентюхова за его великолепное знание дела и доведение хора до совершенства быстро выдвигал по служебной лестнице».

Мастерство Певческого хора и его регента было известно далеко за пределами войска, и когда «командир отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Голован пожелал усовершенствовать Певческий хор при корпусной церкви в Тифлисе, то было предписано войсковому начальству немедленно командировать с этой целью войскового регента Пентюхова и четырех лучших певчих из хора в г. Тифлис».

А вот отзывы И. И. Кияшко об учителе пения регенте Певческого хора Михаиле Лебедеве, который был большим «знатоком пения и неутомимым тружеником, любящим свое дело и отдающим ему все свои силы... По целым дням он бился с хором, чтобы достигнуть совершенного исполнения. При посещении 16 мая города Екатеринодара Главнокомандующим Кавказской армией Великим Князем Михаилом Николаевичем войсковой хор и регент Лебедев за отличное исполнение были удостоены милостивого внимания и похвалы от Его Высочества». Однако Лебедев был регентом всего лишь пять лет и умер от болезни, «но деятельность его для певческого хора была очень и очень заметна. Хор был поставлен великолепно, и о Лебедеве можно было отзываться только хорошо» (глава VI).

Высокого исполнительского мастерства добился Певческий хор и при регенте Федоре Михайловиче Дунине, который стоял во главе хора почти шестнадцать лет. Хор отвечал требованиям того времени: «Пение при Дунине отличалось стройностью, мощностью, торжественностью и даже легкой крикливостью, так как в то время тихое пение не признавалось и не было любимо публикой».

Во время управления Дуниным войсковым хором последний находился на высокой ступени совершенства, что «всегда привлекало массу молящихся, желавших послушать прекрасное исполнение хором молитвенных песнопений».

ний; в особенности же хор славился исполнением концертов Бортнянского и других. Существовало даже в то время в Екатеринодаре выражение: «идти на концерт», так как немалая часть интеллигенции шла в церковь слушать только концерт, хотя и пение обедни всегда исполнялось безукоризненно и хорошо» (начало гл. VIII).

Духовная и музыкально-эстетическая жизнь кубанцев на протяжении ста десяти (!) лет формировалась под влиянием духовного, народного и классического искусства Певческого хора.

Талантливый историк Ф. А. Щербина писал: «Я никогда не слышал такого стройного многоголосия и прилежного пения... Особенно сильно меня поразили три песнопения: Херувимская песнь, тройное «Господи, помилуй» и концерт. Он вышиб меня из обычных привычек и поразил своею мощностью и чем-то великим, недостижимым для меня... Аккорды в течение по крайней мере получаса наполняли, казалось, весь собор — то гремя и сверкая, как гром, то падая очищающим душу ливнем, то понижаясь до пьянящего пения малиновки... Звуки, звуки и звуки воздействовали на чувства!..»¹

Вот такой хор при поддержке городских и краевых властей необходимо создать в возрожденном войсковом соборе Святого Благоверного Князя Александра Невского, в котором закончил свою деятельность войсковой Певческий хор после прихода к власти большевиков.

Создание хора будет восстановлением исторической справедливости и исполнением долга перед памятью наших предков.

Еще один пример того, в какой большой мере зависит мастерство и успех хора от таланта того, кто его возглавляет.

После ухода 1 октября 1906 года талантливейшего хормейстера, фолкклориста и музыканта Г. М. Концевича с должности регента, на смену ему пришел «профессор пения и заслуженный артист Императорских театров Иван Васильевич Матчинский; он прослужил в хоре всего девять месяцев, но при нем знаменитый хор окончательно пал... Об эстетическом наслаждении не могло быть и речи».

Всего девяти месяцев оказалось достаточно, чтобы из творческого апогея, достигнутого при Концевиче, хор рухнул... Вот чего стоит всего лишь **одна кадровая ошибка... Привести к творческому упадку хор очень легко, значительно труднее вновь поднять его на былой художественный уровень.** Иногда на восстановление прежней славы Кубанскому хору требовались не годы, а десятилетия. Как же внимательно должны относиться кубанские власти к подбору творческих кадров.

Матчинского, к счастью, сменил талантливый ученик Концевича Яков Михеевич Тараненко, который пел в хоре еще малолетком, затем окончил трехгодичные курсы при Императорской капелле (как и сам Г. М. Концевич). Яков Тараненко усвоил стиль и методы работы образцового хора Свято-Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, и скоро Певческий хор Кубанского войска снова засверкал исполнительским мастерством.

История Певческого хора показала: не всегда в оценке творческого деятеля следует руководствоваться его почетными и учеными званиями. Надо еще выяснить: за какие действительные заслуги они получены.

¹ Щербина Ф. А. Воспоминания: переписка, передуманное, осуществленное. Рукопись. Т. 2. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 94.

Всяческие звания, которые, кстати, сегодня сильно обесценились, являются весьма ненадежным показателем того, чего достоин тот или иной артист, музыкант, художник или творческий руководитель. Судить о людях вообще должно не по словам, речам, званиям, должностям и обещаниям, а исключительно по делам. Как сказано в Евангелии: «По плодам их узнаете их». Только результаты труда показывают, кто есть кто.

А вот за истинные свершения и благие дела людям непременно следует воздавать должное. Думается, пришла пора к 200-летию юбилею войскового Певческого — Государственного Кубанского казачьего хора **воздвигнуть памятники достославным нашим предкам, не жалевшим живота своего** в деле духовного и культурного возрождения кубанцев:

а) основателю войскового Певческого хора Кубанского казачьего войска, духовному просветителю Кубани протоиерею **Кириллу Васильевичу Россинскому**;

б) регенту войскового Певческого хора, выдающемуся фольклористу и музыканту, первому художественному руководителю Государственного Кубанского казачьего хора, расстрелянному большевиками 26 декабря 1937 года, **Григорию Митрофановичу Концевичу**;

в) создателю гимна Кубанского казачьего войска и гимна Краснодарского края, расстрелянному в 1918 году в Тифлисе, священнику 1-го Кавказского полка **Константину Образцову**.

* * *

Говоря о книге И. И. Кияшко, не могу не заострить внимание на одной его очень важной мысли, касающейся привлечения в музыкантский хор иностранных подданных. Многие из них сделали, несомненно, очень много для развития войсковой оркестровой музыки, духовой и симфонической, и они достойны доброй памяти и слов благодарности. Выше я упоминал их имена. Но, тем не менее, нельзя пропустить мысль Ивана Ивановича о том, что в этом вопросе должно быть чувство меры.

Он пишет: «С наплывом же в Екатеринодар иногородних жителей и с развитием жизни вообще, явилось требование и на пьесы другого времени; тогда вальсы, кадрили, марши и попури приобрели полное господство и почти вытеснили малороссийскую музыку; хотя певческий хор и до наших дней неизменно придерживается большей частью малороссийского репертуара.

Появление же с шестидесятых годов во главе музыкальных хоров капельмейстеров из немцев, чехов и итальянцев **окончательно отклонило музыку от родного малороссийского направления, что очень жаль, так как не мешало бы, пользуясь лучшим иноземным, не забывать и своего**».

Имеющий уши да услышит.

Удивительно, что не музыкант, а архивариус увидел и почувствовал ту истину, которую в свое время высказал гениальный русский композитор М. И. Глинка. Он часто и подолгу бывал за границей. В 1830–1834 годах Глинка посетил Италию, Австрию и Германию, позже бывал во Франции и Испании, брал уроки у немецкого музыковеда З. Дена. Но в его «Записках» читаем: «...я искренне не мог быть итальянцем. *Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски* (курсив мой. — В. З.)». А князь В. Ф. Одоевский о первой опере Глинки «Жизнь за Царя» писал:

«С оперой Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в искусстве, и начинается в его истории новый период: период русской музыки»¹.

Так стоит ли нам, дорогие читатели, уважая культуру и искусство других народов, забывать о своих духовных и культурных корнях?

* * *

Самое трагическое время для войсковых хоров Кубанского казачьего войска и самого казачества наступило весной 1920 года, когда в Екатеринодаре окончательно утвердилась большевистская власть и начался «красный террор». Правда, он всячески камуфлировался лживыми лозунгами и миролюбивыми обещаниями, к примеру:

«Казак! Советская власть чужда мести... Не верьте, будто Советская власть преследует церковь и религию. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церковей и религиозных обычаев Советская власть не потерпит!..»

Но что происходило на самом деле, сегодня уже известно. Чего греха таить, ныне кое-кто хотел бы спрятаться от этой правды. Не поможет — все тайное становится явным.

Новая власть клялась в одном, а творила противоположное. Началось гнусное богоборческое дело: преследование верующих, гонения на Русскую Православную Церковь и духовенство, массовые казни, «расказачивание» и «поголовное уничтожение казачества»...

Вот как закончилась деятельность войсковых Певческого и Музыкантского хоров:

«21 апреля (по старому стилю — В. З.) Кубано-Черноморский ревком постановил: *“Все бывшие войсковые оркестры и хоры, ныне переименованные в государственные, со всем личным составом, библиотеками, музыкальными инструментами, имуществом и инвентарем переходят в ведение подотдела искусств оботнароба (областной отдел народного образования. — В. З.). Всем дирижерам, музыкантам, певчим и проч., имеющим у себя казенные инструменты и ноты, сдать таковые немедленно для регистрации заведывающему оркестрами и хорами. Лица, укрывающие вышеуказанное имущество, будут преданы революционному трибуналу”*».

Это постановление определило судьбу знаменитого войскового хора, на протяжении столетия бывшего гордостью Екатеринодара. Он стал называться Кубано-Черноморским государственным певческим хором и только благодаря отчаянным усилиям частично сохранившегося состава (27 человек Певческого хора вынужденно эмигрировали в Белград) продолжал свое существование. Его хормейстер (прежде регент) Я. М. Тараненко даже разработал программу развития коллектива в новых условиях (хор стал смешанным, приняли хористок), предусматривавшую еженедельные концерты в центре города в одном из театральных помещений, по одному концерту в

¹ Екатеринодар—Краснодар. 1793—1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 445.

неделю «в окраинных частях города — Дубинка, Покровка и кожевенные заводы», по одному концерту в месяц для каждого городского профсоюза и т. п. Первым пунктом репертуара он поставил «русские, украинские и казачьи народные песни в простой обработке», затем то же — в обработке «художественной», далее — «хоры» (свободное сочинение) композиторов, оперные хоры и — пятым пунктом — революционные песни.

Осуществить задуманное не удалось: ввиду «катастрофического» материального положения, неуплаты жалованья хористы в июле 1921 года получили «отпуск» и разъехались по домам; та же участь постигла и симфонический оркестр. В последнем протоколе собрания коллектива от 7 июля 1921 г. записано:

«Принимая во внимание, что... многие из оркестрантов совершенно раздеты, разуты и влчат полуголодное существование, сплошь и рядом повторяются случаи заболеваний на почве недоедания; многие из оркестрантов, будучи вынуждены продавать последние вещи и живя исключительно по займу, подошли к абсолютному тупику... а в перспективе нет твердых гарантий... что многие из оркестрантов, будучи хлеботорговцами, имеют в станицах хозяйства, но непрерывные ходатайства об отпусках на уборку хлеба систематически отклонялись, ПОСТАНОВИЛИ: требовать роспуска симфонического оркестра с 10 июля с/г.»¹.

Приведенные выше цитаты взяты из замечательной книги «Екатеринодар—Краснодар. 1793—1993: Два века города...», написанной группой авторов (редактор-составитель Ирина Юрьевна Бондарь) после изучения множества архивных документов, дореволюционных газетных материалов, воспоминаний очевидцев исторических событий. Книга была издана в 1993 году, на новом сломе эпох. Сколько открыла она неизвестных нам архивных документов и достоверных фактов о трагическом периоде истории нашего города! Кем и как он был вдруг переименован из Екатеринодара в Краснодар... Много раз я перечитывал эту книгу с содроганием сердца перед открывшеюся исторической правдой, которую, одержимые поиском истины, обнажили историки и краеведы.

Я читал ее с горьким торжеством и — наивно, как выяснилось позднее, — мечтал тогда: вот прочтут ее граждане нашего города, проникнутся мыслями о нашем прошлом, прочувствуют его душою и поймут, что же на самом деле произошло с нами и нашими помраченными умами в страшные, кровавые годы безумной, братоубийственной Гражданской войны. Злые силы разделили тогда русский — государствообразующий! — народ и все *коренные* народы России и казачество на «красных» и «белых» и ввергли нацию в самоистребление.

Мне думалось тогда, что, узнав достоверную правду после прочтения названной книги, «краснодарцы» вдруг резко помудреют и начнут возрождать попорченные святыни: православные храмы, соборы, музеи; восстанавливать исторические памятники, возвращать отнятые имена площадям, улицам и скверам нашего города, названным нашими предками в честь верных сынов Отечества. Но не произошло этого тогда!

И не могло произойти.

¹ Екатеринодар—Краснодар. 1793—1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 445.

«Бог правду видит, да не скоро скажет» — гласит народная поговорка. Все-таки скажет! И сказал.

Пусть медленно, потихоньку, но народ наш, кажется, стал наконец духовно пробуждаться. И я уверен — *украденное имя* будет рано или поздно городу возвращено. Правда восторжествует.

Вот только «краснодарцам» следовало бы знать, почему черноморцы дали имя городу Екатеринодар и как его потом осквернили большевистские изверги.

Наши предки, черноморские казаки, были не только храбрыми воинами, но и тонкими политиками. Настоящее, немецкое, имя Екатерины II и в то время знали немногие, а в наше даже специалисты-историки не сразу назовут его. Прежде чем стать российской Императрицей, она приняла крещение, и Православная Русская Церковь согласно святым дала ей новое имя: святой великомученицы Екатерины (в переводе с греческого «всегда чистая»).

Именно этим, а не немецким именем нарекли черноморцы созданный их упорным трудом казачий град. Казаки с гордостью называли себя «лыцарями», воинством Христовым и поэтому без подсказок сверху, сами выбрали имя святой великомученицы Екатерины. С одной стороны, они выразили действительную благодарность Екатерине II за «Жалованную грамоту», хотя при этом хорошо помнили, а их потомки помнят и до сих пор, о той негативной роли, которую сыграла Императрица в жестоком разрушении Запорожской Сечи. Но с другой стороны — казаки веровали в то, что их крепость на века будет духовно окормлять имя святой великомученицы Екатерины, которая была Ангелом Хранителем и самой Екатерины II.

Но... могли ли основатели нашего града хоть на миг представить себе или увидеть в страшном сне, что найдутся *христопродавцы*, которые посягнут на святое имя города? И нам ли, уважаемые «краснодарцы», как бы ничего не знающим, не ведающим об этом кощунстве «*переименования*», судить о том, возвращать или не возвращать подлинное имя, отнятое у нашего города 7 декабря 1920 года?

* * *

Многие из вас, уважаемые сограждане, видели, как 8 августа 2006 года городу вернули попорченный в двадцатые годы памятник скульптора М. О. Микешина Императрице Екатерине II, которую, как и Петра I, в России называли Великой за укрепление Российской Державы. Но все ли свидетели этого торжества исторической справедливости знают, кем сооружался памятник? Кто, как и зачем спешно разбирал его, прячась от народного осуждения?

Открытие памятника Екатерине II на Атаманской (Крепостной) площади состоялось 6 мая (по старому стилю) 1907 года и было приурочено к войсковому кругу и дню рождения Императора Николая II. Идея памятника, по замыслу скульптора М. О. Микешина, должна была наглядно представлять историю Кубанского войска. Однако скульптор скоропостижно умер в 1896 году, а сооружение памятника по проекту Микешина было поручено его ученику, скульптору Академии художеств Б. В. Эдуардсу, под наблюдением особой войсковой строительной комиссии, которую возглавлял

коренной кубанский казак — участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов атаман Екатеринодарского отдела Кубанской области и помощник наказного атамана Михаил Павлович Бабыч. В августе 1918 года 74-летний атаман был зверски убит в Пятигорске по приказу ЦИК Северо-Кавказской республики. И вот разбирать памятник Екатерине II пришли те же люди из шайки убийц славного сына Кубани М. П. Бабыча!

Приведу цитаты из названной книги «Екатеринодар—Краснодар...», которая — увы! — не стала настольной книгой каждого «краснодарца», для того чтобы вы, дорогие читатели, любящие наш город, знали хотя бы некоторые факты, касающиеся трагических событий 1920 года.

Напомню.

В главе «За нами шло безумие...» приводится хроника свержения памятника. Вот лишь некоторые выдержки:

«Подотдел искусств обратился в наркомпрос с просьбой прислать в срочном порядке представителя-специалиста на экстренное собрание к 12 часам 15 сентября для принятия мер согласно требованию Кубчерревкома срочно убрать памятник Екатерине II к 17 сентября»¹.

Хотели прямо-таки за один (!) день снести его. И что же? Ничего не вышло. Тогда 20 сентября состоялось первое заседание «Комиссии для технического руководства разборки памятника Екатерине II в городе Екатеринодаре», организованной согласно «боевого приказа областного ревкома от 19 сентября 1920 года». Ведь к 17 сентября не разобрали, а надо было срочно выполнять боевой приказ, иначе полетят многие головы. Ревком и ревтрибунал шутить не будут. И... опять ничего не получилось.

24 сентября срочно собрали второе заседание комиссии, которая и констатировала:

«Несмотря на все принятые меры и старания раздобыть достаточное количество рабочих рук, таковых не удалось достать, так как рабочие категорически отказываются принимать участие в разрушении памятника Екатерине, несмотря на предложенную хорошую оплату труда, и после долгих переговоров удалось найти только пять плотников...

К месту работ собралась большая толпа зевак, которая стала издаваться над рабочими, заявляя: “Сегодня вы повесите Екатерину, а завтра вас повесят” и т. п.».

Производитель работ вынужден был «самолично» отправиться к начальнику милиции. После переговоров *«удалось получить стражу из трех милиционеров на время работ и одного ночного милиционера для охраны имущества».*

С 23 сентября сквер для посторонней публики был закрыт...

27 сентября. Старший инспектор технической инспекции докладывал:

«Ввиду невероятных затруднений и препятствий, которые комиссия встречает на своем пути по исполнению указанного выше боевого

¹ Екатеринодар—Краснодар. 1793—1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 456, 45.

приказа, прошу ходатайствовать перед президиумом совнархоза об отдалении срока исполнения весьма трудной и ответственной работы».

4 октября. Третье заседание комиссии. В протоколе записано, что «*поставлены леса для съемки нижних фигур, установлены тали, расчеканены подножия трех фигур, кои подготовлены к съемке*».

Комиссия полагала, что «*работа не может быть окончена ранее трех недель, считая с 1 октября*».

8 октября. Старший технический директор докладывал:

«...Успешно распаяно уже две фигуры памятника... Есть полная надежда снять памятник к дню празднования годовщины Октябрьской революции»¹.

Хотели революционеры разобрать памятник Императрице за один день к 17 сентября, а закончили лишь 4 ноября.

И теперь, прочитав архивные документы и зная, кто, как и зачем убирал памятник Екатерине II, мы, дорогие читатели, можем только искренне порадоваться тому, что нашлись люди, которые взяли на себя благородную миссию: смыть исторический позор и восстановить правду. И за это нужно сказать наше гражданское спасибо скульптору Александру Аполлонову, губернатору Кубани Александру Ткачеву, депутатам ЗСК и его председателю Владимиру Бекетову, Кубанскому казачьему войску и его атаману, казачьему генералу Владимиру Громову, Екатеринодарской епархии и Преосвященнейшему митрополиту Исидору и всем, кто участвовал и содействовал возвращению городу уникального памятника Екатерине II, подарившей казакам-черноморцам на вечные времена кубанские земли.

Говоря о торжестве исторической правды, опять нельзя не коснуться темы возвращения имени нашему городу. А для тех, кто не знает, как его отняли, процитирую архивный документ.

Телеграмма Кубчерревкома во ВЦИК:

«Москва. ВЦИК. Копия Наркомвнудел.

Горсовдеп совместно с облревкомом, Реввоенсовет IX армии, облпартком РКП... Политотдел армии на торжественном заседании в ознаменование Октябрьской революции, считая название города Екатеринодар напоминающим рабские времена, совершенно бессмысленным в республике труда, навсегда освободившемся от потомков Екатерины и их приспешников, постановил просить ВЦИК именовать город Краснодаром. От имени упомянутых организаций Кубчерревком просит об утверждении этого постановления. 10 ноября.

Предкубчерревкома Ян Полуян»²

¹ Екатеринодар—Краснодар. 1793—1993: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: кн. изд-во, 1993. С. 457, 458.

² Денисова Н., Рыжков А., Путилина Л., Кирова О., Никишова М., Пономарев Ф. Краснодар—Екатеринодар: Вчера, сегодня, завтра. С. 460.

Но просьба была не от екатеринодарцев. Их об этом никто не собирався спрашивать. Кому нужно было мнение «быдла»? Это теперь, уважаемые читатели, мы с вами можем судить-рядить: а надо ли возвращать первоначальное историческое имя городу или нет? А может быть, провести народный референдум? Может. Но какое мнение будет у людей, не знающих исторических фактов? Привычка — вторая натура, которая, как сказал поэт, «свыше нам дана». Вот и мы тоже привыкли к слову «Краснодар», и слово-то хорошее, «светленькое». Но что для нас ценнее: привычка или Истина?

Мнением народа дорожить надо. Ведь глас народа — глас Божий.

Только обманутому народу сначала надо показать всю правду о том, что и как было. Православный люд Кубани должен осознать, что грех наших предков, безропотно согласившихся с переименованием города именно 7 декабря, в день святой великомученицы Екатерины, лежит и на нас, и на наших внуках. Ибо молчанием предается Бог.

Народ правдой просвещать надо.

Имя человека, города, нации, страны, веры, любого материального объекта отражает наиглавнейшую его сущность. Не случайно многие меткие и точные казачьи клички и прозвища стали фамилиями их носителей: Бульба, Козорез, Разин, Булавин, Мелехов, Дырка, Середа, Перебейнос, Лопата, Безсчастный и т. д. Имя менять нельзя. Перемена имени искажает сущность, а сущность, как писал русский мыслитель А. Ф. Лосев, «вмещает в себя все возможные смыслы в одной точке... Имя есть необходимый результат мысли и только в нем мысль достигает своего высшего напряжения и значения»¹.

Дорогие мои кубанцы, зададимся философским вопросом: что в имени твоём, родная наша столица Кубанского казачества? Отражение дьявольского духа братоубийственной Гражданской войны или отблеск Божьей благодати?

* * *

Кубанский хор в дореволюционное, советское и постсоветское время много делал и делает для собирания, изучения, сохранения, популяризации и творческого развития традиционного песенного искусства кубанских казаков. Сохранение традиционной культуры русского народа и казачества волнует, конечно же, не только Кубанский хор и специалистов, занимающихся этими проблемами, но и всех истинных родинолюбцев, для которых дым Отечества «сладок и приятен».

Проблемы сохранения и развития традиционных культур до боли сердечной тревожат все народы России, ибо они глубоко чувствуют и понимают, насколько важна роль традиционной культуры для самоидентификации, а порой и выживания того или иного народа, этноса.

Вот что пишет о роли и значении национальных культур в жизни народов русский мыслитель И. А. Ильин, чьи философские, политические и этические взгляды составляют единую, целостную концепцию интеллектуального и духовного обновления человеческой личности: «Культура творится не одним человеком. Она есть результат творчества и достоинства многих людей,

¹ Лосев А. Ф. Из ранних произведений. Философия имени. М.: изд-во «Правда», 1990. С. 24.

духовно объединенных между собой. Люди не случайно объединяются друг с другом: их влечет друг к другу сходство материальных и духовных интересов. Возникает взаимное влечение, крепнет духовная связь. Эта связь закрепляется традицией, передающейся из поколения в поколение. Так возникает единая и общая всем культура. У каждого народа особая, национально зарожденная, выращенная и национально выстраданная культура.

Мысль — погасить это многообразие, свести все к мертвому единообразию — могла зародиться только в больной душе или же в слепом рассудке.

Национальное самосознание открывает глаза и на национальное своеобразие других народов; учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и национальные чувства... создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа»¹.

Приведу еще цитату другого известного русского философа Н. А. Бердяева: «Национальность есть одна из иерархических ступеней бытия... как соборной личности. Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей, но будет их полным утверждением. Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества.

...Чувствовать себя гражданином Вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечество... Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных типов и культур.

Всякий гений... возводит национальное до общечеловеческого значения. Все великие национальные культуры — всечеловеческие по своему значению... Каждый народ борется за свою культуру и за высшую жизнь в атмосфере национальной круговой поруки. И великий самообман — желать творить помимо национальности. Творческий национальный путь и есть путь к всечеловеческому»².

* * *

Разговор о состоянии и судьбе национальных культур нашей страны должен, несомненно, начаться с русской культуры, так как русский народ является государствообразующим и самым многочисленным коренным народом России (по статистическим данным, более 80 % населения страны). Многие ученые и специалисты, этнографы, писатели и поэты считают его полиэтническим, соборным.

Сегодня русская традиционная культура во всех ее формах и жанрах находится в тяжелом положении. Причем это относится как к аутентичной народной культуре, то есть бытовой, живой культуре наших российских сел, деревень, станиц и хуторов, так и к профессиональной народной сценической культуре, то есть творческому состоянию государственных русских народных хоров, вокальных ансамблей и оркестров народных инструментов.

¹ Ильин И. А. Родина. Русская философия. Православная культура. М., 1992. С. 83–84.

² Бердяев Н. А. Национальность и человечество. Судьба России. М., 1990. С. 95, 100.

Точно в таком же незавидном положении находятся и традиционные культуры (бытовые и сценические) многих других коренных народов России. Например, с серьезнейшими трудностями столкнулось подавляющее большинство государственных национальных ансамблей песни и танца и ансамблей танца, многие из которых, как и государственные русские народные хоры, имеют почетный статус «академический», к сожалению, ничем не помогающий этим концертным коллективам.

О различных творческих, гастрольных, финансовых и социальных проблемах с горечью рассказывали многие художественные руководители, хормейстеры, балетмейстеры и директора в Санкт-Петербурге на организационном заседании Ассоциации государственных русских народных хоров и национальных ансамблей.

Руководители удручены тем, что все государственные национальные концертные коллективы страны с 1991 года лишены возможности гастрольной деятельности по городам и регионам России, так как не имеют на это финансовой поддержки. В связи с этим государственные коллективы российских регионов стали в худшем смысле слова «местечковыми». Все государственные русские народные хоры и национальные ансамбли обречены прозябать в замкнутом порочном круге.

Горько, что в стране прекратилось проведение всероссийских смотров-конкурсов государственных русских народных хоров и национальных ансамблей песни и танца. Такие систематические смотры-конкурсы очень нужны. Они показывают художественный уровень государственных национальных коллективов, способствуют творческому обмену, определяют лучших, обнажают огромное количество нерешенных проблем. Таких всероссийских смотров-конкурсов было всего два: в 1975 году и в 1984-м. А почему до сих пор нет третьего?

* * *

Сегодня остройшей проблемой, настоящей национальной бедой стал полный, демонстративный отказ всех каналов российского ТВ показывать самобытные традиционные культуры всех народов РФ, государственные русские народные хоры и национальные концертные коллективы.

Народные хоры, оркестры, ансамбли песни и танца, художественные национальные коллективы и отдельных талантливых исполнителей коренных народов России зрители нашей страны не могут увидеть и услышать нигде: ни на концертных площадках городов страны, ни на ТВ, ни по радио. СМИ игнорируют и сам фольклор, и интерес к нему своей аудитории.

Каким же образом многочисленные народы, живущие в своей собственной стране, могут узнать о культуре, истории и жизни друг друга? Как смогут возрадоваться своему же собственному богатству?

Кто и что же тогда может их соединить в единую сплоченную семью народов России?

Я не намерен открывать «охоту на ведьм», но напрашивается вопрос: а что если это кому-то надо, чтобы по каналам ТВ и радио не звучали русские, украинские, белорусские, удмуртские, мордовские, нанайские, башкирские, адыгские, карачаево-черкесские, казачьи песни и весь фольклор нашей бескрайней многонациональной России?

Приведу пример. В Республике Адыгея есть замечательный национальный Государственный ансамбль песни и танца «Исламей», художествен-

ным руководителем которого является талантливый композитор народный артист России, Республики Адыгея и Карачаево-Черкесии Аслан Нехай. Коллектив уникальный не только на Северном Кавказе, в России, но и в мире. Аналога ему нет. Репертуар ансамбля «Исламей» основывается на мастерских обработках адыгского песенного и танцевального фольклора и авторских, глубоко национальных вокально-инструментальных произведениях художественного руководителя ансамбля. Талант композитора Аслана Нехая удивительно самобытен, неповторим, как и музыка древних адыгов. Но как современно она звучит в ансамбле «Исламей»? Хотя композитор не ищет опоры ни в «роке», ни в «рэпе», ни в «поп-музыке». Он достиг современного, захватывающего исполнения, оставаясь самим собой, талантливым сыном своего народа, и поднял своим мастерством адыгскую музыку на вершины мирового искусства! Но кто из вас видел выступления этого коллектива по какому-либо российскому каналу ТВ или слушал по радио? Никто! На телеэкраны попасть художественным национальным коллективам, отдельным исполнителям или композиторам невозможно. Не помогают ни самый большой талант, ни высочайшее исполнительское мастерство, а только... деньги. И притом очень большие. Но их никогда не было и не будет у национальных коллективов.

В 2005 году в Краснодаре как большой многонациональный праздник прошел уже VII Фестиваль искусств народов Северного Кавказа «Мир Кавказу». В нем приняли участие уникальные национальные коллективы юга России из 14 краев, областей и всех национальных республик Северного Кавказа. Это было ярчайшее событие — и культурное, и политическое! Фестиваль продемонстрировал не только прекрасные художественные коллективы, их высокое исполнительское мастерство, но и межнациональную сплоченность народов Северного Кавказа, которым сегодня так нужны мир и взаимопонимание для укрепления целостности Российского Государства! Радоваться бы, да и только...

Но... снова «дружное» умолчание ТВ и большинства СМИ. Впрочем, и все предыдущие шесть фестивалей «Мир Кавказу», которые прошли в разных городах юга России, также были обойдены молчанием. Вырисовывается неблагоприятная, с позволения сказать, «культурная политика», глубоко задевающая и оскорбляющая национальные чувства всех коренных народов России.

Но кто эту политику проводит? И в чьих интересах она лоббируется?

Почему центральные каналы телевидения стали столь подчеркнута безнациональными, когда в РФ имеется более 150 народов и народностей со своей неповторимой культурой? Где могут увидеть это богатство граждане России? Нет внятного ответа.

Или отвечают: телевидение стало коммерческим. Неискренний это ответ. Но даже в этом случае величайшей загадкой нашего времени остается деятельность некоммерческого канала «Культура», который исхитряется вовсе обойтись без традиционной культуры своего народа, навязывая аудитории свою перманентную «культурную революцию»...

Одиноко еще пока держится только любимая народом передача «Играй, гармонь!», созданная более 20 лет назад выдающимся композитором-песенником, фольклористом, гармонистом, сценаристом, великим Сыном и Гражданином нашего Отечества, человеком шукшинского масштаба, народным

артистом России Геннадием Дмитриевичем Заволокиным. Это действительно чудо: один раз в неделю «Играй, гармонь!» излучает духовный свет Неопалимой Купины, показывает многонациональное традиционное искусство народов РФ, доказывая, что, говоря словами иеромонаха Романа, «Русь еще жива, Русь еще поет!» Богоугодное дело безвременно ушедшего Геннадия Заволокина подхватила его талантливая дочь — заслуженная артистка Кубани Анастасия Заволокина.

Телевидение могло бы сделать очень много для духовно-нравственного, культурного и гражданского становления общества. Это подтверждает редкий спорадический показ по ТВ замечательных отечественных документальных и художественных фильмов, многих просветительских передач, выдающихся произведений западного киноискусства. Однако все это тонет в бесконечном карнавале шоу-бизнеса, «мыльных опер» и массовой продукции Голливуда...

И этот карнавал пляшет на фоне вымирания всех коренных народов России!

Нам надо помнить, что никто, кроме нас, Россию не спасет.

А посему нам надо не безумно хохотать, как перед собственной погибелью, от «смехопанорамы», а скорее — слезно плакать и Бога молить. Духовно просыпаться, мужаться и вставать с колен. Пока еще не поздно. Иначе осуществится давняя мечта наших недругов: создать Россию без русских.

Но Россия не только географическое понятие, а прежде всего — духовное. Россия без русских — это уже не Россия! Как Германия без немцев, Франция без французов, Япония без японцев, Израиль без евреев, а Палестина без палестинцев.

Думается, совсем не случайно, а по промыслу Божьему, в конце 2006 года родился очень нужный, поистине исторический документ, подписанный В. В. Путиным: «Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного Совета РФ 26 октября 2006 года».

Поручения В. В. Путина касаются культурного наследия народов РФ, создания условий для сохранения и развития традиционной народной культуры России, а также разработки мер, способствующих углубленному интересу к чтению, национальному и мировому литературному наследию. Важнейшим пунктом этого документа является принятие мер по освещению, пропаганде и популяризации в СМИ мероприятий, направленных на сохранение и развитие традиционной народной культуры в стране.

Надо сказать, что Краснодарский край в решении проблем, указанных в поручениях Президента РФ, давно движется в опережающем темпе. Это подтвердило выступление губернатора Кубани А. Н. Ткачева на упомянутом заседании Госсовета, где он предложил провести 200-летний юбилей Кубанского казачьего хора на всероссийском уровне.

Руководствуясь этим, я подготовил концепцию создания национального творческого объединения «Кубанский казачий хор».

Уже идет конкретная подготовка к грядущему юбилею, который мы будем отмечать 14 октября 2011 года. Двухвековой юбилей, несомненно, станет новой вехой в истории Государственного академического Кубанского казачьего хора и национальным праздником для всех граждан Российской Федерации.



**Игорь
АНДРУШКЕВИЧ**

РОЛЬ ВОЕННЫХ В ГОСУДАРСТВЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Место и роль военных в государстве зависит, в первую очередь, от политической модели (системы) каждого государства.

Каждая **политическая модель** опирается на свою собственную специфическую социальную базу, каковая, в свою очередь, формируется под сильным влиянием соответствующей идеологической надстройки. Больше того, такая идеологическая надстройка является в значительной мере методологией, для создания этой самой социальной базы, необходимой для любой политической власти.

В человеческой истории происходит постоянная смена (перемена) разных политических моделей и их социологических оснований. Эти исторические перемены бывают эволюционными, с разными скоростями, или революционными.

Про Древние Афины мы доподлинно и досконально знаем, благодаря трудам Платона и Аристотеля, что целостное среднее образование и воспитание (то есть **одновременное** и **совместное** гуманитарное, научное, художественное, спортивное и **военное** воспитание) было неотъемлемой предпосылкой для полноценного гражданства, не говоря уже об участии в политическом руководстве. Первой неизбежной ступенью для политической карьеры было целостное среднее образование и воспитание в одной из пяти афинских «гимназий».

Известный вождь афинской демократии Перикл на самом деле был ежегодно выбираемым (переизбираемым) из военного сословия «стратегосом», то есть «главнокомандующим» (буквально: **воеводой**), каковая должность в афинской демократии автоматически совпадала с должностью Главы Государства.

В Римской Республике тоже было необходимо пройти определен-

ную военную подготовку, каковая, совместно с юридической подготовкой, была предпосылкой для кандидирования в магистраты, а затем, следовательно, и в сенаторы. (По-видимому, система военной подготовки в Риме была частично унаследована от этрусков, ибо она называлась этруским словом «тиросиниум». Это слово снова всплывает в указе по-латыни короля Людовика XIV, от 1682 года, об основании во Франции кадетских корпусов, девятнадцать лет до основания Петром Великим Морского корпуса в России, в 1701 году.)

В процессе исторической эволюции в Риме принадлежность к ограниченному числу родов основателей Республики, то есть к сословию «патрициев» (потомков «отцов»), постепенно теряла свое первоначальное значение. Больше того, политическая мудрость римлян сумела повернуть вспять неумолимый исторический процесс биологического вымирания и разжижения древних традиционных семейств Рима: со временем не патриции становились магистратами и военачальниками Республики или Империи, а заслуженные магистраты и военачальники, отобранные из народа, становились патрициями.

Вообще, достижение соответствующих офицерских чинов и должностей в Римской Республике влекло за собой автоматическое включение сперва в разряд (сословие) «всадников», а затем в сословие сенаторов. Однако было бы ошибочно считать, что такая практика являлась всего лишь своего рода признанием заслуг перед государством. Кроме того, в согласии с очень разумной государственной римской системой, одновременно, преследовалась цель ограничить отрицательное влияние бюрократии на эту систему. Для этого, во-первых, число государственных функционеров в Римской Республике было строго ограничено, дабы бюрократия не разбухала, а, во-вторых, некоторые из них переводились в более аристократическую категорию, в рамках каковой от них можно было требовать **более жертвенного** служения, а **нравственные ограничения** были более высокими и более жестокими.

В феодальной Западной Европе было иначе: в ней властная элита не комплектовалась на основании публичного отбора и публичных заслуг, ибо ее политическая система была создана варварскими **завоевателями**, на развалинах ими оккупированных и разрушенных и опустошенных римских провинций. В принципе, первоначально лишь **потомки завоевателей** могли быть кандидатами в «хлебодатели» (по-английски: «лорды»).

В политических системах России никогда не господствовала феодальная система, вопреки утверждениям Маркса и его последователей и начетчиков, ибо в России никогда не было завоевателей, ни их идеологических надстроек, вплоть до начала XX века. На Руси военное сословие с древних времен (еще до основания Русского государства, согласно свидетельству воеводы Яна Вышаты в Летописи), имело **всесословное** происхождение, путем естественного **отбора** из всех сословий, причем **выборы** тоже должны были служить **отбору**. По-видимому такая система уже существовала в общеславянский период нашей истории, ибо у южных славян слово «одбор» до сих пор обозначает одновременно как сам процесс отбора, так и его результат: «**одбор**» — это и есть орган управления, правление.

Интересно, что в царствование Императора Николая Второго эта наша исконная всесословность военного сословия была полностью восстановлена, хотя в принципе она существовала со времен Петра Великого и была регла-

ментирована его «Табелью о рангах» в 1722 году. Всесословное происхождение обеспечивало **равенство возможностей** для принятия участия в отборе наилучших кандидатов для государственного и общественного служения, каковые затем, по мере достижения определенных уровней ответственности в этом служении, **автоматически** приобретали **статус служилого сословия**, сиречь дворянства.

Сегодня многие считают, что такое служилое (дворянское) сословие возможно только лишь при монархическом строе, ибо только монарх может давать такой статус. Однако такие сословия существовали не только «де-факто», но и «де-юре», в Афинской демократии и в Римской Республике. В России же дворянский статус давал не Монарх, а **Закон**, причем **автоматически, на основании образования и служения**. Монарх же давал только лишь аристократические титулы титулованной аристократии. Так что суть дела сегодня заключается в **выборе преемственности**: от какого закона мы сегодня хотим выводить нашу преемственность, от нашего исторического закона или от закона революционного, отменившего нашу законность. Конечно, любой традиционный исторический закон предполагает также и автоматическое принятие всех наших мировоззренческих, законных и **нравственных предпосылок и требований**.

Наши исторические блуждания и катастрофы имели одним из своих источников частичное проникновение западноевропейской феодально-завоевательной идеологии в нашу политическо-военную систему. Реформами Императора Петра Третьего военное (дворянское) сословие было освобождено от **обязательной пожизненной службы** Русскому государству. Не важно, что большинство мужчин этого сословия считали делом своей чести и дальше добровольно служить в воинском звании. Суть дела заключалась в том, что нарушался русский принцип **соборного служения** и подменялся западноевропейским принципом **корпоративных привилегий**.

Еще хуже было прогрессивное введение принципа **отделения воинского служения** от общегосударственного, восторжествовавшего в Западной Европе в результате Французской революции. Это отразилось частично и на педагогической системе России после наполеоновских войн. Лишь Царско-сельский Лицей смог устоять, продолжая давать полностью целостное гражданско-военное воспитание и образование. Однако впервые временно введенная вторая фаза этого внедряемого процесса, а именно фаза **подчинения** военного воспитания штатским системам, структурам и кадрам, была вскоре ликвидирована Императором Александром Третьим на основании наблюдения за ее плачевными результатами.

Несмотря на эти споткновения, **военное сословие** России продолжало верно служить своему Государству и не нуждалось в специфической защите «своего места и роли» в нем, тем более, что Глава Государства был не только Верховным военным Вождем, но также и Предводителем военного сословия. Однако оно все-таки пострадало от отделения воинского от общегосударственного служения, отделения, уже преднамеренно учитываемого в учебных планах.

Такое отделение стало частью современной **глобальной идеологии**, за исключением периода искусственного создания новых американских государств, когда генеральские чины присваивали сами себе многие титулы, например, «освободители», некоторые из каковых вообще никогда не были

военными. Борьба с английской, испанской и португальской монархиями, с их сановниками с пышными титулами требовала для их противников тоже громких чинов для удовлетворения народных вкусов и предпочтений. Эта методология иногда повторяется и сегодня, лишь вместо генеральских чинов в Южной Америке иногда употребляются более расплывчатые военные титулы, как, например, «comandante».

Однако современная тенденция полностью отделить военное служение от общегосударственного, чтобы подчинить его штатским структурам, на самом деле часто оказывается неосуществимой, а если и осуществимой, то крайне вредной. Для преодоления этого противоречия в некоторых странах создаются специфические внеконституционные структуры, вроде разных национальных «советов безопасности». Кроме того, когда институционное положение в какой-нибудь южноамериканской стране в XX веке становилось невыносимым, то допускалось временное военное управление, на какое-то время, после урегулирования положения, и возлагалась ответственность за все происшедшее.

Однако необходимость защиты с оружием в руках новых американских государств от своих европейских колониальных отечеств привела к созданию собственных вооруженных сил в самом начале существования этих государств, в большинстве случаев даже до их окончательной политической организации. В результате, во многих американских странах военный элемент стал учреждающим и государство-образующим. В 2010 году некоторые американские страны отметили юбилей 200-летия своего существования. Во время некоторых юбилейных торжеств снова было подчеркнуто такое участие вооруженных сил в становлении этих государств.

Например, во время большого торжественного военного парада по случаю 200-летия Чилийской Республики, 19 сентября 2010 года, постоянно подчеркивалось, что этот юбилей отмечает *«200-летие чилийской независимости от Испании и 200-летие славы ее вооруженных сил»*.

В современной Чилийской Республике ее вооруженные силы, помимо своего морального авторитета в народе, обладают, среди прочих, тремя важными прерогативами:

1. Они, согласно конституции, практически участвуют в отборе своих главнокомандующих, ибо Президент Республики должен назначить главнокомандующим, в каждом из родов войск, каждые четыре года, **одного из пяти** старших офицеров.

2. Они обладают известной бюджетной автономией, ибо им обеспечено прямое участие в доходах от экспорта меди.

3. Национальная полиция «карабинеров» считается четвертым родом оружия вооруженных сил Чили, с военной структурой и дисциплиной.

Бразилия стала независимой от Португалии при первоначальном сохранении монархической формы государства. Во время этого переходного монархического периода в Бразилии смогли стабилизироваться три важных государственных элемента:

1. Местный ведущий слой, первоначально даже с некоторыми аристократическими формами.

2. Профессиональная государственная служба в области иностранных дел, со специфическим объективным всеобщим отбором наилучших кандидатов для нее, для их соответствующей подготовки.

3. Профессиональные вооруженные силы с большим фактическим влиянием их верхушки на политические процессы.

Во время периода «военных моделей» в Южной Америке Бразилия была единственной страной с такой моделью, в которой все время сохранялся также и Парламент, ибо он не перечил военным правительствам. Больше того, Конгресс Бразилии мирно выбирал в положенное время очередных военных Президентов Республики, для этого указанных военной властью. Один авторитетный бразильянский политолог заявил во время своего интервью по аргентинскому телевидению, что в Бразилии господствует демократия, то есть власть народа. На вопрос, как же устанавливается **мнение народа** по тем или иным вопросам, этот политолог ответил, что мнение народа в Бразилии формулируется и определяется **совместным мнением «Итамарати»** (так называется в Бразилии ее МИД, по названию здания, в котором оно находится) и вооруженных сил Бразилии.

В современном Израиле очень часто генералы в отставке становятся премьер-министрами и даже президентами, но это всего лишь система «де-факто», а не «де-юре», как это было в Римской Республике, в которой президентами (консулами) могли стать лишь бывшие воеводы (преторы).

Современная Турция была практически создана **военной партией** «младотурок» после свержения ими последнего турецкого султана. Когда эта система «младотурок», созданная в начале двадцатых годов прошлого века их вождем Кемаль-Ататюрком, стала выдыхаться, военные вместо «перестройки» повторили военный путч и учредили новую конституцию, чтобы продлить свою систему. Эта конституция 1982 года открыто предоставляет возможность военным не только обеспечивать прозападную ориентацию Турции, но и дает им известный контроль над судебной властью страны, несмотря на прозападную идеологию разделения властей. Несмотря на это, Запад до сих пор весьма благосклонно относился к Турции и даже считал ее легитимной демократической страной. Лишь недавно в Турции были приняты кое-какие поправки к этой конституции.

В Испании в свое время был создан на конституционном уровне «Регентский совет», состоящий из трех членов: председателя Парламента, старшего по чину представителя вооруженных сил и Первоиерарха Испанской Католической Церкви. В момент смерти главы государства этот совет автоматически становился Верховной государственной властью до прихода к власти нового главы государства. Так, сразу после смерти генералиссимуса Франциско Франко этот совет сперва взял всю государственную власть в свои руки, затем произвел принца Хуан-Карлоса в «генерал-капитана» (генералиссимуса) вооруженных сил Испании и лишь после этого объявил его королем Испании. Сегодняшняя демократическая Испания имеет своим легитимным источником этот акт.

На Руси такое соучастие военных в верховном государственном совете было учреждено святым Великим князем Владимиром после Крещения Руси в 988 году. В Лаврентьевской Летописи отмечено: *«Бъ бо Володимерь любя дружину, и с ними думая о строи земель и о ратехъ и о оуставе земель»*. Эта Верховная Дума действовала до 1711 года под названием «Боярская Дума». Ее указом был создан Военно-Морской флот России в 1696 году. Она не была упразднена, хотя с 1711 года она больше не созывалась.

После Катастрофы 1917 года большевики сперва ликвидировали Русскую Армию и Русский Флот, как таковые. Конкретно декретом «Совета народных комиссаров» Русский Военно-Морской Флот был объявлен «распущенным» 20 января 1918 года. Начались преследования кадровых военных. Однако возникшее в стране вооруженное сопротивление показало полную несостоятельность партийных идеологических мечтаний о ликвидации государственных военных структур с заменой их партийными «интернациональными бригадами».

Именно в этом и заключался исторически положительный аспект трагической Гражданской войны: часть кадров и структур Русской Армии и Русского Флота смогли пережить Катастрофу, хотя и под чужой, не русской символикой, ибо они оказались нужны власти. Лишь в процессе титанической борьбы с внешними врагами, через четверть века, удалось частично вернуть прежние исторические военные формы, а также и славные имена великих русских полководцев: святого Александра Невского, Суворова, Нахимова и других. Победа России возможна только лишь с этими именами, а не с именами «интернациональных пролетариев».

Такая метаморфоза со временем распространилась и на другие коммунистические страны. Например, в коммунистической Югославии глава ее компартии, до сих пор не уточненного происхождения, не только присвоил себе звание маршала, но и предпочитал пролетарским одеяниям пышные военные формы «а ля Геринг», с впечатляющими погонами.

В государственной системе коммунистического Китая существует «Центральная военная комиссия», возглавляя каковую Денг-Сяо-пин не только стал фактическим лидером этой страны, но и дал первоначальный толчок для ее впечатляющего экономического развития. Аналогичные структуры существуют и в Северной Корее, где на днях молодой внук первого вождя ее сегодняшней модели был произведен в «генералы» и включен в ее «Центральную военную комиссию».

В заключение необходимо сказать несколько слов о роли военных в современной России. Несомненно, в будущем будет необходимо так или иначе восстановить органическое участие русских военных структур в общих государственных структурах России, в согласии с ее многовековой историей и с ее традициями.

Уже сегодня передовая часть военного сословия России, в основном представленная суворовцами и нахимовцами, является важной органической частью общества и культуры России. Можно предлагать разные варианты инициатив для легитимного институционального улучшения имеющейся ситуации.

Одним из таких вариантов мог бы быть созыв Боярской Думы по случаю **300-летия ее последнего заседания в 1711 году**, даже под новым именем (например: «Верховная Дума России»), с консультативной целью, в составе представителей от Правительства, от Парламента, от Русской Церкви, от Военного командования и от Академии наук.

Русские СУДЬБЫ

О, память сердца, ты сильней
рассудка памяти печальной...

П. А. Вяземский



Галина КУЧИНА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*Рассказ о жизни русской
австралийки из Китая*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.

Стоит ли искать новые пути для начала своей биографии или просто начать с рассказа о первых воспоминаниях, первых впечатлениях, которые я получила, появившись на белый свет? Если я скажу, что помню себя в пеленках, то читатель скептически улыбнется и не поверит. Я же сама сомневаюсь в правдивости этих воспоминаний, так ярко стоявших передо мной в течение моей жизни. Что это? Действительно ли я помню бабушкину столовую, огромный стол и себя на руках у мамы, стоящей около «контрамарки», неизвестно откуда получившей свое название, обогревающей две комнаты. Эту печь называли также «голландкой». Да, мама держит меня на руках, и я ясно помню все убранство комнаты, все наше семейство, сидевшее за столом и обсуждавшее какие-то деловые вопросы. Я в пеленках. Может быть, это плод моего воображения, основанный на рассказах близких, но уж себя в моей кроватке, которая стояла в тот день в комнате моей тети Лизы, я помню четко и ясно. Солнце заливало комнату, я стояла в этой кроватке и качалась. Кроватка эта прочно стояла на металлической раме, но ее легко можно было приподнять и повесить на два крючка, которые крепко держали ее, и ребенок сам мог раскачивать и развлекать себя таким образом. В этой же самой кроватке я вырастила двадцать с лишним лет спустя свою дочь Марину. Судя по убранству дома, мне должно быть меньше года. Я проверила по сохранившимся фотографиям — да, мне было меньше года. К сожалению, сейчас уточнить невозможно. Все мои родные ушли в лучший мир.

Родилась я на северо-востоке Китая в Маньчжурской провинции, в небольшом пограничном городке Маньчжурия, в доме моей бабушки Варвары Михайловны Антоновой. Отец мой Игнатий Каллиникович Волегов — офицер Белой армии, воевал против большевиков. После переворота и расформирования Царской армии он пробрался в Сибирь и там сформировал отряды казаков для продолжения борьбы против большевиков, прошел Ледяной поход с Белой армией и оказался за пределами Родины с отступавшей, но героически сражавшейся Белой армией. Трагическая судьба армии и отступавшего, уходящего от красных мирного населения решила дальнейшие судьбы людей, измученных походом, морозом, болезнями, тифом, голодом и всякими лишениями и страданиями.

Моя жизнь началась в городе Маньчжурия, поэтому я хочу сказать несколько слов об этом когда-то любимом и дорогом городе. Это маленький чистенький городок с большим красивым вокзалом и огромной картой КВЖД с городами и станциями, которые обслуживала эта дорога. Карта была нарисована на верхней части стены главного зала вокзала, который мне, маленькой девочке, казался грандиозным и очень красивым.

Ярко стоит в памяти Иннокентьевский собор со всем его благолепием. Прекрасный хор под управлением Козловского (не помню имени и отчества).

В ограде Иннокентьевского собора в городе Маньчжурия помещались приют и богадельня, основателем и опекуном которых был Владыка Иона, приехавший в Маньчжурию в 1922 году. Воспитанник оптинских старцев, высокоодаренный проповедник и прекрасный администратор, он за три года своего служения в Маньчжурии создал Детский приют, Низшее начальное училище, Высшее начальное училище, бесплатную столовую, бесплатную амбулаторию, аптеку с бесплатным отпуском лекарств для бедных, ремесленные классы при училищах, библиотеку. Умер Владыка в октябре 1925 года и похоронен в ограде Иннокентьевского собора. Русской Православной Церковью Заграницы он причислен к лику святых. Я никогда не видела этого замечательного Владыку, но много о нем слышала от современников. Детский приют и богадельню помню, потому что, часто приезжая в Маньчжурию к бабушке, я всегда бывала в церкви и заходила в приют. Помню длинную комнату, в которой стояли коечки, отгороженные белыми занавесками. Слышала от старших, что Владыка Иона поддерживал хорошие отношения с советским консульством, которое находилось через дорогу от территории храма. Отношения он поддерживал из-за того, что консульство снабжало приют углем и в зимнее морозное время согревало детей и стариков.

В ограде храма находилось много квартир, в которых жили семьи, в какой-то степени связанные с храмом, например регент церковного хора, певчие и другие. В одной из этих семей был сын, мальчик, никогда не ходивший. Историю его болезни я не знаю, но знаю только, что он не вставал с постели. После трагической преждевременной смерти Владыки Ионы (он умер от ангины) этот мальчик увидел сон, что Владыка пришел к нему и сказал: «Возьми мои ноги, они мне больше не нужны. Встань!» Мальчик встал и рассказал своей ошеломленной и счастливой маме о своем сне. Этот случай был официально расследован и зарегистрирован как чудо.

Могила Владыки Ионы находилась в церковной ограде, но после «культурной революции» собор был снесен, площадь залита цементом, и таким

образом след могилы исчез. После канонизации Владыки правящий епископ Австралийский и Новозеландский ездил в Маньчжурию с целью обретения мощей, но найти могилу не удалось.

Помню большой и очень красивый магазин Дун-Чан. Был ли он на самом деле большим и красивым, я сейчас судить не могу. Во всяком случае, в то время он мне казался таким. Прекрасное Никитинское подворье с его медными начищенными перилами перед огромными зеркальными окнами. На нижнем этаже этого здания помещалась аптека, и блеск этих медных перил перед прилавком тоже ярко запечатлелся в памяти. Фотостудия в угловой части подворья и отель помещались наверху, то есть на втором этаже.

Гастрономический магазин братьев Воробьевых тоже оставил неизгладимое впечатление. Аромат вкусных деликатесов всегда вызывал аппетит, желание и надежду получить что-то вкусное от мамы или бабушки.

Помню и барахолку, через которую очень любила бегать в мясную лавку своих дядюшек; хотя и был более приятный путь в обход, но барахолка с торговцами-китайцами всегда манила.

За Заречкой хорошо помню кладбище, на котором была единственная родная могилка за железной оградой — моего дедушки Федора Максимовича Антонова. Все остальные могилы были чужими.

Почему этот район назывался Заречкой, я не приложу ума, потому что никакой речки там не было, и следа ее я не видела. Может быть, когда-то и была речушка или протока. В Заречке же был и кожевенный завод, на котором работал мой папа, и после свадьбы мама с папой жили на квартире при заводе, но большую часть времени проводили у бабушки.

В Маньчжурии был городской сад, куда мы часто ходили гулять по вечерам; там всегда играла музыка, и сад был местом встреч и прогулок.

Таким ли городом была Маньчжурия, сейчас судить не могу. Она мне такой казалась во все периоды моей жизни. Мои родители уехали в Хайлар, когда мне было три года, а потом я приезжала ежегодно и даже чаще на каникулы к бабушке. Мама обшивала меня, наряжала, как куклу, и отправляла на время поста, а к празднику Рождества или Пасхи мама с папой и семья Лупповых — мамина старшая сестра Александра Федоровна, ее муж Александр Васильевич и Вера, их дочь — приезжали в Маньчжурию к бабушке, чем она очень гордилась. Она любила своих зятьев, по их вкусу покупала папиросы, напитки, причем, как то, так и другое — по вкусу каждого зятя. Папа курил папиросы «Дюльбер», а А. В. Лупшов — «Антик». Так же и водку: для одного «Антипас», для другого «Жемчуг» — и так во всем.

Китай оказал гостеприимство русским беженцам, принял их. Ведь связи русского и китайского народов идут в глубину веков. Уже в XVII веке шло активное освоение русскими Приамурского края, затем была основана в Пекине Российская Духовная миссия, а 16 августа 1897 года была проведена торжественная церемония официального открытия работ по строительству Китайской восточной железной дороги (КВЖД). В своей книге «Маньчжурия далекая и близкая» Г. В. Мелихов интересно и подробно описывает события тех дней.

Согласно договору с китайским правительством, для строительства, охраны и дальнейшего обслуживания был прислан из России персонал, строились храмы, больницы, школы, жилые дома для железнодорожников. Китайцы, будучи предприимчивыми, трудолюбивыми и хорошими

коммерсантами, охотно общались с русскими и видели в этом потенциал экономического развития. Поэтому и неудивительно, что Китай принял побежденную, измученную, обезоруженную, но героическую Белую армию и отступающее мирное население.

Вот что мой папа Игнатий Каллиникович Волегов пишет в своих «Воспоминаниях о Ледяном походе» (Сибирь. 2003. № 5, 6):

«И вот пришел тот день, когда нам пришлось перейти китайскую границу. Не доходя до г. Маньчжурия километров шесть или семь, артиллерийская канонада затихла, также стала стихать и ружейная стрельба. Изредка где-нибудь услышишь одиночный выстрел, но свиста пуль уже не стало. Это затишье, разбираясь логично, должно бы принести некоторое облегчение от сознания, что ты жив, а на самом деле получилось обратное. Это даже объяснить трудно. Охватило неожиданно такое чувство, от которого можно только плакать или кричать. Мы не были готовы к этой минуте сказать «Прости!» Кто не испытал аналогичных переживаний, тому трудно понять, что переживали мы в то время. Уйти со своей родной земли в чужую страну, куда нас никто не просил, — было нелегко! Все богатства российские, которые были нажиты веками нашими предками, оставлялись в пользование победителя. Увидим ли мы тебя, Россия, такой, какой ты была, — не знаем. С такими тяжелыми мыслями мы находились в то время все, стараясь незаметным образом заглянуть друг другу в глаза, измерить его чувства страданий».

Много лет спустя, в 2003 году, мне посчастливилось встретиться с русским писателем В. Г. Распутиным в Москве. Он сказал, что книга моего папы ему понравилась, некоторые моменты описаны в истинно художественном стиле. Насколько мне помнится, ему особенно понравилось папино описание самого Ледяного похода. «От Вас ли я слышу это?» — был мой вопрос.

Судьба моего папы была трагичной. К сожалению, я многого не знаю, потому что, когда я была еще ребенком, а потом молодой девушкой, женские рассказы лучше доходили до моего сознания, а война и политика меня не интересовали, а как жаль! Сейчас я бы слушала, слушала и впитывала в себя все детали его рассказов. Помню, что он говорил о лесе, я решила, что его родители были лесопромышленники. Что он из очень состоятельной семьи, в этом не было сомнения, потому что его сестра и он учились в Петербурге, а чтобы отправить своих детей в столицу, крестьянину нужно быть богатым.

В 2000 году, во время моего путешествия по России, я сделала запрос в Государственный архив. Узнала: «Игнатий Каллиникович Волегов, крестьянского происхождения, родился в 1888 году в России в Пермской губернии Кунгурского уезда в селе Волегово. Отец его Каллиник Гаврилович, мать Мария Георгиевна. Начальную школу Игнатий закончил в своем селе, а затем, по настоянию своей сестры, которая училась на курсах в Петербурге, уехал к ней в Петербург и там закончил реальное училище, после которого поступил в школу прапорщиков. В чине прапорщика был командирован в штаб дивизии начальником учебной команды. За подготовку, обучение и выпуск кадетов учебной команды он был произведен в подпоручики. За усердную службу и подготовку пяти маршевых рот получил орден Станислава III степени с мечами и бантом. Игнатий Каллиникович воевал на Румынском фронте вплоть до объявления демобилизации армии. За военные

заслуги он был представлен к производству в поручики и получил орден Владимира IV степени.

После демобилизации из Российской Императорской армии Игнатий Каллиникович принимал участие в формировании Белого движения, с которым прошел все этапы борьбы с большевиками».

Грянул переворот 1917 года, в 1918 году армия была расформирована. Из «Воспоминаний о Ледяном походе» узнаем, что, добравшись до Сибири, он, собрав отряд по просьбе и с помощью крестьян, героически сражался с большевиками и после окончательного сражения, потерпев поражение, оказался в Маньчжурии, где полностью осознал весь трагизм свершившегося. Горячо любимая Россия потеряна навсегда. Здесь началась эмигрантская жизнь, полная унижений, трудностей моральных и материальных.

Будучи военным, оказавшись в Китае и не имея другой специальности и копейки за душой, папа, как и все остальные эмигранты, оказался в трудных условиях. Первой его работой в Китае была чистка свинарников, затем он работал в пекарне, потом попал на кожевенный завод рабочим, а там выучился обработке и покраске кожи.

Вот в этот период жизни мама познакомилась с папой. Они нежно полюбили друг друга. Моя мудрая бабушка Варвара Михайловна Антонова увидела в папе благородного, честного человека, благословила на брак. Женились. Через год родилась я.

ВЫШЛА КНИГА

Захарченко В. Г. Россия! Русь! Храни себя, храни! Песни для народного хора и солистов на стихи русских поэтов. Том 1 /Адм. Краснодар. края. — Краснодар: Диапазон-В, 2008. — 400 с.

В первый том двухтомника песен Виктора Гавриловича Захарченко вошли более двухсот его произведений на стихи русских поэтов советского и постсоветского периода. Песни этого сборника были написаны композиторам в разные годы и предназначаются для концертного, сценического исполнения народных хоров, в частности, для Кубанского казачьего хора и его солистов. Однако исполняться они могут (при соответствующей аранжировке) и академическими, и детскими хорами, и эстрадными исполнителями, и военными ансамблями и т. д.

Сборник адресован профессиональным и самодельным хорам, ансамблям, солистам, студентам высших и средних музыкальных учреждений и всем тем, кто интересуется национальным музыкальным исполнительским искусством.



Поэзия ДИПЛОМАТОВ



МОЯ СМОЛЕНКА*

*Стихотворения
сотрудников
и ветеранов
МИД России*

*Продолжение. Начало в № 1, 2
и 3 за 2011 г.

Сергей ПОТЕХИН

БАБЬЕ ЛЕТО

Двери дома опять нараспашку,
Светом солнечным зимний фасад.
Бабье лето, дав солнцу отмашку,
Заглянуло в наш болшевский сад.

Дышат комнаты яблочным духом —
Варят бабы варенье к зиме.
Кот поводит неряшливым ухом,
Как всегда, сам себе на уме.

Заалела листва винограда,
Бодрым утром трава в серебре.
Ай, какая для сердца отрада —
Эти несколько дней в сентябре.

Лада СТРУНИНА

ОКТАБРЬ

Лимонно-травяной, полынно-мятный
Оттенок на асфальте от листвы.
Густой туман все сделал непонятным,
Густой туман на улицах Москвы.

Все позади, и это — панихида.
Вкус горький и молочный у небес.
Из белой глины я леплю обиды.
Мир в нитях золотых дождя исчез.

Курить... приятно.
Зонтик кружит пятна —
Цветные пятна осени и снов.
Джин с тоником.

И по дороге в Завтра
Облуплены ладони у домов.

Их разъедает сыростью старенья,
А мне спокойно и почти светло.
Я — молода. Я — сила продолженья,
И я ищу того, что не пришло.

Мне город улыбается и плачет,
Он — Копенгаген, Цюрих и Париж
В одном лице. Все это мало значит,
Но превращения — украшают жизнь!

А дворник жжет листву, и пахнет дымом
Лимонно-мятным, осенью, дождем.
И ты — прохожий, проходящий мимо.
И я — туман в дыхании твоём.

Константин КЛИМОВСКИЙ

ПРИВЕТ ИЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

МАМЕ

Из далекой восточной страны,
Где средь пальм расплавляются сны,
На заре — пред Аллахом один —
Заунывно кричит муэдзин.

Где сухая гортанная речь,
Где в песках синим речкам не течь,
И в палатке своей бедуин
Делит вечность с безмолвьем равнин.

Припев:

*Из страны, где тебя рядом нет,
Шлю тебе свой горячий привет.*

*Хоть за тысячи миль где-то я,
Пусть дойдет к тебе песня моя.*

Здесь живет одногорбый верблюд,
А лиса и медведь не живут.
Здесь с пустыни хамсин, но вовек
Здесь не шел наш искрящийся снег.

Здесь дурман апельсиновых грез
Не затмит образ наших берез.
А живой блеск соленой волны
Не заменит улыбок родных.

Михаил БАСМАНОВ (1918–2006)

В ГОРОДСКОМ САДУ

Могила в городском саду —
Не счесть имен на обелиске.
Дорожка утопает в листьях,
Как будто по ковру иду.

А за могилой — павильон.
Там парочка ко мне спиною.
Извечное: она и он,
Сидят в обнимку под луною.

И нет им дела до того,
Что здесь в войну сражение было,
Что под опавшею листвою
Взывает к памяти могила.

На стадионе крик и свист
После минутного затишья...
Летит, кружась, багряный лист,
На фоне неба что-то пишет.

КТО-ТО ТРЕТИЙ

На покинутом всеми вокзале,
Где разбиты вдребезги окна,
С ординарцем мы ночевали.
Мы продрогли, промокли.

В черных тучах упрятались звезды,
Завывал сиреною ветер.
Неуютно. Холодно. Поздно.
К нам прилег кто-то третий.

И заснул. И меня за шею
Обнял, всхлипнув совсем по-ребячи.
Так и спали, друг друга грея,
Обдавая дыханьем горячим.

Разбудил меня гомон птичий.
И в неясном, предутреннем свете
Я увидел гребенку девичью
Там, где ночью прилег кто-то третий.

Анатолий ПАНОВ

К ОТКРЫТКЕ: ДЕВОЧКА, УСНУВШАЯ В ЦВЕТАХ

Души оцепененье сну сродни.
И, книгу обронив на полуслове,
В тот мир, где только праздничные дни,
Где все не так, заманчиво и внове,
Она глядит — пока издалека,
Пугливым взглядом внутреннего ока,
И молча провожает облака
Своей мечты, поднявшейся высоко.
Дыханье ветра. Звонкий щебет птиц.
И шелест недочитанных страниц.

Виктор ПОСУВАЛЮК

* * *

Богатырей Россия родила в канун,
Как будто про запас, вдвойне, втройне.
Они нужнее ей, чем уголь и чугун,
Когда мальчишки — значит, быть войне.

Растила, как заботливая мать,
Единственная, кто не просит мзды,
И провожая их, не стала причитать,
Хоть знала: им не миновать беды.

В победу веря, как в возмездие суда,
Скрестила молча руки на груди.
Когда скорбела, были холода,
Оплакивала — теплые дожди.

Война разборчива, ей лучших подавай!
Цена победы — те, кто впереди.
А кто замешкался, как будто невзначай,
Судьба, бессонницей при жизни наградит!

Победе сорок лет — бокалами звеним,
А это в черной рамке юбилей!
Пусть будет этот шрам неизгладим,
Помянем их, родных, как в сорок дней!

Сергей ПОТЕХИН

ПРИХОД ЗИМЫ

Ползком неспешным ужевым
Вползла в Москву зима,
Опутав снежным кружевом
Деревья и дома.

Был теплый день вчера еще,
Держала осень флаг.
Но вдруг метель карающе
Все погрузила в мрак.

С утра мой клен на улице
Стоял, как постовой,
А нынче, вон, сутулится
Под шапкой снеговой.

И день померк, и глух, и нем,
И в этой тишине
Вдруг моцартовский реквием
Заполнил душу мне.

Олег СЕЛЯНИНОВ

МНЕ ПРИСНИЛСЯ СОН ИЗ ДЕТСТВА

Мне приснился сон из детства,
Как альбомная картинка:
Милый домик по соседству.
И к нему бежит тропинка.

На тропинке та девчонка,
Что всегда мне спать мешала,
Босиком и в рубашонке,
Что колен не доставала.

Две задорные косички
На затылке кверху вьются,
И пушинками реснички,
И глаза — два синих блюдца.

Только что-то эти блюдца,
Что насмешливо сияли,

Почему-то не смеются,
До краев полны печали.

Словно ждут они ответа:
Почему уходят годы?
Почему сменяют лето
Дни осенней непогоды?

Почему вдали кружится
Незнакомое, чужое?
Почему не повторится
Что ушло от нас в былое?

И стоит она, девчонка,
Что из дома по соседству,
Грустно машет мне ручонкой...
.....
Мне приснился сон из детства.

Андрей ТЕРЕХОВ

* * *

Те же горы. Лишь снегом вершины
Удивляют. Прохладное лето.
Те же реки и те же мужчины,
Лишь на год повзрослели анкеты.

По знакомой небесной дороге
Стрекоза вертолета промчалась.
Те же радости, те же тревоги.
Первый день. Первый лагерь. Начало.

Над костром тех же звезд паутина,
Только Марса фонарик краснее...
Журавли по утрам острым клином
В синеве над палатками реют.

И пороги все в том же обличье,
Год, понятно, не срок для порога.
На скале поминальных табличек
Не прибавилось. И слава Богу!

Так же ярки пурпуры закатов,
И нежны акварели восходов,
Те же весла — по штучке на брата,
И такое же чувство свободы.

Пролетят две недели, растают —
С расписанием у времени строго...
А домой возвращаться с Алтая
С каждым годом грустнее немного.

ВАЛЕРИЙ СОРОКИН

* * *

Все несем мы свои кресты:
жизнь — предсказанное движенье
от рожденья до смертной черты
по стезе между светом и тенью.
Часто,
в жажде по-своему жить
и вкусить неучтенного счастья,
тщимся мы путеводную нить
сечь мечом,
динамитом крушить,
рвать зубами
на мелкие части.

Ни себя, ни других не щадя,
ошибаемся зло и жестоко...

Чтоб по взорванным площадям
возвратиться к святым истокам.



История и современность



Вячеслав ГОРЕЛОВ

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА, ИЛИ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО НИКИТЫ ЗОТОВА И ВАСИЛИЯ ТЯПКИНА В КРЫМ

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Член Попечительского совета крымского отделения «Литературной газеты». Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». **Живет в Севастополе, Крым.**

Каждый из нас хотя бы раз в жизни бывал по служебным делам в командировке. Один из непереносимых ее атрибутов — написание отчета. Требования к последнему, как правило, минимальны — указание на то, что поставленная цель достигнута, суточные такие-то, на билеты и на гостиницу потрачено столько-то, число, подпись имярек. Помнится, в прежние годы была такая строка в отчете: помимо цены билета, указывалась стоимость постельных принадлежностей в поезде. Невелики деньги — один рубль, а сердцу было приятно.

Совсем иное, то есть очень даже неформальное дело — подробные посольские журналы, записи дипломатических служащих и донесения послов. Такие документы — в русской дипломатической практике они носили название статейных списков — имеют сугубо конфиденциальный характер и предаются огласке лишь спустя много лет, когда изложенное в них перестает быть предметом государственной тайны.

Ныне всем любознательным доступны статейные списки русских послов в Крым, относящиеся к XVII столетию. Наиболее интересны документы последней четверти века, ибо этот период в истории русско-крымских отношений характеризуется принципиальным изменением баланса сил. Крепнущая Россия уже не ограничивается защитой своих рубежей на засечных линиях, а принимает активные наступательные действия, нацеленные на устранение угрозы новых набегов со стороны крымцев.

После заключения Андрусовского перемирия с Польшей Россия концентрирует свое внимание на южном направлении. В 1677 г. начинается русско-турецкая война, в которой на

стороне османов принимает участие крымское войско. Поскольку военные действия проходят в целом успешно для России, возникает возможность закрепить успех на дипломатическом фронте. И в 1680 г. в Крым для заключения Бахчисарайского мирного договора направляются стольник Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов. Вернувшись в Москву, они составляют статейный список, читать который — редкостное удовольствие.

Безусловно, дипломатическая деятельность — это почти всегда прикрытие для наблюдения, открытого или «тайным обычаем», и русская посольская миссия не являлась тому исключением. Послов интересовало все: они пишут о войсковом старшине в Сечи (которая предоставила казачий отряд для охраны посольства), о том, кто находился ошую и одесную подле хана во время аудиенции, о том, во что хан одет, каков он лицом, на какие подушки опирался и каково внутреннее убранство дворца. Иерархия правителей, устройство и оснащение укреплений, вовлеченность Крыма в дела Османской империи — все в зоне внимания Посольского приказа служащих.

Более того, в статейном списке Никиты Зотова и Василия Тяпкина оценивалась возможность обеспечения военных походов в Крым. Вот лишь один пример: «А от того стану даже до Крыму по рекам и по речкам и по угодиям многия талники и терники, где зверя и птиц и рыб множество есть, и по нужде без больших простоев великим ратем дровами пронятца можно». Здесь и далее — выдержки максимально приближены к оригиналу.

Приведенные в посольских отчетах географические сведения — подробные указания о населенных пунктах, о датах приезда и датах убытия — позволяют оценить среднюю скорость посольского поезда. Например, 28 сентября посольство вышло из Сум Муравским шляхом, а 2 октября прибыло в Богодухов, потратив на переход 6 суток. Расстояние между Сумами и Богодуховым по современной харьковской трассе примерно 135 км. Таким образом, посольская миссия на этом отрезке проходила в среднем 22,5 км в сутки, или около 3 км в час (если учесть, что послы двигались только в светлое время суток). От Богодухова до Валков (около 60 км) послы прошли за 3–4 дня, делая в среднем по 17 км в сутки. Отсюда скорость движения — от 15 до 25 км в сутки, или 2–3 км в час. Таков шаг неторопливого пешехода.

Однако в районах, близких к Крыму, и скорость движения замедлялась, и опасность многократно увеличивалась. Недисциплинированное запорожское казачество не считало себя обязанным рисковать защитой послов в землях, приближенных к северным границам Крымского юрта. После ночевки у Молочных вод 16 октября казаки то ли с недоперепою, то ли со страху взбунтовались и решили уходить. Попытки русских послов задержать их успехом не увенчались, ибо их есаул, «Дмитрий, указу Великого Государя, не послушал». Так московские гонцы оказались в конце пути без казачьих сопровождающих.

Чтобы понять, какой опасности подвергалась никем не охраняемая русская миссия, вспомним: вокруг — дикая степь, а в переметных сумах и корзинах — средства на содержание посольства и ценные подарки для хана и его окружения: золотые монеты да мягкая рухлядь. Часть пути послы проделали, таясь по лощинам и балкам, с иссякающим запасом овса для лошадей, «мало отдохнув», не разжигая огня и останавливаясь поить лошадей «на самом же причинном и воровском месте, где выходят безпрестанно

от Азовской степи и з Дону калмыки и из Запорожья казаки, и из Крыма и из Ногай татаровя». Но и мысли не было повернуть назад, не исполнив государево поручение.

В статейном списке содержится подробное описание важнейшей для проникновения в Крым крепости Перекоп. Отмечено, как и из чего сложены стены, сколько башен, какова глубина защитного рва, с каких сторон находятся валы и есть ли в них доступные для проникновения проходы, сколько ратных людей обитает в крепости и сколько пушек установлено во внутреннем дворе и на башнях, из чего изготовлены входные ворота и обиты ли они металлом.

Крымская сторона прекрасно понимала, что русские послы попутно выполняют шпионскую функцию и «шляхов и прямых переходов к воинскому способу» высматривают. Но такова специфика работы. Татарские посланники в этом отношении от русских ничем не отличались.

Однако не только военные дела интересовали русских дипломатов. Они собирали сведения о возможности заселения новых мест, оценивали качество земли, определяли места, где можно заложить города и крепости, «и жить вечно, для того, что около тех рек, и на степях, дубровы великие, и леса и терники и талники и камыши, и зверь в лесах, и рыбы в водах, и кормов конских всюды множество, и пашни можно завести великие». Несколькими годами спустя, будучи наставником царевича Петра, Никита Зотов укажет будущему повелителю России на возможность распространить владения России на юг, поближе к Крыму. Основой для этого станут его собственные наблюдения и оценки.

По статейным спискам можно проследить и «технику» ведения переговоров, и осознать мотивы принятия решений.

Как ни странно, главная проблема после прибытия русской миссии в Бахчисарай — вручение царской грамоты ханову величеству. Здесь чрезвычайно важен дипломатический протокол: грамота, направленная русским царем через дипломата, должна быть вручена хану лично в руки.

А между тем цель главная ближайшего окружения хана — любыми средствами, вплоть до применения силы, не допустить русских гонцов на прием. Тому возможны две причины.

Первая — попытка унижить русских послов (а через это и русского царя), инициированная ханом. Московские гонцы, дескать, имеют столь низкий для него статус, что он считает недозволительным тратить на них свое драгоценное время. Пусть с русскими посланниками разбираются ближние люди, а то и разменный бей — лицо, весьма низкое в придворной иерархии.

Вторая причина более правдоподобна. Это желание ближних людей к самовозвышению, потребность казаться более значимыми, чем они есть. Во время встреч с Зотовым и Тяпкиным некий ближний человек желает иметь прямое к нему письмо от «думного царского величества дьяка», и сердится, что такого письма нет, и даже обвиняет русских послов в его сокрытии.

Но русские послы непреклонны. Когда аталык и разменный бей прибывают в посольский стан и требуют грамоту, чтобы передать ее хану, они получают отповедь Зотова и Тяпкина: «Мимо ево Ханской руки никому из ближних ево людей Великого Государя нашей грамоты не дадим». На угрозы отнять грамоту силой послы отвечают: «И мы говорили: где головы наши

будут, там и грамота Царского Величества при нас, а когда уже увидите нас мертвых пред собою, тогда и грамоту Царского Величества возьмете».

Однако не всем удастся противостоять натиску. В статейном списке Зотова и Тяпкина есть рассказ о том, как Посольского приказа толмача Андрея Щербинина, прибывшего с государскою грамотой к ханову величеству, к послам не пустили, грамоту у него силой отняли и хану поднесли. Несмотря на то, что грамоту уже расшили и распечатали, нашим послам удастся хотя бы задним числом восстановить протокол: они добиваются, чтобы им принесли царскую грамоту, и они сами вторично вручают ее хану.

Перед аудиенцией у хана послы вынуждены обсуждать также некоторые аспекты ритуала. Например, они оговаривают следующее: «и станем ему (хану — *В. Г.*) по чину честь и поклон отдавать, чтоб нас за шеи не брали и силою до земли не нагибали, и тем нас не безчестили; мы и сами поклонимся по надлежащему чину». Действительно, «усильные поклоны» басурманские бывали над прежними посланниками и, зная об этом из статейных списков предыдущих посольств, Никита Зотов и Василий Тяпкин стремятся предотвратить насилие.

Попытки вымогательства подарков и гостинцев приближенными хана вульгарно-беспрецедентны, но о расточительности и речи нет. Например, в ответ на одно из таких обращений русские послы отвечают: «А мы присланы к Ханову Величеству и к вам не дары раздавать, только добрые дела делать, которые надлежат меж великими государи к мирному постановлению». И лишь в необходимых по протоколу случаях (аудиенция у хана) или во имя достижения целей посольства вручаются подарки — в основном мягкая рухлядь, или сулитися государево жалование. Причем, несмотря на стремление ближних людей узнать конкретную сумму, таковая не оглашается. Сначала должно быть принято желаемое русской стороной решение, и только потом государь самолично решит вопрос о сумме вознаграждения. Речь, как сказали бы сейчас, идет о премиальных.

Основная цель посольства — заключение мирного договора и делимитация границы. Именно вокруг границы происходит основная коллизия. Турецкий султан (и его вассал крымский хан) желают иметь границу по Днепру, русская же делегация настаивает на границе по рекам Рось, Тясмин и Ингул. Приближенные хана не понимают (или делают вид, что не понимают) предлагаемой границы и просят «чертеж». И здесь проявляется высочайшая готовность русских послов к ведению переговоров! В делегации имеется изготовленная «немецким тиснением» подробная карта Московского государства, содержащая реки, речки и урочища. Есть писари, способные изготовить чертеж нужного фрагмента и написать на нем названия географических объектов. Есть проводники, могущие по памяти проверить точность названий и нанесенной межевой черты. Лишь русские названия татарским письмом надписывает крымский переводчик.

Момент обсуждения карты также интересен: ближний человек Агмет-ага требует чертеж, чтобы показать его хану, русская делегация отдает его только после того, как получает обещания, что «тот чертеж он Агмет-ага отдаст (то есть вернет делегации. — *В. Г.*) <...> своими руками». Ни фрагмент карты, ни карту целиком отдавать категорически нельзя. Не будем забывать — на дворе XVII век. Нет аэрофотосъемки, нет съемок из космоса. Подробная топографическая карта — это ценнейший государственный документ.

Договориться о границе на русских условиях не удастся. Когда становится понятно, что противная сторона на уступки не пойдет, Посольского приказу люди соглашаются на разумные компромиссы. Видя, что дело идет к новой войне, они «чтоб не допустить бусурманов на разлитие невинные крови христианские и пленнаго порабощения», о согласии на размежевание по Днепру ближним людям объявят. Но объявят только после того, как снова предложат разграничение «по первому нашему объявлению», после того, как увидят у ближних людей в ответ на это их «поганую гордость и несклонность» и поймут окончательно, что по этой статье договора уступок не добиться. Ибо, как сообщает хан во время одной из аудиенций, у него на этот счет есть жесткие инструкции от турецкого султана: «Хану прислан указ ево крепкой и неперменной под великим страхом».

Но и у русской делегации есть козырь в рукаве — «тайный наказ», данный послам в Москве. О встрече с Государем, предвещающей отправление миссии в Крым, дипломаты сообщают в статейном списке, но даже в нем они не уточняют содержание «тайного наказа» — на то он и тайный. Мы можем лишь строить догадки на этот счет, опираясь на косвенные данные и анализируя некоторые фразы, произнесенные русскими посланниками при встрече с воеводой Василием Борисовичем Шереметевым. Последний много лет томится на Чуфут-Кале. Кстати, условия жизни сего боярина в Крыму требуют пояснений.

Вот что сообщает турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666—1667 гг.: «Наш господин Мухаммед Герай-хан заключил везиря (Шереметева. — В. Г.) в тюрьму этого Чуфут-Кале. На ноги ему надели кандалы по семьдесят окка и сделали пленником». Окка — мера веса, она равнялась 1282 г. Вес кандалов в 90 кг — стилистическая гипербола автора. Упомянутую фразу следует читать так: «На ноги ему надели очень тяжелые кандалы».

Сам В. Б. Шереметев так описывает Государю Алексею Михайловичу свое заточение: «Кандалы на мне больше полпуда; четыре года я заперт в палату, окна заделаны камнями, оставлено только одно окно. На двор из избы пяди не бывал я шесть лет и нужду всякую исправляю в избе, а от духу и от нужды и от тесноты больше оцинжал, и зубы от цинги повыпадали, и от головных болезней вижу мало, да и от кандалов обезножел, да и оголодел».

Если, однако, и жил некогда боярин Шереметев в тюремном каменном мешке, то его описание голодной жизни в кандалах не отвечает статейному списку Никиты Зотова и Василия Тяпкина. Например, русские послы легко получают дозволение увидеть Шереметева, чтобы передать ему «милостивую грамоту и челом ударить». Во время этой встречи они передают боярину государево жалованье — сто червонцев золотом и 40 собольих шкурок ценой 50 рублей каждая, в ответ на что Шереметев «о том зело опечалился и плакал горько, разумеваючи на себя некакой гнев Государской». Заметим: несмотря на то, что боярин много лет находится в плену, он не снят с государственного довольствия, хотя и сокращается об уменьшении жалования супротив прежнего.

Во время пребывания русских послов в Бахчисарае Шереметев принимает участие в очной ставке, затеянной во имя разрешения одной из конфликтных ситуаций, после чего послы возвращаются в посольский стан,

«а боярин Василей Борисович поехал к себе в Жидовской городок» (в Чуфут-Кале. — В. Г.). Позже воевода выступает в роли советчика при принятии важного решения о границе по Днепру. При этом жалоб Шереметева на тяжелое содержание русские послы в статейном списке не зафиксировали, об истощенном виде и кандалах не сообщают.

Противоречие между условиями содержания Шереметева, как их представляет Эвлия Челеби и сам пленник, и тем описанием, которое находим в статейном списке Зотова и Тяпкина, возможно, объясняется следующим: условия содержания воеводы Шереметева изменили, дабы ценный пленник не умер, а оставался статьей дохода при получении откупных денег.

Но жизнь русских послов в Крыму, без сомнения, была весьма многотрудной.

О посольском стане Никита Зотов и Василий Тяпкин сообщают: «и воистину объявляем о том строенье, яко псом и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам посланником Царского Величества». Позже, когда русские послы за свою несговорчивость и упрямство окажутся в изоляции, обитать им придется в «великой тесноте, и в голодной скудости и на стуже, в земляной яме где ни печи, ни лавок, ни потолка, ни окошек не было, толко дверцы с окошечком малым в которыя входили и исходили, да сверху накрыто хворостом и наметано землею и том живот свой мучили». Жили они в таких условиях в холодное время года более месяца — с 26 ноября по 28 декабря. Судя по тому, что при прощании с Зотовым и Тяпкиным хан выразил соболезнования в связи со смертью их людей: «И Ханово Величество спросил нас о здоровье, и споболезнуючи о упадке умерших людей наших, говорил нам: чтоб мы о том не оскорблялись; то де учинилось по воли Божией», можно сделать вывод, что в посольстве были безвозвратные потери.

То, что сведения об условиях пребывания посольских миссий относительно скупы и обрывочны, занимают в посольских журналах несопоставимо малое место по сравнению с подробным описанием переговоров, встреч и событий, позволяет заключить: переносимые лишения были вторичны по сравнению с необходимостью решить главную задачу, возложенную на послов. Эта задача была решена: мирный договор на 20 лет подписан, граница по Днепру установлена. По поводу Киева в договоре было сказано следующее: «А Киев город и с принадлежащими ево изстари пределами и городками, разоренные городки Васильков, Триполье, Стайки, Киевская старая граница под его царскою державою бытии». Это — к вопросу о достоверности некоторых современных учебников по так называемой украинской истории.

Мирный договор, подписанный в Бахчисарае в 1681 г., стал четким свидетельством усиления позиции России. Через четыре года после миссии Никиты Зотова и Василия Тяпкина, в 1685 г., из Москвы в Крым будет последний раз отправлена годовая казна — унижительное золотоордынское наследие. В 1700 г. специальная статья Константинопольского мирного договора узаконит прекращение выплаты ежегодных поминок и сделает их достоянием истории.

В XVIII столетие Россия войдет с ясной перспективой распространения своего влияния на Северное Причерноморье и Крым.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ



Борис КЛЮЧНИКОВ

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА В ЕВРОСОЮЗЕ

Борис Фёдорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш Современник». **Живет в Перedelкино.**

*Мировой пожар в крови,
Господи, благослови!*

А. Блок

Ранней осенью 2008 года произошло событие, которое насторожило не только Европу, но весь мир, и без того потрясенный банкротствами и крахами, проистекающими из системного кризиса капитализма. Этим событием стала речь Папы Бенедикта XVI, главы миллиардного мира католиков, которую он произнес в германском городе Регенсбурге. Папа Бенедикт XVI издает энциклики, произносит много речей и проповедей, но ни одна из них не привлекла такого обеспокоенного внимания, как та, произнесенная перед молодежью Регенсбурга. Потому что в ней Папа затронул болезненную, но чрезвычайно актуальную проблему, а именно взаимоотношений между христианством и мусульманством, которое, в отличие от России, стало новым и тоже влиятельным фактором в жизни народов Западной Европы. Папа напомнил историю этих взаимоотношений, наполненную скорбью и кровью: он процитировал речь императора Византийской Империи Мануэла Палеолога II, произнесенную 700 лет назад, в эпоху, когда несметные полчища турок, принявших ислам, перехватив эстафету арабских халифатов, захватывали, разоряли и исламизировали православные города и села, когда турецкое кольцо сжималось вокруг Константинополя. Вот тогда император Византии и произнес слова, которые в современном толерантном либеральном мире стали шоком. Папа процитировал следующее мнение императора Византии: «Покажите мне, что нового привнес Мохаммед? И тут вы найдете только вещи злые и бесчеловечные, такие как его наставление (his command) распространять веру мечом, насилием»...

Задумаемся, почему, зачем Бенедикт XVI решился процитировать такое шокирующее мнение, высказанное 700 лет тому назад. Была ли это ошибка, неосторожность, намеренная бестактность, вызов полуторамиллиардному мусульманству, пять раз в день поклоняющемуся Аллаху и его Пророку Мухаммеду? Мог ли умудренный жизнью талантливый человек, известнейший теолог Иозеф Ратцингер так оплошать?! Что он не предвидел бурную реакцию не только мусульман, но и внутренних ниспровергателей остатков христианства? Разве веками отточенная изощренная дипломатия Ватикана не обратила бы его внимание на неутихающие скандалы вокруг памфлета Вольтера «Фанатизм, или Пророк Магомет», вокруг Данте, который поместил Мухаммеда в седьмом круге ада «Божественной комедии».

Исламские организации в Европе требуют удалить из учебных программ «Божественную комедию». Но для итальянцев удалить Данте из школ и университетов такой же удар по национальной идентичности, каким был запрет Достоевского, которого добились в 20-е годы «пламенные» революционеры в России. Они, дорвавшись до власти, яростно крушили православную цивилизацию России. Можно понять и мусульман, конечно не тех радикалов, которые пытались взорвать в болонском храме фреску, где Мухаммед изображен в одном из семи кругов дантовского ада.

Всего за месяц до речи в Регенсбурге полыхал мировой скандал из-за датских карикатур на Пророка. Разве Папа не знал, как либеральные СМИ оплеывают историю Христианства, как они подтасовывают факты, вырывают цитаты из контекста! Знает он, что либеральные власти Европы спокойно смотрят не только на поношения Христианства, но и подталкивают к ним, искореняя символы веры предков, искажая учебники истории, показывая издевательский фильм «Последнее искушение Христа».

В этой объединенной Европе, на которую с вождением засматривается российская «элита», то есть класс толстосумов, гордятся тем, что в конституции Европы масонам удалось не допустить даже упоминания о христианских корнях великой европейской цивилизации. Знал Бенедикт XVI и об этом, знал, что играет с огнем, что на Церковь нападут на обоих фронтах — на исламском и на либеральном.

Так почему, с какой целью он решил процитировать такие несвоевременные слова византийского императора? Я прочитал и продумал все тезисы в речи Папы в Регенсбурге. Вывод напрашивается такой: Папа видит, что границы всех цивилизаций с мусульманскими странами кровоточат, что надо искать и прокладывать пути сосуществования с исламом, отсекая экстремистов и радикалов.

По мнению именитых теологов, основная проблема, которую с молодых лет пытается решить в своих богословских трудах Иозеф Ратцингер, ныне Папа Бенедикт XVI, это соотношение разума и веры в религиях. И в этом отношении все религии не безупречны: мусульманство делает упор на веру, умаляя роль разума. Западное христианство, особенно протестантизм, напротив, слишком рационалистично и привязано к земным благам в ущерб духу, в ущерб вере, что ведет к культурному релятивизму, нигилистическому отношению к вере и к опыту отцов, в итоге к бездуховному потребительскому гедонизму, к безбожному обществу. Европа забывает окончательно Христову заповедь: «Не можете служить Богу и мамо-

не... Не собирайте себе сокровищ на земле...». Забывает как раз в такую грозную эпоху, когда *только возрождение христианской веры, или, как говорят ныне в России, второе Крещение, может спасти европейскую цивилизацию*, сделать Европу достойным партнером не в столкновении, а во взаимодействии культур и цивилизаций в быстро объединяющемся мире. Папа в своей речи пытался разбудить европейцев, указать на грозящую катастрофу, указать пути ее недопущения. Достиг ли он своей цели, потревожив сон самовлюбленных европейцев? Едва ли. Ни либеральные власти, убаюкивающие европейцев и насаждающие мультикультурализм, ни сами европейцы, среди которых растет число экстремистов-исламофобов, не дают в этом отношении надежды.

Тем не менее усилия Папы и Ватикана не безрезультатны. Начался и активизировался диалог между католическими и мусульманскими учеными и лидерами, в том числе и в русле проекта Oasis под руководством венецианского кардинала Скола (Scola). Цель диалога — научить европейцев понимать мусульманскую культуру, особенно взаимосвязь между традициями и силами плюрализма, которые, хотим мы этого или не хотим, ведут к смешению народов — к “*meticciamo*” по-итальянски, к метисации по-русски. Критики кардинала Скола проиллюстрировали его замысел картиной на обложке книги: две рядом текущие реки — одна светлая, другая — темная Rio Negro сливаются в бескрайнюю мутную Амазонку. Иное видение у Бенедикта XVI, да, думаю, и у Православия: не взрывное слияние, не отчужденное сосуществование, а альянс цивилизаций, альянс между Христианством, Исламом и другими религиями в решении множащихся глобальных проблем. Тунисский христианин, епископ Марун Элиас Лахам, глубоко изучающий ислам, пришел к выводу: «Ислам это и религия, и культура, и образ жизни, которые уверены в своей самодостаточности, что означает, что его последователи не видят никакой необходимости быть обогащенными из других источников! Среди христиан также отвергается метисация, а межрелигиозный диалог ни в коем случае не должен вести к утере даже частички своей особой идентичности и веры. Он средство к достижению взаимопонимания, взаимного уважения в сотрудничестве.

На призыв Ватикана к межконфессиональному диалогу откликнулись прежде всего мусульманские богословы, подписавшие так называемое «Открытое письмо 138 исламских мудрецов»¹. Они за диалог, за альянс, они впервые цитируют Христа не по Корану, а по Евангелию, что само по себе уже богохульство. В нем они подчеркивают любовь не только к Богу, но и к ближнему, даже если он иного вероисповедания. Они протянули руку добрососедства, укоризненно указав на экстремистов в своей среде, на тех, цитирую, «кто разжигает конфликт, зовет к разрушениям, преследуя только свои цели... Мы призываем их к миру, да будем жить в гармонии». Могли ли исламские мудрецы сказать больше, когда Аль Каида зовет к джихаду, когда Хамас призывает уничтожить Израиль, Израиль не допускает создания палестинского государства со столицей в Иерусалиме, а дипломатия Ватикана считает недопустимыми те силовые методы, которыми Израиль защищается. Подобных конфликтов десятки и сотни.

¹ См. Open Letter of 138 Islamic sages.

Европейцы знают о тяжелой жизни тех мусульман, кто эмигрировал в их страны. Созданы десятки агентств помощи, создаются курсы изучения языка, истории и культуры страны, в которой поселились эмигранты. Им подыскивают работу, помогают строить мечети, стимулируют создание светских организаций, дают доступ в СМИ на арабском языке и т. д. Но с течением времени отношение к эмигрантам из мусульманских стран меняется. Особенно по мере того, как европейцы узнают, что мигранты свысока относятся к их культуре, к их порядкам. Они осознанно и целенаправленно отказываются интегрироваться в общество коренных жителей и систематически нарушают установившиеся в стране порядки. Европейцы не понимают, на что жалуются мусульмане, почему они считают европейцев, будь то французы, немцы или голландцы, недружелюбными, нетерпимыми, почему их считают и поколения спустя колонизаторами, называют расистами.

При всем отличии истории российского мусульманства от европейского ныне мы наблюдаем рост недовольства и постоянные жалобы и требования к властям в России. Вот глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин жалуется, что «...мусульмане из-за нехватки мечетей вынуждены праздничные намазы совершать на улице, на трамвайных путях, даже во дворах церквей. Таким образом унижение мусульман, политика по ущемлению гражданских прав продолжается. Все мусульмане, весь исламский мир, все это видят»¹. Однако спросим себя, разве по праздникам не переполнены и православные храмы?

А в Европе либералы и их партии, как и в России, призывают уступать, быть мягче, терпимее. Традиционалисты, напротив, доказывают, что уступать, менять порядки ни в коем случае нельзя, что мигранты будут все больше насаждать, требовать все больших послаблений для себя, что таким путем они никогда не интегрируются в европейское общество. Они считают, что суть требований мусульманских общин не равноправие, а право жить в чужой стране по своим особым обычаям и даже по своим законам, в том числе и по шариату. Европейцев все более тревожит будущее: сумеют ли они, покинувшие религию предков, обеспечить мирное сосуществование двух обществ в одной стране европейского и мусульманского, образно говоря, скажем Франции, и «франкострана»? Правые — отчаянные пессимисты, либералы — сияющие оптимисты.

Законопослушных европейцев просто обескураживает напор и дерзость пришельцев, которые настроены только наступать, трясти и добиваться всего от дряблых правителей. Мигранты убеждены в полном превосходстве своей религии, своего образа жизни, своей морали над «неверными», то есть над иноверцами — кафирами. Нас в России тоже озадачили, например, речи шейха Юсуфа Кардави, приехавшего в 2002 г. из Катара в Москву и заявившего, что «миру нужна новая цивилизация, и решающую роль в ее создании предстоит играть исламу, последней и самой совершенной религии Откровения»². Шейх не фанатик, не террорист, а один из руководителей Всемирной лиги мусульман. Можно ли представить, чтобы нечто подобное

¹ КМ.ру, 18 декабря 2010 г. Александр Романов: Гайнутдин: русские пьют и ленятся. А вот мигранты...

² Газета «Завтра», № 45, ноябрь 2002 г.

сказал в Мекке кто-либо из иерархов Ватикана или Русской Православной Церкви?

В чем шейх прав, так это в том, что миру действительно надо освободиться от оков бездушной материалистической цивилизации. Для самих христиан она — отклонение от воли Бога, от Его пути, кратковременное, всего в 2–3 века отступничество от духовного прогресса. Не исключено, что через тысячу лет человечество достигнет синтеза всех мировых религий, того, что Даниил Андреев называл «Розой мира» — соцветием мировых религий. Возможно, но и в этом случае веротерпимый человек скажет, что ни одна из религий не может претендовать на полноту истины. Так, кстати, и сказал известный богослов и духовный лидер Ирана Раджани, речь которого я слушал лет двадцать назад в актовом зале ЮНЕСКО. Несравненный знаток умерших и живущих цивилизаций, философ истории англичанин Арнольд Тойнби (Arnold Toynbee) слыл исламофилом, восхищался многими творческими находками в строительстве Османской империи и тем не менее считал, что в будущей мировой религии за основу будет взято все-таки Христианство.

В глазах европейцев мусульманство пока не может служить образцом гостеприимства и веротерпимости. Они знают, что происходило на Кипре, в Ливане, в Косово, в Боснии, в Македонии, в Эритрее, в Чаде, что происходит в Судане, где идет геноцид христиан. Шейх суннит Эль Куатри, выступая в Ливане, задал парадигму и объяснил, почему кровоточат границы с исламом: «Либо правитель мусульманин и правление исламское и тогда мусульманин признает его и поддерживает. Либо правление не исламское, и тогда он его не принимает и стремится его уничтожить всеми способами, убеждением или силою, в тайной или в открытой войне... Отказ, даже частичный, от этой позиции означает для мусульманина отказ от ислама и его доктрины»¹. Либералы в Европе обычно отмахиваются от таких писаний теоретиков-экстремистов. Но ведь в 90-е годы точно то же говорил и творил на практике боснийский лидер Изетбегович.

Беседуя со скептиками-европейцами, я обычно привожу пример Сирии, где неплохо уживаются вместе мусульмане и христиане. Да и в истории были многие примеры такого добрососедства, например Кордобский халифат. В ответ меня засыпают очень неприятными фактами. Вспоминают, как власти Ливии выдворили из страны тысячи единоверцев египтян и тунисцев, приехавших работать в Ливию, где заработки выше. В Алжире изгнали марокканцев, саудовские власти депортировали миллион йеменцев. Они все тоже были мусульмане, единоверцы, братья в исламе. Власти Саудовской Аравии предпочли бессловесных, забытых и очень трудолюбивых филиппинцев. Европейцы расскажут вам случаи, которые произошли с ними или их знакомыми в той же Саудовской Аравии: попробуйте приехать в Мекку или Медину с Евангелием, со своей иконой или открыто носить крест. Выжившие со времен Византии христиане, это не столько граждане, сколько подданные, или граждане второго сорта. И это несмотря на то, что среди них обычно повышенный процент интеллигенции. Кстати, в Саддамовском Ираке положение христиан было не хуже, чем в Сирии, и несравненно лучше, чем положение коптов-христиан в прозападном демократическом Егип-

¹ El Qadiya el Lubnaniya 1976–1977.

те. Европейцы расскажут вам, что в Тунисе не шариатом, а государственным законом мусульманкам запрещено выходить замуж за немусульманина.

Так растут недоверие и отчужденность между коренными европейцами и мигрантами. А СМИ ежедневно подбрасывают новые факты из «зоны притворства» мусульман. Вот в Алжире, который 30 лет у нас слыл государством «социалистической ориентации», по конституции положены все демократические права, в том числе и свобода совести, защита христианского меньшинства. Христиан там действительно осталось немного, особенно при таком высоком демографическом росте. Помню, что, прибыв в 1968 году в Алжир в составе миссии Всемирного банка — ЮНЕСКО, я писал в отчете, что население Алжира 12 млн человек. Ныне там около 37–38 млн человек. Алжир по населению скоро обгонит Францию. Так вот в Алжире, сообщает французская пресса, принят закон о тюремном заключении на 1–3 года за склонение кого-либо из мусульман в христианство или иную религию. Отмечу, кстати, что в Европе быстро растет число христиан, перешедших в ислам. Но число мусульман, особенно из интеллигенции, перешедших в Христианство, намного выше, несмотря на угрозы суровых наказаний по шариату за отступничество. Алжирский закон предписывает, что исповедование Христианства разрешается только в особо отведенных местах. Если они начнут молиться на «трамвайных путях» или «во дворах» мечетей, их ждет арест. В христианских храмах дозволено богослужение и только богослужение. Никаких культурных, спортивных мероприятий, никаких приходских или детских школ, клиник, никаких конференций, никаких светских организаций, никакой политики, — сообщает французская пресса. Она сообщает каждый раз о том, что то «нефтяникам запретили рождественскую елку, то в аэропортах конфискуют литературу христианского содержания, привлекают к суду, терроризируют католических миссионеров. Далее идут сообщения о погромах христиан в Пакистане, о взрыве христианского храма и о смерти в нем 120 христиан в Багдаде. Правительство Ирака распорядилось обнести христианские храмы трехметровыми стенами и ввести пропуска. Но тысячи христианских семей из Ирака срочно переселяются в Курдистан.

Обстановка из года в год, из месяца в месяц становится все более напряженной. Европейцы задают вопрос, почему мы гостеприимны, а немногих христиан в странах Ислама теснят шаг за шагом. Почему мы обязаны подставлять и другую щеку? В сознании европейцев есть чувство исторической вины за колониальную политику в прошлом, за колониальные войны. Это чувство, вкупе с традиционной веротерпимостью, объясняет то гостеприимство, с которым в 70–80-е годы были встречены первые волны эмигрантов из мусульманских стран. В Европе считают, что, начиная с 70-х годов, континент столкнулся с третьей волной ислама. Вспоминают VII и VIII века, когда грозные, победоносные, великолепные всадники, воины Пророка, захватывали Кипр, Сицилию, Испанию, плодородные земли Аквитании и Лангедока во Франции. Их передовые отряды разъезжали по Англии, появлялись даже в Исландии. Однако в ту эпоху могучая Христианская Церковь сумела сплотить своих воинов, дать отпор, отвоевать уже в VII веке Сицилию, в VIII веке юг Франции, в XI веке перейти в наступление крестоносцев. К XV веку после семи веков господства мусульман в Реконките освободилась Испания. Но в те же годы была разгромлена Византийская Империя,

в 1453 году пал Константинополь, были порабощены все южные славяне, венгры, валахи. В 1683 году полчища Блистательной Порты стояли у ворот Вены. Это была вторая волна ислама. Австрийская Империя отбросила турок от стен своей столицы. Полки Потёмкина довершили разгром турок. Они потерпели чудовищное поражение, что заставило Порту подписать в 1774 году Кучук-Кайнарджийский договор, по которому все северные берега Черного моря переходили во владения Российской Империи.

В исторической памяти европейцев не только воспоминания об этих двух исламских нашествиях, не только осада Вены, но и нападения сарацин — алжирских пиратов, которые захватили и продали в рабство по разным подсчетам от 1 до 1,25 миллиона итальянцев, французов, испанцев, англичан, голландцев, ирландцев. Не будем забывать и о ежегодных (как появлялась трава для коней) набегах крымских татар, которые охотились за славянскими землепашцами и продавали их на невольнических рынках в Кафе (современная Феодосия). Этот кошмар продолжался вплоть до XVIII века. Так что соседство было далеко не доброе.

И вот что тревожно, десятилетия совместной жизни не сблизили европейцев и мигрантов-мусульман в оценках истории их взаимоотношений. Мне приходилось беседовать и с арабской, и с французской, и испанской интеллигенцией. Поразительно: европейцы, начитавшись либеральных авторов, особенно Сартра, отрицательно относятся к крестовым походам и вообще к Христианству, хотя неохотно признают, что история Христианства и есть история и культура Европы. Они даже помнят подвиги Карла Марте́ла, битву под Пуатье, но в целом это скептики. Мусульмане, напротив, в восторге от молниеносных побед ислама в VII—VIII веках, от османских побед XII—XV веков. Мусульмане от Касабланки до Исламабада помнят о победах, о величии халифов. Печалются, что арабов изгнали из Испании, что пали халифат Кордобы и эмират Гренады, что они потеряли Нарбонну на юге Франции, Крит, всю Сицилию. И главное верят, что мусульманство туда вернется, потому что Запад изнежился и разложился, что европейцы стали язычниками, индивидуалистами, а такие народы не устоят перед «воинами Аллаха». Немецкая газета «Ди Вельт» цитировала еще десять лет тому назад слова имама Измира. Обращаясь к европейцам, он говорил: «Благодаря вашим демократическим законам мы овладеем вами; благодаря вашим законам о религии мы будем властвовать над вами»¹. Имам имел в виду законы о секуляризации. Нашей «элите» больше всего в Европе нравятся изнеженность, гедонизм, которые ведут к дряблости и вырождению.

В заключение приходим к выводу, что историческая память мусульман и христиан глубоко травмирована. Для реалистов очевидно, что опасно рисовать лубочные картинки о сотрудничестве и добрососедстве ссылками на Кордобский халифат в Испании, на авторитет Белого Царя среди горцев Кавказа и т. д. Надо искать новые пути к взаимодействию, несмотря на то, что и в Европе многие из этих путей привели в тупик и как предсказал в «Дневнике современника» Александр Казинцев — «тормоза отказали». Это стало очевидно 11 декабря 2010 года на Манеже².

¹ Die Welt, Hamburg, 6 October 2001.

² См. размышления в «Нашем современнике», № 10 («Вертикаль бессилия») и № 11 («Тормоза отказали»).

До 70-х годов число мусульман-мигрантов в Европе исчислялось тысячами, в 80-е годы уже десятками и сотнями тысяч. Большинство из них приезжало на заработки и уезжало домой. Как это происходит до сих пор у нас в России. Правительства пытались регулировать положение мигрантов, учитывая только потребности предпринимателей в дешевой рабочей силе. *То, что ныне делают власти и в России, не учитывая прискорбный опыт стран Западной Европы.* Там при постоянной пропаганде демократических прав и свобод нигде, ни в одной стране не удосужились спросить на референдуме народы, коренных европейцев, хотят ли они, чтобы предприниматели завозили уже не тысячи, а миллионы дешевых рабочих рук?! Хотят ли они, чтобы мигранты оседали на европейской земле, обзаводились семьями, привозили своих детей и жен, иногда не одну жену, а всех трех-четырех жен. Воссоединение семей многократно за несколько лет увеличивало число иммигрантов. Оно самый мощный фактор роста числа иммигрантов. Мигранты подрывали профсоюзы, соглашались на любую работу, за самую мизерную плату, выталкивая европейцев в резервную армию безработных.

Сколько мусульман поселилось в Европейском Союзе, в его 28 государствах? Самые проверенные и надежные статистические службы едва ли дадут точные данные. Чаще всего указывают, что среди 490 млн. его жителей проживают от 4 до 5 процентов мигрантов мусульман. Левые считают, что их не более 12–13 млн, правые — что от 25 до 30 млн. Немецкий институт «Исламский Архив» давал на конец 2007 года 53 млн на *всем* континенте Европы до Урала, включая в эту цифру европейскую Турцию, казахов (57 % населения Казахстана), Азербайджан, автономные республики на Волге и на Северном Кавказе, мусульманские государства Боснию и Герцеговину, Санджак, мусульман в Македонии и Сербии, а также 1,5 млн мусульман в Москве. Это очень приблизительные цифры, они могут ввести серьезного исследователя в заблуждение. Для примера приведу данные по Казахстану: мусульманами там в 1970 году считали себя только 38,87 % казахов, в 2007 г. уже 57 %, а в 2009 г. — 70,85 %. Важно не упускать из виду, что евроислам — это не только 20–25 млн недавних иммигрантов из мусульманских стран и их дети, но 9 млн граждан бывшей Югославии, Болгарии, Молдавии и 15 млн жителей Стамбула. Это означает, что в Западной и Восточной Европе проживает не меньше мусульман, чем в России. На южном берегу Средиземного моря над Европой нависают еще более сотни миллионов мусульман.

Что касается собственно Евросоюза, то положение значительно осложняется тем, что мусульмане обычно живут не в диаспоре, не в рассеянии среди коренных европейцев. *Такое рассеяние способствовало бы их интеграции в европейскую цивилизацию.* Сложность состоит в том, что они селятся отдельно от европейцев, на окраинах городов, которые часто превращаются в мусульманские гетто. В них устанавливаются свои порядки, основанные на привезенных обычаях и обрядах. Коренные жители в эти гетто опасаются заходить, потому что там высокая преступность, вонь, нищета, враждебность к белым. Полиция тоже избегает встреч с их обитателями, а если появляется там, то усиленными нарядами. Приезжих из мусульманских стран много не только в Москве и других русских городах.

В Роттердаме 25 % населения в 2008 г. составляли мусульмане, 24 % в Амстердаме, 20 % в Марселе, в Париже их 10 %. В целом можно считать, что процент мусульман в Евросоюзе невысок — 5–6 %, от 6 % во Франции до 0,5 % в Швеции, хотя в больших промышленных городах их доля, как правило, поднимается до 10 % и выше. На форуме «Диалог цивилизаций» в октябре 2010 года (проводится ежегодно на Родосе под председательством В. Якунина) парламентарий из Франции сообщил, что «в результате процессов миграции во Франции заметно обновилось население — около 15 % ее граждан имеют внеевропейское происхождение, исповедуют иную религию и имеют иные традиции».

Из этой статистики следует следующий факт: *ислам в Европе пустил прочные корни*. Речь идет не о старых оттоманских анклавах мусульман на Балканах, не о тех 9 млн южных славян, чьи предки отступили от Христианства, кто по убеждению, кто из корысти в погоне за золотом и чинами, кто из робости и страха. Нет, речь идет о *новом факторе* в жизни народов Западной Европы — о евроисламе из мигрантов, становление которого началось в 70-е годы. За 30 лет число мусульман удвоилось. К 2015 году число мусульман в Евросоюзе вновь удвоится. Исследователи называют этот феномен демографической бомбой. В СМИ постоянно муссируются сообщения, что в столице Евросоюза в Брюсселе как-то было замечено, что среди имен десяти новорожденных мальчиков не было ни одного христианского: семь первых — Мухаммед, Айюб, Райен, Мехди, Амин, Хамза, Селим¹. *Быстрые изменения такого рода в составе населения Евросоюза, конечно, имеют далеко идущие последствия для всего образа жизни в Европе*. Для состава рабочей силы, для стандартов жилья, для питания, для образования, для культуры, наконец, для обрядов захоронения. Исламский фактор уже оказывает заметное и все возрастающее влияние на внешнюю политику европейских государств.

Кто из тех, кто завозил дешевую рабочую силу, задумывался о таких последствиях? Первым следствием этого стал рост антисемитизма с четкой корреляцией его накала с долей мусульман в различных европейских странах. Чем выше эта доля, тем сильнее и тревога коренного населения о грядущей исламизации Европы и тем быстрее разрастается болезнь исламофобии, речь о которых пойдет во второй части нашего аналитического обзора.

Мусульманская диаспора прочно обеспечивает успех правых партий на выборах практически во всех странах Евросоюза. Таковы неожиданные повороты истории: пятьдесят лет людей в Европе стращали еврокоммунизмом, а столкнулись с евроисламом и быстрым ростом националистических настроений и ксенофобских организаций. Нет у европейцев и в этом вопросе единого подхода, единой иммиграционной политики, обозначенных в «Декларации Тампере», в «Амстердамском договоре», на встрече в верхах в Севилье. В отчетах Международной организации по миграции регулярно обновляются статистические данные, дается анализ состава мигрантов. Отмечалось, что не было иммиграционной волны из стран Центральной и Восточной Европы и из республик бывшего Советского Союза, которую ожидали в 90-е годы.

¹ The Telegraph, London, August 8, 2009.

*Лидеры европейских государств за последние четверть века несколько раз меняли политику в отношении иммигрантов. Не получилось у них регулировать миграцию квотами, отсылать рабочих домой по окончании контрактов. Они не имели больших проблем при интеграции испанцев, португальцев, поляков, сербов, хорватов. Но с самой массовой мусульманской иммиграцией во всех странах наблюдаются большие проблемы. Для примера возьмем Францию, которая уже давно считается испытательным полигоном различных социальных экспериментов. До начала нового столетия политика Франции в отношении мусульманских иммигрантов сводилась к их социальной интеграции, то есть такая же, как к иммигрантам из стран христианских традиций. Последних удается не только интегрировать во французское общество, но и ассимилировать. Уже во втором поколении их дети становятся французами, представителями великой и влиятельной французской культуры. Иначе происходит с мусульманской диаспорой. Она не только не желает ассимилироваться, но не может даже мягко интегрироваться. Это отмечается в докладе «Ислам в Республике»¹, представленном премьер-министру Франции еще в 2002 году. Между тем в течение четверти века меры принимались чрезвычайные. В отчете отмечалось, что из-за проблем с мусульманской диаспорой французские власти стали пересматривать три основных постулата своей истории и общества, а именно, светскость, гражданственность и равенство. Основой политики интеграции все эти три десятилетия оставался закон 1905 года об отделении Церкви от Государства. Согласно ему религии, в том числе основная — католическая, не должны вмешиваться в дела общества и его социальные процессы. Это означало, что мусульманство имеет те же права и обязанности, что и католическая церковь, тем более, что по численности оно потеснило протестантство, став второй религией Франции. Более того, власти пошли на уступки мусульманству, допустив известную гибкость в применении законов, учитывая исламские догматы и даже обычаи и традиции. Но и тогда, и теперь *власти Франции утверждают, что все основные законы, обычаи и принципы французского общества должны непоколебимо соблюдаться.* К тому же стремятся и власти в России. Это прежде всего принцип равенства полов, веротерпимость, свобода слова, права человека. Школа не должна допускать, чтобы родители заставляли из-за религии менять учебную программу. Пример — уроки рисования обязательны и для мусульман, уроки физкультуры обязательны и для девочек-мусульманок, включая плавание в бассейнах.*

Второй принцип — гражданственность — предполагает внедрение среди иммигрантов жизненных ценностей и нравственных норм французской нации. «Интеграция мусульман на французской земле, — требует доклад премьер-министру, — должна способствовать обогащению французского общества за счет вклада других культур и религий». Спустя десять лет авторы доклада вынуждены были признать, что они допустили большую ошибку: они предположили, что интеграция мусульман будет проходить подобно тому процессу медленной ассимиляции и гибридизации различных племен, народов и рас, который совершился в течение многих веков французской

¹ Rapport au Premier Ministre. Islam dans la Republique. Documentation Franzaise, 2002.

истории. Основная цель рекомендаций доклада следующая: Франция должна оставаться Францией, без возникновения параллельного «Франкостана». *Франция не должна стать страной-мозаикой народов и религий, она должна составлять единое гражданское общество.* Это означает, что французы не допустят никаких автономных республик, областей, федераций, то что допустили большевики после революции, превратив единую территорию Империи в мозаику народов, народностей и племен.

Речь идет о синкретизме культур во Франции. Ислам в те годы был для властей Франции богатством, а не угрозой. Что касается третьего постулата — равенства, то задача по-прежнему состоит в том, чтобы дать мусульманам не только равные права, но и равные возможности для интеграции в жизнь французского общества. Нельзя сказать, что эта программа полностью провалилась. Нет, французские интеллигенция, рабочий класс, сфера услуг пополнились многими способными выходцами из мусульманской диаспоры. Статистика, однако, отмечает, что основная масса мусульманства, особенно та, что компактно проживает в мусульманских пригородах, трудно поднимается по социальной лестнице. Много медленнее, чем дети французских рабочих и крестьян, многие из которых благодаря образованию достигают самого высокого социального статуса. Заметно успешнее интегрируются во французское общество не только выходцы из других европейских стран, в том числе из России, но и индусы, вьетнамцы, иммигранты из Таиланда, Лаоса и т. д.

Опыт Франции подтверждает старую истину: ислам — это не только религия, но и образ жизни. Поэтому он влияет не только на верующих мусульман, соблюдающих пять основных заветов, на тех верующих, кто совершает пять раз в день намаз, ходит по пятницам в мечеть, соблюдает рамадан, вносит зекат, но и на те миллионы иммигрантов, которые воспитаны на чуждых Франции этических нормах и потому иначе относятся к социальным явлениям. Им бесспорно многое нравится в европейской жизни: высокий уровень потребления добротных товаров и услуг, честность в быту и в делах, чистота, тяга к знаниям, вечный поиск нового, вежливость. Всего этого у них не хватало или просто не было на родине. Но многое в европейской жизни они не могут принять, не наступив на горло религии предков и ее заветам. Семейные традиции и обычаи, сохраняющиеся в мусульманских общинах, так прочны и влиятельны, что и во втором и третьем поколениях люди ими предпочитают руководствоваться. Прежде всего они не могут смириться с атеизмом, который для них хуже язычества. Не могут они смириться с алкоголизмом, с половой распущенностью, с гражданскими браками, с брачными контрактами, не говоря о гомосексуализме. Они скорее простят вора, чем проститутку или гомосексуалиста. А им власти вменяют уважать мэров, депутатов, актеров и т. д., которые известны как открытые или таящиеся гомосексуалы.

Показательны в этом отношении Нидерланды, страна продвинутого либерализма. Надо признать, что в этой стране больше, чем где-либо, сделано для интеграции мусульман в своеобразное голландское общество. Голландцы начали учить их терпимости, толерантности, уважению прав всех людей. Да как неуклюже стали учить! Нашли, например, какого-то проходимца из Марокко, объявившего себя имамом с любезным слуху мусульманина именем Усама. Не Бен Ладен, но все-таки Усама! Он занял примиритель-

ную позицию в отношении гомосексуализма. И это среди молодежи, годами живущей на чужбине без семей. Он организовал фестиваль геев, перед которыми держал такую речь: «Я не держу гомосексоискателя при входе в мою мечеть. ... Каждый пусть приходит и молится». В Коране между тем есть семь стихов, в которых Пророк сурово осуждает содомитов. В мусульманских странах их живьем закапывали в землю. Конечно, такой имам был объявлен отщепенцем, а его проповедь святотатством. Имамов стали заводить из истинно исламских государств.

Для мусульманской молодежи такие либеральные прелести не права человека и гражданина, а декадентство, нравственное разложение, а терпимость к ним коренного населения — трусость, рабское законопослушание. При таком взгляде на европейцев у многих мусульман возникает к ним презрение. Слабых нельзя уважать, слабых бьют. Экстремисты и подталкивают к этому мусульманскую молодежь. Они уверены, что европейцы, углубляя секуляризацию, все дальше отходят от Бога и его заповедей. Их учат, что они уже дехристианизировались и потому *их иммунная система ослаблена и не выдержит столкновения с такой мощной цивилизацией, с такой яростно наступающей религией, какой является ислам.*

Не знаю, насколько наши горцы с Кавказа типичные представители мусульманства. Я жил среди них и считаю, что среди них еще очень сильны пережитки адата, племенного строя и постулаты набеговой экономики. Но они, как и мусульмане в других странах, не понимают либералов, смеются над этими говорунами, слюнтяями, слабаками, подтрунивают над нашими звучными лозунгами о демократии, о равенстве полов, о правах человека. Сами же полагаются на силу. Только на силу! Особенно когда они в большинстве и вооружены. И потому они и сами понимают только силу. Это надо нутром понимать, как понимали мои хорошо вооруженные деды в терских казачьих станицах. «Им спуску никак нельзя давать, а то мигом на шею сядут. Горец только силу признает», — учили они нас. Тому же, напомним, учил удалого казака Луку дед Ермошка в незабвенных «Казаках» Л. Н. Толстого: «У меня вся Чечня кунаки были... Гирей-хану верить можно, его весь род — люди хорошие... Верить верь, а без ружья, Лука, спать не ложись». Но большевики в 20-е годы не только разоружили казачество, но учинили самый, пожалуй, беспощадный и плотный геноцид в новейшей истории. Выжившие казаки остаются безоружными. А горцы вооружены до зубов. Вот так и осталось, есть хорошие добрые семьи, горские мусульманские кланы, а есть такие, что никогда не договоришься! Как в любом народе не без уродов. Из-за них лилась и будет литься кровь.

В итоге и в Европе вместо интеграции растет стена отчуждения и враждебности. Слишком разительной остается разница в культуре, социальном положении, в образе жизни. Мусульманская диаспора в Евросоюзе остается на нижних ступенях социальной лестницы. Мусульманские рабочие выполняют большей частью низкооплачиваемые работы, как и мигранты из Средней Азии в России. К национальным и религиозным противоречиям добавляются и классовые противоречия нещадно эксплуатируемого рабочего класса. Вместе с тем в Евросоюзе нет такого хищного и взрывоопасного социального явления, как «торгующее меньшинство» в России, которое обогащается за счет тружеников и презрительно относится к государствообразующему народу, традиционно не склонному к торговле и посредничеству.

Нигде в Европе не потерпели бы такого наглого, развязного поведения. Тем более, что это «торгующее меньшинство» — это наши сограждане. Но они склонны организовывать монопольный бизнес на этнической основе. Такой «бизнес» легко перерастает в этнические криминальные группировки. Подобные нарывы европейская полиция немедленно и беспощадно уничтожала. Они практически искоренены.

И тем не менее европейцы недовольны своими властями, особенно их заигрыванием с диаспорой. Исламολог Александр дель Валь еще 10 лет назад пессимистично оценивал ситуацию с мусульманской диаспорой: «Старые европейские нации очутились в капкане собственных гуманистических ценностей, основанных на правах человека и свободе слова... Они во все большей мере оказываются неспособными противостоять мощному процессу исламизации континента»¹.

Европейский парламент, который зорко следит за соблюдением законов, прав человека и за выборами в десятках стран, объявляя даже такие прозрачные выборы как в декабре 2010 года в Беларуси «недемократическими», наконец как-то озаботился собственными проблемами, а именно процессами интеграции и дезинтеграции мусульманства в своем европейском доме. Парламент привлек видных экспертов к работе над докладом «Ислам в Евросоюзе»². В этом солидном исследовании верно объясняются социальные причины массовой миграции мусульман в Европу. Настолько массовой, что авторы называют ее «3-ей встречей Европы с исламом» (первые были в VIII и XII–XVII веках. — *Прим. Б. К.*). Авторы доклада предлагают систему мер, чтобы эта 3-я встреча с исламом оказалась мирной, образцом взаимного уважения и «сосуществования». Террор исламистов они считают делом отщепенцев от здорового «умеренного» ислама, делом экстремистов, а не фундаменталистов. В докладе содержится и критика прошлой политики. Главной ошибкой, например, доклад считает то, что европейцы — недавние колонизаторы — исходили из того, что у мигрантов нет своей культуры, или она настолько незначительна, что не сможет устоять перед блестящей европейской цивилизацией. И потому мусульман можно будет легко ассимилировать, «окультурить». Добавлю, что не удалось не только ассимилировать, но и интегрировать. Это был провал всей официальной стратегии, осуществлявшейся последнюю четверть века. Вторая ошибка была еще более грубой — европейские стратеги исходили из того, что иммигранты так же слабо связаны с религией Мухаммеда, как европейцы с Христом. Ошибка эта была сделана еще в 70-е годы, когда первые мигранты действительно не были связаны с религией. В Европе почти не было мечетей. В 70-е годы зарегистрировано несколько десятков мечетей³, в 80-е годы — 2000, в 2000 году уже 8000, ныне — десятки тысяч мечетей и молебельных домов.

После нефтяных шоков и скандалов Ирангейта, Рушди и прочих ислам стал для миллионов иммигрантов важной частью их особой идентичности на враждебном эксплуататорском Западе. Пакистан, Саудовская Аравия и прочие нефтедобывающие монархии в результате нефтяных эмбарго увели-

¹ *Alexandre del Valle*. Islam et Avenir de l'Europe. Internet, 21 Janvier 2001.

² Islam in the European Union. Paper for the European Parliament. What is at Stake in the Future, 194 pages.

³ См. первое исследование по европейскому исламу Catani M. Le Journal de Mohammed, Stock, Paris, 1973.

чили многократно свои доходы и стали щедро финансировать «возвращение к исламу» не только на Арабском Востоке, но и в Европе. Мусульмане к большому недовольству европейцев перестали восхищаться Европой и ее порядками, узнав их в повседневной трудовой жизни. В наше время верующими являются не более одной трети тех, кого статистика причисляет к мусульманству. Ислам для двух третей из них — это якорь в попытках удержать свою особую культуру, идентичность. Верующие стали слать детей на учебу в Саудовскую Аравию, в Ливию, в Эмираты. Многие из них возвращались имамами, а некоторые исламистами с грезами о всемирном халифате, о всемирной умме, о джихаде и даже террористами. Речь идет о различных течениях в суннитском исламе.

Надо признать, что большинство имамов и мусульманских организаций сотрудничают с властями и делают упор на воспитании иммигрантов на высоких нравственных примерах, ведут борьбу с преступностью, наставляют на путь соблюдения европейских законов. Европейские власти помогают создавать мусульманские организации — культурные, спортивные, женские, детские. Но отмечается рост и подпольных ячеек, которые зовут молодежь к вооруженной борьбе с «неверными», против гниющего Запада и деспотических прозападных режимов на Арабском Востоке. Их пока немного, но они подливают масло в пламя враждебности, настраивают коренных жителей Европы против всех мусульман.

Опыт Евросоюза наглядно указывает, что либеральные стратегии приручения мусульманских иммигрантов не срабатывают. *Провалились планы и ассимиляции и плавной социальной интеграции.* И тогда обескураженные власти в Европе решили использовать опыт Канады, получившей название мультикультурализма. Это еще одна либеральная программа. Она, в противоположность прежним стратегиям, предусматривает поддержание в стране сосуществования различных культур и поддержку более слабых из них. В ней мы узнаем не только опыт Канады, но и советскую национальную политику. В теории это программа сосуществования различных культур, которые взаимно обогащают друг друга и мирно живут рядом. В идеале мультикультурализм должен народы скреплять в единое общество. *Опыт показывает, что мультикультурализм тоже неспособен решить проблемы, связанные с мусульманской диаспорой.* Дело в том, что у ислама свои обычаи, которые во многих отношениях несовместимы с европейскими законами и моралью. Полигамия, то есть многоженство не может быть признано европейским правом, которое проистекает из христианской морали. Ислам ни в коем случае не признает однополые браки. Либерасты же сделали их законными в ряде даже католических стран, наплевав на христианскую мораль. В Англии, на родине демократии и англосаксонского права, на каждом шагу вам напоминают, что вы должны соблюдать законы, потому что это основа величия Великобритании. Казалось бы законы должны здесь соблюдаться. Так оно было до мультикультурализма. «В наши дни, — сообщает газета «Телеграф», — в Англии параллельно с привычными английскими юстицией и юриспруденцией действует шариат»¹. Из Германии сообщают, что каждый четвертый турок, постоянно прожи-

¹ Telegraph, Muslim Europe: the demographic time bomb transforming our continent. August 13, 2009.

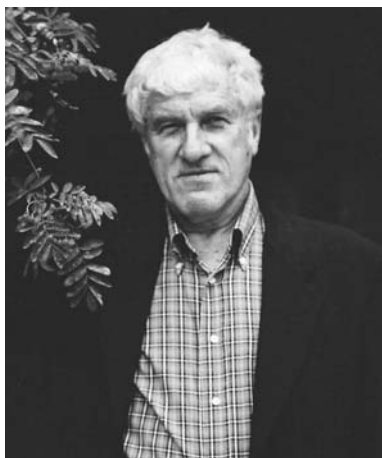
вающий в Германии, не понимает немецкий язык и не желает его изучать и пользоваться. Однако он регулярно получает пособия по безработице и голосует согласно наставлениям турецких организаций. Удивительно ли, что канцлер Ангела Меркель в октябре сего года признала, что с «мультикульту» (то есть с мультикультуризмом) пора заканчивать. Худое дерево не дает добрых плодов. Либералы в Европе тупо сеют семена собственного уничтожения.

Каким образом будет выбираться Европа из этого тупика? Как решать сотни столкновений хозяев и гостей, которые говорят, что они уже укоренились и более не гости. Налицо конфликт разных фаз этногенезиса. Пассионарная мусульманская диаспора наступает на дехристианизированные народы Европы, которые, думаю, как и русские, находятся в фазе упадка пассионарности. Состояние, которое Л. Н. Гумилев называл обскурацией. Налицо несовмещение культурно-психологических доминант. Это проявляется в безотчетной антипатии друг к другу. И в этой обстановке выступают пока еще разрозненные правые националистические партии и идеологии. Все они против мультикультурализма и против метисации. Все чаще озвучиваются запрещенные расистские идеи и теории, вроде того, что метисы несчастны, потому что «вынуждены всю жизнь барахтаться в хаосе различных расовых потоков крови». Или что некоторые расовые примеси добавляют благородства, другие, напротив, добавляют «тяготение к вульгарным плотским удовольствиям и излишествам». Однако шутки в сторону: в Европе реально прорастает угроза новых версий расизма, притом с обеих сторон. Ситуация в Европе ныне подобна той, о которой рассказывается в книге «Бытия», «когда непоместительна стала земля для них (Авраама и Лота. — *Прим. Б. К.*), чтобы жить вместе... И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою... Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево»¹. Но не те времена! Ныне так просто и мирно народам не разойтись. Идет глобализация. Она под напором финансового капитала пошла по руслу столкновения цивилизаций. Нужно найти новый вектор глобализации, которая будет идти в русле взаимодействия народов и их цивилизаций.

¹ Библия, Быт., гл. 13, 6—11.



История и современность



Олег ПЕРЕСЫПКИН

ИЕРУСАЛИМ И РОССИЯ СЕГОДНЯ

Олег Герасимович Пересыпкин — родился 12 августа 1935 года в г. Баку. В 1959 году окончил МГИМО МИД СССР, работал на дипломатических должностях в Северном и Южном Йемене, в Ираке. Был послом СССР в Йеменской Арабской Республике, Ливии и Ливане. Член Союза писателей с 1982 года, член Союза журналистов с 1964 года. Профессор, доктор исторических наук. Автор более 20 книг, лауреат премии им. В. Маяковского и других литературных премий.

Живет в Москве.

Иерусалим за всю свою многовековую историю неоднократно оказывался в центре политических и межрелигиозных конфликтов. С 1514 года Палестина находилась под контролем Османской империи, и статус Иерусалима регулировался сложившимися традициями, а затем с XIX в. — султанскими фирманами, в которых определялись права христиан. В 1852 году был принят документ «Османский status quo», где был дан перечень святых мест Палестины и оговорены также права христианских конфессий в Восточном Иерусалиме, где четко выделяются четыре квартала — иудейский, христианский, армянский и мусульманский. Иерусалимский патриархат и православное Святогробское братство получили преимущественные права. Был также определен порядок богослужения и церемоний во время схождения Благодатного огня, а сам храм Гроба Господня был разделен на шесть приделов — греко-православный, римско-католический, армянский, коптский, эфиопский и сир-яковитский. Самые большие приделы были у православных, католиков и армян. Иудеи на Харам аш-Шариф, где находятся мусульманские святыни Кубба ас-Сахра и мечеть аль-Акса, в период османского правления не допускались и их статус был уравнен с другими подданными турецкого султана только в 1840 году.

В ходе Первой мировой войны Палестину заняли английские войска и в ноябре 1917 года в Лондоне была опубликована Декларация Бальфура, по которой английское правительство обязалось содействовать созданию в Палестине «еврейского национального очага». Под предлогом реализации положений Декларации Бальфура Англия оставила в Палестине свои войска и до-

билась на конференции в Сан-Ремо в 1920 году мандата на Палестину, который был подтвержден Лигой наций в 1922 году. Мандат сохранил прежний порядок отношений между религиозными общинами, гарантировал свободу доступа к Святым местам и отправление религиозных церемоний, а в § 13 специально говорилось о сохранении прежнего управления мусульманскими святынями. Однако в § 14 мандата отмечалось, что государство-мандатарий, то есть Англия, должно создать «специальную комиссию по изучению, выяснению и определению прав и притязаний в связи со Святыми местами и вообще прав и притязаний различных религиозных общин в Палестине». Подобная комиссия не была создана и проблема «притязаний» была фактически заморожена.

В начале 1947 года в связи с приближением даты окончания мандата на Палестину и подъемом освободительной борьбы арабов Англия была вынуждена передать вопрос о Палестине на рассмотрение в Организации Объединенных Наций. Генеральная ассамблея ООН на своей чрезвычайной сессии в апреле-мае 1947 года обсуждала палестинский вопрос, а 27 ноября 1947 года, уже на очередной второй сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята резолюция № 181. Основное содержание этой резолюции сводилось к двум моментам — раздел Палестины на два государства — арабское и еврейское и выделение Иерусалима в отдельную территориальную единицу «*corpus separatum*» под управлением ООН¹.

Принятию резолюции № 181 предшествовала острая дискуссия в ООН. США предложили установить в Палестине режим опеки. Против выступил СССР, который, руководствуясь принципами борьбы против колониальной системы и идеями интернационализма и дружбы народов, предлагал создать в Палестине двуединое арабо-еврейское демократическое государство со столицей в Иерусалиме. В момент обсуждения этого вопроса обострилась внутривосточная ситуация в Палестине и реализация советского предложения практически стала невозможной. Поэтому советская делегация в ООН, которую возглавлял Андрей Громыко, будущий министр иностранных дел СССР, получила указания Председателя Правительства и Секретаря правящей Коммунистической партии Советского Союза Иосифа Сталина проголосовать за создание в Палестине двух государств — еврейского и арабского — и особый статус Иерусалима. Лица, присутствовавшие в кабинете Сталина в Кремле во время обсуждения палестинского вопроса, рассказывают, что Сталин долго не решался подписать это указание Громыко. Окружавшие его советники утверждали, что Израиль будет первым социалистическим государством на Ближнем Востоке, который в то время контролировали США, Англия и Франция, станет союзником СССР в начавшейся «холодной войне». Сталин под давлением своих советников подписал указание Громыко проголосовать за резолюцию № 181, заметив при этом, что «мира на Ближнем Востоке не будет».

В резолюции № 181 подтверждались существующие права в отношении Святых мест, зданий и местностей религиозного значения, в том числе свобода доступа, посещения и проезда к Святым местам Иерусалима и Вифлеема, охраны этих мест, освобождения от налогов и запрещения всех шагов и мер, которые могут нанести ущерб Святым местам. В резолюции также

¹ Резолюция ГА ООН 181 (II). 1947. Документ ООН A/RES/181(II).

говорилось, что существующие права в отношении Святых мест и зданий или местностей религиозного значения..., «не могут быть отменены или нарушены». Эта формулировка предлагалась для включения в специальную Декларацию в качестве основного юридического документа при том понимании, что «никакой закон, обязательное постановление или действие правительства не может иметь большей силы, чем эти условия и требования». Подобная Декларация, однако, не была принята ни арабской, ни еврейской стороной.

Резолюция ГА ООН № 181 предусматривала также возможное изменение статуса Иерусалима, причем инициатором такого изменения должен стать Совет по опеке ООН, а сами изменения должны проводиться с учетом приобретенного опыта и мнения жителей, выраженного на референдуме. К сожалению, резолюция № 181 не была претворена в жизнь: 14 мая 1948 года было провозглашено образование Государства Израиль и началась первая арабо-израильская война.

В ходе первой арабо-израильской войны 1948 года произошел фактический раздел Иерусалима на два сектора — Восточный Иерусалим со Святыми местами иудаизма, христианства и ислама оказался под контролем Иордании, а Западный Иерусалим оказался под контролем Израиля. В этой связи идея придания особого статуса Иерусалиму, увязанная естественно с его территориальным единством, стала ставиться под сомнение, несмотря на то, что Генеральная ассамблея ООН в своей резолюции № 194, принятой в декабре 1948 года по докладу посредника ООН в Палестине, подтвердила этот тезис. Должность посредника была учреждена согласно резолюции ГА ООН № 186, которая определяла полномочия посредника ООН — оказывать помощь населению Иерусалима в организации повседневной жизни, способствовать увеличению благосостояния жителей этого города и поощрять поиски путей урегулирования конфликтной ситуации в Палестине¹.

Арабские страны и Израиль не приняли резолюцию № 194, подтвердившую необходимость выполнения положений резолюции № 181 по Иерусалиму. 23 января 1950 года Израиль объявил Иерусалим своей столицей и перевел в западную часть города свои официальные учреждения. Правительство Иордании, объявившее о покровительстве Харам аш-Шариф, назначило губернатора в Восточный Иерусалим и предприняло другие действия по закреплению своего контроля, которые были одобрены другими арабскими государствами².

История Палестины и судьба Иерусалима прямо связаны с деятельностью Российского Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Как известно, Октябрьская революция 1917 года в России внесла существенные перемены в судьбу этой организации. Она, естественно, потеряла титул «императорское» и определение «православное», поскольку монархический режим был свергнут, а Русская Православная Церковь была отделена от государства. Реорганизованное ИППО стало именоваться Российским Палестинским обществом, а 29 августа 1919 года было включено в систему Академии наук России. Была признана юридическая

¹ Резолюция ГА ООН «Назначение посредника ООН в Палестине и его полномочия». Документ ООН A/RES/186 (S-2). Резолюция ГА ООН. Доклад посредника ООН в Палестине о достигнутых результатах. Документ ООН A/RES/194.

² Журнал «Современный ислам», ноябрь-декабрь 2010 г.

правопреемственность на всю собственность, научную и просветительскую деятельность Палестинского общества на территории нашей страны и за границей, то есть права собственности на те самые объекты, которые образовали «Русскую Палестину». 9 декабря 1922 года Главнаука Наркомпроса РСФСР утвердила первый после революции его Устав. Советское правительство конфисковало все авуары общества в русских банках, 4-этажный дом в Санкт-Петербурге, где размещались штаб-квартира ИППО и его уникальная библиотека¹. Сегодня можно поставить под сомнение целесообразность и правомерность конфискации собственности ИППО, которая была приобретена в России и за ее пределами на собранные в церквях русскими богомольцами средства или получена в качестве дара.

Неопределенной оказалась судьба зарубежных владений ИППО. Эмигранты из Советской России создали параллельную Русскую Православную Церковь за рубежом и параллельное Палестинское общество, которые заявили о своих претензиях на наше имущество. Правительство Израиля передало объекты, приобретенные ИППО и находившиеся на его территории, правительству Советского Союза, как посчитали аналитики, в качестве жеста доброй воли за помощь в создании еврейского государства. При этом израильская сторона исходила из того, что все имущество ИППО было конфисковано советскими властями и, следовательно, юридически принадлежало Советскому государству. Имущество ИППО на палестинских территориях, в том числе в Восточном Иерусалиме, оказавшихся под контролем Иордании, находящейся под влиянием США и Великобритании, было передано Русской Православной Церкви за рубежом.

В Иерусалиме правительство СССР получило объекты, расположенные на площади Москобия (Сергеевское и Елизаветинское подворье, Троицкий собор, больница и комплекс зданий Русской Духовной миссии), а также женский монастырь в пригороде Иерусалима Айн-Кереме. Русская Православная Церковь за рубежом получила Александровское подворье, примыкающую к Храму Гроба Господня в Восточном Иерусалиме церковь Марии Магдалины на Елионской горе и женский монастырь на Елеонской горе с колокольной, называемой «Русской свечой».

Генеральная ассамблея ООН в 1949–1950 годах неоднократно обсуждала ситуацию в Палестине и статус Иерусалима. В сентябре 1949 года Согласительная комиссия внесла на рассмотрение проект о признании раздела Иерусалима на арабский и еврейский секторы и ответственности специального комиссара ООН за обеспечение охраны и свободного доступа к Святым местам Восточного Иерусалима. Кроме проекта Согласительной комиссии на пятой сессии ГА ООН в декабре 1950 года был представлен проект делегации Швеции, который предлагал осуществить «идею функциональной интернационализации Святых мест под ответственностью ООН». Советский Союз в декабре 1949 года голосовал за резолюцию № 303, однако уже весной 1950 года изменил свою позицию: в письме, направленном Генеральному секретарю ООН, говорилось, что «указанное решение (то есть резолюция № 303. — *О. П.*) не удовлетворяет ни арабское, ни еврейское население, как города Иерусалима, так и Палестины в целом». Изменение позиции СССР и других великих Держав, а также категорические возраже-

¹ Журнал «Эхо Планеты», 1–5 января 1990 г.

ния Израиля и Иордании привели к тому, что идея интернационализации Иерусалима была поставлена под сомнения, но формально не отменена¹.

Арабо-израильская шестидневная война в июне 1967 года внесла принципиальные изменения в ситуацию на Ближнем Востоке и, естественно, в статус Иерусалима. Израиль занял Синайский полуостров, Западный берег р. Иордан, сектор Газа, Восточный Иерусалим и сирийские Голанские высоты. Генерал Моше Даян по окончании военных действий заявил: «Силы обороны Израиля освободили Иерусалим. Мы вновь объединили разделенный город — столицу Израиля. Мы возвратились в эту самую большую святыню с тем, чтобы никогда с ней не расставаться²».

Именно в это время были сформулированы базисные положения, касающиеся статуса Иерусалима, основные моменты которых переходили из одной резолюции СБ ООН в другую. В выступлениях членов ООН уже на пятой чрезвычайной сессии ГА ООН, созванной сразу после прекращения военных действий в июне 1967 года, четко прозвучало предостережение в адрес Израиля о том, что аннексия Восточного Иерусалима не будет признана мировым сообществом. Поскольку Израиль игнорировал эти предупреждения, была принята резолюция ГА ООН № 2253, признававшая, что меры, принятые в отношении Иерусалима, не имеют законной силы и должны быть отменены³. Но Израиль продолжал вести дело к окончательной аннексии Восточного Иерусалима: был распущен муниципальный совет, существовавший при иорданской администрации, принято решение о распространении законодательства и юрисдикции Израиля на район Восточного Иерусалима, переводе административных учреждений в Восточный Иерусалим, установление контроля над мусульманскими святынями и даже проповедями, читаемыми в мечетях Харам аш-Шариф и др. Поэтому во второй половине 1967 года Генеральная ассамблея ООН приняла две резолюции, которые подтверждали незаконность мер правительства Израиля в отношении Иерусалима, а в мае 1968 года Совет безопасности ООН провел ряд заседаний, на которых выступавшие подчеркивали, что все предпринятые Израилем законодательные меры, в том числе экспроприация земель, недействительны и не могут изменить правовой статус Иерусалима⁴. Представитель Советского Союза поддерживал все резолюции по Иерусалиму и впервые в своих выступлениях использовал выражение «оккупированные Израилем арабские территории», что впоследствии было признано мировым сообществом. Подобная ситуация логически привела к тому, что при оценке обстановки на оккупированных арабских территориях стали применяться положения Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, принятой 12 августа 1949 года. Согласно этой конвенции оккупирующее государство не может аннексировать оккупированные в ходе военных действий территории и перемещение своего населения на оккупированные территории. Израиль категорически возражал против применения положений Женевской конвенции к захваченным в ходе шестидневной

¹ *Прозорова Г.* Международно-правовые аспекты, проблемы статуса Святых мест Иерусалима. ИАМП. Дипакадемия МИД РФ. X.2010.

² Журнал «Современный ислам», ноябрь-декабрь 2010 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

войны арабским землям, однако формулировка «оккупированные Израилем с 1967 года палестинские и другие арабские территории, включая Иерусалим», стала фактически использоваться во всех резолюциях Генеральной ассамблеи и Совета безопасности ООН по проблемам ближневосточного урегулирования.

Вопреки решениям ГА и СБ ООН Израиль продолжал «осваивать» Восточный Иерусалим. 29 июля 1980 года кнессет (парламент) Израиля принял «Основной закон об Иерусалиме», в котором было подтверждено положение о том, что Иерусалим, целый и единый, является столицей Израиля. В Иерусалиме сегодня находится резиденция президента Израиля, кнессет, правительство и Верховный суд.

Советский Союз и Российская Федерация, как правопреемник Советского Союза, прилагали усилия по выяснению ситуации с российским имуществом в Палестине и его возвращению законным владельцам. Но были и другие решения имущественных вопросов. Так, 7 октября 1964 года по указанию главы правительства СССР Никиты Хрущева часть объектов, построенных ИППО и конфискованных в 1917 году были проданы израильскому правительству. Всего было продано 22 объекта. В их числе были Елизаветинское подворье и больница на площади Москобия в Западном Иерусалиме. Эта позорная сделка получила название «апельсиновой», так как в обмен на это бесценное имущество Израиль обязался поставить в Советский Союз свои апельсины. Эти апельсины действительно были отгружены, но по дороге в советские порты сгнили и были выброшены в море. К счастью, в Москве сообразили не продавать Сергиевское подворье в Западном Иерусалиме, первый этаж которого пустовал с момента отъезда в 1956 году представителей ИППО, а часть здания занимал Институт экологии Министерства сельского хозяйства Израиля.

В октябре 1996 года израильское правительство подтвердило право собственности правительства Российской Федерации на три объекта недвижимости в Иерусалиме, в том числе комплекса зданий Русской Духовной миссии, большую часть которого на правах аренды занимает Мировой суд Израиля и Сергиевское подворье площадью 3 тыс. кв. метров. Участок у Дамасских ворот площадью 12 тыс. кв. м, право России на которое тоже подтвердило правительство Израиля, оказался на границе Восточного и Западного Иерусалима, был расчленен дорожными развязками и заградительными блоками, что фактически не давало возможности его использования. Есть еще один участок в Западном Иерусалиме, принадлежащий России, на пересечении улицы короля Джоржа и улицы Жаботинского, который сдан в аренду израильской фирме под автопарковку¹.

Оценка ситуации на Ближнем Востоке и проблема ближневосточного урегулирования стали почти обязательными темами переговоров и обсуждений не только в рамках ООН и ее специализированных учреждений, но и на конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся государств, на сессиях Организации Исламская конференция и других международных форумах. Несмотря на некоторые нюансы, основной смысл всех положений о статусе Иерусалима сводился к тому, что Иерусалим является

¹ ИППО и отечественное востоковедение. М., МГИМО-Университет. 2007. С. 14–15.

частью оккупированных палестинских территорий и должен стать предметом общих переговоров по проблеме ближневосточного урегулирования.

Советский Союз и Российская Федерация занимали и занимают позицию, заключающуюся в том, что Израиль должен освободить оккупированные в 1967 году арабские территории, не препятствовать созданию независимого палестинского государства и в ходе переговоров по всеобъемлющему ближневосточному урегулированию определить границы палестинского государства и статус Иерусалима. Причем официальные лица Российской Федерации неоднократно подчеркивали, что Восточный Иерусалим должен быть столицей независимого государства Палестины. Российские представители разъясняли свою позицию на Мадридской конференции по Ближнему Востоку в октябре 1991 года, во время оценки подписанного в сентябре 1993 года в норвежской столице Осло Декларации принципов, повлекших за собой взаимное признание Израйля и ООП. По этому документу палестинцы получили доступ к управлению религиозными памятниками ислама в Восточном Иерусалиме. В июле 1994 года был подписан Договор о нормализации и установлении дипотношений между Израилем и Иорданией, по которому Иордания получила определенные привилегии в Восточном Иерусалиме.

В настоящее время существует несколько вариантов решения вопроса о статусе Иерусалима, которые обобщила ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук Г. К. Прозорова.

1. Установление раздельного суверенитета Израйля и Палестины над территорией Восточного Иерусалима с некоторыми элементами международной ответственности за сохранность Святых мест. Эта идея обсуждалась в Кэмп-Дэвиде в апреле 2000 года, где содержались в предложениях Б. Клинтона в декабре 2000 года, на переговорах 2001 года в египетском городе Таба. В октябре 2003 года обсуждался вопрос о создании международного органа, ответственного за безопасность и сохранность объектов Харам аш-Шариф, и специального межконфессионального органа.

2. Разработка специального положения о Святых местах в Восточном Иерусалиме, при котором Стена плача переходит под контроль Израйля, Харам аш-Шариф — под контроль палестинского государства, а в отношении христианских святынь сохранился бы статус-кво. Этот план разработан А. Айалоном и С. Нусейби в июле 2002 года.

3. Суверенитет Израйля над единым Иерусалимом при том понимании, что фактическое управление Харам аш-Шариф будет осуществлять палестинское государство. Вместе с тем планируется разработать специальный режим, обеспечивающий свободный доступ и проведение религиозных мероприятий представителями всех религий. Первую часть этого предложения связывают с высказываниями израильских представителей на переговорах в Кэмп-Дэвиде в 2000 году, а вторая часть считается планом Г. Шера и У. Саги, озвученным в 2002 году.

4. Суверенитет Израйля над единым Иерусалимом при гарантиях свободы доступа поклонников трех мировых религий к Святым местам Восточного Иерусалима. Эта идея была высказана премьер-министром Израйля Б. Нетаньяху в книге «Место под солнцем». Это предложение было дополнено лидером блока выходцев из бывшего СССР «Наш дом Израиль»

А. Либерманом требованием разрешить иудеям молиться в Харам аш-Ше-риф, что шло вразрез ранее сложившейся практике.

5. Реанимация «иорданского варианта», по которому контроль над мусульманскими святынями Харам аш-Шариф будет осуществлять Иордания. С этим предложением, по некоторым данным, поехал премьер-министр О. Ольмерт на конференцию по Ближнему Востоку в г. Аннаполис (США) в ноябре 2007 года.

Существование различных планов по статусу Иерусалима свидетельствует, что эта проблема остается в центре внимания мирового сообщества и двух особо заинтересованных сторон — израильтян и палестинцев.

В связи с выходящим за традиционные рамки предложением А. Либермана хотелось бы отметить, что эмигранты из бывших республик СССР являются наиболее фанатично и антипалестински настроенными лицами в израильском обществе. Такие настроения имеют свое объяснение, поскольку значительная часть приехавших из Советского Союза эмигрантов размещалась на оккупированных палестинских землях и сирийских Голанских высотах и поэтому любые предложения об освобождении оккупированных арабских земель, в том числе Восточного Иерусалима, встречается русскоязычными израильтянами с большим раздражением, сопровождающимся протестными демонстрациями и шествиями.

Распад Советского Союза, перестройка политической системы и начало демократических преобразований в России отразились на деятельности общественных организаций, связанных традиционно с арабскими странами и Палестиной в частности. 25 мая 1992 года Президиум Верховного Совета Российской Федерации принял Постановление, в котором — цитирую по тексту «Российской газеты» от 26 мая 1992 года — «поддержал просьбу Совета российского Палестинского общества при АН СССР о его переходе под юрисдикцию Российской Федерации как международной общественной организации, способствующей развитию научных, духовных, дипломатических и культурно-просветительских связей с народами Ближнего Востока и Средиземноморья, восстановив его историческое название — Императорское Православное Палестинское Общество»¹.

Этому историческому событию естественно предшествовала большая и кропотливая работа с российскими парламентариями и поддержка Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В январе 1990 года был проведен международный научный симпозиум «Россия и Палестина: культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем». Симпозиум проходил в Москве, в Издательском отделе Русской Православной Церкви, в Троице-Сергиевской Лавре и в Санкт-Петербурге. Свое приветствие направил Патриарх Алексий II, в котором он с благодарностью упоминал Патриарха Иерусалимского Феофана, жившего в начале XVII в. и восстановившего влияние Русской Православной Церкви в западнорусских землях, отмечал, что торжественное открытие подворья Иерусалимского Патриархата в Москве состоялось в 1817 году при большом стечении народа. До принятия решения о восстановлении исторического названия ИППО члены Совета пошли на установление рабочих контактов с руководством Верховного Совета России. Лично я неоднократно выезжал с

¹ Пересыпкин О. «Из дальних странствий возвратясь...». М., 2010. С. 38.

российскими парламентариями в арабские страны, в том числе в Палестину. С 1989 года до 1992 года я был Председателем Совета сначала Российского Палестинского общества при АН СССР, а с мая 1992 года — Председателем Совета ИППО, и поэтому проблемы наших отношений с Израилем, Организацией освобождения Палестины, организации паломничества и культурных связей всегда были постоянной темой двусторонних бесед и контактов.

В 2002 году Председателем Совета ИППО после моего ухода с этого поста был избран Алексей Чистяков, Чрезвычайный и Полномочный посол, представитель России при Палестинской национальной администрации. В 2003 году в связи с отъездом Чистякова на работу за границу Председателем Совета был избран член-корреспондент АН России, известный специалист по истории России и Русской Православной Церкви Ярослав Шапов. Этот пост он занимал три года и в июне 2007 года Председателем Совета ИППО был избран Сергей Степашин, профессор, доктор юридических наук и самое главное руководитель Счетной палаты Российской Федерации, обладающий, разумеется, определенными административными ресурсами, которых всем нам трем предыдущим руководителям ИППО явно не хватало.

Сергей Степашин, его заместители и Совет ИППО в результате активной работы в России и за рубежом добились значительных успехов. Одним из важнейших итогов этой работы и поистине прорывных моментов в деятельности ИППО, связанных с Иерусалимом, следует считать урегулирование исключительно сложных вопросов о возвращении некогда утраченной исторической собственности России. После длительных переговоров с правительством Израиля в конце 2009 года состоялась передача России исторического здания Сергиевского подворья в Иерусалиме, построенного на средства ИППО.

Вопросы обустройства и дальнейшего использования Сергиевского подворья неоднократно рассматривались в Администрации Президента и Правительстве России, которые выделили средства на реставрацию этого исторического объекта Иерусалима. На сегодня составлен каталог обнаруженных книг, расчищены фрески, отремонтированы окна и ставни. Возвращение Сергиевского подворья дало возможность начать использовать помещения этого подворья для проведения различных мероприятий и церемоний.

В день рождения Великого Князя Сергея Александровича 12 мая 2009 года впервые на угловой башне Сергиевского подворья был поднят флаг ИППО. Эта традиция существовала до 1914 года, то есть до трагического начала Первой мировой войны. Спустя 95 лет традиция подъема флага ИППО была возобновлена и, по-видимому, будет продолжаться, поскольку расценивается в Москве, как символ возвращения России в Святую Землю. В январе 2010 года в Паломническом центре Московского патриархата состоялась научная конференция «Русский флаг под Иерусалимом». В приветствии Сергея Степашина говорилось, что Сергиевское подворье «призвано служить укреплению православного присутствия на Ближнем Востоке, обеспечивать многовекторные интересы России в сфере гуманитарных, культурных и межконфессиональных контактов».

5 мая 2010 года в Сергиевском подворье в Иерусалиме состоялся международный научный семинар на тему «Христианские добродетели и их роль в социализации современной российской молодежи», организованной

Нижегородским и Иерусалимским отделениями ИППО при поддержке Российского культурного центра в Тель-Авиве и Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Этот семинар показал, что научные мероприятия в Иерусалиме на базе Сергиевского подворья собирают ученых из различных уголков России и активным образом содействуют сохранению христианских добродетелей столь важных для молодежи всех стран в условиях глобализации.

В древнейшем палестинском городе Иерихон, который в октябре 2010 года отмечал свое 10-тысячелетие, создан на средства и на участке, принадлежащем России Музейно-парковый комплекс. В процессе строительства были проведены археологические раскопки и обнаружены керамическая посуда, каменные зернотерки, бронзовые лампы, мельничные жернова и каменные прессы для отжима оливкового масла и более 200 монет от II в. до султанов Турции и королей Иордании прошлого столетия. На этом участке находится священное дерево смоковница, почитаемое как место встречи мытаря Закхея с Иисусом Христом. Из Москвы были направлены известные российские ученые и специалисты, которые провели агросанацию и лечение святого дерева, живого свидетеля земной жизни Иисуса Христа¹.

В мае 2008 года глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас вручил Сергею Степашину пакет документов о передаче в собственность ИППО земельного участка, находящегося в исторической части Вифлеема. 11 июня 2011 года Сергей Степашин принял участие в церемонии закладки первого камня Культурно-делового центра ИППО, который будет построен в течение года на средства российской стороны.

Проблема статуса Иерусалима находится в центре внимания и Московского Патриархата Русской Православной церкви, которая имеет значительные имущественные интересы в Палестине (храмы, подворья, земельные участки, приделы в Храме Гроба Господня и других храмах), поддерживает тесные связи с Иерусалимским Патриархатом и стремится обозначить свои интересы при решении вопросов с имуществом Императорского Православного Палестинского Общества. В этой связи Русская Православная Церковь в лице Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, активно выступает за мир на Святой Земле, поскольку там, в Святой Земле, «не может торжествовать воля только одной национальной и религиозной группы». РПЦ предлагала придать экстерриториальный статус Восточному Иерусалиму при сохранении «веками освященного режима» христианских Святых мест. Эта идея обсуждалась в 2003 году с дипломатами Ватикана, которые не возражали против предоставления особого международного статуса Святым местам Восточного Иерусалима. Европейский совет религиозных лидеров в апреле 2010 года на своем заседании с участием представителя Московского Патриархата принял Кодекс по защите Святых мест, разработанный экспертами, представляющими различные христианские конфессии. Принятый Кодекс не идеален, требует доработки, но может быть использован для активной работы в международных организациях.

В Москве с большим вниманием отслеживают любые предложения, направленные на нормализацию обстановки в Палестине и судьбы Иерусалима. В апреле 2011 года группа видных израильских деятелей подготовила свой проект ближневосточного урегулирования «Израильская мирная

¹ ИППО. Хроника основных событий. Июнь 2008 — июнь 2010 гг.

инициатива», среди авторов которой фигурирует бывший глава МОССАД Дани Ятом и бывший глава внутренней службы безопасности ШАБАК Яков Пери, предусматривает создание палестинского государства на всей территории западного берега р. Иордан и сектора Газа, со столицей в Восточном Иерусалиме. Правда, Стена плача и еврейский квартал будут находиться под контролем Израиля, а Хаарам аш-Шариф не будет находиться почему-то ни под чьим суверенитетом. Этот документ был опубликован в печати США и передан премьер-министру Израиля Нетаньяху¹.

В мае 2011 года была достигнута договоренность о межпалестинском примирении, то есть восстановлении отношений между ФАТХ в лице руководства Палестинской национальной администрации и движения ХАМАС. Представители этих и других палестинских организаций, как Народного фронта освобождения Палестины, Демократического фронта освобождения Палестины и Палестинской Народной партии, в конце мая 2011 года прибыли в Москву для обсуждения вопроса о признании палестинского государства, о чем планируется объявить в конце 2011 года на сессии ГА ООН. Палестинцы высказались по поводу выступления президента Б. Обамы в Лондоне по палестинскому вопросу и созданию палестинского государства в границах 1967 года. Член ЦК ФАТХ Азам аль-Ахмед оценил выступление Б. Обамы как положительный сигнал, но явно недостаточный, поскольку «нет речи об Иерусалиме. Иерусалим — это неотъемлемая часть палестинских территорий, оккупированных с 1967 года»².

Официальная позиция Российской Федерации по Иерусалиму хорошо известна и неоднократно подтверждалась на различных уровнях.

18 января 2011 года Президент Дмитрий Медведев в рамках своего ближневосточного турне посетил палестинские территории. Этот визит был назван историческим не только по своему политическому значению, но еще и потому, что Президент России прибыл из Иордании в Иерихон, где его встречал председатель Палестинской Национальной автономии Махмуд Аббас. «Мы поддерживали и будем поддерживать неотъемлемое право палестинского народа на создание собственного государства — независимого, территориально единого, жизнеспособного со столицей в Восточном Иерусалиме», — заявил Дмитрий Медведев. Он подчеркнул, что для возобновления ближневосточного мирного процесса Израиль должен прекратить поселенческую активность на западном берегу р. Иордан и в восточной части Иерусалима³.

Постоянный представитель России при ООН Виталий Чуркин, который комментировал визит Дмитрия Медведева в Палестину, заявил, что этот визит «посвящен в первую очередь поиску путей решения задачи оживления регионального мирного процесса», причем «обе стороны должны воздержаться от односторонних шагов, предвосхищающих итоги урегулирования, соблюдать международные обязательства, проявить политическую волю и готовность к принятию мер доверия, устойчивому диалогу, который способствовал бы эффективному решению всего комплекса вопросов окончательного статуса». Он осудил снос палестинского отеля «Шепард» для

¹ Газета «Московский комсомолец», 27 апреля 2011 г.

² Газета «Московский комсомолец», 25 мая 2011 г.

³ www.inopressa.ru; www.inosmi.ru, 19 января 2011 г.

строительства очередного поселенческого блока, что лишь дополнительно нагнетает обстановку¹.

Последние четкие определения позиции России по Иерусалиму сделал министр иностранных дел Сергей Лавров. Выступая по радио «Эхо Москвы» 5 июня 2011 года, министр заявил, что решение вопроса о статусе Иерусалима может быть только с учетом религиозной составляющей. «Когда кто-либо, будь то Израиль или Палестина, говорит:

“Иерусалим будет моим”, это никогда не будет работать», — сказал Лавров. — Работать будет только отражение в межгосударственном формате того, что уже существует в межконфессиональной форме. Это должно быть частью общего урегулирования, когда Палестина и Израиль договорятся о границах с обязательными разменами ... Никто не ожидает, что Израиль разрушит и уведет за собой крупные поселения, но палестинцы должны получить взамен что-то близкое к тому, что заберет себе Израиль»². Далее российский министр заявил: «В этом контексте не обойтись без решения по Иерусалиму. Его не будет без территориального размежевания и без решения проблемы беженцев. Мы это видим так: западный Иерусалим — израильский, восточный Иерусалим — палестинский, а Святые места, наверное, могут быть только под международным управлением, будь то ООН или ЮНЕСКО»³. Четкая позиция России по Иерусалиму с пониманием воспринята в палестинском руководстве и весьма настороженно в государстве Израиль.

Эту статью о России и Иерусалиме уместно закончить словами из Книги от пророка Исайя (62:1), начертанными на эмблеме и золотистом флаге Императорского Православного Палестинского Общества, отмечающего в мае 2012 года 130-летие со дня своего основания.

«Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет, как свет, правда Его и спасение Его — как горящий светильник».

Это тем более уместно, что Россия считает, по словам Сергея Лаврова, что в основу межгосударственного формата следует положить то, что уже существует в межконфессиональной форме.

¹ www.inosmi.ru 19 января 2011 г.

² Там же.

³ Интернет-журнал «Новая Политика (www.novopol.ru) 5 июня 2011 г.





**Виктор
ПАРХИМОВИЧ**

«НА КРЫЛЕ»

*Интервью журналу
«Родная Ладога»*

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 году закончил Харьковский авиационный институт, в 1988 году полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 годах возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

«Родная Ладога»: Виктор Антонович, в последние года в стране сложилась не совсем благополучная ситуация с безопасностью. Катастрофы корабля Союз, теплохода «Булгария», самолетов под Пермью и Ярославлем и др. Во всех этих катастрофах присутствует так называемый человеческий фактор.

Вы многие годы руководили подготовкой летного, инженерного и технического персонала в системе Министерства гражданской авиации. Многие уже не помнят, а подавляющее большинство наших читателей просто не знают о высокоорганизованной системе подготовки и переподготовки кадров.

Виктор Пархимович: В МГА СССР была четкая система подготовки и переподготовки специалистов:

- руководителей высшего звена в Академии гражданской авиации в Ленинграде;

- летного состава в высших летных училищах в Кировограде и Актюбинске;

- летного состава в Сасовском, Бугурусланском, Кременчугском, Краснокутском летных училищах;

- инженерного состава в институтах в Москве, Киеве и Риге;

- специалистов управления воздушным движением в училищах в Риге и Кировограде;

- технического состава в Егорьевском, Иркутском, Выборгском, Кирсановском, Рыльском, Минском, Омском, Фрунзенском училищах;

- бортпроводников в училище в Ленинграде;

- переподготовка осуществлялась в Ульяновском центре гражданской авиации.

Двадцать две тысячи профессорско-преподавательского, инструкторского и технического состава готовили летчиков, инженеров и техников

в 22 учебных заведениях. Во всех мы имели военные кафедры и циклы. Обучалось в них 80 тысяч слушателей, студентов, курсантов, аспирантов. Курсанты находились на полном государственном обеспечении.

Материальная база была на современном уровне. Тренажеры, компьютерные классы, все типы самолетов, эксплуатировавшихся в гражданской авиации.

Слушатели, студенты и курсанты получали теоретические, практические и летные знания в полном объеме, как этого требовали учебные программы.

«На крыле» было 1100 самолетов и вертолетов, располагавшихся на базовых аэродромах.

«Родная Ладога»: При такой системе подготовки летчиков, инженеров, диспетчеров и техников, казалось бы, наша жизнь в безопасности. Но в сегодняшней жизни это не так.

Виктор Пархимович: В конце 80-х началось нападение на саму систему. Недовольство казарменной формой обучения, сроками обучения (особенно летного состава), формой одежды и др. Пресса основательно взялась за развал отраслевой подготовки. Министерство финансов резко сократило ассигнования на закупку самолетов, двигателей, агрегатов и запасных деталей, плановые органы сократили объемы поставок авиационного топлива. А мы только перешли на двухдвигательный самолет для первоначального обучения, выпускной Л-410УВПЭ и Як-40.

После распада СССР часть учебных заведений по территориальному признаку осталась в Украине, Белоруссии, Казахстане, Латвии и Киргизии.

Дефицит в финансировании, авиационной технике и топливе привел к тому, что летчики выпускались без полноценного налета и, соответственно, без летного свидетельства. Заявки на подготовку специалистов резко сократились. Эксплуатационным предприятиям, ремонтным заводам было не до этого. Нужно было выживать. Выпуски сократились в десятки раз.

Перспективный летно-инструкторский состав перешел на работу в авиакомпании. Нарушилась система подготовки научных, инструкторских и педагогических кадров. Уровень подготовки студентов и курсантов в учебных заведениях упал. Смена вывесок на университеты, колледжи и др. результата дать не могла.

«Родная Ладога»: Какие попытки делались для сохранения системы подготовки?

Виктор Пархимович: В конце 80-х мы завершили обобщение опыта подготовки летного состава в Голландской государственной летной школе (готовила, в основном, летный состав для авиакомпании KLM), в авиакомпаниях LUFTHANSA (Германия), AIR FRANCE (Франция), ANA (Япония), в Англии. Материалы были сосредоточены в Ульяновском центре. Наши училища отставали в тренажерной и языковой подготовке, но имели преимущества в летной практике. Отставали в быте. Но имели базовые и летные аэродромы, что заинтересовало зарубежные учебные заведения. На-

чалась кооперация. Мы успели отправить ряд групп во Францию и Англию, преподавателей в Канаду.

Провели обмен школами (студент, курсант, преподаватель, профессор, аспирант) по ряду направлений, включая летную подготовку. Наши группы отправились на месяц в университет в США. Предварительно согласовали программы, язык обучения и др. Первую неделю занятий было трудно воспринимать лекции и практические занятия на английском языке. Адаптировались. Результаты оценены преподавателями университета высоко.

После этого на базе Киевского института инженеров гражданской авиации приняли на месячное обучение группы из университета из США. На второй день американская сторона попросила замену языка обучения с русского на английский. По завершении месячного курса наши преподаватели оценили полученные знания.

Результаты проведенного эксперимента нас удовлетворили.

«Родная Ладога»: В 1990–1991 годах Министерство гражданской авиации планировало создание консорциума учебных заведений, о чем сейчас поговаривают в Минвузе. Так ли это?

Виктор Пархимович: Да, рассматривался вопрос создания консорциума учебных заведений гражданской авиации. Нужно было повысить качество и уровень подготовки студентов и курсантов, методическое и материальное обеспечение, ответственность и уровень подготовки профессорско-преподавательского и инструкторского составов, оптимизировать расходы и аэродромную сеть. Провести сертификацию учебных заведений.

Но создание консорциума не поддерживали молодые руководители учебных заведений. Ветер перемен предвещал выход из-под влияния Министерства, самостоятельность и власть. Кто мог устоять против такого искушения?

«Родная Ладога»: Вы многие годы представляли интересы Аэрофлота за рубежом. Как оценивали подготовку российских пилотов на зарубежных линиях?

Виктор Пархимович: Например, в первую командировку в Индии в 1991–1993 годах работал с экипажами грузовиков Ил-76. Это летчики от Бога.

В Словакии в 1994–2001 годах мне приходилось работать, в основном, с экипажами Ту-134 и Ту-154. По заходу на посадку и посадке все узнавали наших летчиков. На профессионализм и красоту их работы выходили посмотреть работники аэропорта.

В Индии в 2001–2003 годах — с экипажами Ил-86, Ил-96, Ил-76 и В-777. Это были экипажи еще «старой школы». Надежные, с высоким чувством ответственности. Слово командира было законом для членов экипажа.

В Чехии в 2004–2010 годах — с экипажами, в основном, А-319, А-320, А-321. Новое поколение. Бывали грубые посадки, да и другие нарушения.

«Родная Ладога»: Как Вы оцениваете нынешний уровень профессиональной подготовки летных кадров?

Виктор Пархимович: Сегодня подготовка летного состава в очень плохом состоянии. И не нужно бояться об этом говорить. Она и раньше не была лучшей в мире, но она соответствовала запросам государства. Качества будущего командира воздушного судна закладывались в училище.

Курсант получал хорошую практическую подготовку, имел самостоятельный налет на выпускном самолете, который эксплуатировался в предприятиях. Рост по служебной лестнице определялся профессиональными качествами, налетом часов на конкретном типе самолета. Была система тренажерной подготовки, перевода на другой класс воздушного судна.

Без повторения эффект обучения снижается через 6–12 месяцев. Какие авиакомпании сегодня могут обеспечить восстановление навыков летного состава через 6 месяцев?

Концепция экипажа предполагает работу экипажа как единой команды. Что предполагает разделение ответственности, повышение осведомленности в деятельности коллег, а также в принятии решений и выработке стиля общения. Все это повышает эффективность, общий уровень безопасности. Потеря взаимодействия повышает риск присутствия человеческого фактора в сбойной ситуации.

Профессионалы создают лучшие авиакомпании, а лучшая подготовка создает профессионалов. Но подготовка требует капитальных ресурсов. Например, приобретение самолета первоначального обучения, пилотажного тренажера обходится в десятки и сотни миллионов рублей. Необходимо готовить первоклассных инструкторов. Разрабатывать и внедрять эффективные программы обучения.

Последние двадцать лет государством выделялись на эти цели скудные ресурсы. Непрофессиональный подход к проблемам подготовки летного состава недопустим, поскольку эксплуатационные возможности возрастают вместе с ценой человеческой деятельности — как в гуманном, так и в финансовом определении.

«Родная Ладoga»: *Какие меры, на Ваш взгляд, должно провести в жизнь в кадровой работе Министерство транспорта?*

Виктор Пархимович: Самое главное, у руководства отраслью, авиакомпаний и учебных заведений должны стоять профессионалы. Сколько бы пядей во лбу у коммерсанта не было, для него главное — деньги. Многие, на мой взгляд, не понимают сути авиационной безопасности. Общая бесшабашность захлестнула, к сожалению, и экипажи. Во всех катастрофах последних лет преобладает человеческий фактор, то есть недостаточная профессиональная подготовка, пониженное чувство ответственности и несоблюдение писанных кровью законов авиации.

Бездумно сокращать число авиакомпаний, выводить отечественную технику из эксплуатации нельзя. Кто и чем обеспечит региональные перевозки? Отечественная техника не уступает по надежности зарубежной. Нужно соблюдать и контролировать соблюдение норм и правил авиационной безопасности. Есть писанные и «неписанные» законы. К сожалению, сегодня «авось пронесет» стало не исключением в авиации.

Нельзя экономить на жизни пассажиров. Нужны государственные вложения в материальную базу учебных заведений. Оснащение училищ совре-

менными самолетами первоначального обучения, тренажерами для отработки навыков пилотирования на земле, выделение достаточного количества топлива для выполнения полетов, организации обучения в соответствии с программой, обеспечение периодичности повышения квалификации.

Профессионал у руководства авиакомпании прежде всего расставит приоритеты. Кадры — на первое место. Высокая профессиональная подготовка обеспечит безопасность, чувство ответственности, уровень и качество обслуживания как техники, так и пассажиров.

Профессионал дорожит как своей жизнью, так и жизнью людей, за которых он в ответе.

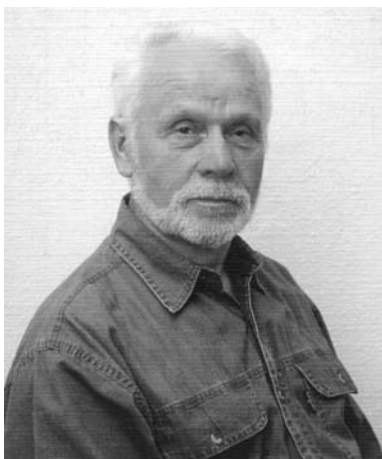
Факт, что перевозки по воздуху являются самым безопасным способом передвижения. Но это не снижает ответственности и не снимает обязанность Министерства транспорта возродить систему подготовки и переподготовки летного состава, возродить роль Инспекции по безопасности полетов, максимально исключить роль человеческого фактора в инцидентах в гражданской авиации, изменить отношение к проблемам и нуждам образования, существенно расширить его ресурсное обеспечение.

«Родная Ладога»: Мы всегда живем надеждой и оптимистически смотрим в будущее. А как Вы?

Виктор Пархимович: Не будем питать иллюзий на быстрые преобразования в отраслевом образовании. Сделаны первые шаги. Министерство транспорта закупило первые самолеты первоначального обучения, тренажеры, утвердило программы подготовки пилотов для некоммерческой и коммерческой авиации. Но это капля в море. Нарушена система. Нет необходимого количества высокого уровня инструкторов и преподавателей. Не нужно изобретать новое, нужно восстановить, модернизировать еще свежее в памяти старое.



Точка ЗРЕНИЯ



Алексей ШВЕЧИКОВ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ: РОССИЯ И ЗАПАД

Алексей Николаевич Швечиков религиовед, доктор философских наук, член Совета Собора православной интеллигенции. Им опубликовано более 60-ти научных работ по методологии, нравственности и религии. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Своей неприязни и враждебности к христианству публично либерализм никогда не объявлял, к открытому насилию по отношению к религии (христианству) не призывал. В отличие от свирепых большевиков священнослужителей не расстреливал и в лагеря не загонял, церкви не взрывал и содомитство в храмах не устраивал. Однако он исподволь всеми доступными ему формами и средствами упразднял религию и временами проговаривался об этом. Вот характерный пример этого проговаривания, рассказанный знаменитым католическим философом и теологом XX в. Этьеном Жильсоном: «Однажды во дворе Сорбонны молодые люди хвалили Мосса (известный французский либеральный социолог и этнограф, автор работ по социологии религии) за то, что он говорил о религии с чисто социологической объективностью. Он вежливо ответил: “Совершенно верно, я не нападаю на религию — я упраздняю ее”»¹.

Как видим, либералы заменили жесткий коммунистический посыл — уничтожить религию здесь и сейчас — на более мягкий и как бы временный — упразднять религию медленно, но верно и окончательно. Ведущей силой этого процесса стали тайные общества — идеологическое ядро либерализма, изначально не приемлющее религию, как веру в неприемлемого для него Бога. Именно они положили начало выдавливанию религии с духовного поля западной цивилизации. Процесс локализации духовного и нравственного влияния религии на общество сопровождался процессом реальных действий по постепенному упразднению религии и ее забвению.

¹ Жильсон Э. Философ и теология. М., 1995. С. 25.

Сначала гуманисты и просветители подвергают нелицеприятной критике христианскую Церковь и порядки в ней (а основания для этого западная Церковь, к сожалению, предоставляла). Затем, по мере развития науки, антиклерикальные силы начинают использовать ее как главный фактор в борьбе с «религиозным мракобесием», тормозящим прогрессивное развитие общества, унижающим достоинство человека, ограничивающим его свободу и права. Параллельно с этим начинается процесс секуляризации: Церковь отделяется от государства и лишается всякой государственной поддержки, религия становится не государственным, а частным делом человека. Секуляризация начинает набирать силу в эпоху религиозной Реформации XVI—XVII вв. Вначале она ограничивается в основном урезанием имущественных прав Церкви (земельные угодья, помещения и иное имущество), затем уже в эпоху Французской буржуазной революции 1789 г. так называемое «расцерковление» существенно расширяет свое содержание и становится системой мер по изоляции Церкви от жизни общества.

26 августа 1789 г. принимается «Декларация прав человека и гражданина». Это означало запрет на католичество как государственную религию. Второго ноября этого же года власть национализирует все земельные владения Церкви. 12 июня 1790 г. принимается закон об избрании на должность всех епископов и приходских священников. 27 июля этого же года принят закон об обязательной присяге всех духовных лиц на верность Конституции. Не принявшие такой присяги священнослужители лишались гражданства. В результате большинство священников покинули страну, 300 священников и 3 епископа за отказ от присяги были казнены.

Высшим богом Республики объявляется Разум. Репрессии против Церкви продолжают. Для того, чтобы избежать гильотины, около 2-х тысяч священников выполнили требования власти и вступили в брак, 23 епископа отреклись от Церкви. На всю страну остались незакрытыми только 150 приходов, где еще служили мессу.

21 февраля 1795 г. Церковь официально отделяется от государства. Это революционное «обмирщение» социальных отношений фактически подвергло разгрому католическую Церковь Франции. Призыв Вольтера «раздавить гадину», то есть Церковь, получил реальное воплощение. Освобождение от тотального религиозного влияния произошло.

Примеру Франции последовали другие государства Европы. В Германии были ликвидированы так называемые «духовные княжества», а имущество монастырей и соборов было передано в распоряжение правительства. Были серьезно урезаны возможности религиозного образования в светской школе. Характерно, что удар секуляризации приходился в Европе прежде всего на католическую Церковь.

Процесс подавления влияния Церкви не обошел стороной и Россию. Факты отбора церковного имущества были и на Руси. Были и жесткие дискуссии на эту тему, о чем говорят материалы поместных церковных соборов 1503 и 1551 гг. (Стоглавый собор). Характерной особенностью этих дискуссий было то, что они разгорелись в лоне Церкви. На соборе 1503 г. Нил Сорский выступал за радикальное ограничение церковного (особенно монастырского) имущества. Иосиф Волоцкий стоял, наоборот, на неприкасаемости и даже благодатности этого имущества. В этом споре победила линия Иосифа Волоцкого, а Стоглавый собор даже записал в

своим решением, что с разрешения Царя Церковь может и увеличить свое имущество.

Однако Петр I принял очень жесткие меры по отношению к слишком богатой и слишком влиятельной, по его мнению, Церкви. Они тоже носили секуляризационный характер. Но главным антицерковным актом Петра I был отказ от симфонии властей и законодательное закрепление подчинения Церкви государству. Царь превращался в главу Церкви, Патриарший Престол упразднялся, а вместо него учреждался Священный Синод во главе с обер-прокурором, назначаемым Царем. Церковь назвала этот акт ее пленением.

После Петра I только Екатерина II набралась смелости провести в государстве еще один масштабный акт секуляризации. Указом Императрицы в 1764 г. все церковные вотчины были переданы государству (ок. 911 тыс. душ крепостных). Эти земли (вместе с крестьянами) были розданы Екатериной своим ближайшим помощникам и служилому дворянству. Вся хозяйственная жизнь монастырей была поставлена под жесткий контроль государства, а большая часть из них была вообще ликвидирована (до указа их было 954, после указа — 395). Подобных потрясений до 1917 г. Русская Православная Церковь не испытывала, зато после Октябрьской революции 1917 г. была осуществлена такая спланированная атака, которая чуть не привела к полному уничтожению Церкви.

Либерализм как идеология внешних форм жизни категорически чужд самому духу России и русского народа, поскольку никогда для нас эти внешние формы не были определяющими. Наш православный народ крепко усвоил евангельскую заповедь: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»¹ Продавать душу свою за внешние удобства и телесное благополучие русский человек не хотел и любым попыткам заставить его сделать это он сопротивлялся, иногда глухо и внешне безропотно, а иногда шел и на крайние меры, то есть восставал и силой защищал непродажную душу свою.

Твердость позиции в отстаивании целостности своей внутренней духовной жизни определялась силой его веры в те идеалы и цели, которые он перед собой поставил. Временами эта вера ослабевала и внешние формы жизни теснили формы внутренние. Тогда неизбежно возникал духовный кризис, и наступали черные дни в нашем историческом бытии, и колебались сами основы русской жизни и русского духа. Однако народ находил в себе силы собраться, стряхнуть с себя иллюзию благодатности внешних форм жизни, навязанную ему в силу определенных внешних и внутренних обстоятельств и вернуться к живительным истокам и основным направлениям своего исторического пути.

Либеральная идея с русской национальной идеей не совместима, поэтому она всегда вступала в неразрешимое противоречие со всем строем русской жизни, подрубала ее корни, извращала и опошляла ее существо. Она всегда шла к нам с Запада и поэтому она есть существенная часть взаимоотношений России с Западом. По этой причине проникновение либерализма в Россию необходимо рассматривать в общем контексте ее отношений с Западом, а эти отношения истинно дружественными, а тем более благостными, не были никогда.

¹ Мф. 16, 26.

«Повесть временных лет» сообщает нам, что уже на заре возникновения русского государства наши далекие предки настороженно относились к своим западным соседям и не хотели идти под их веру. Посланцам папы, желающему навязать молодому государству и народу католическую веру, князь Киевский Владимир заявил: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Пытались они и силой навязать свою веру и власть. Александру Невскому пришлось вступить в вооруженное противостояние с тевтонами, защищая свою землю и веру. Он уже тогда предупредил спесивых европейцев: «Кто с мечом к нам придет, мечом и погибнет». Были со стороны Европы попытки и невооруженной экспансии, когда на окраинах Москвы стали создаваться локальные поселения (слободы) иностранцев. Однако и этот вариант подчинения Западу Московии не привел к успеху. Сначала Киевская, а затем Владимирская и Московская Русь шла своим путем и не позволяла никому навязывать ей чуждую волю и чужие стандарты жизни. Русь твердо держалась отчей традиции, исходя из принципа: Не нами положено, не нам и менять.

На русской почве либералы не прорастают, они прорастают там, где почвой становится иная культура, поэтому либерал в России — это, как правило, «западник», то есть человек, очень низко ставящий свою страну и народ и завышено оценивающий западный образ жизни и его культуру. Западник, как правило, либерал, покидающий почву национальной культуры, базирующейся на внутренних духовных ценностях, а не внешней привлекательности и удобства. Очарованный внешними формами жизни западной цивилизации, он воспринимает ее как некий непререкаемый идеал, к которому должна стремиться Россия, предварительно отказавшись от своих традиционных «варварских» ценностей и принципов жизни. Его начинает интересовать именно внешний строй жизни, а не ее внутреннее содержание.

Иногда либералу-западнику кажется, что его помыслы чисты и непорочны, что, отвергая «варварское» состояние национальной культуры, ее отсталость и косность, он, тем не менее, помогает Отечеству выйти из состояния отсталости и влиться в семью цивилизованных народов. Ярким примером такого либерала-западника был П. Я. Чаадаев.

Блестящий армейский офицер, участник войны 1812 г., единомышленник декабристов, однако, не прямой участник заговора, он рано уходит в отставку и начинает активно заниматься философией и размышлять о судьбах своего Отечества. Результатом этих размышлений стали знаменитые «Философические письма», которые принесли ему воистину геростратовскую славу. Возмущение в российском обществе содержанием этих писем было так велико, а национальное чувство победоносной России (после победы в войне 1812 г.) так оскорблено, что Чаадаев подвергся настоящему общественному ostracismu и забвению одновременно. Некоторые даже объявили его сумасшедшим и требовали его помещения в клинику для душевно больных.

Пытаясь оправдаться перед властью и обществом, в «Апологии сумасшедшего» Чаадаев писал, что его неправильно поняли, что он патриот своего Отечества и любит его даже больше других: «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою родину, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа, но верно и то, что... я не научился любить свою родину с закрытыми глазами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее, я думаю, что

время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое Отечество, как Петр Великий, научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями, и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы»¹.

Несмотря на горделивое заявление о том, что он любит родину больше других и понимает ее лучше других, Россия не простила Чаадаеву того поношения, которому он ее подверг в своих «Философических письмах».

Хотя свои «письма» Чаадаев назвал философическими, их главной темой стала не философия, а Россия, ее прошлое, настоящее и будущее. Это не что иное, как своеобразная концепция понимания России. Эта концепция с очевидностью страдает односторонностью, поскольку основное внимание Чаадаев сосредотачивает не на объективном анализе ее достоинств и недостатков, а концентрирует его на описании и критике ее пороков, заблуждений и несовершенств. Такой подход к оценке России и вызвал, прежде всего, отторжение книги Чаадаева в российском обществе. Даже у его сотоварищей по войне и декабристскому движению. Его бывший однополчанин М. И. Муравьев-Апостол заявил, что писать русскому о России таким образом, как это сделал Чаадаев, можно только сошедши с ума.

Что же такого крамольного написал о своем Отечестве Чаадаев?

Он считал, что Провидение оставило Россию, в то время как западные страны находятся под Его контролем и обеспечиваются Его идеями.

Поскольку мы лишены внимания Провидения, то мы, в отличие от других народов, оказались лишены традиций, на основе которых спланируется и воспитывается народ. Мы, утверждает Чаадаев, «не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»². Мы, по Чаадаеву, появились на свет как незаконнорожденные дети «без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления»³. Одним словом, мы, русские, — Иваны, не помнящие родства, люди без рода и племени. Поэтому мы и живем без убеждений, без правил, без зачатков добра. Русские, стало быть, — это изгой человечества.

Наше развитие идет как бы в стороне от всемирного исторического процесса, и мы существуем только для того, чтобы однажды преподать миру какой-то «великий урок».

Чаадаев утверждает, что, если другие народы, приняв христианство, стали свободными, то наш народ именно с помощью христианства обратили в рабство. Если западное христианство боролось за освобождение крестьян от крепостной зависимости, то наша Церковь почему-то «не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой»⁴.

¹ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма в 2-х т. Т. 1. М., 1991. С. 533.

² Там же. С. 323.

³ Там же. С. 326.

⁴ Там же. С. 347.

Одним словом, Россия — это страна какого-то беспросветного ночного мрака, не желающая и не умеющая выйти на свет Божий. Подвергнув уничтожающей критике собственное Отечество и его народ, Чаадаев разделил мир на идеальный Запад, загадочный Восток и неприкаянную Россию. Очарованный внешним блеском Запада, он забыл (или не понял), что в нашем подлунном мире нет ни идеальных стран, ни идеальных народов, как нет и безнадежно плохих изгоев. Ни Россия, ни русский народ не являются здесь исключением. Но либерала-западника эта общеизвестная истина не устраивает, ему надо доказать, что плохая Россия и плохой русский народ могут стать полноправными участниками исторического процесса и прогресса только тогда, когда они очистят себя под Запад и полностью отрекутся от Востока. А очистят они себя только тогда, когда освободятся от бескультурья, от своей варварской традиции во всех сферах человеческого бытия: политического, экономического, социального, духовного, нравственного. Только тогда они могут рассчитывать на то, что их примут в семью цивилизованных стран и народов. Такова в общих чертах идеология Чаадаева — первого в России теоретика либерального западничества.

Несмотря на гонения и запреты власти, несмотря на общественное осуждение изложенных Чаадаевым идей, унижающих Россию и русский народ, его дело не пропало. Нашлись и единомышленники, особенно в эпоху царствования Александра II. Однако не смолкла и оппозиция в лице славянофильского и почвеннического движения. Его вершиной стало творчество Ф. М. Достоевского.

Никому из русских мыслителей не удалось, как Достоевскому, достичь самых существенных глубин русского духа, понять той особой цивилизационной роли, которую выполняет в нашем беспокойном земном мире Россия. Если, по Чаадаеву, Россия существует только для того, чтобы преподнести миру какой-то важный поучительный урок (то есть показать, как делать нельзя), то Достоевский считает, что главный смысл и предназначение России — не искать путей в Западную цивилизацию, а хранить и оберегать христианство — одну из важнейших (если не важнейшую) основ духовной и нравственной жизни человечества.

Именно поэтому русский народ так предан высшему проявлению христианства — Православию. «Русский народ, — писал Достоевский в своих записных книжках, — весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что Православие это всё. Православие есть Церковь, а Церковь — увенчание здания и уже навеки... кто не принимает Православия — тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того, тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть»¹.

Петр I, например (а он был примером для Чаадаева), видел в нем лишь «материал, платящий подати, деньгами и повинностями», и любил только ту часть народа, которая безропотно шла за ним и помогала ему в преобразованиях России по западному образцу. Духовная сторона жизни народа Петра интересовала лишь постольку, поскольку она не мешала ему решать материальные внешние задачи. Понижение или полное отсутствие интереса к духовной жизни народа (особенно русского) есть проявление неуважения и

¹ Достоевский Ф. М. Записные книжки. М., 2000. С. 56–57.

презрения к нему. Презрение к собственному народу — характерная черта российских либералов-западников. На это обратил внимание Ф. М. Достоевский. Он писал: «Одна из характерных черт русского либерализма — это страшное презрение к народу и взамен того страшное аристократничание перед народом (и кого же? Каких-нибудь семинаристов). Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою... Все черты народа осмеяны и преданы позору... Демократы наши любят народ идеальный, отвлеченный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, что он никогда не существовал и существовать не будет»¹.

Со времен Достоевского российский либерал-западник изменился более символически, чем реально. Реформы конца XX в. с полной очевидностью это подтвердили. Наши либеральные гуманисты во имя раскоммунизации России и торжества либерализации готовы были пойти на многомиллионные жертвы и пошли. Они даже в открытую заявляли, что во имя торжества либеральных принципов и введения России в мир цивилизованных стран стоит пожертвовать несколькими десятками миллионов наших людей. Они фактически и подошли к этим показателям, но всеобщей либерализации так и не осуществили.

Они не поняли, что русский народ либералом, то есть носителем идеи приоритета внешних форм жизни, не будет никогда. У него иные жизненные идеалы и ценности, которые он носит в себе, а не на себе, и судить его надо не по внешним формам поведения, которые часто его не украшают и не возвеличивают, а по тому внутреннему духовному сплаву его души, который в лихую годину позволяет ему подняться на такие высоты человечности, которые и не снились какому-то цивилизованному европейцу.

Не случайно поэтому великий прозорливец и тонкий знаток русской души Ф. М. Достоевский призывал судить русский народ не по его внешним мерзостям, а по тому, как он эти свои мерзости осознает и как казнит себя за них.

«Обстоятельствами всей русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то, что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит его непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает... Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили его навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении»².

Как мы уже отмечали, либеральная идея возрастает в России на базе ее отношений с Западом. Усиление западнических настроений в российском обществе неизбежно вызывает активность в стане отечественных либераль-

¹ Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 281.

² Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15-и т. Т. 13. СПб., 1994. С. 48—49.

ных идеологов. Здесь связь неразрывна и непосредственна. Но вопрос заключается не только в том, чтобы выяснить, как мы относимся к Западу, но и в том, как Запад относится к нам, как он отзывается на стремление наших либералов слиться с ним в братских объятиях и стать единым целым в высокой европейской цивилизации. Приходится констатировать, что как либеральная идея не смогла покорить русский народ, так и наши либералы, несмотря на свои титанические усилия и рабское заискивание перед Западом, не смогли пробить броневой щит его неприязни, высокомерия и презрения к России.

Европа боится России как некоей темной и страшной непредсказуемой варварской силы, нависающей над нею. Поэтому, считал Достоевский, «Европа не станет верить никаким нашим уверениям до самого конца, и все будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих европейцев, а всего лишь за досадных пришельцев»¹.

Аналогичной позиции в оценках отношения Европы к России придерживался и современник Ф. М. Достоевского Н. Я. Данилевский, исследовавший эту проблему в своем знаменитом труде «Россия и Европа». По мнению Данилевского, Европа знает Россию не такой, какой она является на самом деле, а такой, какой она сама хочет ее знать, то есть так как представляется Россия ее предвзятому мнению, ее «гордости, ненависти и презрению» в отношении России.

Европа, считал Данилевский, не только в прошлом и сейчас не признает нас своим, но не признает таковыми никогда. Она продолжает и будет продолжать смотреть на Россию лишь с чисто материальной стороны, то есть извлечения какой-то выгоды для себя. Она смотрит на Россию как на материал, «который можно бы реформировать и обделывать по образу и подобию своему»², то есть превратить Россию в такой же сырьевой источник, в какой превратила она в свое время Китай, Индию, Африку, Америку. Попытки добиться этого вооруженной силой не удавались, ибо здесь Европа всегда терпела поражение. Упорство России в защите своего суверенитета вызвало еще большее раздражение и ненависть у Европы. Она поняла, что Россия не колосс на глиняных ногах, а нечто великое и прочное, что под ее «поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, — которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, — которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самостоятельную жизнью. Гордой... своими заслугами Европе трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это»³.

Это было сказано более ста лет назад. Может, кому-то покажется (да нашим современным либералам-западникам именно так и кажется), что давно уже все изменилось в наших отношениях и нас в Европе ждут как желанных гостей. Вот даже в Совет Европы приняли, даже разговоры о принятии в НАТО заводят, в ВТО пускают, безвизовый режим обещают ввести. Од-

¹ Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 341.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 51.

³ Там же.

ним словом, Европа «распахнула» перед нами свои двери и с нетерпением ждет нашего прихода.

Естественно, ситуация в наших отношениях сегодня не та, что была во время жизни Достоевского и Данилевского. Сегодня Европе надувать щеки и говорить России «фи» — себе дороже. Материальная зависимость от России становится для благополучной Европы все ощутимее, а само благополучие — все бледнее. Похоже, грядет время (не очень отдаленное), когда Европа начнет нуждаться не только в материальной, но и духовной помощи России. Время и обстоятельства сбивают с Европы спесь и самонадеянность, но выработанная веками неприязнь к России и русским сохраняется, она никуда не ушла: европейский обыватель трепетно относится к любым традициям, а неприязнь к нам давно стала в Европе традицией.

Было бы легкомысленным обвинять в напряженности наших отношений с Европой только европейцев, а себя считать правыми во всем. Во-первых, мы сами не ангелы и даем достаточно поводов для того, чтобы подвергаться справедливой критике со стороны европейцев. Во-вторых, в нашем общественном мнении (за исключением тонкой прослойки) сформировалось исторически устойчивое мнение, что они нас не любят и во всем нам противоречат.

Что касается идеологии либерализма, на основе которой веками формировался весь строй жизни Европы и Северной Америки, то эту идеологию воспринимал в России лишь тонкий слой интеллигенции, а временами и правящей элиты. Исторические всплески либеральных увлечений в России имели место, но на ход ее развития существенно не повлияли и к деформации ее христианской идеологии не привели. Либеральная идея не приживается в России и сегодня, несмотря на усилия со стороны внешних сил и энтузиазм наших доморожденных либералов. Она натывается на то крепкое и твердое ядро, о котором говорил Данилевский и которое не поддается либеральной деформации. Так было и так будет, пока Россия жива.

Либерально-капиталистический путь России заказан. Реальный же альтернативный путь нами пока не определен, что искусственно сдерживает развитие нашей цивилизации и порождает пессимистические настроения в обществе. Чем быстрее и вразумительнее мы определим этот путь, тем быстрее выйдем из того полусонного, полубезразличного состояния, в котором сегодня, к сожалению, пребывает российское общество. Найти этот путь — главная задача власти и общественности.



На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ



Борис ПОДОПРИГОРА СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Борис Александрович Подопригора — родился в 1955 году в Ленинграде. Закончил Военный институт иностранных языков (китаист и специалист по Афганистану), а также факультет психологии СПбГУ. Заслуженный военный специалист России. Награжден 2 орденами и 20 медалями. Занимал должность заместителя командующего федеральными силами на Северном Кавказе. В настоящее время — преподаватель СПбГУ — специалист по международным конфликтам. Востоковед, член Экспертно-аналитического совета при Комитете по делам СНГ и соотечественников Государственной Думы ФС РФ. Постоянный автор периодических изданий и художественных альманахов. Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Не только череда дежурных поводов обращает нас к теме неизбежного с ней соседства. А может, и большего?

ТЕОРИЯ — СУХА, НО...

Попытки анализа-прогноза среднеазиатской проблематики нередко наталкиваются на формальный методологический барьер. Бытует мнение, что Средняя Азия — в понимании границ бывшего СССР — ныне требует индивидуального подхода к каждой из стран. А не будучи гомогенной социально-политической и культурно-исторической общностью, не подлежит рассмотрению как единое целое. Но в самой России гомогенности еще меньше, хотя от федерализма мы не отказываемся. Кстати, США осуществляют политическое планирование в масштабе всей Европы. Это не мешает им находить индивидуальный подход к Великобритании или, скажем, Франции. Более того, наш разрозненный подход к «корректно» партнерствующему с нами самодостаточному Казахстану или постепенно отрывающейся от нас Туркмении на редкость четко вписывается в планы наших геополитических конкурентов, цель которых — невоссоздание нового союза во главе с Москвой. Не вооружившись единым подходом, мы обречены ситуативно реагировать на зреющий таджико-узбекский конфликт или очередную «революцию» в Киргизии. Таким образом, затрудняется формирование концептуальных начал нашей внешнеполитической стратегии, а соответственно отдалается перспектива комплексного влияния на весь регион, где пересекаются два принципиальных для нас вектора международной деятельности — обращенные к исламскому миру и ближнему зарубежью. Более

того, эту концепцию логичнее строить по отраслевому, а не национальному принципу и от общего к частному, а не наоборот: «если собрать сто кошек, тигра, все равно, не получится».

И еще. Нимало не сомневаясь, что политики предпочтут иметь дело с сухим «бизнес-планом», сочтем не менее важным приглашение заинтересованной общественности к менее формализованной дискуссии.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ: НАГРАДА ИЛИ БРЕМЯ?

Согласимся с бесспорным. С нашей стороны — заинтересованность в благоприятном ближнезарубежном окружении, использование изученных природных и человеческих ресурсов, наличие в Средней Азии 5–6 миллионов русскоязычного населения (из 60 млн), сохранение элементов единого в прошлом мировоззренческого пространства, ностальгия по советской стабильности задают перспективу многопланового российского присутствия в регионе. У них процесс адаптации к новым геополитическим условиям, формирование внешнеполитических, оборонных концепций идут со скрипом. Большинство стран Средней Азии так и не адаптировалось к условиям автономного хозяйствования вне рамочных связей с Россией. Неизменная сырьевая ориентация обрекает их быть заложниками конъюнктуры мирового рынка, то есть в любом случае соответствовать ожиданиям извне. Казалось бы, встречные курсы предопределены. Если бы так просто!

Средняя Азия была и остается «хребтовой» частью евразийского пространства. Станет ли она его «сердцем», питающим не только себя, но и главную державу смежных континентов, зависит, прежде всего, от принятия нами евразийства. Под ним понимается его не столько идейно-мифологическое, сколько «державно-волевое» начало. Интересы России не могут замыкаться в периметре национальных границ. Но и «переходить» их придется, изрядно подготовившись.

Обращение к Средней Азии требует не только стратегической твердости и тактической гибкости, но главное — некабинетного учета мотивации, менталитета и культурно-психологического уклада населения региона. На него накладывает отпечаток проходящий здесь межцивилизационный разлом между исламом, христианством и конфуцианством, соперничающими между собой не только духовно и далекими от внутренней гармонии. Не придает предсказуемости и близость Индии — главной демографической сверхдержавы XXI века, готовящейся ступить на геополитический олимп. И неизвестно, как она им распорядится. Рядом — беспокойный в своем ортодоксальном диссидентстве шиитский Иран — многовековой возбудитель внутривидовых — значит, особо острых — противоречий в исламском мире. В Средней Азии могут проявиться идейные корни пантюркизма и панисламизма, националистического самовластия и космополитического компрадорства. Тот, кто ее контролирует, способен влиять по всему периметру Евразийского континента. Проигравший понесет не только абстрактные геополитические убытки. В практическом смысле он захватит в свой дом войну.

Универсальный геополитический менеджмент нередко сводит борьбу за региональное влияние к искомому экономическим выгодам, утверждению на этой основе благоприятного социально-политического климата по месту

приложения усилий. При этом «корректно» затеняется силовой компонент влияния — неизбежность защиты интересов от конкурентов. Преимущества Средней Азии видят и они, не менее нас сознающие, что «хозяин в доме должен быть один». Вступая в эту борьбу, важно знать, с чем мы столкнемся при ее обострении. Обобщенные факторы развития стран региона приведены тезисно, с обещанным упором на их отягощающий потенциал.

Первое. Разновекторность и конъюнктурность устремлений правящих элит пока «спасает» привычная презумпция диктаторского начала в качестве единственного способа внутри- и межгосударственного регулирования. Неразвитость или нереализуемость институтов гражданского общества и демократических процедур ужесточается отрывом коррумпированной светской бюрократии от нищенствующих масс. Последние исламизируются или находят поддержку в традиционных клановых или реанимируемых сословных связях. При этом одно маскируется другим, «закрывая» от непосвященных существо глубинных связей и конфликтов. Усиливается предрасположенность к социальным разломам, в том числе по принадлежности к укладам — «остаточному» социалистическому, вестернизированному и феодально-патриархальному.

Второе. Демонтаж присоветской социально-экономической модели осложняется концептуальной неоформленностью и фрагментарностью возводимой. Возрастает политикоформирующее значение проблем водоснабжения — главной инструментальной базы хозяйствования большинства населения.

Третье. Прогрессирующая пауперизация масс укрепляет социальные основы исламизма. Привыкание к единственно доступной воображению исламской геополитической перспективе, в том числе, статистически подтверждается переходом от прежней мировоззренческо-мобилизующей модели «наш с Россией Восток против чужого Запада» к «нашему Югу против чужих Севера и России». Укрепляются социальные основы парадигмы «чистый ислам против оскверненного» — как смысл поиска лучшей доли. Убывает психологическое отторжение экстремизма, ассоциируемого с решительной защитой ценностей ислама и расширением ареала его распространения. При ожидаемой неудаче западной операции в Афганистане регион угрожает стать важным источником пополнения рядов международного терроризма.

Четвертое. Незавершенность (искусственность) межнационального размежевания (спорных участков на таджикско-узбекской границе — 700, на киргизско-узбекской — 140) усугубляется борьбой национальных элит за доступные им формы регионального доминирования. Восхождение внешне-регионального обрамления к неоднозначному пограничному разграничению Российской Империи (СССР) с Китаем, Афганистаном, Ираном, а также административному определению межсубъектных разграничений (РСФСР — КазССР) может актуализировать тему пересмотра географических пределов национальных ареалов и на этой основе легитимности существующих границ, «навязанных» «чужой» властью. Симптоматичен перенос казахской столицы в Астану (Целиноград), как форма утверждения государственных начал на севере страны.

Пятое. Сдваивание рядов исламизма и наркомафии. Принципиально российский вектор наркоставок в условиях уязвимости внешне- и внутрирегиональных границ и трансевразийской миграционной активности

привел к тому, что сама Россия из транзитной территории превращается в основного потребителя тяжелых наркотиков. Это повышает ее «рыночную ценность», следовательно, мотивацию наркодельцов.

Шестое. Интервенция дальнего зарубежья ведет к накоплению потенциала конфликтности между Россией и западными «спонсорами-работодателями». Роль последних стратегически — негативна, тактически — ситуативна. В последнем случае — «сдерживающе-провоцирующая»: они и временные локализаторы талибской экспансии, и инструкторы «демократической оппозиции», но, прежде всего, катализаторы исламизма. США, Китай, Япония расширяют доступ к ресурсам Памира и Тянь-Шаня: урану, золоту, серебру, редкоземельным и цветным металлам. Это встречает заинтересованность стран региона в высокоинвестиционных западных проектах: магистрали ТРАСЕКА, «Север-Юг», каспийский энерготранзит и пр. Ими мы тоже сможем пользоваться, но не владеть. Зато такие проекты ограничивают наши перспективы и одновременно расширяют сферу силовой защиты со стороны Запада.

Седьмое. Превращение Афганистана из государства в конгломерат общинных владений, периодическая «турбулентность» ядерного Пакистана, хроническая враждебность США в отношении Тегерана, не вполне очевидное по последствиям арабское «обновление» обуславливают вероятность экспорта в Среднюю Азию силовых способов достижения политических целей. Возрастает вероятность непредсказуемых геополитических сценариев по логике «демократизации» Ливии.

Названные факторы могут проявиться в любом наборе среднеазиатских стран в зависимости от проявления, прежде всего, трех внутри- и внерегиональных начал: исламо-централизующего, западно-глобалистского и набирающего силу — «придаточно-китайского». В Таджикистане и Узбекистане более вероятно обострение тлеющего конфликта властей с исламистами при обострении межгосударственных отношений. Труднее просчитывается будущее Туркменистана с учетом его внутренней закрытости и экономической всеядности. С Казахстаном и Киргизией связаны перспективные интересы Запада и Китая, в значительной мере взаимоисключающие, но при этом одинаково провоцирующие нас занять чью-либо сторону. Киргизский пример подтверждает весьма условное соответствие этой страны критериям государственности и привычкой решать системные проблемы разовой внешнефинансовой инъекцией. Вспомним: исламская революция в Иране вызрела куда при более благополучном экономическом положении и неограниченной помощи извне.

ЕВРАЗИЙСТВО — РОССИЙСКАЯ ОБРЕЧЕННОСТЬ

Вернемся к евразийству в понимании его не как веры, а географических пределов целеполагания. Согласимся с необходимостью единого понимания не только интересов, соблазнов и рисков, но и иерархии понесенных и потенциальных потерь. Поставим во главу угла потери социально-демографические. Зададим вопрос от противного — кто, если не Средняя Азия, способен их облегчить? Неминуемо сокращение населения России на треть, до 90—100 миллионов к 2050—2060 году. Сможем ли мы остающимися миллионами контролировать прежнее пространство? Или обречены делиться с

теми из наших соседей, чьи подданные придут, прежде всего, в Зауралье? Ими станут либо китайцы, либо выходцы из Средней Азии, перенаселенной, нищающей, поэтому давящей на политические клапаны сдерживания миграции. Но за китайскими гастарбайтерами рано или поздно придет сюда Пекин. Это будет означать утрату не только «титульной» территории, но традиций державного строительства. Их слом неизбежно обострит и без того давящий на страну «постимперский» синдром. Далее — перспектива коллизий-бунтов — «осмысленных и милосердных». За этим маячит хаотичный или подталкиваемый распад страны и пополнение ею списка канувших в лету. Россия не сможет сохранить себя, уподобившись шагреневой коже. В этом смысле Россия может быть либо глобальной державой, либо глобальной угрозой. Но угрозу «постросийского» значения ликвидируют с «пристрастием», соответствующим ее масштабам. Верить в снисхождение к нам со стороны Запада и Китая недальновидно. Те и другие сделают для нас столько, сколько сочтут для себя полезным. Сила при этом остается одним из главных имплицитных рычагов отведения угроз и обеспечения прочих интересов. Альтернатива этому — обоюдостороннее магистральное движение — наше в Среднюю Азию, среднеазиатов — в хиреющие российские веси-пяди, и так желтеющие, но с более опасным оттенком. Мы непростоительно долго приобщаемся чуждой вере. Еще хуже оставаться в плену глобалистских грез о всемирном торжестве общечеловеческих ценностей. Они нас и так уже поставили на грань утраты исторической перспективы. Не о национализме «под Хохлому», тем паче «славянизированных» свастиках, идет речь. Бдительных «нашистов», как и ревнителей «евростандартов», просим не беспокоиться. Но если русские (в приближении к «российским») — это державообразующая нация сходно мыслящих, а не прилагательное к чужим геополитическим существительным, то будем, в первую очередь, рациональны и только во-вторую — политически обходительны. В условиях наметившейся с начала века прагматизации нашей внешней политики это реально настолько, насколько наш государственный менеджмент овладеет идеей непереносимости возвращения туда, куда еще пускают. В остальном — исходить из аксиомы: территория может быть утрачена, политическое присутствие никогда.

В практическом плане это означает, что у нас нет большего приоритета в регионе, чем обеспечение собственной выживаемости. И евразийский масштаб для этого единственно спасителен. Лишь после разрешения этой задачи можно, не слишком напрягаясь, подумать, стоит ли, ради чего, в какой степени уважить «жизненно важные» интересы других. При параллельном учете чаяний тамошнего большинства, пусть и в лице традиционных для них жусов-кланов.

МИНИМАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАКСИМУМА

Начать придется с выработки той самой комплексной задачи, которую вряд ли объемлет рекомендация Совбеза или правительственная директива. Нужен политико-академический Интеграционный Центр, определяющий стратегию и тактику, в данном случае «реколонизации Туркестана». Центр, обладающий научно-информационным ресурсом и контрольно-исполнитель-

ным инструментарием. А главное — способный в условиях застарелого российского социально-мобилизационного нигилизма («спасибо» агитпропу!) заинтересовать общими перспективами живущих по обе стороны границы с ближайшим для нас Востоком — кстати, чем это не национальная идея, основанная на национальном же инстинкте самосохранения? Не менее важно мотивировать тех, кто в Среднюю Азию поедет и кого мы из нее примем. Еще раз оговоримся, не о антикаримовском-антирахмоновском антрепренерстве, тем более не о пробковых шлемах ведем речь. Из России туда не едет, по существу, никто. Оттуда мы до недавнего времени принимали по квотам. Например, по статистике у нас работают по 400 тысяч узбеков и киргизов. Пусть приедут по 4 миллиона, но, к примеру, только на Дальний Восток и не в качестве полулегальной рабочей силы на угодьях столичных нуворишей. В отличие от китайцев, своей автономии они там точно не создадут, ресурсов для лоббирования односторонних интересов своих прародин у них недостаточно, но для «задержавшегося» там русского населения они будут привычнее хотя бы по остаточной исторической памяти, а главное — «безопаснее» для Москвы. Эта же формула может устроить и китайских гастарбайтеров. Подсказанная ориентация их не на пустующие просторы Отечества, но на среднеазиатские стройки сквозного российско-среднеазиатско-китайского значения для нас явно приемлемее. Но главное, повторимся — обеспечить неумещающееся экономическое и физическое присутствие России в регионе. Опыт подсказывает: не говоря о «стройках века», даже контейнерный городок геологов или строителей становится политически перспективной точкой притяжения местного населения, обращающегося сюда за работой, медпомощью или водой (вспомним ее значение!).

Предпосылкой к реализации всего евразийского «мегапроекта» служит определение основных направлений деятельности Интеграционного Центра. Обязательными направлениями видятся: разработка и отслеживание реализации системообразующих программ (гуманитарно-гражданский блок), внутрирегиональной адаптации, анализа внешнего противодействия, проблем безопасности (военный блок), экономической интеграции. Все — вне формальной иерархии, взаимно переплетены и дополняемы. Представлены публицистической интерпретацией актуальных для России задач в регионе.

Главной задачей **гуманитарно-гражданского** блока станет принципиальное сохранение Средней Азии в зоне российской культуры (в первую очередь — языка). Это достигается через единые образовательные, научно-академические, медийные стандарты, обеспечение сходной с Россией практики партийного строительства. Все — не самое затратное из того, что предстоит сделать. Но даже к этому применим государственный подход, то есть концепция-программа-финансирование-воля-контроль. Последний — здесь и далее — желательно «СМЕРШевский» — по эффективности.

Здесь же — обсчет и обеспечение важнейшего интегрирующего начала — поощрение службы среднеазиатского населения в Вооруженных силах России. Незабывтый советский опыт подсказывает: едва ли не главным фактором межкультурной адаптации в СССР являлась служба представителей разных национальностей в Советской Армии. Со сноской на сегодняшнее, в том числе, национальные правовые акты это может быть стимулируемый заинтересованной стороной обмен призывниками и контрактниками. Он может быть реализован как через привычный призыв по контракту в

русские гарнизоны на территории региона (Таджикистан, Киргизия), так и путем «командирования» отслуживших в российской армии призывников в «зарубежную стажировку» в армии стран Средней Азии, прежде всего, на дефицитные там специальности. Если часть из них там осядет, это будет благом для нашего будущего. Ибо само движение «туда» затормозит и обратный исход русских соотечественников, зачастую справедливо считающих себя брошенными. Солидарные задачи антитеррористической борьбы помогут определить сферы предпочтительной общей заинтересованности. В идейно-политическом смысле весьма перспективным представляется служба среднеазиатов на Северном Кавказе, их опыт противостояния экстремизму. Отечественные мобилы, поднаторевшие в понятных условиях «военно-патриотического энтузиазма», подскажут приемлемые схемы.

Обещающим выглядит научно-практическая реанимация полезного опыта интеграционного строительства в царской России и СССР — от генерала Кауфмана до Фрунзе. С тем, чтобы при нынешней умудренности не уподобляться Сталину с Орджоникидзе, в 1921 году заново искавших пути размежевания Южной и Северной Осетии. В исторически недавнем 2008 году мы увидели, что из этого получилось.

Решение задач **внутрирегиональной адаптации** предполагает, во-первых, мотивацию пророссийского слоя местных элит, которые в большей степени, чем на Западе, определяют настроения масс. Среди тамошних элит есть пророссийские, протурецкие, происламские, на подходе прокитайские, но основная масса — прагматично-всеядные. Пока это в нашу пользу. Как и то, что в Казахстане пока существует встречный интерес к «практическому» евразийству. Вместе с тем противодействие интеграционным процессам в СНГ имеет стойкую тенденцию к усилению, отражающую процесс замены присоветских управленцев обладателями западных дипломов. Этим актуализируется среднеазиатская аппликация сталинского лозунга «Кадры решают все!» Ближайшей задачей пророссийских управленцев (где, как не у нас, их готовить?) видится, как мы уже заметили, воспрепятствование оттоку русскоязычного населения, в ряде случаев их защита. Несколько лет назад движимая интернациональными чувствами москвичка Татьяна Сапунова частным образом выступила в защиту евреев. Какая из тамошних структур на системном уровне защищает русских? Кто, кроме нас, заинтересован эту систему создать и обеспечить ее дееспособность? Перспективной выглядит нацеленная работа с лидерами сложных и замкнутых групп: по опыту Таджикистана — каратегинцами, дарвазцами, памирцами-исмаилитами, особенно ванчцами. Они исторически занимают позицию отстраненности от политики национальных центров, в том числе иногда не ориентированной на интересы России. Таким образом, укрепление нашего влияния в регионе видится одновременным с расширением социальной базы дружественных режимов, а также их стабилизации. Притом, что лоббизм — это не профессия, а устойчивый личностный мотив.

Во-вторых, рациональное использование исламо-главенствующего потенциала, который не противоречит евразийским началам самой России. Скажем честно: исламизацию здесь не сдержать. И в локальном смысле она может быть даже полезна. Пресекать следует экстремизм, противопоставляя ему ностальгию по внутренней стабильности и доступности ресурсов шестой (пусть — восьмой) части суши. Это ли не самостоятельное, востоковед-

ческо-теологическое направление работы с широким полем задействования межконфессиональных связей?

Анализ **внешнего противодействия** предусматривает, в первую очередь, аудит существующих и планируемых сквозных для региона социально-экономических проектов на предмет их соответствия долгосрочным интересам России. Его политико-методологической основой должно стать тотальное противодействие США и Западу со стороны местных элит. США уже вышли на второе место по влиянию в регионе. Данный посыл не означает возвращения тотальной конфронтации и лежит в русле исповедуемого Западом прагматизма: «отдай невесту, а после будем друзьями». В противодействии американскому присутствию не следует вступать в полемику, будь то в сфере пресечения исламизма-терроризма или по правозащитной тематике. Подобные споры, как показал опыт, Америкой интерпретируются исключительно в своих геополитических интересах. Эффективным представляется противодействие американскому влиянию за счет противопоставления западным «соблазнам» обоснованных предложений-стимулов, исходящих из «евразийского центра». Пока же главное, чтобы и в России и в Средней Азии поняли: увеличение у нас западного присутствия означает дифференциацию локальных отраслевых интересов, у них — это предпосылка к переориентации на антироссийскую альтернативу в ущерб историческому партнерству. При этом важно, чтобы инициатива исходила из Средней Азии — пусть она ведет диалог с американцами и их союзниками.

В отличие от мер в отношении Запады, противодействие Китаю может быть обеспечено на сегодняшнем, весьма благоприятном для Москвы и Пекина геополитическом фоне: в совместных проектах пусть участвуют, по крайней мере, рабочей силой. Задача не в том, чтобы сделать китайцев союзниками. Главное, чтобы они не стали врагами, видя нас при этом не просто «равновеликим», но естественным «руководителем» региона. И если наша очевидная территориальная уступка (о чем следует чаще напоминать) этому поможет, то интерпретировать ее логично в увязке со Средней Азией.

Не должен противодействовать российской политике в регионе и Пакистан, весьма динамичное и территориально близкое государство исламского мира. После распада СССР из всех стран Центральной Азии раскладка сил наихудшим образом изменилась именно для него. Утрата его геополитической ценности после завершения Москвой афганской кампании дополнилась возрастающей на Западе подозрительностью к исламу, а также все более явственным дрейфом Индии к США. Поэтому доступ к Средней Азии, а также стабильность транзита с китайским Синьцзяном становятся для него приоритетными. Необходимо выработать российские условия обеспечения (лоббирования) этих и производных от них интересов. Если Пакистан получит доступ в регион, то в чем будет состоять его политическая «рента» за наше содействие? Какова будет наша реакция на его выход к тем же ресурсам по договоренности лишь со странами региона? Точно также необходимо сформулировать и озвучить российскую позицию по поводу влияния базирующихся в Пакистане исламистов на региональную ситуацию. Общая позиция России не может совпадать с антипакистанской при СССР, поскольку она была тесно связана с поддержкой Индии. Теперь, когда Индия скорректировала свой курс в пользу сближения с США и стала претендо-

вать на гегемонию в Южной Азии, поддерживать ее по инерции, тем более в противовес Пакистану, не всегда дальновидно.

Задачей **военного блока** станет, во-первых, определение иерархии краткосрочных угроз — если мы прошьлем очередной «ошский взрыв» или массовое форсирование Аму-Дарьи-Пянджа родственниками «здешних» таджиков-узбеков, долгосрочного планирования не понадобится. Сочтем, мягко говоря, дискуссионным решение о передаче таджикам охраны границы с Афганистаном, неизменно «бодрствующим» и не утратившим склонности к геополитическим сюрпризам. При всем уважении к генштабу и Минфину здравый смысл подсказывает рационализацию размещения российских воинских контингентов — фактически — постов дальнего обнаружения противника, хотя бы в лице наркокурьеров. Между таджикскими Кулябом и Бадахшаном наших сил нет. Еще при охране границы российскими пограничниками с борта вертолета, летящего по кромке Аму-Дарьи, нередко можно было одновременно лицезреть по два плота с нарушителями. Зато остаточные российские войска «сдвинуты» на запад Таджикистана. Для чего — поддержки «раиса Рахмона»? Но опираться следует на политику, а не на политика, кому и как бы он не был лично предан. Более того, опыт военно-политического анализа подсказывает: проблема легче идентифицируется на уровне глаз, чем из любой поэтажности московской академической вышки с видом на Кремль. Антиисламистский мониторинг плюс зримое присутствие сдерживающей силы — главные предпосылки к последующему силовому невмешательству. Вмешательство же для нас малоэффективно. Хватает Чечни. На худший случай необходимы «социально-опосредованные» базы антиисламистского противодействия. Об их военно-техническом наполнении логичнее посоветоваться с военными. Наличие функционально близких органов (региональной антитеррористической структуры ШОС, антитеррористического центра СНГ, системных элементов ДКБ (в частности коллективных сил быстрого развертывания), аппарата пограничного взаимодействия и российских военных баз), очевидно, востребует единого координирующего органа. Им может стать Интеграционный Центр.

Принципиальным видится усиление контроля над ситуацией в Афганистане, прежде всего северном. Устранение еще в далеком 2001 году таджика Ахмадшаха накануне антиталибской операции, а потом и «почетное забвение» влиятельного узбека Дустума от обратного подтверждает потенциальную лояльность России определенной части их соплеменников. Они, «благодаря» западному марионетке пуштуну Карзаю, не менее вытеснены на политическую обочину, чем при короле, его племяннике (Дауде) и последующих «творцах» афганской государственности. Наверняка преемники Ахмадшаха здесь найдутся. Способствовать переориентации их с наркобизнеса на политические задачи — трудно, но подход к ним следует искать. В частности через личные интересы, как и раньше, властвующих здесь элит Пандшера-Тулукана-Кундуза-Шерхана-Хайратона-туркменизированного севера провинции Герат. Они же должны знать, чьи, какие интересы, каким образом следует защищать. В то же время опыт подсказывает: непосредственное иностранное присутствие в Афганистане затратно и неэффективно.

Поднаправлением — в рамках военного — следует считать борьбу с наркотрафиком. Для среднеазиатов борьба с ним — элемент политической игры и способ оправдания внешнего донорства. Наркоэкспансия в Рос-

сию — угроза ее национальной безопасности. Подобно тому, как США ведут с ней борьбу в Латинской Америке (вспомним устранение панамского президента Норьеги), мы вправе делать то же, добившись полномочий России на самостоятельность, пусть и под флагом ООН, ШОС и т. д. Определенную роль в региональных антинаркотических программах могли бы сыграть США и Япония, финансирующие соответствующую деятельность в Афганистане. Но при этом они должны «почувствовать разницу»: где действуем мы, где — среднеазиаты.

Экономический блок останется пока самым нераскрытым, ибо требует отраслевых знаний, в том числе в части, касающейся источников финансирования евразийского «мегапроекта». Он же наиболее связан с административной регламентацией, прежде всего, в рамках СНГ. Последнее все более теряет свое значение в пользу двусторонних и региональных связей. Но если так, то распадутся и союзы, созданные или создаваемые под его эгидой. Не исключено, что первоочередной задачей экономического блока станет оценка дееспособности и рациональное ранжирование названных объединений по их соответствию принципиальным задачам интеграции: ЕврАзЭС и прочих многосторонних форматов. В том числе при понимании их неперекрываемости, взаимодополнения друг другом, а также различиях в степени оформленности.

* * *

Любая степень дискуссионности представленных предложений не вызывает, на наш взгляд, сомнений в актуальности самой темы. Позиция по каждому приведенному и неучтенному пункту должна быть, как минимум, сформулирована. Но если она станет пунктом плана, то важно, чтобы хватило воли его воплотить в жизнь. Впрочем, что является альтернативой тому и другому?





Григорий ГИНЗБУРГ

(18.01.1922–21.02.2007)

МОРСКАЯ ПЕХОТА В БОЯХ ЗА РОДИНУ

*К 70-летию
наступления под Москвой*

Григорий Исаакович Гинзбург — родился в 1922 г. в г. Чернигове. С первых дней Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Разведчик в частях морской пехоты, участник обороны Ленинграда, Москвы, Сталинграда. Прошел боевой путь от краснофлотца до лейтенанта — командира взвода разведки. Трижды ранен. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу» и еще более чем 20 наградами. После войны более 55 лет проработал адвокатом. Был заслуженным юристом Украины, советником Уполномоченного Верховной Рады по правам человека, членом Национального Союза кинематографистов Украины.

Снежной зимой 1955 года отец, который к тому времени был капитан-лейтенантом, а впоследствии стал капитаном 1-го ранга и последние 16 лет из своей 43-летней морской службы (до ноября 1984 года) командовал знаменитым учебным отрядом подплава в Северодвинске, взял меня с собой в отпуск. Сначала добрались поездом из Севастополя в Москву, где гостили в Текстильщиках у наших бывших соседей по коммунальной севастопольской квартире Волынкиных. Через несколько дней снова погрузились в поезд и к вечеру прибыли в Горький — родной город моего отца и его многочисленной нижегородско-горьковской родни.

Встретили нас очень тепло, накрыли по русскому обычаю стол «чем Бог послал», а потом пили чай из огромного трехведерного самовара. За чаем пошел долгий душевный полуночный разговор о морской службе, о делах кораблестроителей на сормовских заводах, о детях и внуках, о здоровье близких, о тех, кто не вернулся с войны.

Шел 10-й год после победной весны 1945 года. Но и отцова тетка Люба, и ее муж — бывалый фронтовик дядя Гена, и мой отец все вспоминали и вспоминали старшего брата отца, который героически погиб под Клином в декабре 1941 года. Эти рассказы навсегда врезались в мою память.

Прошло 30 лет. В один из морозных дней декабря 1986 года дверь моего кабинета распахнулась — это редактор МГИМОВской многотиражки «Международник» Юра Самсонов принес на подпись гранки свежего номера газеты. Бросилась в глаза газетная шапка: «К 45-летию битвы под Москвой». Под ней была помещена заметка слушателя «школы молодого жур-

налиста» Володи Жучкова «В бой вступают моряки». Стал читать и обомлел: в заметке шла речь о моряках-балтийцах и амурцах из 84-ой отдельной морской стрелковой бригады (ОМСБ), об их боевом крещении в г. Скопине, об одном из их командиров, тогда уже капитане 2-го ранга в отставке Льве Николаевиче Масленникове и, наконец, о бое за высоту 220 между населенными пунктами Борисоглебское и Орлово, в котором погиб старший брат отца.

Прошло еще 20 лет. В марте 2005 года я приехал в Санкт-Петербург провести другого старшего брата моего отца — близнеца того, который погиб под Москвой. И вот что поведал мне убежденный сединами капитан 1-го ранга в отставке Азат-Бек Заир-Бек:

«12 декабря 1941 года в начальный период разгрома немцев под Москвой, 10-я отдельная рота автоматчиков (командир роты старший лейтенант Ян Сурнин) 84-й морской стрелковой бригады 1-ой ударной армии, в которой проходили службу я и мой брат-близнец Заир-Бек Измаил-Бек (22 марта 1923 года рождения) получила боевую задачу — выбить противника в высоты 220 в районе совхоза Орловский.

Немцы вели ураганный огонь из всех видов стрелкового оружия, а также из пулеметов и минометов из долговременных огневых точек, оборудованных на вершине высоты 220, в зданиях из красного кирпича, а также из окопов на склоне указанной высоты.

Я и мой брат-близнец Измаил в этом бою шли в наступающей цепи очень близко друг от друга. Когда до вершины высоты оставалось 300—400 метров, брат был сражен снайпером. Бригада, уничтожив врага, понесла большие потери, овладела высотой. С разрешения командира роты я пошел на поле боя к месту гибели брата. Расстегнув его маскалат и шинель, я увидел в середине груди брата пулевое отверстие, а когда подsunул руку под спину, обнаружил, что позвоночник оказался раздробленным вошедшей в грудь разрывной пулей.

К несчастью, документы и пластмассовый медальон уже были изъяты, то ли похоронной командой, то ли мародерами. Похоронили брата и других героев-моряков в большой братской могиле, примерно в 200 метрах от вершины высоты 220.

Перед тем как опустить тела погибших в могилу, со всех снимали валенки. Я упросил, чтобы брата похоронили в валенках».

В мае 2008 года в старом здании МГИМО у Крымского моста собрались выпускники 1973 года. В подготовке этого торжества, как всегда, самое активное участие принимал мой старинный друг и приятель, однокашник Женя Ковальчук. Во время застолья он обмолвился, что вместе с сестрой Мариной выпустил книгу воспоминаний своего отца и для меня добавил: «А ты знаешь, Вовчик, что мой отец воевал в морской пехоте?»

Через пару дней я уже держал эту книгу в руках, начал читать запоем, «глотя» одну страницу за другой. Когда дошел до 96-ой страницы этого повествования, у меня кругом пошла голова. Оказалось, что отец Жеки Ковальчука Григорий Исаакович Гинзбург и старшие братья моего отца Измаил и Азат воевали вместе в 84-ой ОМСБ. И в том уже упоминавшемся бою за высоту 220 они тоже были рядом.

Профессор Владимир Заир-Бек «Григорий Гинзбург: Воспоминания»

«В составе одного из отрядов морской пехоты в первых числах ноября я прибыл в Москву, на ее оборону. Нас разместили в Хамовнических казармах, где оказалось несколько морских частей. Я был зачислен в 84-ю ОМСБр, а рядом в казармах размещался 1-й Московский Отдельный отряд моряков (МООМ). Сперва нам выдали серо-зеленое пехотное обмундирование и велели снять все морское: мол, надо скрыть от противника, что на сухопутный фронт прибыли моряки. Потом неожиданно приказали опять надеть морскую форму и выйти во двор на построение. Во дворе вдоль строя двигалось высокое начальство (сухопутное и морское) и отбирало моряков для какой-то акции. В число избранных попал и я. Оказалось, что из двух частей морской пехоты создавался сводный полк моряков для парада на Красной площади 7 ноября.

В этот день было очень холодно. Дул пронизывающий ветер, падал снег. Сводная колонна моряков была построена на Красной площади, возле Исторического музея. В своей шеренге я шел мимо Мавзолея Ленина правого-фланговым...

После парада мы вернулись в Хамовнические казармы, где нам велели срочно снять с себя морское обмундирование и переодеться в серые шинели, солдатские серые ушанки и сапоги с портянками. Когда переоделись, началась неразбериха с разделением участников парада по своим частям. Многие моряки только что прибыли в Москву и еще сами не знали, зачислены они в 1-й МООМ или 84-ю ОМСБр. Нас выстроили в коридоре казармы, где мичманы и старшины из этих двух частей отделяли «своих» от «чужих». В итоге очень часто моряки оказывались не в той части, в которую их направили. Я был крепышом, спортивного телосложения и, вероятно, нравился мичманам обеих частей. Один тащил меня в свою шеренгу, другой — в свою. Для меня критерием было желание скорее вступить в бой. Поэтому я выбрал 84-ю ОМСБр, которая сегодня же грузилась в теплушки для отправки на фронт. Там я был зачислен во 2-й батальон. Уже на какой-то подмосковной станции меня назначили в пулеметный взвод первым номером к станковому пулемету «Максим». Однако самих пулеметов еще не получили. Нам выдали карабины и по два патронташа с патронами. Эшелон двинулся. Почему-то мы ехали очень долго, стояли по два часа на каких-то полустанках. Звуков фронта слышно не было, бомбежек — тоже. Наконец, часов в 10 вечера нас высадили на станции Рязск. С нами в теплушке вел душевительные беседы красавец морской лейтенант, командир пулеметного взвода Владимир Иванович Мякото. Он был старше меня всего года на два, но в этом, 41-м году, уже закончил военно-морское училище им. Фрунзе. Он был киевлянин, и у нас было множество общих тем для воспоминаний о прекрасном Киеве. Лейтенант, как и я, рвался в бой с фашистами, горячился и вступал в спор с каждым, кто, по его мнению, недостаточно пылал ненавистью к врагу. В Рязске он сообщил нам поставленную задачу: в пешем строю ускоренным маршем мы должны успеть до рассвета дойти до города Скопин (в Рязанской области — самый восточный из захваченных немцами населенных пунктов) и с хода выбить оттуда передовую моторизованную часть немцев, которая только сегодня вошла в город. Перед началом движения из Рязска к нам обратился перед строем командир батальона майор Шангин. Он был небольшого роста и слегка прихрамывал. Позже я узнал, что он — уже бы-

валый фронтовик, воевал с первого дня войны, был тяжело ранен в ногу, и только на днях прибыл из госпиталя. Кроме нашего батальона в Рязке высадились из эшелона артдивизион и несколько более мелких подразделений. Все должны были принимать участие в освобождении Скопина. Мне запомнился командир роты автоматчиков brave старший лейтенант Ян Сурнин. Я потом видел его в бою и восхищался его отвагой и профессионализмом.

На станции Рязк мы пробыли не больше часа, пока командовавший боевыми действиями майор Шангин (имени его я не запомнил, но мне кажется, что Ян Сурнин называл его Васей) вел переговоры с авиаторами об огневой поддержке с воздуха.

Вместе с четырьмя автоматчиками я был назначен в головной дозор (приглянулся Яну Сурнину как спортивный парень, знающий немного немецкий). Скрытно до рассвета мы подошли к городу с юго-востока, от кладбища. На окраине возле церкви увидели костер, возле которого грелись два немецких часовых. Ян поставил задачу головному дозору «снять» их финскими ножами, без шума. Костер, видимо, слепил немцев, и нам удалось четверым в темноте подобраться к ним незаметно. По сигналу здорового автоматчика по имени Иван (фамилии его я так и не узнал) мы сзади набросились на беспечно греющихся часовых и всадили в спины каждого по два финских ножа. Мой немец даже не пикнул, а второй страшно захрипел. Задание мы выполнили, но это был мой первый убитый немец, и я еще довольно долго не мог избавиться от подступившей к горлу тошноты и противного мне самому чувства жалости и брезгливости. Убили-то живых людей! Володя Мякото подтрунивал надо мной, хотя я, конечно, пытался скрыть свое смятение. Он говорил о моей интеллигентской чувствительности и дразнил меня «плакальщиком» по фашистам. Он говорил мне: приучай себя не считать немецких солдат за людей. Это — свиньи и палачи. Убивай их без тени сожаления, так, как закалывают свиней. Я возражал, что никогда мне не приходилось колоть свиней, а свинья, между прочим, тоже живое существо, которое хочет жить. А у убитого мной немца, возможно, остались в фатерлянде дети и жена, и они не виноваты, что Гитлер погнал на войну их отца и мужа. Тут уж Володя взрывался возмущением и призывал весь взвод заклеить позором этого «слизняка Гинзбурга»: «А знаешь ли ты, что немецкие фашисты уничтожают евреев во всех странах Европы и Германии, что они считают себя высшей расой и ненавидят всех других, кроме арийцев. Да если бы ты не убил этого негодяя, он сегодня убил бы тебя или кого-либо из нас! Как ты смеешь считать этого солдата-фашиста человеком. Никакой Гитлер не погнал бы его в СССР убивать, если бы он сам не захотел нашей крови, нашей земли, не захотел загнать в гроб всех евреев, в том числе и твоих родных! Да если ты сегодня же не убьешь еще трех фашистов, я тебе руки не подам!»

Мне было страшно стыдно. Я отвечал, что он зря клеймит меня позором, что я вовсе не жалею убитого фашиста, но просто делюсь мерзким чувством от сознания, что ты всаживаешь финку в живое тело. Мне ничего не помогало. Мякото продолжал меня клеймить, а сам я сгорал от стыда за свою интеллигентскую чувствительность и сам себе обещал, что выработаю в себе железную жестокость к лютému врагу.

После снятия часовых наши матросы заняли исходные позиции возле немецких танков, машин и мотоциклов, стоящих вдоль главной улицы города по обе стороны, и возле домов, в которых мирно спали фашисты. Мы ждали сигнала с другого конца города, где должны были тоже незаметно вырезать часовых. Но там вдруг началась ружейная и автоматная перестрелка. Увидев трассирующие линии, майор Шангин дал команду на штурм, и мы бросились к немецким машинам и к домам. На нашем участке немцам не удалось воспользоваться ни одной автомашиной, ни одним танком, но на западном участке они успели занять несколько машин и начали бежать на запад. Их преследовал огонь артдивизиона, а затем еще подоспела пара наших штурмовиков и добивала убегающих немцев.

Немцы пытались контратаковать. Особенно беспокоил нас их минометный огонь, от которого после двух дней боев из двух пулеметных взводов остался практически только один. В частности в первый день был убит Иван, вместе с которым я «снял» часового. А на второй день немецкая мина прямым попаданием накрыла Володю Мякото, моего дорогого, непримиримого к немцам земляка. Я потом часто вспоминал его и пытался привить себе такую же лютую ненависть к фашистам, которой пылал он. Умом я понимал, что он был прав, а потом я уже узнал о беспримерных зверствах оккупантов, о Бабьем Яре, о Холокосте и т. п.; это все подогривало мой гнев и мою ненависть к фашизму, как явлению. Однако же должен сознаться, что в каждом конкретном немецком солдате, в том числе в тех, кого мне потом приходилось брать в плен, я продолжал видеть человека и не мог вытравить из себя этого, как говаривал Мякото, «интеллигентского слюнтяйства».

Через два дня подошли в Скопин части 10-ой Армии. Наш батальон сдал им позиции, и враг так и не прорвался к Рязани.

А нас сразу вернули в Рязжск, усадили в наши же теплушки, и мы вернулись в Подмоскowie. Высадили нас в Загорске (ныне Сергиев Посад), где был штаб 1-ой Ударной Армии, откуда мы совершили переход в г. Дмитров. В составе частей 1-ой Ударной Армии генерала-лейтенанта Кузнецова, на ее правом фланге, 84-я ОМСБр развернула свои боевые порядки, готовясь к контрнаступлению от Москвы на Клинском и Солнечногорском направлениях.

Много лет спустя мне попалась книга воспоминаний Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова «В Московской битве», и там я прочел, что в ноябре 1941 года Голиков командовал 10-ой Армией, которая шла навстречу немцам в г. Скопин, чтобы преградить им путь на Рязань. Но немцы заняли Скопин раньше. И тут появился какой-то неизвестный батальон моряков, который смелым броском выбил немцев из города и удерживал его до прихода частей 10-ой Армии. Ни номера морской бригады, ни номера батальона, ни фамилий командиров, руководивших боем за Скопин, маршал Голиков не знал.

Если этого не знал командарм, то, естественно, не узнало и Главкомандование Красной армии, тем более, что операция проводилась только частью бригады (другая ее часть вместе с командиром еще находилась в Загорске), а вскоре командир 84-ой ОМСБр полковник Молев Василий Андреевич погиб под Москвой при штурме высоты 220, а в течение декабря погибли почти все штабные работники бригады.

*Зима сорок первого года —
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать.*

*А все же, когда непогода
Забуть не дает о войне,
Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне.*

*Зима сорок первого года
Нам верною меркой дана.*

*Пожалуй, и нынче полезно,
Не выпустив память из рук,
Той меркой прямой и железной
Проверить кого-нибудь вдруг.*

К. Симонов, 1956

Шестого декабря наш батальон начал наступательные бои, отгоняя немцев подальше от Москвы. Насколько я мог судить, мы двигались во втором эшелоне, так как основные потери в боях несли батальоны, которые шли перед нами. Они захватывали населенный пункт или то, что от него осталось, либо какую-нибудь господствующую высоту, и оставшиеся в живых залегали, пропуская вперед нас. Затем мы вели ожесточенный бой с противником, уже отступавшим, пока не истощался порыв или мы не встречали отчаянное сопротивление. Тогда залегал наш батальон, а другие проходили мимо нас и со свежими силами ввязывались в бой. Может, что-то было и не так, но у меня сложилось впечатление, что в первые три дня наступления наш батальон нес потери не очень большие, и в основном мы гнались за бежавшими немцами. Двигались мы быстро и, главным образом, — по проселочным дорогам, утрамбованным немецкой техникой. Стояли лютые морозы. Градусов 30. Видимо из-за этого немецкие бронетранспортеры и танки не заводились. Немцы бежали, бросая очень много целой, неповрежденной техники.

Примерно с 9 декабря 84-я ОМСБр была выдвинута в первый эшелон, и мы стали нести большие потери. Каждый новый населенный пункт (почти полностью сожженный немцами) доставался нам после изнурительных боев, в которых мы теряли сотни моряков убитыми и ранеными. Меня поражало, что наступление мы вели, как правило, без артиллерийской и минометной подготовки (говорили, что эти подразделения не успевают за пехотой), а это во много раз увеличивало потери. Самые тяжелые бои шли на подступах к Клину 10—13 декабря. Из освобождаемых нами бывших населенных пунктов (сожженных дотла) я запомнил Бородино, Воронино, Верхнюю Сосновку, Борисоглебское. Возле последнего наше движение затормозил хорошо укрепленный немцами опорный пункт, именуемый «высота 220». 2-й батальон вместе с ротами автоматчиков и разведчиков штурмовал эту высоту.

Ожесточенный бой шел в течение целого дня. Прибыл комбриг полковник Молев и сам повел батальон в атаку на высоту. Комбриг был высокий, широкоплечий. Я видел, как он с поднятым в руке пистолетом что-то кричал морякам, бежавшим за ним на высоту. Я бежал левее и подумал, зачем полковник так рискует, он ведь представляет собой очень заметную мишень. Не успел я это подумать, как он упал. Кто-то крикнул, что комбрига убили. В это время я услышал, как майор Шангин заорал: «Моряки, отомстим за нашего комбрига, бейте гадов! Вперед!». Я увидел, как он, прихрамывая, побежал впереди, а за ним роты две моряков побежали вверх, обогнав его и обгоняя друг друга. Я тоже ускорил бег и обогнал даже автоматчиков Яна Сурнина. В немецких окопах шел яростный рукопашный бой. Кое-где взрывались гранаты. Крики наших и немцев заглушали стрельбу и взрывы. Такую яростную и стремительную атаку мне больше не пришлось видеть никогда, даже в Сталинграде. Высота была взята, а убежавших немцев матросы догоняли и добивали безжалостно. Я лично в этом бою застрелил 3-х или 4-х немецких солдат и уже не испытывал к ним ни малейшей жалости. После боя я забрал у убитого унтера автомат «Шмайсер» и пистолет «Парабеллум», но комвзвода лейтенант Масленников отобрал у меня эти трофеи, сказал, что «не по ранжиру» вооружаюсь, и тут же подарил пистолет и автомат майору Шангину. А меня «утешил», передав мне вещмешок с котелком убитого старшины 1-ой статьи взамен моего утраченного в лесу. В мешке оказалась морская форма еще лучше моей, только нашивки на рукавах оказались незаслуженными мной, так как я был тогда только старший краснофлотец. Лев Масленников пообещал, что представит меня к присвоению звания «старшины 1-й статьи», но, видимо, не успел этого сделать из-за непрерывных кровопролитных боев.

Последним моим боем был ночной бой 24 декабря за деревню Шишково. Деревня горела и была сожжена почти полностью. Я с еще двумя ребятами залегли по одну сторону уцелевшей клуни, а немцы находились с другой ее стороны и внутри. Мы четко слышали немецкую речь за бревенчатой стеной. Немцы бросали через стену клуни противопехотные гранаты, а мы успевали схватить их за длинные деревянные ручки и до взрыва бросить обратно через крышу. Я уже вернул немцам штук 5 их гранат. Одна из них точно достигла цели, так как сразу после взрыва мы услышали крики и стоны раненых. Но очередную гранату я вернуть не успел. То ли немец выдержал паузу до броска, то ли я оказался недостаточно расторопным: граната взорвалась в глубоком снегу почти рядом со мной. Я почувствовал, как множество мелких осколков впилося в шею, но еще хуже было то, что мне обожгло глаза, и я сразу ослеп. Увидев мою беспомощность, двое ребят, находившихся рядом, схватили меня под руки и быстро побежали назад к нашей исходной позиции, где передали меня санитарам. Ребята эти спасли мне жизнь, но я не знаю ни их фамилий, ни имен. Они были не из нашего батальона. Нас слили только что, перед этим боем за Шишково, и мы не успели познакомиться. Санитары оказались не из нашей 84-ой. Они на санях отвезли меня в Теряеву Слободу, где находилась наша медсанрота. Там я узнал, что и.о. комбата Лев Масленников с тяжелыми ранениями только что отправлен в тыл. Там же со мной беседовали ленинградцы-разведчики из «Дзержинки» Рэм Жуков, Костя Гамаюнов, Владимир Ахутин и моряк из Краснознаменного Учебного Отряда подводного плавания

им. Кирова Костя Кудиевский. Я их не видел, но все четверо представились мне и уговаривали не переживать: они слышали от врачей, что ожог глаз у меня поверхностный, и я на днях обрету зрение. Был с ними и еще один «дзержинец» по фамилии Кириллов-Угрюмов, но об этом мне стало известно через много лет.

После войны я никогда не думал, что встречу с кем-либо из 84-ой бригады. Однако спустя много лет, в начале 60-х годов, я прочел роман Константина Кудиевского «Песни синих морей» и узнал, что это тот самый Костя, который утешал меня — слепого — в Теряевой Слободе, выяснил, что он живет в Киеве, является членом Союза кинематографистов, писателей и журналистов СССР, по его сценариям сняты кинофильмы «Опережающий ветер», «Трое суток после бессмертия», «Падал иней», «Назвать ураган Марией», «Семнадцатый трансатлантический» и др.

После «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матрениного двора» — тягостных и мрачных, обличающих не только систему, но и человека, от «Песни синих морей» я как будто получил глоток свежего воздуха, чистоты. Роман о мужском долге, о любви и верности, о мужестве и благородстве, о чести и достоинстве, о хорошем сердце, да плюс еще — о романтике моряков и мореходов, и о минувшей войне, увиденной глазами 18-летнего юноши, то есть и моими глазами: мне в начале войны было 19 с половиной.

Как по мне, книга и по своим художественным ценностям, образности, языку, силе чувств и переживаний не уступала солженицынским опусам. Но речь не об этом. Я — не литературовед. Я был в 41-м таким же Колькой Лаврухиным, только родившимся не в Стожарске (то бишь Цюрупинске или даже тогдашних Олешках) на Херсонщине, возле моря, соль и стихия которого пропитали детство Кости, а в Полесском краю, в Чернигове, вдали от моря, но на зачарованной Десне.

Мы встретились в начале 1982 года, и нашим воспоминаниям не было конца. Примерно в это же время — в марте 1982-го — я увидел по телевизору передачу «Клуб фронтовых друзей — Победители», в которой участвовал мой командир пулеметного взвода Лев Николаевич Масленников, а также Володя Ахутин («дзержинец», разведчик 84-ой) и некоторые другие. Тогда-то мне стало известно, что Ахутин, Рэм Жуков и Костя Гамаюнов — знаменитые профессора, доктора технических наук, живут в Ленинграде. А в Москве живут Лев Масленников и академик Кириллов-Угрюмов, председатель ВАК при СМ СССР.

Я, конечно, встретился Лево́й Масленниковым, отставным капитаном 2-го ранга. Он после ранения под Москвой и излечения участвовал в морских сражениях в составе Краснознаменного Балтфлота. Лев помнил меня, даже запомнил, что отобрал у меня для Шангина трофейные пистолет и автомат. У нас со Львом оказался также общий знакомый — Александр Николаевич Туровец, который был начальником разведотдела 15-ой ГОМ-СБр, моим непосредственным начальником в 1942–1943 годах, а Лев служил с ним на Тихоокеанском флоте. В день 40-летия Победы, в 1985 году мы втроем встречались в парке им. Горького в Москве и сообща отметили замечательный праздник.

Костя Кудиевский был на год младше меня. Он умер 3 мая 1992 года в возрасте 69 лет. Он собирался написать книгу о героических морях 84-ой бригады в битве за Москву, но замыслу не суждено было сбыться.

*...А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена,
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!*

Анна Ахматова, 1942

ВШАА КНИГА

Сытникова А. С. Звездная память. Стихи. — Орел: Издательство «Фолиант», 2008. — 136 с.

Антонина Семеновна Сытникова родилась в Украине в 1955 году. После окончания Харьковского политехнического института по распределению приехала в г. Орел. Работала на Орловском сталепрокатном заводе инженером-электронщиком, родила двоих замечательных детей и уже в зрелом возрасте обратилась к творчеству.

Стихи Антонины Сытниковой можно было встретить в местной и региональной прессе, в альманахах, издаваемых Орловской писательской организацией, в коллективных сборниках: «Зеркало Пегаса» — 2002 год и «Симфония» — 2006 год.

«Звездная память» — третья книга этого самобытного автора. В 1993 году была издана первая ее книга — «Мираж», а в 1996-м — «Чаша света». Все творчество Антонины Сытниковой пронизано любовью к природе и людям и легкой грустью от невозможности достичь совершенства в этом таком несовершенном мире. Та искренность, с которой автор открывает свое сердце и прикасается к глубинным пластам Бытия, не оставляет равнодушным практически никого.





Евгений МЕЛЬНИКОВ

НАГРАДА*

Евгений Анатольевич Мельников — родился в 1957 г. в г. Горьком. В 1980 г. окончил политехнический институт: специальность радиоинженер. Работал на заводе мастером цеха, служил в армии инженером-испытателем в летно-испытательном институте им. Чкалова. После демобилизации работал в коммерческих и государственных структурах. **Живет в Нижнем Новгороде.**

*Печатается в сокращении.

Редкие лучи неяркого ноябрьского солнца, с трудом пробив клубящийся полог низких облаков, на минуту осветили поселок, расположенный на самой окраине города N. На пересечении двух, засыпанных угольным шлаком улиц, недалеко от железного столба водопроводной колонки, на прислоненной к забору лавочке, пользуясь отсутствием дождя, собрались покурить трое жителей поселка.

Двое из них — бывшие квалифицированные рабочие, а сейчас — пенсионеры попали в эти края вместе с эвакуированным заводом.

Третьим был полноватый мужчина лет сорока, в модной болоньевой куртке, работающий в городе таксистом.

Все молчали, дымя папиросами.

— Воскресенье сегодня, а на улице никого. Неужели из-за погоды? — прервал молчание Егор Сергеевич.

— Какое там из-за погоды, — отозвался Борис Николаевич, — сосед мой Саша Орлов сына сегодня в армию провожает, — там все собрались.

— Это Вовку-то? — переспросил Егор Сергеевич.

— Да, Вовку, — подтвердил Борис Николаевич, — ему еще в четверг повестку принесли, сегодня гуляют, а завтра на призывной пункт.

— Ну, из этого солдат хороший выйдет: высокий, здоровенный, — произнес Егор Сергеевич, — и продолжал, посмотрев на водопроводную колонку: — Я помню, когда ему еще лет двенадцать было, пойдет за водой на эту колонку, наберет два ведра полных, руки в сторону вытянет, да так и несет воду домой, а ведь отсюда до их дома не меньше сотни шагов. Непременно его в гвардию возьмут.

— И специальность у него хорошая — шофер, — добавил Борис Николаевич, — он после восьмого класса в училище пошел, на сварщика учился, а потом и автошколу закончил. После работы, вечерами учился. В технике хорошо разбирается, но только шевбутной уж очень.

— Ничего, в армии послужит — остепенится, — ответил Егор Сергеевич, — Три года это не шутка. Конечно, за баранкой сидеть не то, что сапогами грязь месить, но и там командиры есть — научат жизни. Как говорится: «Не умеешь — научим, не желаешь — заставим».

2

А у Орловых веселье набирало обороты.

Отец призывника — Александр Иванович Орлов, сухой жилистый среднего роста человек, по случаю торжества надел новый костюм, украшенный орденами и медалями.

Мать — Анна Ивановна, полная женщина лет сорока пяти, сидела между отцом и сыном с влажными от слез глазами.

Старшие сестры: высокая и уже начинающая полнеть Тоня и небольшая худенькая Люся, то и дело выбегали из-за стола на кухню, где Тоня, работающая поваром в кафе, готовила цыпленка табака.

Покончив с закуской, Володя попросил отца:

— Бать, Расскажи, как ты стрелять научился.

— Научился? — не понял вопроса отец, — я не учился, а всегда умел.

И начал рассказ:

— Родился я на севере Вологодской области, в глухой лесной деревушке. С двенадцати лет начал ходить с отцом на промысел, а в четырнадцати уже работал охотником-промысловиком.

Белок и куниц бил из малокалиберной винтовки, в иной день по семьдесят штук домой приносил. В 1939 году забрали меня в армию, и, узнав, что я промысловиком работал, отправили на курсы снайперов. Курсы закончил, а тут война с Финляндией началась. Ну, нас, конечно, сразу вперед двинули, и попал я на фронт. Всю войну провоевал, двадцать пять врагов уничтожил.

Однажды командир полка говорит: «Слушай Орлов, фамилия у тебя подходящая, да и боец ты неплохой, завтра должен ты нас выручить. Ты должен в тылу перебить пулеметчиков». Той же ночью одел я лыжи, маскхалат и пошел занимать позицию. Километров пятнадцать я тогда по лесу прошел, чтобы в тыл к противнику пробраться. Позицию занял, в снег зарылся, лежу, а холодно было. На рассвете враги подходят, тоже позиции занимают. Посмотрел я, где у них какое оружие, пулеметы, где командир, и лежу себе, жду наших. Вижу, наконец, идут. Вот уже и боевое охранение прошло, основная колонна показалась. Смотрю, командир финский: весь в ремнях, полевая сумка на боку, руку поднял, — команду хотел подать «Огонь», но не успел. Я его раньше срезал. Когда он упал, его два ихних солдата хотели утащить, но ничего у них не получилось, рядом с ним легли. Потом принялся за пулеметчиков, троих убил. А наши в это время в атаку бросились, враги бежать. Далеко их куда-то погнали. А у офицера убитого карту важную нашли, где вся их дислокация была указана. За этот бой меня Орденом Боевого Красного Знамени наградили, вот этим вот, — и Александр Иванович постучал прокуренным ногтем по эмали ордена.

Сестра Тоня предложила тост за орденосцев:

— Пожелаем же и Володе прийти из армии домой с таким же орденом. Собравшиеся дружно поддержали ее: — Даешь орден, Вовка!

Выпив, Александр Иванович закурил и, немного подумав, сказал:

— Ордена просто так не даются. Их, рискуя жизнью, заслужить надо, а это нелегко.

— А с немцами мне не повезло, одного только ухлопал в Сталинграде, — сказал отец, и продолжал: — Когда Отечественная началась, мы стояли на Карельском перешейке. Боев там почти не было, так, перестрелки одни. Ну а осенью 1942 года нас перебросили в Сталинград. Бои там упорные были, наши за самый край берега держались, линия фронта в ста метрах от воды. Прибыли мы ночью, по землянкам рассредоточились, стали спать готовиться. Часть наша сборная была, с разных мест насобирали, чтобы дыру на фронте заткнуть, мы даже друг с другом познакомиться толком не успели. А взводным нам дали младшего лейтенанта, после курсов офицерских, из учителей. И вот лежим мы в землянке на полу, и он приходит. Полез к себе на нары на второй ярус спать. А у меня винтовка снайперская к нарам была прислонена. Так он, чтобы наверх забраться на прицел встал, как на ступеньку. Тут я не выдержал. «Что же, говорю, — ты творишь, козел драный? Боевое оружие перед боем решил испортить? Ты же мне прицел сбил, где я его по новой здесь пристреливать буду?» А он мне отвечает: «Какой прицел? Какое оружие? Ты знаешь, сколько здесь людей погибло? И нам жить только до утра, когда в атаку пойдем». Ну, я и не выдержал, заехал ему. Заверещал он что-то и убежал комбату жаловаться. Вызывает меня комбат: «В чем дело рядовой Орлов?» — Ну, я ему честно все и рассказал. — «Правильно сделал, солдат, а взводного мы уберем, не беспокойся. Ты вот что, завтра ты затемно займи позицию возле сгоревшего танка. Будешь оттуда атаку огнем поддерживать».

Я так и сделал, себе позицию в воронке оборудовал, лежу, цели выбираю. Как наши в атаку пошли, я одного немца все-таки подстрелил. Две обоймы на него потратил, сбил мне все-таки прицел зараза взводный. А тут вдруг бомбежка. Бомба рядом взорвалась, меня контузило, землей засыпало. Мне потом рассказывали, что еле-еле откопали. Очнулся в медсанбате. Оглох я, и руки дрожать стали. Так сюда, в город N, и комиссовали.

3

— Наш поезд подходит, — услышал Владимир слова лейтенанта и увидел на зеленой стене подходившего вагона белую табличку с надписью «Москва-Владивосток».

До Хабаровска ехали семь суток. Из вагона вышли на рассвете. Слева еле угадывалось небольшое станционное здание, справа — грязная, уходящая в тайгу дорога.

В девять часов утра Владимир стоял на правом фланге шеренги призывников, на большой покрытой асфальтом площади, со всех сторон окруженной одноэтажными кирпичными постройками, прямо перед небольшой бетонной трибуной. Вскоре к трибуне подошла группа офицеров, и один из них — пожилой подполковник, обратился к вновь прибывшим с речью:

— Товарищи! Поздравляю вас с прибытием в N-ский гвардейский, орденоносный, ракетно-артиллерийский полк, имеющий славные боевые традиции. Знаменательно, что ваше прибытие в часть произошло накануне нашего профессионального праздника — Дня артиллериста, и это хороший знак.

Полк оснащен реактивными системами залпового огня, раньше их называли «Катюшами», но наши установки значительно превосходят по огневой мощи образцы предыдущего поколения. Часть с боями прошла тысячи километров по дорогам Великой Отечественной войны и всегда была на острие главного удара. Будьте достойны славы ваших отцов. Служить в нашем полку — большая честь. До границы с соседом — Китайской Народной Республикой — десять километров. В последнее время отношения между нашими странами ухудшились. В Пекине беспорядки, недавно хунвейбинами было блокировано Советское посольство. Возможны провокации и на границе. Вопросы есть?

— Нет, понятно, — вразнобой ответили призывники.

Володя попал в команду шоферов, и жизнь закрутилась в какой-то бешеной карусели. Подъем, физзарядка, завтрак, строевая подготовка, политзанятия, обед, изучение автомобиля, марш-броски, стрельбы, ужин, сон и опять подъем. Часы и дни недели перестали иметь значение.

4

Присягу принимали на торжественном построении перед самым Новым годом.

После Нового года Владимира допустили к самостоятельным поездкам. Сержант привел его в автопарк и, указав на бортовой ЗИЛ, сказал:

— Вот твой Труман.

— Почему Труман? — удивился Орлов.

— Американцы их так называли, — ответил сержант. — Тогда только появились ЗИСы — почти полная копия студебеккера. Когда они узнали, что ЗИС означает завод имени Сталина, то сказали: «Нет, это не Сталин, это Трумэн», — и увидев худощавого, среднего роста солдата, выходящего из ангара, крикнул: — Коля! Я тебе салагу привел. Учить его будешь.

И уже тише добавил для Володи:

— Ему весной на дембель, а пока инструктором у тебя будет.

— Ничего себе салага, — сказал Николай, снизу вверх посмотрев на Владимира, — с таким не забалуешь.

Сев за руль, новобранец завел автомашину и плавно тронулся с места. Немного поездив по улицам военного городка, он по команде Николая подъехал к металлическим воротам контрольно-пропускного пункта. Дежурный солдат, увидев Николая, открыл створки ворот и махнул рукой. За воротами машина покатилась по гладкой поверхности недавно расчищенного тракторами зимника.

На станции Владимир загрузил в кузов почту — мешок с письмами и десяток деревянных ящичков с посылками.

— А шофер ты вроде нормальный, — на обратном пути, как будто нехотя, сказал Николай.

С этого дня Володя все больше времени проводил в автопарке: помогал обслуживать автомашины, ездил за почтой. Владимиру казалось, как буд-

то он дома, везет кирпич на областную стройку. Глаза узнавали знакомые дороги и перекрестки, и только выехав за пределы населенного пункта, на таежный зимник, он вспоминал: «Это армия — служба».

В один из солнечных весенних дней, на утреннем построении, командир учебной роты объявил об окончании курса обучения и зачитал список новых назначений.

Владимир Орлов попал в первый взвод первой батареи реактивных минометов водителем боевой машины. Собрав свое нехитрое имущество, он в тот же день перебрался в казарму первой батареи и познакомился со своим экипажем, состоящим из четырех человек. Кроме водителя в него входили: сержант Истомина Сергей, из Волгограда, — командир боевой машины; младший сержант Шамиль Гирилюлин, из Татарстана, — наводчик; ефрейтор Рустам Усманов, из Андижана, — заряжающий. Затем он принимал у «старого», готовящегося к демобилизации водителя, боевую машину. Посмотрел, как закрываются броневыми, с узкими прорезями, шторками окна кабины, проверил двигатель, подвеску. Осмотром остался доволен, — ничего техника, жить можно.

5

На выходе из штаба его остановил командир взвода:

— Орлов, передай моему заместителю приказание: К десяти часам всем свободным от нарядов прибыть в солдатский клуб, будет лекция о международном положении. Читать будет полковник из политотдела армии.

После короткой вступительной речи командира полка к трибуне, стоящей в левом углу сцены, подошел офицер с погонами полковника на тщательно выглаженном кителе и обратился к аудитории:

— Товарищи! Экономика нашей страны продолжает успешно развиваться, только по Российской Федерации объем валовой продукции за год увеличился на 8,2 %, население РСФСР увеличилось на один миллион человек и составило 127 миллионов. Растет благосостояние нашего народа.

Но не все еще спокойно в мире. Внушает опасение обстановка в соседнем Китае. По поступающим оттуда сообщениям отряды хунвейбинов, вместе с недавно появившейся их разновидностью, «отрядами бунта», захватывают местные органы государственной власти, провинциальные, городские партийные комитеты, смещают их нынешних руководителей. Политическая и хозяйственная жизнь Китая все больше подпадает под военный контроль. В настоящее время группа Мао Цзэдуна возложила дальнейшее проведение так называемой «культурной революции» на вооруженные силы. Антисоветские лозунги раздаются на митингах китайских военнослужащих, истерическая кампания вытеснила в печати и дацзыбао все другие темы.

Докладчик отпил глоток воды из стоящего на трибуне стакана и продолжил:

— Вы несете службу в непосредственной близости от границы, поэтому призываю вас усилить бдительность, решительно пресекать возможные провокации, но в то же время проявлять выдержку и спокойствие. Необходимо больше времени уделять боевой и политической подготовке, активнее включаться во всесоюзное социалистическое соревнование за достойную встречу 50-летия Октябрьской революции. Сейчас появились новые, более мощные

вооружения, но нарезная и реактивная артиллерия не ушли в отставку. В умелых руках они представляют собой грозное оружие.

— Как думаешь, война будет? — на выходе из клуба спросил Владимир идущего рядом Истомина.

— Вряд ли. Техники у них маловато, чтобы с нами воевать, — ответил Сергей.

Зима наступила как-то сразу, неожиданно. Три дня лил дождь. Холодные струи хлестали по потемневшим от влаги домам военного городка. А ночью пошел снег, и еще три дня тяжелые, белые хлопья ложились на землю, сразу приглушив все краски и звуки. Вместе с зимой пришел второй год службы, а за ним и третий.

6

Ночь на 3 марта 1969 года Владимир встретил в карауле. Проверяющий в три часа ночи поднял караул командой «В ружье». Солдаты, построившиеся в караульном помещении, одетые в длинные, до пят, овчинные полушубки с оторванными пуговицами и огромные разношенные валенки, более всего напоминали бригаду колхозников, собравшуюся в лес на заготовку дров.

Проверяющий сообщил, что 2 марта китайские власти организовали в районе пограничного пункта Нижне-Михайловка, на реке Уссури, вооруженную провокацию. Вооруженный отряд перешел государственную границу и направился к острову Даманский. По советским пограничникам, охраняющим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь, имеются убитые и раненые.

На следующий день Орлов, сидя в теплушке, с тоской смотрел на проплывающие мимо сопки. Где-то, в конце эшелона, стоял его, ставший родным «Труман», с прикрученными проволокой к открытой платформе колесами.

К утру прибыли в широкий распадок, с приземистой казармой, стоящей посередине. Здесь отряд остановился. Командующий оперативной группой, пожилой полковник, приказал выставить часовых и разбить палатки. К вечеру все свободное пространство заполнили стоящие ровными рядами большие армейские палатки, задымили красноталовым дымком полевые кухни. Вдали виднелись накрытые маскировочными сетками танки, бронетранспортеры, батареи ствольной и реактивной артиллерии. Количество прибывшей техники радовало солдат и офицеров. Исчезло тревожно-щмящее чувство, охватившее всех вырванных сухими строками приказа из своих частей и отправленных в неизвестность.

16 марта поступил приказ выдвинуться на позиции. Прозвучал приказ рассредоточиться и занять позиции для стрельбы. Уже через пять минут небольшой каменистый распадок перечеркнула пунктирная линия боевых машин. Экипажи стояли возле машин и в ожидании новых распоряжений дружно дымили папиросами.

— Орлов, — неожиданно услышал Володя за спиной голос командира взвода. — Помоги вычислителю планшет на сопку поднять.

— Есть, — ответил Владимир, и, взяв у вычислителя — худенького очкастого солдата планшет, похожий на походный мольберт, какими поль-

зуются художники, стал карабкаться вслед за взводным по каменистому склону. Поднявшись на плоскую вершину, они увидели командира батареи, что-то внимательно разглядывающего в бинокль.

Когда данные для стрельбы были готовы, комбат спросил у Владимира:

— Что, солдат, хочешь на остров Даманский посмотреть?

— На Даманский? — переспросил Орлов. — Хочу.

И, взяв протянутый ему бинокль, стал внимательно смотреть туда, куда недавно смотрел командир.

— А где он? Я не вижу, — удивленно сказал Володя.

— Левее смотри, каменистый такой, небольшой островок, — подсказал комбат.

— Теперь вижу, — ответил Владимир, и добавил: — Он всего-то с километр в длину будет, да метров пятьсот шириной, а разговоров то сколько: Даманский, Даманский.

Затем, внимательно присмотревшись, добавил:

— И народу по нему много ходит, а говорили всего взвод пограничников на нем.

— Ладно, давай бинокль, — построжавшим голосом произнес командир, и, прилаживая на жилистой шее ремешок, добавил: — Не пограничники это, а китайцы. Пограничников оттуда отвели.

Всю ночь не спали, прислушиваясь к звукам отдаленной перестрелки. Костры разводить не разрешили, так же как и выключать двигатели автомашин, замерзшие солдаты грелись в кабинах, по очереди.

В три часа ночи мегафон комбата прокричал приказ: «Открыть огонь». Тяжелые снаряды сошли с окутанных дымом направляющих и, огибая вершину сопки, с которой днем Володя рассматривал остров Даманский, исчезли в темноте. Где-то недалеко зарокотала и ствольная артиллерия, и эхо тяжело заметалось среди проснувшихся сопки.

— Заряжай! — перекрывая гул, донесся усиленный мегафоном голос взводного командира.

Небо запестрело факелами реактивных снарядов. Вынимая тяжелые снаряды из ящиков и укладывая их на направляющие, Володя с удовольствием озирался вокруг. Стреляли долго. Возле боевых машин выросли горы пустой тары из-под снарядов.

Уже рассветало, когда на южном склоне ближайшей сопки, на грязной проталине, вдруг что-то сверкнуло и вверх взметнулся черный фонтан. Владимир с удивлением посмотрел на кусочек земли, упавший на рукав его гимнастерки.

«Что это? Извержение вулкана или гейзеры забили?», — подумал он. Но додумать эту мысль ему помешал усиленный мегафоном голос взводного командира:

— Прекратить огонь. Сменить позицию.

Через несколько минут «Труман», скрипя и покачиваясь, вновь двигался по проселочной дороге, стараясь не отстать от идущей впереди автомашины. Под колесами скрипела галька, на направляющих мирно лежали снаряды, а на лавочке, расположенной между кабиной и реактивной установкой, о чем-то весело переговаривались наводчик и заряжающий. Но ехали недолго. Сделали привал. Владимир дозаправил автомашину от стоящего неподалеку бензоаппарата, затем экипаж пообедал разогретой на двигателе тушенкой

и сухарями. Орлов видел, как неподалеку от них комбат долго говорил по радиации, а затем вместе с командирами взводов рассматривал карту. Он слышал, как его взводный сказал командиру батареи:

— Говорят — кто напрямик ездит, тот в поле ночует, но и все время объезжать тоже не годится.

Комбат согласился и махнул рукой вычислителю, который тут же разобрал планшет, а офицеры вновь склонились над картой.

«Целеуказания готовят, — понял Володя, и подумал: — сейчас опять стрелять будем».

Подтверждая его догадку, командир взвода спрятал карту в полевую сумку и прокричал команду:

— Первый взвод! За мной. Затем сел в кабину к Орлову, потеснив Истомина и указав рукой на уходящую влево дорожку, сказал: — Поехали.

Владимир включил скорость, и ЗИЛ пошел вперед, проминая дорогу, за ним тронулись две остальные машины взвода. Вскоре выехали на берег и увидели за рекой припорошенную снегом территорию сопредельного государства. Солдаты притихли, настороженно сжимая в руках автоматы.

Боевую позицию заняли в каменистом устье небольшого ручья. Командир взвода тщательно проверил установку прицелов, и, махнув рукой, дал команду на открытие огня.

Снаряды огненными гроздьями пересекли покрытую льдом реку и скрылись из виду.

— Товарищ лейтенант, куда теперь? Обратно возвращаемся? — спросил Владимир у взводного, когда боевые машины были приведены в походное положение.

— Нет, вперед поедem, так ближе будет, — ответил взводный и добавил: — Через три километра еще один ручей будет, пересечем его и вправо уйдем.

Когда впереди уже показалось устье ручья, кабина автомобиля содрогнулась от шквального грохота, впереди выросло несколько грязных, высоких грибов, состоящих из гальки, снега и грязи. Лейтенант, приподнявшись на сидении, дернул за ручку закрытия бронешторок, и в кабине сразу стало сумрачно. Орлов до упора нажал на акселератор и приник к смотровой щели. Автомашина пересекла ручей и поднялась на противоположный берег, когда от сильного удара громко вскрикнул и заглох двигатель.

— Выходим! — крикнул лейтенант и выпрыгнул из машины.

Взяв из крепления автомат, Владимир последовал за ним. По всему устью ручья гроздьями вскипали разрывы. Следующую за ними автомашину взвода взрывом положило на левый борт, и замыкающий грузовик, объезжая ее, резко взяв вправо, стал карабкаться вверх по покрытому заснеженной галькой склону. Когда он преодолел склон, возле задних колес что-то сверкнуло, и Володя увидел, как оторванный задний мост, кувыркаясь, полетел обратно в ручей. Автомашина проползла еще десяток метров, волоча за собой оторванный средний мост, и встала.

— Туда! — задыхаясь от волнения, выдохнул взводный и вытянутой рукой показал на видневшийся впереди небольшой, заросший ивняком овражек, примыкавший к южному склону сопки, и первым побежал к нему. Солдаты, пригнувшись, бросились следом. Орлов пробежал больше половины пути, когда страшный удар в спину повалил его на землю. Владимиру показалось, что какой-то великан, со всего размаха, ударил его по спине

длинной доской. Передернув затвор автомата, он оглянулся, но ничего не увидел, кроме края воронки, дымившейся метрах в тридцати от него. Ничего не понимая, он вскочил, и бросился догонять своих. Ноги и руки слушались, но острая боль в спине не проходила. Едва спрыгнув в ложбину, он увидел на льду реки, возле нашего берега, группу солдат, одетых в непривычную форму: черные ботинки, широкие брюки и куртки цвета хаки, шапки-ушанки с опущенными ушами.

— Примерно взвод, метров четыреста до них, — привычно определил Владимир.

— Китайцы, — упавшим голосом сказал лейтенант, и добавил: — занимаем оборону.

— Место хорошее, открытое, близко не подпустим, продержимся, сейчас остальные экипажи подойдут, — успокаивая себя, произнес Истомин.

Орлов осмотрелся: слева блестел на неярком солнце снег на замерзшей Уссури, впереди до противника тоже открытое пространство, но справа вывышался крутой склон сопки.

— А если они на сопку залезут? — спросил Владимир, и сам ответил: — тогда, как в тире, всех перестреляют.

— Не залезут, не догадуются, они ведь не любители по горам лазать, на равнине живут, — скорее успокаивая себя, чем Орлова, ответил лейтенант, и добавил: — Да и что мы можем сделать? Нас пока трое, ты ранен — бушлат на спине разорван и весь кровью пропитался.

— Я в порядке, — не согласился Владимир.

Неожиданно отряд противника разделился на две части: большая часть осталась на прибрежном льду, а десяток солдат, на бегу развертываясь в цепь, бросился в прибрежные кусты.

— Ну, я все-таки на сопку залезу, на всякий случай, оттуда вас прикрою, — упрямо мотнул головой Вова, — и крепко сжимая в руке автомат, стал подниматься по склону.

— Вот упрямый какой, никаких слов не понимает, хоть кол на голове теши. Как с такими воевать? — пожаловался взводный Истомину.

— Да он наверно контуженный, ничего не понимает, — выгораживая товарища, сказал командир боевой машины.

Тяжко вздохнув, лейтенант огорченно махнул рукой.

В начале подъема Владимир ничего вокруг не замечал, мысленно продолжая диалог с лейтенантом: «Не полезут они, как-же, держи карман шире. Все дураков вокруг ищет, а в зеркало не догадывается заглянуть. И как с таким воевать?»

К середине подъема его начала охватывать непонятная слабость, появилась одышка, ноги дрожали, руки сделались ватными. «Ничего прорвемся, немного осталось», — подбадривал он себя. Когда до вершины оставалось не более тридцати метров, силы кончились.

«Все, больше не могу», — подумал Орлов, тяжело опускаясь на снег. Вспомнился дом, отец, мать... Вдруг ему показалось, что на вершине сопки мелькнула какая-то тень.

«Китайцы! — испуганно подумал Вова, — опередили, быстрее меня поднялись. Сейчас увидят, и начнут на мне стрелковые навыки отрабатывать».

Волна слепой ярости охватила его: «Ну, уж это вам хрена! Я так просто не сдаюсь, сейчас попрыгаете у меня, сволочи».

Он вскочил и, бешено работая руками и ногами, стал подниматься на вершину. Когда он поднялся на то, что считал вершиной, то увидел, что находится на горизонтальной широкой террасе, продолжающейся до противоположного склона, правый склон продолжал повышаться, и метрах в двадцати переходил в другую, более узкую площадку, и уже за ней, метрах в пятидесяти, виднелась заросшая деревьями вершина сопки. Вокруг никого не было, и только под ногами он увидел петлявшие между кустами ямки беличьего следа.

«Белка напугала», — понял солдат, и счастливо улыбнулся.

Внизу гулко рассыпалась дробь автоматных очередей. Чтобы узнать, что происходит Владимир бросился к противоположному склону сопки. Когда до края осталось метров десять, осторожность все-таки пересилила любопытство, и дальше он пополз по-пластунски, расталкивая руками и лицом крупитчатый весенний снег. Оказавшись на краю, он сразу же увидел четырех солдат противника, гуськом, друг за другом поднимавшихся по склону, метрах в пятидесяти правее.

Сняв автомат с предохранителя, Орлов короткими, скупыми очередями расстрелял всех четверых, начав с того, кто был ниже по склону. Трое упали, даже не успев выстрелить, и только четвертый, дав неприцельную очередь, выронил автомат и устало прилег на заснеженный склон.

Орлов приподнялся, чтобы посмотреть, что делается у подножия сопки. Тотчас внизу, в кустарнике, сверкнуло несколько желтых искр, и воздух загудел от роя пуль, пронесшихся над головой. Володя упал, и, преодолевая боль в спине, откатился к противоположному краю террасы, где он был недосыгаем для пуль. Затем, встав на ноги и вскарабкавшись на верхнюю площадку, опять пополз к опасному склону. Здесь обзор был лучше, но внизу царила обманчивая тишина, ни одно движение не выдавало противника. Владимир перевел флажок автомата на одиночную стрельбу и стал через прорезь прицела, рассматривать подножие сопки. Неожиданно перед глазами замельтешили черные мошки.

«Удивительно, зима еще не кончилась, а уже мошки, сколько вылетело», — подумал он, и, отложив автомат в сторону, попытался рукой поймать несколько насекомых.

«Да это же не мошка, это у меня в глазах», — наконец понял он и посмотрел по сторонам. На нижней террасе увидел на снегу пятна крови, которые оставил, когда откатывался от края.

«Крови много потерял, значит, вот мошки и появились», — шевельнулась ленивая мысль.

Внезапно Орлов насторожился, у подножия сопки что-то мелькнуло. Присмотревшись, он увидел вражеского солдата, по пояс высунувшегося из кустарника. Владимир неторопливо прицелился. Руки не дрожали, мушка застыла точно посередине прицельной рамки. После выстрела кусты вновь сомкнулись над головой солдата. Наступила тишина. На Владимира навалилась невыносимая сонливость, он впал в забытие. Сколько оно продолжалось, час или минуту, он не знал. Очнулся от ярких лучей заходящего солнца, бивших прямо в глаза. С трудом пошевелив непослушным телом, он осмотрелся. На льду, возле противоположного берега он увидел едва различимую группу людей, пересекающих реку.

«Китайцы домой возвращаются, — догадался Владимир, и решил: — Надо проводить».

Он поставил прицельную рамку автомата на максимальную дальность стрельбы, перевел флажок на автоматический огонь и, тщательно прицелившись в фигурку, идущую в центре, дал длинную очередь. Один человек упал, остальные бросились враспынную. Орлов дал еще одну очередь, и автомат замолчал, зияя открытым затвором. С трудом двигая онемевшим телом, он заменил пустой магазин на полный и понял, что сил больше не осталось нисколько, ни капельки, что бороться больше не имеет никакого смысла, и с облегчением опустил в затягивающий омут сна.

7

Владимир очнулся на рассвете. Увидел, что лежит на кровати в небольшой комнате. Закрашенная белой краской нижняя половина единственного окна, белые простыни, серое шерстяное одеяло.

— Где я? — не понял Орлов.

— В госпитале, в окружном госпитале, солдат, — ответил доктор, и добавил: — Две недели в реанимации пролежал, не приходя в сознание. Мы уже не чаяли дожидаться, когда очнешься.

— Что со мной? — вновь спросил Вова.

— Сейчас уже можно сказать, что самое тяжелое позади, — ответил врач, и добавил: — Скользящее осколочное ранение в спину, жизненно важные органы не задеты, но потерял много крови. А теперь молчи, рано тебе еще разговаривать, потом наговоришься.

Силы быстро возвращались к Владимиру. Через два дня он уже пробовал ходить, держась то за кровать, то за стену бокса, еще через два дня его перевели в общую палату.

В палате кроме него лежали еще пятеро «фронтовиков», получившие ранения во время военного конфликта, в том числе и его командир — Сергей Истомин с пулевым ранением в ногу. От него Вова узнал, что в тот злополучный день погиб их командир взвода и еще двое солдат, а пятеро были ранены. Пока Владимир был без сознания, в госпиталь приезжал навещать раненых командир оперативной тактической группы. Он объявил о награждении всех раненых медалями «За Отвагу» и, кроме того, о присвоении рядовому Орлову внеочередного воинского звания «младший сержант», а также награждении его орденом Боевого Красного Знамени.

— Как у отца, — обрадовавшись, подумал Вова, и тут же спросил: — А за что?

— За уничтожение вражеской разведгруппы, пытавшейся зайти в тыл к нашим войскам, — пояснил Истомин.

8

В полку Владимир обнаружил много изменений. Почти не осталось знакомых: одни демобилизовались, другие были переведены в другие части, кого-то комиссовали по состоянию здоровья. Только командир батареи остался на своем месте, он пополнел, округлился, приобрел некую солидность, которую подчеркивали новые майорские погоны. Тепло приняв солдата, он направил его дослуживать последний месяц срочной службы на транспортную автомашину.

Часть осваивала вновь поступившую технику — установки залпового огня «Град». Орлов с удовольствием сидел в пахнущей заводской краской кабине нового «Урала», с наслаждением ездил на нем по территории военного городка, удивляясь мощности и удобству нового автомобиля.

Жизнь постепенно возвращалась в накатанную колею. Служба казалась несложной, и каждый прожитый день приближал Владимира к встрече с родными. Единственное, что омрачало жизнь, были не сложившиеся отношения с новым командиром взвода. Небольшого роста, худой и очень суетливый старший лейтенант сразу не понравился Орлову. Яростные, до истеричности, попытки взводного командира поддерживать в подразделении уставной порядок в том виде, как он его понимал, наталкивались на глухое непонимание, а иногда и откровенные издевки со стороны Володи, пользовавшегося во взводе непререкаемым авторитетом. Противостояние обострялось с каждым днем.

В полку был объявлен строевой смотр, и весь личный состав построился на плацу. Командиры подразделений придирчиво проверяли у подчиненных форму одежды и наличие необходимых документов.

— Орлов, опять верхняя пуговица у гимнастерки не застегнута, сколько можно повторять одно и то же. Что мне с тобой делать? — услышал Владимир вопрос командира взвода.

— А ты меня забодай, — нагло усмехнувшись, ответил солдат.

Взводный, побелев от злости, залепил нагледу звонкую пощечину. Кровь бросилась в лицо Володи, правая рука рефлекторно дернулась и пудовый кулак врезался в челюсть командира. Тело старшего лейтенанта описало пологую дугу и, пролетев несколько метров над землей, рухнуло на асфальтированный плац.

Дальнейшее Владимир помнил как в тумане: испуганные глаза стоящих рядом солдат, укоризненный взгляд командира батареи, его слова: «Эх, Орлов, Орлов, как же ты нас подвел». Затем узкие, покрашенные в темно-серый цвет коридоры гауптвахты, темная и сырая камера с деревянным лежаком-«самолетом» вместо кровати, вызовы на допросы к следователю военной прокуратуры. Нелепые вопросы, под протокол: «На какую разведку работаешь? Когда завербовали? Где слушал зарубежные радиоголоса? Где читал и распространял самиздатовскую литературу?»

Владимир чувствовал себя мелким зернышком, попавшим под жернова репрессивного аппарата. С каждым днем, все больше и больше, его охватывало равнодушие к собственной судьбе.

На заседании суда, слушая путанные показания потерпевшего и свидетелей, Орлов сначала неуклюже пытался оправдаться:

— Он первый начал, я только защищался, — но видя, что судьи не принимают его оправдания, тоскливо замолчал.

Суд удалился на совещание, и вскоре вернувшийся председатель военного трибунала огласил приговор:

— За грубое нарушение воинской дисциплины, выразившееся в неуставных взаимоотношениях с вышестоящим командиром, приговорить Орлова Владимира Александровича к лишению правительственных наград, воинского звания «младший сержант» и трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в дисциплинарном батальоне.

Закончив чтение приговора, председатель суда предоставил последнее слово осужденному.

Владимир нехотя встал.

— Все правильно, осудили, все правильно, виноват, — тихим и скрипучим от волнения голосом начал он свою речь, а затем неожиданно весело улыбнулся и громко добавил: — Звание отобрали, в тюрьму посадили, орден отобрали, а мне не жалко, берите. Самая дорогая награда у меня здесь, — повернувшись спиной к председателю суда, он задрал подол гимнастерки, обнажив огромный багровый шрам на спине. Затем, опустив гимнастерку и повернувшись к председателю лицом, продолжил, — и никакой суд у меня ее не отберет.

Увидев побагровевшие от гнева лица членов военного трибунала, он закончил свою речь:

— У вас такой никогда не будет.

КВШЛА КНИГА

Пиетиляйнен Елена Евгеньевна. Предощущение. / Елена Пиетиляйнен; [худож. Н. Трухин]. — Петрозаводск, 2010 (Типография им. П. Ф. Анохина). — 216 с.: ил.

В новую книгу Е. Пиетиляйнен «Предощущение» вошли стихи, написанные в разные годы. Это своеобразный лирический дневник. По утверждению С. Форрестер, профессора русской литературы (США), «стихи Пиетиляйнен дышат свежестью воздуха, только что омытого дождем или слезами».

Книга адресована широкому кругу читателей.

Пиетиляйнен Е. Е.

Главный редактор журнала «Север». Автор поэтических книг «Оттаявший свет» (Петрозаводск, 1998), «Время дождей» (Москва, 2003). Стихи публиковались в российских литературных журналах, в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», в «Литературной газете», сборниках и альманахах. В 2009 г. стала лауреатом международного поэтического конкурса «Золотое перо», проводимого Правительством Москвы. Ее стихи вошли в международную антологию «Планета поэтов — 4» (Рига, 2009). Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования и науки (1996).

Кандидат педагогических наук. Председатель Карельского регионального отделения Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Координатор Международной ассоциации писателей и публицистов по Северо-Западу.





Монах ИОСИФ

«В СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ»

Келейные стихи

Монах Иосиф — родился в 1958 году в поселке Рамонь Воронежской области. С 1983 по 1990 годы жил в Туркестане. Работал библиотекарем, слесарем, разнорабочим, техником, сторожем и т. д. В 1990 году вернулся в Россию. В 1994 году ушел в Задонский Богородицкий мужской монастырь. Некоторое время жил в Дивногорском монастыре, затем, вернулся в свою обитель. **В настоящее время несет послушание у раки свт. Тихона Задонского, у его святых мощей.**

* * *

Время покаянья,
Время исправленья,
Плача и рыдания
И успокоенья.

Пролетит седмица,
Пролетит вторая,
Тяжело молиться
Изгнанным из рая.

Третья седмица...
Пятая, шестая,
Наяву приснится
Пасха золотая.

Светлая седмица —
Ангельское пенье,
В эти дни молиться —
Просто наслажденье.

* * *

Не учить бы никого,
Самому бы научиться
У Премудрого Его
И смиряться, и молиться.

Не смотреть ни на кого,
Только в собственную душу,
Господина своего
Одного бы только слушать.

«Никого не осуждать,
Никому не досаждать,
Всем мое почтение» —
Вот и все спасение!

* * *

Мимо великого счастья
Часто я проходил,
На ненасытные страсти
Уйму растратил сил.

Был молодым, упрямым,
Дерзким и гордым был.
Мимо Крестов и Храмов
Быстро я проходил.

Жил без Креста и веры,
Думал, что много мог,
Глупость без всякой меры
Часто сбивала с ног.

Время прошло, избила
Жизнь поперек и вдоль.
...Крестная Божья сила
Лечит под сердцем боль.

* * *

У меня есть келья, есть и послушанье,
Есть Христианина высшее название.
У меня есть четки, четки и Псалтырь,
Пресвятой Владычицы славный
монастырь!

* * *

Всюду измена и всюду враги.
Сергей Бехтеев

Туман взаимных обвинений
Пушай пройдет в последний раз,
А лицемерных извинений
Да не прибавится у нас!

Врагов повсюду и измену
И эту злую клевету, —
Довольство Вавилонским пленом
Не приближает ко Христу.

Когда пойдем, что потеряли,
И совесть в нас заговорит,
Тогда последний россиянин
Их память грудью защитит.

Очнись, Россия, и возмани!
Надежда, Вера и Любовь
Зовут опять на поле брани
Всех добросовестных сынов.

Страданья их живым укором
Напомнят нам великий грех.
Они стоят пред нашим взором,
Жизнь положившие — за всех!

Нельзя из прошлого уроков
Извлечь, пока у нас страна
От многочисленных пороков
Еще не освобождена!

О люди! Мелкие любовью,
Большие мерзостью греха,
Постом, молитвою и кровью
Позор смывайте до конца!

И потому-то грех измены,
Измены Русскому Царю,
Народ обязан непременно
Оплакать в боевом строю.

Ведь мы в дедах не захотели
Спасти Великую семью,
Не говорите — не сумели,
Нет места этому вранью.

А потому — оставим споры,
Признаем общую вину
И покаянным разговором
Соединимся в жизнь одну.

Кто хочет, тот всегда и сможет,
Кто не желает — убежит,
Я не один сегодня должен
К столбу позора пригвоздить

Очнись, Россия, и возмани!
Зовет Воскресшая Любовь
На поле нашей русской брани
Всех добросовестных сынов.

* * *

Талант пробыет себе дорогу,
Его не просто затоптать,
Он человеку дан от Бога,
Ему под спудом не лежать.

Талант в скорбях лишь закалится,
Приобретя себе другой,
Взирать не будет он на лица,
Смиреньем истинным смирится,
Идя дорогою прямой.

Лишь только б он не превознесся,
Не приписал себе чего,
От самомнения уберется,
Себя считая за ничто.

Вот путь, таланту безопасный,
Путь, по которому идти
Возможен лишь душой отважный,
С Христовой правдою в груди.

* * *

Вышло время, подошло мгновенье
В жизни неисправленной моей,
В Светлое Христово Воскресенье
Догорел последний мой елей.

* * *

Смиреньем бесы побеждаются.
Терпеньем страсти пополяются.
А то, что здесь упоминается,
Наукой побеждать является.





**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г. и № 1, 2, 3 за 2011 г.

Второе пришествие на землю Иисуса Христа, Сына Божия

*1. События, предшествовавшие
явлению Господа Иисуса Христа*

1. О последнем Суде возвестит людям последняя (1 Кор. 15, 52) Божия труба (1 Сол. 4, 15), которая служит образом какого-то особенно-го действия Божия Всемогущества, образом, заимствованным от обыкновения евреев созывать на собрания посредством трубных звуков (Лев. 25, 9; Числ. 10, 8; Суд. 3, 2).

Послет Ангелы Своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветров конца земли до конца неба (Мф. 24, 31).

И не только избранныя, но и вся соблазны и делающих беззакония (Мф. 13, 4).

*2. Необычайные изменения в
природе*

«Последуют ужасные изменения на небе и на земле; солнце померкнет — не уничтожится, но будет побеждено светом пришествия Христова, как свеча или лампада побеждается светом солнца, луна не даст света своего по той же причине; и звезды спадут с небес, то есть перестанут быть видимы, потому что ночи уже не будет: все выйдет из своего чина и предела, и Силы Небесные (Ангелы) подвигнутся, видя такую перемену.

Если они ужаснулись, когда сотворены были звезды, то как им не ужаснуться и не поколебаться гораздо более, когда увидят, что все преобразуется; сослужители их, то есть люди, испытываются, вся вселенная предстоит Страшному Судилищу, готовясь дать отчет о своих действи-

ях. На земле будет, как перед бурей: везде уныние, болезнь и трепет. Море восшумит и возмутится. Ожидание бедствий станет ужаснее самих бедствий. Вся природа притихнет в страхе и замрет в ожидании».

3. Воскресение мертвых

«Чаю воскресения мертвых».

Верую, Господи, помози моему неверию (Ин. 11, 25, 26). Аз есмь Воскресение и Жизнь; верующий в Меня если и умрет, оживет. И всякий верующий в Меня и живущий не умрет во век. Веришь ли сему? — спрашивал Господь Марфу, сестру Лазаря, спрашивает и ныне всякого человека!..

Этим показано, что только верою усвоится человеком эта истина.

Разрешение вопросов и недоумений.

(«Знамения пришествия Антихриста и кончина века». 1782)

1. Все ли умершие воскреснут?

Все без исключения.

Наступает Время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия и изыдут... (Ин. 5, 28–29).

Сядет на престоле Славы Своей, и соберутся пред Ним все народы (Мф. 25, 31).

2. Те ли же тела будут у воскресших, какие были при жизни на земле, или иные какие-либо?

Те же, только станут нетленные и бессмертные.

Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие (1 Кор. 25, 53). и др. места слова Божия.

3. Может ли это быть?

Как из персти, обратившейся в прах или ветрами развеянной или рассыпанной людьми, сожженной, зверями съеденной и прочее каждая пылинка найдет свое прежнее место в прежнем теле человека? — спрашивают и недоумевают люди.

Ответ: это — дело веры, а не любопытства. И первоначально человеческое тело создано из праха земного, как учит Слово Божие. Человекам это невозможно, Богу же все возможно (Мф. 19, 26).

4. В каком виде воскреснут умершие младенцы?

В будущем веке ни стариков, ни младенцев не будет, потому что и младенчество, и старость есть несовершенство человеческой природы. А сказано, что Господь сотворил человека совершенным, таким его и обновит.

А совершенный возраст в Слове Божиим считается от 30 лет, как и Господь Иисус Христос выступил открыто с 30-летнего возраста и умер на Кресте 33 1/2 лет.

Таким образом, в будущем веке все люди будут иметь вид 30-летнего человека.

Все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Ефес. 4, 13).

Отсюда видно, что не будет тогда ни хромых, ни слепых, ни увечных — словом, не будет никаких физических недостатков, потому что все это несовершенство и никак не может быть прилично «совершенным».

5. Апостол говорит: «достигнем... в мужа совершенна». — Значит ли это, что тогда все воскресшие будут мужского пола, а женского пола вовсе не будет?

Нет, не значит. И мужеский, и женский пол среди людей сохранится, люди будут того же пола, какой имели при жизни своей на земле.

Апостол в слове: «мужа совершенна» имеет в виду не пол мужской, а силу и крепость мужскую, какою будут обладать все воскресшие. А что люди воскреснут все и среди них будут мужчины и женщины — это видно из слов Господа:

В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах (Мф. 22, 30).

Здесь Господь говорит и о мужчинах («женятся»), и о женщинах («выходят замуж»), каковые, очевидно, будут и тогда, только не будут рождать детей, ибо Ангелы Божии пола не имеют. Так что люди будут подобны Ангелам не уничтожением пола, а жизнью равноангельской и бессмертием.

Святитель Тихон Задонский, описывая жизнь людей в раю, говорит: «Нет там старого, слепого, хромого, расслабленного, безобразного, но все в цветущей юности, красоте, красной доброте (красивы видом), в возрасте мужа совершенна, в мере возраста исполнения Христова».

6. Воскресшие люди будут ли есть и пить, как мы едим и пьем?

Нет — ни пища, ни питье им уже не нужны. Дело в том, что пить и есть нам нужно, чтобы подкреплять ослабевающую силу человеческую, а тогда не будет ослабления в воскресших телах, как говорит Апостол: Сеется в немощи, восстает в силе (1 Кор. 15, 43).

7. А как же тогда понимать такое место из Евангелия (явление воскресшего Господа): Когда же они (Апостолы) от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел пред ними (Лк. 24, 41–43)?

Господь Иисус Христос в этом случае ел пред учениками, чтобы убедить их, что пред ними не призрак (как они думали), а живой человек, — а совсем не потому, что Он ослабел и нужно было Ему подкрепить ослабевшие силы Свои.

8. А какие свойства будут у тел Святых Божиих людей?

а) тела святых будут совершенно бесстрастны и нетленны: Сеется в тлении, восстанет в нетлении (1 Кор. 15, 42);

б) приобретут свойства, приличные духам: Сеется тело душевное, восстанет тело духовное. Есть тело душевное, есть тело духовное (1 Кор. 15, 44).

Какие же это свойства?

Такие духовные тела будут сильные, быстрые в передвижениях, тонкие, не имеющие преград при движениях (как названы они, «проницательные»), как Тело воскресшего Господа прошло через каменную дверь гроба, через запертые двери при явлении ученикам, и в то же время будут доступны осязанию, как Тело Господа было доступно осязанию Фомы.

Господь говорит Фоме: подай перст свой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи в ребра Мои — не будь неверующим, но верующим (Ин. 20, 27).

Так же говорил и всем Апостолам: Осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги (Лк. 24, 39).

Кроме того, телеса Святых будут светлые, славные, сильные: Праведники просветятся как солнце, в Царствии Отца их (Мф. 13, 43). Сеется не в честь, восстанет в славе (1 Кор. 15, 43). С телами такими, как Тело Христа: (Иисус Христос) униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все (Фил. III, 21).

9. А какие будут тела воскресших грешников?

Тоже нетленные, и умереть не могут, но ни славы, ни светлости в них не будет. Лица не будут радостны. Они будут способны к страданиям, но не земным страданиям, временным и преходящим, а страданиям вечным, ужасным, неописуемым.

10. Все ли люди умрут до пришествия Господа?

Нет, не все; часть их останется жить, и Второе пришествие Господа найдет на земле их живыми.

Слово Божие говорит об этом так (1 Кор. 15, 51–52): Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока при последней трубе: ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.

(Следовательно, наши тела вдруг станут нетленными, бессмертными и получают все те свойства, о которых только что была речь: для праведных — одни, для грешников — другие.)

11. И что дальше будет с такими людьми?

1 Сол. 4, 17: Мертвые о Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках, в сретение Господу на воздухе.

(В заключение — видение, описанное в День Святого Князя Владимира).

И когда люди все будут отдалены от земли, взяты с земли, начнется Суд Божий над землею.

Мы по обетованию ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2 Петр. 3, 13).

А нынешние небеса и земля, содержимые тем же словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков (2 Петр. 3, 7).

И вот, придет же день Господень, как тать ночью и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же разгоревшись разрушатся, земля же и все дела на ней сгорят (2 Петр. 3, 10).

И люди, находясь на воздухе, будут видеть, как их место родное, все, что было дорого сердцу, горит и гибнет в пламени, и это еще сильнее увеличит их ужас и горе: теперь отступить уже некуда, спрятаться уже негде... Остается в смертельном страхе, необычайном ужасе и трепете ждать Страшного Суда Господня...

А в голове, во всей душе, как движущаяся лента кинематографа, проходит картина безотрадная, полная страшного горя, ибо каждый сознает ясно и без всякой увертки, что ждать ему доброго ответа не приходится, ужас леденит сердца, слез нету; они от ужаса высохли...

Такое ожидание страшнее самого Суда Страшного, и... если бы люди могли в ту минуту умереть от ужаса, они умерли бы, но смерть уже убежала от них.

И вот в эти страшные часы и минуты яркой молнией сверкнет и осияет всю вселенную ослепительным блеском своим Знамение Сына Человеческого на небесах: Крест Христов.

И все истинно веровавшие во Иисуса Христа воспрянут духом: зародится и блеснет какая-то маленькая надежда на что-то лучшее.

А недостойно носившие Имя Христово и своей жизнью позорившие веру свою — горько-горько зарыдают. И кто сможет их утешить тогда???

И начнется последний, окончательный, ужасный, Страшный Суд Господа нашего Иисуса Христа над всем миром...

Аминь.



**Митрополит
Калужский и Боровский
КЛИМЕНТ**

**«РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
И РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЬ, ОПЫТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ»**

*Доклад
на Межрегиональной
научно-практической
конференции «Православная
цивилизация: прошлое,
настоящее и будущее»*

Русская Православная Церковь, осуществляя свою миссию, всегда стремилась к активному взаимодействию со всеми благонамеренными силами, готовыми трудиться на поприще решения наиболее важных и актуальных вопросов бытия современного общества.

Вместе с тем, сознавая важность созидания социальной атмосферы стабильности и взаимопонимания, Церковь постоянно прилагает усилия по поддержанию культурно-исторического и духовного единства нашего многонационального государства.

На сегодняшний день не вызывает сомнения та положительная роль, которую сыграло Православие в духовном, историческом, культурном становлении Российского Государства.

Действительно, значение Православия для судеб нашего Отечества

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) — родился в п. Удельная Раменского района Московской обл. В 1978 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия, пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона. Год спустя рукоположен во иеромонаха и назначен преподавателем в МДС. 1981 г. — возведение в сан игумена, 1982 г. — возведение в сан архимандрита, хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии и назначен управляющим патриаршими приходами в Канаде и временно в США (с 1987 г. только США). В 1989 г. возведен в сан архиепископа. С 1990 г. — архиепископ Калужский и Боровский. 1993—1996 гг. — член Общественной Палаты при Президенте РФ. В 2003 г. назначен Управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода. 2004 г. — возведение в сан митрополита. С 2006 г. — Председатель Комиссии по сохранению духовного и культурного наследия Общественной Палаты РФ. Имеет церковные и государственные награды. **В настоящее время правящий архиерей Калужской и Боровской епархии.**

трудно переоценить. Само начало истории и государственности Руси связано с Православной Церковью. Письменность, книги и начатки образования попадают к нашим предкам вместе с проповедью христианства. Церковные миссионеры, святые равноапостольные братья Мефодий и Кирилл явились основателями славянской письменности и культуры, положив тем самым основание для вхождения восточных славян в семью христианских европейских народов.

С распространением Православия на землях восточных и северных славян получает развитие юридическое право, как форма регулирования общественных отношений. Первыми памятниками подобного рода стали знаменитые уставы князей святого Владимира и святого Ярослава Мудрого, где светское, гражданское законодательство тесно связано с нормами канонического, церковного права.

В эпоху феодальной раздробленности, когда силы народа истощались междоусобными войнами, Православная Церковь явилась связующим элементом, соединяющим единой верой и нравственными нормами раздробленные княжества и полагающим препятствия пролитию братской крови. Исторические памятники того времени свидетельствуют о постоянной заботе церковной иерархии о прекращении княжеских усобиц и восстановлении общего мира.

В XIII столетии в период иностранной агрессии на севере нашего Отечества (вспомним сражение на Чудском озере и Невскую битву), и с началом татаро-монгольского ига Русская Православная Церковь становится источником сил российского народа. Она хранит и сберегает перед лицом неприятелей национальную культуру и искусство, являясь общенациональной святыней и вдохновительницей народа на борьбу за национальную независимость и идентичность.

В период становления Самодержавия и позднее во время самостоятельного бытия нашего Отечества Православная Церковь служила духовной опорой молодого Государства, покровительницей наиболее обездоленных и бесправных слоев общества, была заступницей тех, кто оказался подвергнут суровой опале Государя.

Даже в XVIII веке, когда Русская Православная Церковь была насильно ограничена в своей деятельности, и традиционная патриаршая власть по воле Императора оказалась заменена синодальной формой управления, она продолжала оказывать огромное влияние на русское общество. Это влияние происходило через деятельность монастырей и просвещение. Тогда Церковь имела десятки тысяч школ.

В эпоху государственного атеизма и гонений на веру Православие вынуждено было сосредоточить основную деятельность на совершении богослужений и духовном окормлении верующих, оставив многие традиционные формы христианского служения.

Сегодня наша Церковь имеет возможность вернуться ко многим невозможным в советский период видам деятельности: открытой проповеди веры, социальному служению, пастырскому попечению о людях разной категории и социального положения.

Очевидно, наибольшего внимания заслуживает тема просветительской деятельности и развития религиозного образования.

Вместе с тем следует отметить, что ныне имеется ряд проблем, решение которых требует усилий не только Православной Церкви, но и согла-

сованных действий всех религиозных, государственных и общественных институтов.

В своем выступлении я постараюсь определить наиболее значимые вопросы, стоящие сегодня перед российским Православием, которые являются вместе с тем перспективными направлениями работы не только для духовенства, но и всех верных чад Русской Церкви.

Наиболее значимой проблемой подобного рода на наш взгляд является демографический кризис, приобретший угрожающие бытию российского народа масштабы.

Безусловно, основной причиной этого является потеря нравственных ориентиров значительной частью наших сограждан, что привело к торжеству гедонистического отношения к жизни, при котором традиционные, семейные ценности перестали влиять на жизнь супругов. И вообще, за последнее десятилетие произошла сильная девальвация понятия семьи.

Очевидно, что в решении данного вопроса усилиям религиозных конфессий по преодолению кризиса в немалой мере может способствовать формирование государством идеологического поля, нацеленного на повышение ценности материнства, многодетности и ответственного отцовства.

Вместе с тем традиционной и всегда актуальной задачей Православной Церкви (а, если говорить точнее, то и всех религиозных конфессий) сегодня остается сохранение и приумножение духовного и культурно-исторического богатства, доставшегося нам в наследство от предшествующих поколений.

Эта задача тесно связана с вопросом противодействия тем проявлениям религиозного экстремизма и терроризма, проводниками которых являются определенные маргинальные сообщества, которые нередко используют религиозные постулаты. Подобные явления происходят не иначе, как от религиозной неграмотности, ибо в каждой религии одним из базовых принципов является любовь к ближним, а также воспитание благоговейного, уважительного отношения к Божественному дару жизни.

В связи с этим очевидно, наибольшего внимания заслуживает тема просветительской деятельности и развития религиозного образования.

Например, счетчик Гейгера помогает нам узнать, что мы находимся в зоне радиоактивной опасности, где может быть нанесен вред нашему физическому здоровью, но для того чтобы прибор правильно функционировал, он должен быть соответствующим образом изготовлен и настроен. Таким же образом душа человека от своего сотворения наделена замечательной способностью реагировать на добро и зло. Обычно мы называем эту способность — совестью. Однако не следует забывать, что эта часть человеческого естества также нуждается в настройке, в терпеливом, внимательном воспитании и постоянной заботе, без которых молодой человек находится в опасности стать нечувствительным к нравственному злу. В этом случае его душа, лишившись внушений совести, может, оказавшись перед лицом искушений, потерпеть внутренний надлом, приводящий к совершенной духовной смерти.

Поэтому высшую степень актуальности сегодня имеет вопрос приобщения населения нашей страны и особенно молодого поколения наших сограждан к основам религиозно-культурной грамотности, ибо подлинное религиозное знание не может служить препятствием к межрелигиозному и межнациональному миру.

Напротив, лишь неверное и неполное знание об иных религиозных верованиях может способствовать возникновению неприязни или даже открытой вражды. В связи с этим по-прежнему актуальным остается вопрос введения в школах культурологического предмета, несущего учащимся знание о религиозных традициях своей страны.

Показательным является тот факт, что представители традиционных конфессий Российской Федерации с пониманием отнеслись к позиции Русской Православной Церкви в данном отношении.

С нового учебного года в четырех регионах России курс «Основ православной культуры» был введен в ряд обязательных для изучения дисциплин. Несомненно, это значительный шаг на пути приобщения детей и подростков к духовным основаниям российской цивилизации. Впрочем, обольщаться не следует. То же непонимание значения термина «светскость», которое мешает признанию статуса и роли духовных учебных заведений, может подтолкнуть людей и к противодействию данному благу начинанию.

Безусловно, это ложный путь. Во многих государствах Европы, которые принято у нас именовать цивилизованными и светскими, изучение основ традиционных для общества религий входит в образовательную программу, что не вызывает протестов и не исключает эти страны из числа демократических и не воспринимается как попрание принципа свободы совести и торжество клерикализма.

У нашего Отечества тоже есть богатый исторический опыт подобного рода. В XIX в. в образовательных учебных заведениях Российской Империи была нормативной практика преподавания религиозных дисциплин с учетом этноконфессиональной среды. В русскоязычных школах преподавался «Закон Божий» в соответствии с традициями Православия, в регионах с преобладанием мусульманского населения было возможно преподавание основ ислама, в поселениях выходцев из Западной Европы (так называемых «Немецких слободах») учащиеся изучали принципы протестантской веры.

У нас же пока ситуация просто ужасающая. Для наглядности приведу пример из жизни. В одной из воинских частей, где установилась добрая традиция напутствия новобранцев местным священником, призывников привели в храм для общения с настоятелем. Тот обратил внимание новобранцев на большую храмовую икону святого Александра Невского и задал молодым людям вопрос: «Кто здесь изображен?» Ответа не последовало. Тогда священник сам объяснил собеседникам, чей это образ, и спросил далее: «А чем известен этот человек?» После тягостной паузы один из предстоящих сказал следующее: «Это что-то со льдом связано...».

Данный пример демонстрирует нам степень знания многих представителей нашей молодежи истории прошлых веков и культурных традиций России.

К сожалению, этические нормы христианства, являющиеся общим основанием для всей европейской цивилизации, остаются часто плохо известными нашим современникам. Между тем, этот вопрос имеет принципиальное значение, поскольку задача противодействия терроризму и экстремизму актуальна не только для православных, но и для всех традиционных конфессий России.

Она напрямую соотносится с вопросом инкультурации лиц, прибывающих в пределы Российского Государства из сопредельных стран и не-

причастных к историческим и культурным традициям нашего Отечества. Очевидно, что наличествующие обстоятельства ограничивают возможности Православия в данной области.

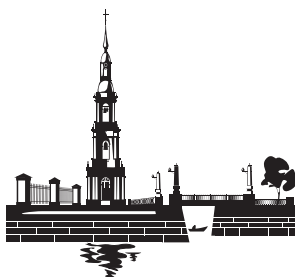
Следует четко осознать тот факт, что полного, подлинного усвоения иммигрантами российской культуры не произойдет, если общество будет пропитано настроениями ксенофобии и нетерпимости, презрением и неприятием к людям иного этнического происхождения, религиозной традиции или мировоззрения.

Поэтому можно сказать, что работа на поприще прививания молодому поколению наших сограждан знаний о Православии имеет сегодня, безусловно, приоритетное значение.

Говоря словами одного из деятелей народного просвещения и национального возрождения Греции XVIII в. святого Космы Этолийского: «Школа открывает церкви».

В заключение своего выступления хотелось бы выразить надежду, что данная конференция станет очередным шагом на пути осмысления исторической роли Православия в контексте становления государственности, культуры и традиций России, а также поможет очертить круг наиболее актуальных вопросов, требующих совместной работы Русской Православной Церкви и иных религиозных, государственных и общественных институтов.

Вместе с тем желаю всем организаторам и участникам настоящего форума творческих дискуссий и плодотворной работы на благо всего российского общества.





**Архимандрит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)**

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ

Архимандрит Тихон (Георгий Александрович Шевкунов) — родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности «литературная работа». По окончании вуза стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1986 г. переведен в Издательский отдел Московского Патриархата. В 1991 г. пострижен в монашество в московском Донском монастыре. С 1996 г. — наместник Сретенского монастыря. С 1997 г. — архимандрит. Ректор Сретенской духовной семинарии. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ru. Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель Империи. Византийский урок», получившего премию Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г. Академик РАЕН. Награжден орденами преп. Сергия Радонежского II ст. и св. равноап. князя Владимира III ст. **Служит в Москве.**

В нынешнем году в издательстве Сретенского монастыря в серии «Подвижники благочестия XX века» вышла в свет книга дьякона Георгия Малкова «Архимандрит Серафим. Мы всегда под крылом Божиим». Отрывок из этой книги — воспоминания архимандрита Тихона (Шевкунова), мы публикуем сегодня.

* * *

Отец Серафим был для меня самым загадочным человеком в Псково-Печерском монастыре. Происходил он из остзейских баронов. После окончания Тартуского университета в тридцатые годы пришел в монастырь на послушание к старцу Симеону.

Отец Серафим мало общался с людьми. Жил он в пещере, приспособленной под келью, очень сырой и темной. На службе он стоял весь углубленный в молитву, низко склонив голову, изредка, по-особому легко и благоговейно, совершая крестное знамение. И по монастырю отец Серафим проходил всегда такой же сосредоточенный. Нам, послушникам, преступлением казалось отвлечь его. Правда, иногда он сам коротко обращался к нам. Например, возвращаясь в келью с литургии, всегда давал просфору дежурному на монастырской площади. Или как-то один послушник — Саша Швецов — подумывал о том, чтобы оставить монастырь. Отец Серафим неожиданно подошел к нему и, топнув ногой, строго прикрикнул: «Нет тебе дороги из монастыря!» Сам он, прожив здесь безвыходно 60 лет, говорил: «Я даже помыслом не выходил из обители». В 1945 году его, правда, как немца выводили на расстрел наши солдаты, но потом передумали и не расстреляли.

Вообще, несмотря на свою замкнутость и суровость, он был необы-

чайно добрым, любящим человеком. И его в монастыре все бесконечно почитали и любили. Хотя и относились со страхом, точнее с трепетом, как к человеку, живущему на земле с Богом, как к живому святому.

Помню свое наблюдение тех лет. Я некоторое время был иподьяконом у отца Наместника архимандрита Гавриила и заметил, что когда отец Серафим входил в алтарь, Наместник поспешно поднимался со своего места навстречу ему и приветствовал его с особым почтением. Больше он так не относился ни к кому. Каждое утро, зимой и летом, ровно в четыре часа, отец Серафим выходил из своей пещерной кельи, коротко осматривал монастырь — все ли в порядке — и, возвратившись в келью, растапливал печь, которую из-за пещерной сырости приходилось топить почти круглый год. Думаю, он ощущал себя особым хранителем монастыря, а может это и вправду было ему поручено. Во всяком случае, голос этого немецкого барона, великого монаха-аскета, прозорливого подвижника был всегда решающим в самых сложных решениях, которые приходилось принимать братии монастыря.

Отец Серафим редко говорил какие-то особые поучения. В прихожей его суровой пещерной кельи висели листы с высказываниями из святителя Тихона Задонского, и тот, кто приходил к нему, часто довольствовался этими цитатами или советом отца Серафима: «Побольше читайте святителя Тихона».

Все годы жизни в монастыре отец Серафим во всем довольствовался самым малым. Не только в еде, во сне, в общении с людьми, но и даже, казалось бы, в совсем обычных вещах. Например, в бане он никогда не мылся под душем, ему всегда хватало лишь одной-единственной шайки воды. Когда послушники спросили у него, почему он не использует душ, ведь в нем воды сколько угодно, он буркнул, что под душем мыться, все равно, что шоколад есть.

Как-то, году в 84-м, мне довелось побывать в Дивеево. А тогда это было не так просто, как сейчас: поблизости находился закрытый военный город. Старые дивеевские монахини подарили мне частицу камня, на



Архимандрит Серафим перед Успенским храмом, Псково-Печерский монастырь

котором молился преподобный Серафим. Вернувшись в Печоры, я решился подойти к отцу Серафиму и подарить ему эту святыню, связанную с его духовным покровителем. Отец Серафим сначала долго стоял молча, а потом спросил:

— Что я могу за это для вас сделать?

Я даже немного опешил.

— Да ничего... — но потом выпалил самое сокровенное: — Помолитесь, чтобы я стал монахом!

Помню, как внимательно посмотрел на меня отец Серафим.

— Для этого нужно главное, — сказал он негромко, — ваше собственное произволение.

О произволении к монашеству он еще раз говорил мне через много лет, совсем при других обстоятельствах. Я тогда был уже в Москве на послушании у Владыки Питирима. А отец Серафим доживал последний год своей земной жизни. Он уже, кажется, почти не вставал. Приехав в монастырь, я зашел повидать старца в его пещерную келью. И вдруг он сам завел разговор о монастыре, о нынешнем положении монашества. Это было очень необычно для него и тем более драгоценно. Из этого разговора я запомнил несколько главных мыслей.

Во-первых, отец Серафим говорил о монастыре с огромной, невыразимой любовью, как о величайшем сокровище:

— Вы даже не представляете, что такое — монастырь! Это... жемчужина, это удивительный бриллиант в нашем мире! Только потом вы это оцените и поймете.

Затем он сказал о главной проблеме сегодняшнего монашества:

— Беда нынешних монастырей в том, что люди приходят сюда со слабым произволением.

Только теперь я все больше понимаю, насколько глубоко было это замечание отца Серафима. Жертвенного самоотречения и решимости на монашеский подвиг в нас все меньше. Об этом, наблюдая за молодыми насельниками обители, и болело сердце у отца Серафима.

И наконец он сказал очень важную для меня вещь:

— Время больших монастырей прошло. Теперь будут приносить плод небольшие обители, где игумен будет в состоянии заботиться о духовной жизни братии. Запомните это. Если будете наместником — не берите много братии.

Таков был наш последний разговор в 1989 году. Я тогда был простым послушником, даже не монахом.

Прозорливость отца Серафима не вызывала у меня и моих монастырских друзей никаких сомнений. Сам отец Серафим очень спокойно и даже несколько скептически относился к разговорам о чудесах и прозорливости. Как-то он сказал:

— Вот все говорят, что отец Симеон был чудотворец, прозорливый. А я, сколько с ним жил рядом, — ничего не замечал. Просто хороший монах.

Но я не раз на своей судьбе испытал силу дарований отца Серафима.

Как-то летом 1986 года я проходил мимо кельи старца и увидел, что он собирается сменить лампу в фонаре у себя на крыльце. Я подошел к нему, принес табурет и помог вкрутить лампу. Отец Серафим поблагодарил меня и сказал:

— Одного послушника архиерей забрал в Москву на послушание. Думали, что ненадолго, а он там и остался!

— Ну и что? — спросил я.

— Ну и все! — сказал отец Серафим. Развернулся и ушел в свою келью.

В недоумении и я пошел своей дорогой. Какого послушника? Какой архиерей?..

Через три дня меня вызвал Наместник архимандрит Гавриил. Он сказал, что ему сегодня позвонил из столицы архиепископ Волоколамский Пителим, Председатель Издательского отдела Московского Патриархата. Владыка Пителим узнал, что в Печорском монастыре есть послушник с высшим кинематографическим образованием, и обратился с просьбой к отцу Наместнику прислать его в Москву: срочно нужны были специалисты, чтобы готовить телевизионную и кинопрограмму к 1000-летию Крещения Руси, празднование которого намечалось через два года. Послушником, о котором шла речь, был я. Кажется, это был самый страшный день в моей жизни. Я умолял отца Гавриила не отправлять меня в Москву, но он уже принял решение:

— Я из-за тебя с Пителимом ссориться не буду! — отрезал он в ответ на все мои мольбы.

Лишь позже я узнал, что возвращение в Москву было еще и давней просьбой моей матушки, которая надеялась отговорить меня от монашества, а отец Гавриил очень жалел ее и ждал повод отправить меня к безутешной родительнице. А жесткие формулировки были в его обычном стиле.

Конечно же, я сразу вспомнил свой последний разговор с отцом Серафимом о послушнике, об архиерее, о Москве и бросился к нему в келью.

— Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете, — ласково сказал мне старец.

Как же, особенно первое время, было тяжело снова жить в Москве. И тяжело именно потому, что, просыпаясь ночью, я понимал, что поразительный, несравнимый ни с чем мир монастыря — с отцами Серафимами, Иоаннами, Нафанаилами, Мелхиседеками, Александрями — далеко, за сотнями километров, а я здесь, в этой Москве, где ничего подобного нет!



Поэтическое наследие



Николай ПЕРЕЯСЛОВ ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Николай Владимирович Переяслов — родился в 1954 г. в г. Красноармейске Донецкой обл., работал шахтером, геологом, журналистом, чтецом-псаломщиком в храме св. Пророка Ильи в г. Старице Тверской обл. Поэт, прозаик, критик, переводчик. Автор более 20 книг стихов, прозы, критики, публицистики и поэтических переводов. Секретарь правления СП России; член Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов, действ. член ПАНИ; участник I Международной поэтической конференции в Каире. В 1990-е гг. преподавал историю русской словесности в Самарском Епархиальном Духовном училище. В 1999-м г. участвовал в Крестномходе по Волге на теплоходе «Святой князь Владимир» в честь 2000-летия христианства. Награжден медалью Русской Православной Церкви святого благоверного князя Даниила Московского. **Живет в Москве.**

...где, в сугробах утопая избами,
люди чтят распятого Христа...
Из древнерусских духовных стихов

Публикуемая подборка древнерусских духовных стихов переложена автором на язык современной поэзии. Древнерусские духовные стихи — это замечательное явление в истории русской дописьменной литературы, представляющее собой свод устных поэтических произведений житийного и поучительного характера, содержащих полный комплекс нравственно-этических и религиозных норм жизни человека тех лет. По сути дела, древнерусские духовные стихи — это духовная конституция жителей Древней Руси, основы которой остаются актуальными вплоть до сегодняшнего времени. Поэтическое слово должно работать так же, как и молитвенное — помогать человеку на его пути к Богу и вере.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Словно неба выдохи глубинные,
проплывали тучи, и из них —
выпадала Книга Голубиная,
во сто крат огромное всех книг.

И сходились люди православные
поглазеть на дивный ее вид,
и просил Владимир,

князь прославленный:
«Гой еси, великий царь Давид!

Ты открой нам Книгу эту чудную
да прочти всю правду из нее
про судьбу России многотрудную
да про наше русское житье!»

И на Русь пришедший
меж каликами,
царь Давид в ответ ему сказал:
«Книга ся — воистину великая,
не писец — Господь ее писал!

Не прочесть, хоть и силен я в грамоте,
мне сей Книги до скончанья дней.
Но — хотите? — расскажу по памяти
те ответы, что таятся в ней.

Говорите, вас томит незнание
тайны: *как вы все произошли?*
То — Господь вам дал Свое дыхание,
перед тем слепив вас из земли.

Весь сей мир вокруг — творенье Божие,
оттого в нем лад и красота.
Ветер — это Дух Его, а дожди —
это слезки нашего Христа...»

И спросил Владимир, князь прославленный:
«Гой еси, скажи нам, царь Давид,
кто царей всех прочих православнее?
Где земля, что тверже всех стоит?»

И премудрый, помолчав, как водится,
отвечал Владимиру на то:
«Русь — есть Дом Пречистой Богородицы,
ну а Дом сей защищает — кто?

Белый Царь... Вот он и есть — всех избранней.
Ну а тверже в мире те места,
где, в сугробах утопая избами,
люди чтят распятого Христа.

Каждый храм здесь больше почитаемый,
чем весь город Иерусалим,
где Христос, прилюдно распинаемый,
на кресте грех мира искупил...»

И спросил Владимир у премудрого:
«Гой еси, умнейший! Разреш
страшный сон, что выпал мне под утро
и, как камень, лег на дно души.

Будто зверь со стороны восточной
да со зверем с южной стороны
бились так, что шерсть летела клочьями
у обоих с кровью из спины!»

И, главой тяжелою качая,
молвил царь Владимиру в ответ:
«То не зверь со зверем повстречались —
это Кривда с Правдой делят свет.

Кривда Правду чуть не одолела,
та едва спаслась на небесах,
ну а Кривда на земле осела —
в наших долах, селах и лесах.

Оттого-то стало днем, как ночью,
всяк солжет, о чем ни попроси,
и все зыбче под ногами почва
на Святой — вчера еще — Руси.

Тянет Кривда тропку по-над бездною!
Но — поднимешь очи к облакам:
льется светом Царствие Небесное...
Там — Господь. И Правда наша — там!»

ИЕРУСАЛИМСКИЙ СВИТОК

Во святом Ерусалиме-городе
в день, когда Христос из гроба встал,
из седьмого неба, в страшном грохоте,
тяжкий камень с просверком упал.

Так и врос бы в землю, где был найден он,
ибо сдвинуть не хватило б сил,
да распался по молитвам надвое,
как орех, что кто-то раскусил.

И оттуда перед переходими,
что испуг осилили едва,
на траву легло посланье Божие —
так, чтоб каждый мог прочесть слова:

«Оглянитесь, чада Мои бедные!
Оторвите губы от вина!
Разве вам не видно, что *последние*
на Земле настали времена?

Ведь от вас и надо для спасения —
в среду пост да в пятницу держать,
да хоть день в неделю — в Воскресение —
не пахать, не сеять, не сажать,
а молить защиты от погибели...

Знайте, чада, что воскресный труд —
никому не увеличит прибыли
и его плоды — вотще умрут!

Не забудьте также: перед Пасхою
будет Пост Великий — для того,
чтоб любой, кто ждет Суда с опаскою,
от греха очистил естество.

Не живите, знаясь лишь с утробою,
удержитесь от впадения в страсть,
распрощайтесь в эти дни со злобою
и молитесь, чтобы не пропасть!

А случись, что времечко протикало,
ну, а вы забыли про Меня,
то хотя бы с Четверга Великого
поговорите три последних дня.

И учтите: с каждой фразой ложною —
убывает к вам моя любовь,
с каждым «матом» — Матерь ваша Божия
от тоски кусает губы в кровь...

Как же Мне простить вас, греховодники?
Отнесусь к вам — так, как вы — к врагу:
иссушу колодцы ваши водные,
ваши нивы тучные сожгу.

Вы ведь столько в жизни напроказили,
что придется — хочешь или нет —
не добром, а карами да казнями
заниматься до скончанья лет!

Не грешите ж, чада Мои! Радуйтесь
светлой Пасхе, льющейся с небес
в ваши души золотою радугой.
Славословьте все: «Христос воскрес!»

И да будьте в этот день воздержанны,
чтоб не мог возвеселиться бес,
сворачивая ближнего утешенный,
когда все поют: «Христос воскрес!»

(...Небеса поют: «Христос воскрес!»
Мертвецы встают: «Христос воскрес!»
Райский сад шумит: «Христос воскрес!»
Вторит ад: «Воистину воскрес...»)

Не забудьте ж: без благословения —
нет ни в чем добра, куда ни кинь.
Возносите к небу ваше пение
в честь Творца. И знайте: путь —

К СПАСЕНИЮ

вам открылся только что... Аминь!»



«ЦАРЬ ГРЯДЕТ»

Публикуемые здесь стихотворения, посвященные святым Царственным Страстотерпцам, — наша память о страшном преступлении мировой истории XX века: убийстве Помазанника Божия, русского Царя Николая Второго и его Августейшей Семьи, это наша молитва к ним и вера в Божий промысл о нашем Отечестве, вера в грядущее возрождение на Земле Русской Православного Самодержавного Царства.

ГРОЗА

Гремит гроза над всей Россией,
Одна гроза над всей страной.
Нечеловеческие силы
Ведут на казнь Царя с Семейей.

Полночный сумрак зал объемлет,
И все молчат, и Царь молчит,
Святой Царевич тихо дремлет,
Палач безжалостно глядит.

Но спит народ «тупой и дикий»,
И вся страна, как в страшном сне,
Пытается укрыть улики,
Тела сжигая на костре.

Все кончено — Держава пала!
И торжествует злой палач.
Здесь никогда не будет бала,
А слышен будет вечный плач.

Зарделась алая заря
И русской кровью наливалась.
Несчастливая моя земля,
Куда же мощь твоя девалась?

Куда, Россия, так спешишь,
Вдогонку за слепой Европой?
Как новорожденный малыш,
Бессильна ты пред общей злобой.

Кругом предательство, обман
И лживой лжи цветные сети,
И нищего пустой карман,
И неужоженные дети.

Ну что молчишь, народ родной,
Народ, предавший и убивший,
И ставший дикою толпой,
И молодежь свою растливший?

Молчишь сейчас, молчал тогда,
Когда убили и предали,
Но не пойму я никогда,
Зачем так слепо все молчали...

* * *

Вот мы Романовых убили,
Вот мы крестьян свели с полей.
Как лошадь загнанная, в мыле,
Хрипит Россия наших дней.

«За что? — несется крик неистов, —
За что нам выпал жребий сей?»
За то, что в грязь, к ногам марксистов
Упал Царевич Алексей.

Протоиерей Анатолий ТРОХИН

Санкт-Петербург

* * *

Горит во тьме весенней псковской ночи
Тревожное вагонное окно.
Царь Николай глядит в Господни очи
На станции с названьем кратким Дно.

Пронзительно горячее моление.
Оно — как свет, дробящее туман:
«О, Господи! Дай силы, дай терпенья —
Кругом измена, трусость и обман.

Твою я волю Божью принимаю.
Грядущее озарено огнем.
Престол, Тобою данный, оставляю,
Схожу с него, но остаюсь Царем.

Что б ни случилось — сердце не покинет
Державу предков, святости и слез.
И жертвы нет такой, какую б ныне
Я за родную землю не принес».

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ

Кострома

Взойдет заря для Русского Царя!
Для настоящего, не самозванца
И не для ставленника-иностранца,
А для былинного богатыря!

Кто жив любовью, к Господу горя,
Кто нам защитой в испытаньях будет,
Кто совесть всенародную разбудит... —
Взойдет заря для Русского Царя!

Виктор АФАНАСЬЕВ

Москва

* * *

Помнишь ли ты имена их, Россия?
Кровью залита их жизни заря:
Ольга, Татiana, Мария, Анастасия —
Четыре дочери-голубицы было у нашего Царя.
Когда ты видишь крыл голубиных сиянье
В лазури неба, над золотым церковным крестом,
Это их души — чистые вестники покаянья,
Посланные тебе, Россия, Самим Христом.

Ксения КРИВУЛЬСКАЯ

с. Беленькое Запорожской области, Украина

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

В Екатеринбурге плачут стены кровью.
Чем, скажите, раны эти залечить?
Теплою молитвой, преданной любовью
Нужно православным Богу послужить.

В Екатеринбурге посредине лета
Приносился в жертву Русский Государь.
Полети, молитва, голубем на Небо,
Чтоб простил нас, грешных, Православный Царь...

Татьяна ЕГОРОВА

Санкт-Петербург

* * *

Зыбкая обманчивая дрема.
За окном дрожит луны фонарь.
В тишине Ипатьевского дома
Молится последний Государь.

Пусть трагичен мир его ухода,
Но, всем сердцем Господа любя,
Он грехи российского народа
Добровольно принял на себя.

Сказано в Писаньи: «Мне отмщенье...»
А Святая наша Русь должна
Покаяньем вымолить прощенье,
Выпить чашу горькую до дна.

И однажды в майский день чудесный
Вспыхнет ярким ассистом заря.
И по благодати Царь Небесный
Дарует нам Русского Царя!

Москва

Памяти группы офицеров, погибших при попытке освободить
Государя Императора из заточения в 1918 году

Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена...

Нас не накроют флагом военным,
Не прозвенит над нами салют —
Разве что в Небе —
вечном, нетленном —
Ангелы Божии нас отпоют.

Наших имен не запомнит Россия,
Наши следы заметят снега —
В годы последние, пороховые
Грянет салютом пуля врага.

Век не заметит, по счету двадцатый,
Но поименно запомнит наш Бог —
Тех, что России падшей, распятой
В битве с бесами хоть чем-то помог.

Нет, не закроет холмик могильный
 Наши надежды и наши сердца.
 Господи Славы, Боже Всесильный,
 Дай за Тобою пройти до конца!

Москва

Уж туманный клубится рассвет
Над истерзанной Русью Святою,
И дружины готовятся к бою,
В тишине слышен глас:
«Царь грядет!»

Старец праведный духом прорек:
«Близок час, уж немного осталось,
Не теряйте Пасхальную радость,
Русь жива, и ее Царь грядет!»

Мы отцов сохранили завет:
Бог и Царь — это Русское знамя.
Вновь хоругви взовьются с орлами,
И набат возвестит: «Царь грядет!»

К отступленью пути больше нет,
Позади только плен и могилы,
Встань, могучая Русская сила,

Сим в бою победишь:
«Царь грядет!»

На земле мы оставим наш след,
Чтоб потомки вовек не забыли,
С нами вместе все наши святые
И на подвиг зовут:
«Царь грядет!»

Пусть на нас ополчится весь свет
И враги надвигаются тьмою —
Грозно грянет над Русью Святою:
«С нами Бог! С нами Царь!
Царь грядет!»

Царь грядет! Воистину грядет!
Да воскреснет во славе Россия,
И враги преклонят свою выю —
Царь грядет! Царь грядет!
Царь грядет!

Игорь ЕВСИН

Рязань

*К прославлению Государя Николая II Александровича
и его Августейшей Семьи*

Ликуй, душа! Провозгласили
Святым Царя и вместе с ним
Его Семью почли в России,
Где людям застит очи дым.

Дым революций, перестроек,
Реформ и гибельных свобод.
Но, к вере обратясь Христовой,
Преображается народ.

О, как он долго, слепо верил
Обману, лжи и клевете!
Мы Божьей милостью узрели
Царя в небесной чистоте.

Мечты, что были невозможны
Еще вчера, сейчас сбылись.
Поплачь, душа, о грешном прошлом,
Очистись и возвеселись!

Сбылся завет, что нам оставил
Саровский старец Серафим.
Царь, что святым его прославил,
Прославлен Господом Самим.

Ликуй, Россия, в это лето,
Пасхальных звонов не тая!
Где, клевета, твоя победа?
Свет правды ныне воссиял!

Инок Всеволод (ФИЛИПЬЕВ)

*Джорданвилльский
Свято-Троицкий мужской монастырь, США*

СОЗЕРЦАНИЕ РУСИ

Из далеких заморских стран,
Где по воле Творца живу,
Вижу Русь, возводящую храм,
А над храмом — небес синеву.

Мне расскажут, что храма нет,
Русь растерзана, Царь убит...
Но я вижу, как русский свет
Сквозь иконы на мир глядит.

И я знаю, что Русь жива,
Зелена на лугах трава,
На траве богатырь лежит,
Не убит он... но мирно спит.

Из далеких заморских стран,
Из обители, где живу,
Возношу молитв фимиам
За родную мою страну.

Скажут мне, что страны той нет,
Что потерян последний след.
Но я верю, что Русь жива
И ее зелена трава.

И ее нельзя не любить,
Невозможно ее забыть.
Русь нельзя ни продать, ни купить,
Нужно кровью ее заслужить.

Андрей АЛЕКСЕЕВ

Саров, Нижегородская область

* * *

Поляны, поля и березки.
Стрижей многозвонный полет.
Расстрелянный мальчик в матроске
В цветах одиноко идет.

Я мог бы от жалости просто
Окликнуть его: «Погоди,
Расстрелянный мальчик в матроске
С багровым пятном на груди!»

Устал он. И жарко, и больно
Среди полуденных полей.

(...)

Он видит вдали колокольню,
Но ангела нету над ней.

Да только доныне не вольно
Душе среди русских полей...
Я вижу вдали колокольню,
Но ангела нету над ней.

Лилия КУЛЕШОВА

Челябинск

МОЛЕБЕН У ГАНИНОЙ ЯМЫ

С крестным ходом хоругви несут.
Солнце всходит над Ганиной Ямой.
Царский крест-мощевик перед храмом,
Словно нас исцеляющий суд.

Здесь всю ночь был молебен Царю
У иконы Святых Страстотерпцев.
«Где сокровище ваше — там сердце».
Сердце — с Богом встречает зарю!

Поцелую я Царственный крест
С Божьим золотом, ладаном, смирной.
Святой Боже, спаси и помилуй
Всех, кто нынче покался здесь!

Это солнце, что в Боге взойдет
После ночи молитв покаянных,
Уведет нас с дороги туманной,
Озарит наш великий народ!



Николай КОНЯЕВ
«ЕГО
ПРИСУТСТВИЕ
ДАЕТ СВЕТ
И ЖИЗНЬ
ВСЕМ НАМ...»

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Петроград торжествовал, празднуя победу...

Торжествовали великие князья и думские витии, солдаты-дезертиры и обманутые безответственными интриганами-политиками рабочие, командующие фронтами и петербургский свет. Торжествовали, не понимая, в какую пучину ввергли они сегодня самих себя и всю страну.

Николай II понимал это.

Его заставляли уйти. Даже те люди, которые понимали, что это может иметь для страны роковые последствия, призывали его смириться и принести себя в жертву общественным настроениям. Страх за собственное благополучие парализовал волю даже самых решительных и честных.

Решение для Императора было мучительным.

Для полковника Романова это было облегчением. Теперь он был свободен от тяжкого груза, что лежал на его плечах...

В остальном нужно было положиться на Волю Божию...

Мы уже сказали, что было два отречения Николая II от престола. Вначале он отрекся в пользу сына, но потом изменил решение, и отрекся в пользу брата — Михаила.

Этот момент в отречении Николая II принципиально важен.

2 марта после обеда Император вызвал профессора С.П. Федорова и попросил его откровенно рассказать о состоянии здоровья наследника.

— Боюсь, что он проживет лет до шестнадцати, не больше... — помывшись, ответил Федоров,

— До шестнадцати... — повторил Николай и смущенно потрогал усы, свываясь о горькой истинной.

Потом заговорил, что хотел бы теперь пожить в России простым обывателем. Воспитывать сына...

— Едва ли малолетнему Царю, Ваше Величество, разрешат остаться с отцом... — возразил Федоров.

— Да... — кивнул Николай II, соглашаясь. — Да...

После этого разговора и был забран у Рузского первый вариант текста отречения. Государь изменил формулировку отречения...

Престол передавался Михаилу, который венчаться на царствие боялся...

И этот страх брата только сильнее укрепил Николая II в правильности принятого им решения.

Прикрываться его сыном, которому все равно оставалось жить меньше трех лет, он не мог позволить никому. Николай II прозревал другой путь, назначенный его сыну...

8 марта Николай II подписал прощальный приказ по армиям и, простившись со штабистами, уехал из Могилева...

На следующий день он был уже в Царском Селе со своей семьей. Дети еще болели корью, и завтракали и обедали все в игровой комнате у Алексея, но самочувствие детей было хорошее, дела шли на поправку.

«Несмотря на условия, в которых мы теперь находимся, мысль что мы все *вместе*, радует и утешает...» — записал 10 марта в дневнике полковник Романов.

Еще при жизни, еще при царствовании обогланный своими современниками, этот Святой Русский Император был объявлен и деспотом, и пьяницей, но и осыпаемый угрозами и оскорблениями, мужественно прошел он крестный путь, черпая поддержку только в поучениях Святых Отцов.

И — нам еще предстоит осознать это — лестница, по которой с сыном на руках сходил он в подвал Ипатьевского дома, привела его в горнюю высь, в сонм праведников, молящихся о спасении России.



*Николай II с Цесаревичем
Алексеем. Рукою Александры
Федоровны на фотографии написано:
«Ники с сыном». Петербург. 1905*

2.

Интересная деталь...

Если игрушки Петра I, Павла, Николая I имеют четкое обозначение их владельца, то, говоря об атрибутации игрушек последних русских Императоров, музейные хранители предпочитают обтекаемую формулировку: «Эти игрушки принадлежали Царской Семье».

Я говорю об этом не в упрек музейщикам, это, собственно говоря, не от них и зависит.

Петр I, каким бы Великим ни провозглашали его, всю жизнь правил точно так же, как играл.

Вспомните хотя бы торжества, устроенные в Санкт-Петербурге в честь игрушки русского Императора — его ботика, «дедушки русского флота»...

Или правление Петра III, которое все походило на сцену, разыгрываемую в «механической картине»...

Но так было.

А уже при Николае I игрушки начинают занимать свое, положенное игрушкам место, и играть, сидя на престоле, никому больше не приходит в голову...

И все-таки и среди игрушек последних русских Императоров есть такие, владельца которых определяешь сразу...

Это игрушки, которыми никто не играл...

Это игрушки Царевича Алексея Николаевича...



*Александра Федоровна с сыном
Алексеем. Петербург. 1907*

Такого не может быть, все наше материалистическое воспитание восстает против этого, но, когда задумываешься над короткой жизнью последнего наследника Русского престола, кажется, что сама мистика обретает реальную плоть...

Царевич Алексей родился в 1904 году, после посещения Царской Семьей Саровской пустыни.

«Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, с своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами, — пишет в своих воспоминаниях П. Жильяр. — У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка и, когда он улыбался, на его круглых щеках вы-

рисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка, но у нее эта ласка и сопровождающий ее взгляд обнаруживал: так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение».

Долгожданный наследник престола — увы! — оказался больным гемофилией...

Можно понять многое...

И те же молитвы, которые возносили Императрица и Император о даровании им наследника, и само Чудо, произошедшее после посещения Царской Семей Саровской пустыни...

Но вот в одном из номеров журнала «Новый мир» за 1890 год я наткнулся на очерк С. Пелевиной «День Царских Дочерей» и, прочитав его, задумался...

«Императрица Александра Федоровна — враг всякой лишней роскоши — старается возбудить в детях вкус к простоте... — написано за несколько лет до рождения Наследника. — Вот одна из причин, почему, например, роскошные куклы, подаренные Великим Князьям Их престарелой бабушкой, королевой Викторией, даются Детям только в торжественные дни; в остальное время Княжны играют цветами, мячиками»...

Задуматься над этой цитатой меня заставили слова: *вот одна из причин...*

Если стремление привить вкус к простоте — *одна из причин*, то должны быть и другие причины.

Что же все-таки заставляло императрицу задолго до рождения наследника приучать детей к хранению игрушек в закрытом шкафу?

Гемофилия — наследственная болезнь, передающаяся из поколения в поколение через женщин детям мужского пола. Малейшая царапина для



*Наследник Престола
Алексей Николаевич*

больного гемофилией может оказаться смертельной. Кроме того, при ушибах или резких движениях у больных зачастую происходят внутренние кровоизлияния.

О характере болезни Императрица знала.

Знала и о том, что гемофилия — болезнь ее семьи.

Через мать Алису Гессенскую гемофилия была передана брату Императрицы Александры Федоровны — Фредерику Вильяму, а значит, и сама Императрица могла быть носителем этой страшной болезни, и была опасность передать ее своему сыну...

И не здесь ли следует искать ту главную причину, по которой Императрица приучала своих здоровых дочерей играть только безопасными игрушками?

Когда Великие Княжны Ольга — ей шел пятый год — и Татьяна — три года — изъявили желание кататься верхом, «как взрослые», в одно прекрасное утро они увидели под своими окнами дрессированного ослика с очень удобным седлом-сиденьем для двоих...

Еще у любимых Княжен были маленькие саночки, запряженные двумя деревянными лошадками, симфонион, собачка из папье-маше...

Императрица словно бы прозревала вперед будущую опасность. Начала бороться с болезнью сына задолго до самого рождения его...

Это и называется Роком...

Алексей Николаевич еще не родился, а его страшная болезнь уже незримо витала во дворце.

3.

И разве объяснишь простым совпадением, что в тот год, когда родился наследник престола, его будущий убийца, пятнадцатилетний ученик аптекаря Яков Свердлов первый раз угодил в тюрьму?

Рок... Судьба...

Наследник престола рос красивым и умным, хотя страшный Рок každодневно, ежеминутно напоминал о себе.

«Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола... — пишет в своих воспоминаниях П. Жильяр. — Он об этом всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко... У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе...»

«Наследник «будучи горячим патриотом считал хорошим только все русское... Он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости, его существо наполняла мысль о том, что он — будущий царь, вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. По мнению всех близко знавших Цесаревича, он представлял по уму и характеру идеал Русского Царя»...

Однажды, задумавшись, Цесаревич сказал своему наставнику:

— Нет... Когда я буду царем, в России не будет бедных и несчастных...

Словно в сказке о спящей принцессе, родители заботливо изымали из спальни все острые и колющие предметы. В детской Алексея не было корабельной мачты — этого неперменного атрибута детской наследника престола... Родители окружали Алексея вещами, которые не могли поранить его...

Но никакие предосторожности не помогали.

Однажды Алексей влез на скамейку в классной комнате, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об угол.

«На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы и причиняло страшную боль, увеличивающуюся с часу на час».



Николай II с Цесаревичем Алексеем

Странное ощущение охватывает сейчас, когда смотришь на сохранившиеся игрушки Алексея.

Вот заводной аист, вокруг которого хороводом бегают зайцы...

Вот огромное пасхальное яйцо.

Яйцо открывается, в одной половинке-футляре — деревянная статуэтка гусара; в другой — лейб-гвардейца... Фигурки солдат можно вынуть, потом аккуратно уложить назад в яйцо-футляр, накинуть защелку и убрать яйцо в шкаф, где уже стоит грустный аист с неподвижно застывшими вокруг него зайцами.

На эти игрушки, действительно, можно было только смотреть...

Царевича Алексея берегли от игрушек, но невозможно было уберечь наследника престола от войны, от революции...

Впрочем, и не возможно было оградить от войны ребенка, все существо которого при «полном отсутствии гордости, наполняла мысль о том, что он — будущий Царь»...

1 октября 1915 года Император выехал с наследником престола в Ставку.

«Отправились с Алексеем в действующую армию. Много сидел с ним и играл в его отделении», — записывал Николай II в своем дневнике. — «Ужасно уютно спать друг против друга; я молюсь с ним каждый вечер, с той поры как мы находимся в поезде, он слишком быстро читает молитвы и его трудно остановить, ему страшно понравился смор, он следовал за мною и стоял все время, пока войска проходили маршем, что было велико-лепным...»

Об этом же вспоминает и В. И. Воейков...

«2-ого октября 1915 года. Его Величество сделал в Режице первый смор войскам после вступления Своего в Верховное водительство армией. Следуя с весьма серьезным выражением за Государем шаг за шагом, Алексей Николаевич сиял от восторга. По прибытии в Могилев Его Величество, к большому удовольствию наследника, приказал поставить его кровать в своей спальне. Алексей Николаевич вставал на полчаса раньше Государя и аккуратно приходил каждый день меня будить в мою комнату.

Выпив утром в столовой кофе немного раньше Государя, Наследник Цесаревич начинал свои занятия. Преподавателями его были П. В. Петров, А. А. Жильяр и мистер Гипс»...

По различным свидетельствам Алексей держался в Ставке мужественно и никогда не жаловался на усталость.

«Его присутствие дает свет и жизнь всем нам, включая и иностранцев... — записывает Николай II 6 октября 1915 года. — Перед вечером мы выезжаем (по утрам он играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы

разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может ходить, а дома не жалуется на усталость. Спит он спокойно, я тоже, несмотря на яркий свет его лампадки...»

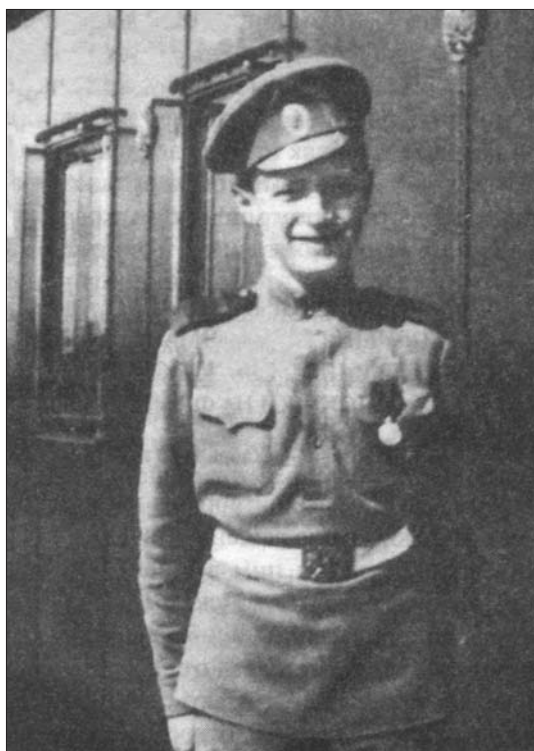
Два месяца провел царевич Алексей в Ставке, пока не простудился и не начал чихать... У него пошла носом кровь, которую только 6 декабря (уже в Царском Селе) смог остановить Григорий Распутин.

4.

Сохранилась фотография детской Царевича Алексея...

Возле чума две корякские лодки, дальше на небольшом подиуме, как в хорошем музее, модель железной дороги и броненосца, пирамида с игрушечными винтовками, модели орудий...

Под потолком — аэропланы с широкими крыльями.



Ефрейтор Алексей Романов рядом с императорским поездом. 1915

Вот такая странная, больше похожая на музей, чем на комнату, в которой играет ребенок, детская...

Но, впрочем, странность рождалась и от другого.

Разглядывая невиданное пасхальное яйцо, я думал, что ведь не игрушки убили Царевича Алексея...

Ведь как раз в те дни, когда «боли были еще нестерпимее, чем накануне», в те дни, когда «Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижимаясь головой к руке матери», его будущий убийца Яков Свердлов, развлекаясь в тюремной камере, топил в параше пойманную крысу...

Ловко орудуя палкой, он не давал ей выкарабкаться, сбрасывал назад в ведро. Крыса отчаянно верещала, и товарищи Якова с отвращением отворачивались, чтобы не видеть этой садистской забавы.

Но ученику аптекаря наплевать было на эмоции и переживания соседей по камере...

В детской, глядя на коряцкие лодки возле чума, писал Царевич Алексей письмо вдогонку уехавшему в Действующую армию отцу...

«Дорогой мой, милый папа! Приезжай скорей. Спи хорошо. Не скучай. Пишу тебе самостоятельно, надеюсь, что кори у нас не будет и я скоро встану. Целую 10 000 000 раз. Будь Богом храним! А. Романов».

Было это 22 февраля 1917 года...

Перечитывая дневники Николая II того времени, поражаешься мужеству и самого Императора и больного Царевича Алексея, с которым держались они, оказавшись под арестом...

«5 апреля. Утром погулял. Днем работал с Алексеем... Смотрело на нас немного народу. Воды было много, она переливалась через каменные плиты. До обеда читал свою книгу, а вечером Татьяне вслух».

3 мая. У Алексея болела рука и он пролежал целый день. С утра до вечера лил дождь, очень полезный для появляющейся растительности...

Обид на притеснения охраны Николай II, как бы не замечает. Не позволяет себе замечать.

Только 8 июня, когда солдаты отберут детскую винтовку Алексея, которой тот играл на острове, Николай II возмущенно запишет: «Хороши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

И снова дневник заполняют прогулки, тихие летние вечера, катание на лодке, работа в парке.

В мае, когда потеплело, начал работать в огороде, занимался с Алексеем географией, историей, катался на лодке и велосипеде, по вечерам читал детям вслух книги на английском и французском языках.

25 мая начал читать вслух «Графа Монте Кристо». Чтение романа затянулось на целый месяц.

Счастливые семейные вечера в гостиной Царскосельского дворца...

И никто из внимавших рассказу о приключениях заточенного на острове графа, не знал, что уже скоро и им предстоит отправиться в долгий и страшный путь. Никто не знал, что всем им остается жить ровно один год...

Уезжали из дворца спокойно, точно ехали на отдых в Крым... 31 июля, когда уезжали в Тобольск, «красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь»



Государь Николай II с Цесаревичем Алексеем пилят дрова

Железная самодисциплина, предельная строгость к себе, мужество и бесстрашие производили удивительные вещи. В дневниках нет ни рефлексии, ни каких либо сожалений. Николай II живет каждый день, как и положено жить христианину, готовым, что этот день будет последним для него. Разумеется, он не думал об этом, вернее не позволял себе думать. Каждый день встречал он с радостью, и жил этот день с тем предельным наслаждением, которое не омрачается никакими пустыми и несущественными хлопотами о суетных проблемах...

А вот запись, сделанная 31 марта настоятелем Феодоровского собора Афанасием Беляевым...

Царевич Алексей болел, на службе сидел в креслах одетый в голубой халатик обшитый по краям узорчатой тесьмой...

«Как шла исповедь говорить не буду... Впечатление получилось такое: Дай, Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня провело в изумление и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне, как духовнику о грехах, может быть, им неведомым, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах...»

Поражает, как быстро в подготовке к мученическим венцам сближались в своем духовном совершенстве отец и сын...

«2 (15) марта. Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько еще времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля его святая!..

27 марта. Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об Антихристе, куда прибавлены «протоколы» евреев и массонов — весьма современное чтение...

30 марта. У Алексея от кашля заболело в паху, и он пролежал день...

31 марта. Он ночь совсем не спал и днем сильно страдал, бедный...

8 апреля. В 11.30 была обедница. После нее Кобылинский показал мне телеграмму из Москвы, в которой подтверждается постановление отрядного комитета о снятии мною и Алексеем погон! Поэтому решили на прогулки их не надевать, а носить только дома. Этого свинства я им не забуду!..

2 мая. Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах извостью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна»...



5.

В этот день, когда туманом, стекающим из малярного ведра, затягивало окна дома Ипатьева, в московском Кремле, брызгая слюной и посверкивая стеклышками пенсне, спорили о судьбе последнего русского Императора новые властители России...

И одному из них, бывшему ученику аптекаря Якову Свердлову, вспомнилась вдруг, как там, в камере, завершив истязание крысы, он отвернулся лицом к стене, и долго лежал с открытыми глазами, словно видел в каменном мраке подвал Ипатьевского дома, куда следом за Императрицей и дочерьми спустится и сам Государь, держа в руках мальчика, мечтавшего, чтобы не было в России бедных и несчастных.

Родная РЕЧЬ



Виктор ПОТАНИН

ПОЛЕ БИТВЫ— ДУША

*Доклад на Всероссийских
Ильинских молодежных
научно-богословских
Чтениях*

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Иван Ильин не раз занимался своей автобиографией и порой подробно объяснял многие свои мысли и суждения. Мне, к примеру, чрезвычайно интересно такое его утверждение: «...Нашему народу предстоит встать из долгого унижения, покаяться в своих соблазнах и в своем падении..., вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений, но оно будет осуществлено и достигнуто». Конечно, в этих словах таятся две знаковых и ударных мысли — покаяние и утверждение национального духовного лица новой русской жизни.

И сразу же возникает вопрос — как это сделать и где рецепты? К тому же каяться-то должна наша душа. Так что вопрос этот совсем не простой. И все же ответ на него совсем рядом — стоит только поднять глаза и мы сразу, сразу же увидим Божий храм и бесконечную небесную синь. Это и есть пристанище для нашей души, для нашей живой души. А поскольку душа живая, то она все время растет, набухает, она даже как бы физически продвигается во времени и пространстве, а раз это так, то не нужно вставать на ее пути и не нужно грешить человеку против самого себя. Вот мы почти и дошли до сути. И сразу же на нас повеяло чем-то недавно слышанным и прочитанным в самых лучших и дорогих книгах. Таких, к примеру, изданиях, как сборник «Будь верен до смерти» — собрание проповедей Митрополита Санкт-Петербургского и Ладож-

ского Высокопреосвященнейшего Иоанна. Когда я прочитал этот сборник, то почувствовал, что некоторые мысли из сборника и мысли и И. Ильина как бы тождественны и синхронны, и еще я почувствовал, что вечно живой в нашей памяти Митрополит Иоанн как бы углубил эти идеи и приспособил к нашим тревожным дням. Да, это правда. Но что значит «приспособил»?

Во-первых, автор очень мудро определил, что самые тяжелые грехи у человека — это грехи против самого себя. И потому никогда, никогда, вы слышите — никогда не следует предаваться унынию и отчаянию, не нужно даже и думать о смерти, как о каком-то бегстве от тяготей земных. И, во-вторых, не надо пытаться разрушать себя излишествами — пьянством и прочим дурманом... А в-третьих, нельзя тратить впустую свое личное время, а нужно активно работать, постоянно трудиться для ближнего и для всего общества. А в паузах между трудами прилагать все усилия к своему духовному росту и просвещению. Согласитесь, как все ясно, доступно! Соблюдай эти три единства — и ты спасешь свою душу, не потеряешь никогда своего лица. И вот сейчас я прервусь...

Ведь кто-то из вас может заметить, что все эти изначально здоровые начала в нынешней России могут осуществиться с превеликим трудом. Но почему? Вот потому, что основная масса людей (врачи, учителя, люди науки) нынче озабочены не столько созиданием, а выживанием, а сама духовность то и дело впадает в политическую услужливость, а на этом далеко не уедешь. Да и согласитесь, ведь получается грустное зрелище, когда писатель, художник или деятель науки еще вчера славил либералов и социал-демократов, а сегодня с таким же рвением он славит уже других и третьих, а завтра, что будет выгодно, он выберет в зависимости от конъюнктуры, новых кумиров... Горько это, что русская интеллигенция — всегда загадка. Откуда в ней столько энергии разрушения, столько зла по отношению к своей истории, столько восторженной и безудержной любви к Западу и нелюбви к России.

Иван Ильин: «Ей (России — В. П.) не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые религиозно укоренные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры» (ст. «Что нам делать?» журнал «Бежин луг» 1994 г.).

Но обновлять можно по-разному. Мы, русские писатели, никогда не забудем день 2 июня 2008 г. Он стал горьким и безрадостным днем в жизни отечественной словесности... Впервые за всю историю школы выпускники 2008 года не только не писали сочинения или изложения по литературе, но и получили возможность вообще не сдавать этот экзамен. Произошло это по причине произвола чиновников Министерства образования РФ, которые самовольно, не взирая на общественное мнение и требования современного образования,

исключили литературу из числа обязательных экзаменов, которые сдаются учащимися по окончании средней школы. Т.е. по сути дела эти чиновники отменили саму литературу, видимо, забыв, что литература — это тот предмет, с помощью которого юные граждане нашей страны осваивают духовный, нравственный, культурный и исторический опыт жизни. Именно литература формирует любовь к Отечеству, учит распознавать, что есть Добро, а что есть зло. И вот теперь литература насильно исключается в школе.

Конечно же, писатели России не могли промолчать. И они обратились с открытым обращением «Спасите нашу литературу» к президенту Д. А. Медведеву и председателю Правительства РФ В. В. Путину. Писатели России потребовали, чтобы Министерство образования РФ вернуло экзамен по литературе за курс средней школы на территории всей страны. Более того, писатели потребовали, чтобы экзамен по литературе проходили в форме сочинения и устного экзамена или же в форме ЕГЭ. Недавно это обращение было опубликовано в центральных СМИ, в том числе и в газете «Новый Мир».

Думается, узнай об этих играх с литературой в современной России И. Ильин, задал бы он и много других вопросов, касающихся и нашего образования и наших ультрасовременных реформ. Великий философ, к примеру, мог бы спросить, почему нынешняя либерально-радикальная интеллигенция последовательно и неумолимо борется с русским патриотизмом? Или: почему нынче в наших книгах и журнальных публикациях исчезла тема труда? Словно бы тему эту кто-то навек заминировал или загородил от читателя колючей проволокой, по которой пустили электрический ток? Он бы задал, наверное, и самый главный, на мой взгляд, вопрос: почему наша нынешняя интеллигенция не замечает или проходит мимо бед и печалей, а то и настоящих трагедий, которые происходят с нашим родным русским языком. Надо ли говорить, а наверное, надо, что слово наше — это великая тайна и такая же великая надежда, потому что каждый народ надеется не затеряться в веках, ведь именно в словах и в грамматических формах проявляется душа народа (ох, уж эта душа!..).

Впрочем, в прошлом были такие моменты, когда рушились целые цивилизации, исчезали народы, оставляя после себя только десяток слов. И этой капельки иногда хватало, чтобы восстановить в знании те далекие эпохи. Но, к сожалению, случилось и такое, когда народы провалились в небытие, ничего после себя не оставляя: ни единого шороха на просторах Вселенной. И тогда наступало забвение... Вот почему каждый народ сохраняет свой язык, боясь любого насилия над ним. Сказать по правде, любой народ по отношению к своему родному языку стоит на консервативных, охранительных позициях. И это происходит на уровне инстинкта. Мы как бы не думаем о языке, но при этом остаемся на страже. Это можно сравнить с дыханием.

Разве замечает человек, как он дышит?.. Вот мы и произнесли сейчас такие знаковые, такие фундаментальные слова, как «дыхание», как «душа». И эта душа постоянно что-то вспоминает, сопоставляет, печалится. И в первую очередь вспоминает ту чудесную, живую и яркую народную речь, которая звучала в нашем детстве на родной улице где-нибудь в родной деревне или в родном городке. И порой даже не верится — а было ли все это с тобой, было ли? И все-таки было.

И как доказательство этого — книги В. Распутина, В. Шукшина, В. Белова, В. Астафьева, В. Личутина, В. Крупина и наших Шадринцев — Александра Виноградова и Василия Юровских и книги их молодых учеников. Только вот трудно сегодня этим ученикам — продолжателям живого почвеннического языка в нашей литературе. Ведь поддерживается сегодня совершенно другое крыло нашей литературы, западное, в основном. И эти новые писатели, заласканные либеральной критикой, как-то опасно равнодушны к живому народному слову. И Слово это для них — всего лишь определенная функция и уж совсем не чудо, не кровинка, не воплощенная в плоть красота. Вспоминается в этой связи холмогорский мужик Михайло Ломоносов, который, отвечая на вопрос императрицы, — как наградить его, — попросил Императрицу пожаловать его в немцы. Конечно же, за этой просьбой стоит обличение засилья немцев в русской науке, засилье Запада.

Это засилье, это унижение и подчинение западным догмам осуждал и Владимир Даль. Ведь размывание языка — это размывание и наших нравственных ориентиров. И конечно же, все это уводит язык от Православия и обрекает его на исчезновение. Очень сурово и энергично высказывается по этим проблемам и Иван Ильин. Впрочем, судите сами: «Мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения, признать их и приступить к внутреннему очищению и исцелению. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию. Мы должны строить себя заново...» («Что нам делать?» журнал «Бежин луг», 1994 г.) Говоря об этом новом строительстве, великий философ обращался уже к молодому поколению — жителям новой России... Обращался от своего страдающего русского сердца.





**Маргарита
ДМИТРИЕВА**

«В РОССИИ ДЕЛА ТАК МНОГО!»

*О литературной
деятельности
князя Олега Романова*

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). Сфера исследовательских интересов посвящена культурным интересам семьи Романовых. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Олег Константинович Романов родился в 1892 году, в Мраморном дворце в Петербурге. Среди своих братьев и сестер он был ближе всего к отцу, В. К. Константину Константиновичу. Олег был артистичным и в то же время не богемным, а очень собранным человеком, писал картины, музицировал, играл в спектаклях. Но любимым его делом была литература. Олег мечтал о поприще большого русского писателя, идеалом творческого самозабвения для него был Александр Сергеевич Пушкин.

К столетнему лицейскому юбилею, в 1910–1911 гг. князь Олег Константинович задумал издать все существующие автографы своего кумира, но успел напечатать только небольшую часть из собрания Александровского лица. Было издано 1000 экземпляров факсимиле. Олег любовался пушкинским почерком как некой графической симфонией. Недовольный качеством оттисков, он от руки вносил не пропечатанные точки и черточки подлинника, чтобы запечатлеть виртуозность пушкинского пера.

Жизнь Олега была непродолжительной (1892–1914), но наполненной и напряженной. Он был единственным из рода Романовых, кто пролил свою кровь на войне 1914 года, и своей страдальческой смертью словно предвозвестил грядущие потрясения Династии и самой России.

Отягчающим обстоятельством в этой стремительной судьбе были больные легкие, — юноша был вынужден подолгу жить вдали от горячо любимой семьи, в имениях в средней полосе России или в Крыму. Но болезнь не помешала ему получить два образования, светское и военное. Закончив обучение в Полоцком кадетском корпусе, 10 мая 1910 года он был зачислен в Лицей, а в 1913 году окончил его с серебряной меда-

лю. Выпускное сочинение августейшего лицеиста называлось «Феофан Прокопович как юрист» и было удостоено Пушкинской медали. Медаль была дана за новизну научной проблематики и за живой, изящный стиль изложения.

Конечно, в Лицей князь Олег отправился вслед за пушкинской тенью. Он в детстве боготворил книгу Авенариуса «Юность Пушкина» и мечтал оказаться в ситуации, хотя бы отчасти приближенной к царскосельским молодым годам поэта. В судьбе Олега Константиновича исполнилась нереализованная когда-то мечта Александра I, — сблизить молодых представителей Царского Дома с дворянской молодежью, ведь Лицей создавался для Великих Князей, братьев Царя.

И вот, через сто лет лицей встречал августейшего ученика. Правда, уже не в Царском Селе, а в Петербурге.

В шесть-семь лет Олег был уже начитанным ребенком. Между ним и его няней Е. Ф. Чернобуровой установилась такая игра: она произносила первую строчку какого-нибудь стихотворения, а Олег угадывал автора: «Пушкин? Майков? Папа?» Эти имена он объединял неким «домашним» обожанием. Стоит отметить, что К. Р. избавил сына от клишированного восприятия поэта как романтического бунтаря, индивидуалиста-одиночки. В доме ценили философскую поэзию со славянофильскими настроениями.

«Помню его радость, когда Олег узнал, что я пишу стихи, — вспоминала Е. Ф. Чернобурова. «Олег стал уверять меня, что и мне скоро поставят памятник в Царском Селе, где в этом году открыли памятник Пушкину»¹. Он рано полюбил декламировать и с увлечением, оставшись в своей комнате, выводил заключительные строки «Певцов» Тургенева:

«Антропка! — Чего-о-о-о? — иди сюда, чорт леший! — Зачем? — А затем, что тебя тятя высечь хочи-ит».

Переживая огромное наслаждение от мастерски написанного текста, Олег не мог оставаться равнодушным к злоключениям героев, не желал



Олег Константинович Романов

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань. 1995. С. 7.

«любоваться» трагическим. Так, слушая рассказы Чехова, он тут же спрашивал у взрослых, как предупредить почтальонов, чтобы письмо Ваньки Жукова дошло до его дедушки, Константина Макаровича. Он мечтал о том, чтобы искусство немедленно исправляло и преображало жизнь.

Олег с малых лет вел дневник, который стал зеркалом его личности. В нем отразилось все многообразие его личности — требовательность к себе до педантизма, совестливость до изнеможения, но в то же время и изнеженность, и страстность натуры: «Я слишком о себе высокого мнения. Гордым быть нехорошо. Я напишу тут, что я про себя думаю. Я умный, по душе хороший мальчик. Но слишком о себе высокого мнения. У меня талант писать сочинения, талант к музыке, талант к рисованию. Иногда я сам себя обманываю и даже часто. Я иногда закрываю себе руками правду. Я нервный, вспыльчивый, самолюбивый. Можно заглушить совесть навеки, это очень легко. О, без совести человек пропал. Надо прислушиваться к ней. Она для человека верная спутница»¹. На одной из книжек дневника в качестве эпиграфа были помещены слова святого преподобного Серафима Саровского: «Каждодневно выметай свою избу, да хорошим веником».

Работа с дневником, письма, которые часто писал Олег, находясь вдали от семьи, подготовили его путь в литературу. Общим принципом его авторства был синтез поэтичности и *рассудочности*, стремление к лирическому, но объективному повествованию. Этот подход сохранился и в художественных текстах. Олег словно прищипывал свою фантазию, стремясь опираться на жесткие жизненные факты.

Когда началась Русско-японская война, князь Олег мечтал отправиться воевать вместе с братьями. «Страшно хочется на войну. Если будет сражение при Кронштадте, я думаю, что я пойду. Недавно читал, как один мальчик по имени Маркушка стрелял из мортиры. Если будет время такое, как при Севастополе, всех возьмут воевать! И я буду стрелять из мортирки. Будем после войны петь “Было дело при Кронштадте, и Олег там воевал”», — с восторгом записывал он в дневнике. Далее следовал текст не очень умелого, но искреннего стихотворения:

*Много, братцы, гибло там,
Но сражались мы прехрабро!
Наш казак Максимов храбрый
Отличился там в бою.
Братцы! Грудью послужите!
Гряньте бодро на врага!
И вселенной докажете,
Сколько Русь нам дорога!
Посмотрите, подступает
К вам соломенный народ,
Сколько ядер выпускает!
Все напрасно в нас стреляет:
Мы идем, идем вперед².*

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань. 1995. С. 26.

² Там же. С. 34.

Олегу Константиновичу было на кого равняться в военной лирике, стоит только вспомнить военные стихи его отца, Константина Романова! Песню Великого Князя «Последний нонешний денечек...» до сих пор многие знают как народную. Вслед за отцом Олег остро переживал военные неудачи России. И не столько сетовал о наших поражениях, сколько жестко и принципиально анализировал их причины. «До чего мы дожили!.. Да, много героев пало под Порт-Артуром. Кто во всем виноват? Русская халатность. Мы, русские, живем на авось. Это авось нас делает виноватыми. Когда же, наконец, пройдет эта ужасная халатность? У нас управляют не русские, а немцы. А немцам до нас нет дела. И понятно, оттого-то русские везде и проигрывают. Они с малолетства не стараются воспитать себя. И выходят ненужные люди для отечества. С малолетства себя воспитывать надо».

В дни празднования своего совершеннолетия (в Августейшей Семье это была двадцатилетняя дата) Олег продолжал болезненную и кровную для него тему ответственности Великих Князей за страну, размышлял о призвании Династического Дома в новой политической ситуации: «Нет, прошло то время, когда можно было почивать на лаврах, ничего не знать, ничего не делать, нам — князьям. Мы должны в глазах народа оправдать наше происхождение. В России дела так много! Мне вспоминается крест, который мне подарили на совершеннолетие! Да, моя жизнь не удовольствие, не развлечение, а крест! Я вообще довольно много думаю, как мне лучше достигнуть своей цели, — сделать много добра родине, не запятнать своего имени и быть во всех отношениях тем, чем должен быть русский князь»¹.

Повествовательная манера князя Олега складывалась, прежде всего, под влиянием творчества И. С. Тургенева, князь был влюблен в цикл рассказов «Записки охотника». В своем родовом имении Осташево (Московская губерния) Олег и сам перезнакомился со многими крестьянами, помогал им косить и убирать сено, покупал больным лекарства. Олег писал матери В. К. Елизавете Маврикиевне о своих деревенских занятиях: «Время проводим очень весело, гребем, косим и возим сено. Одна баба мне сказала: «Дай Бог нам с Вами лучше знаться, чем все время ругаться».

Осташево стало литературной лабораторией Олега. Другим любимым помещением князя было имение его воспитателя генерала Николая Ермолинского, которое называлось Домниха. Деревенское житие подарило Олегу сюжет рассказа «Ковылин», законченного в Домнихе 22 февраля 1914 года. Последний год жизни Олега Константиновича был особенно насыщен в творческом отношении. Кроме «Ковылина» Олег завершает повесть «Сцены из моей жизни», работает над романом «Влияния», трудится над историей Лейб-гвардии Гусарского полка в эпоху войны 1877—1878 годов, собирает материалы к научной биографии своего деда В. К. Константина Николаевича².

«Ковылин» наиболее известный рассказ князя. Он был опубликован в журнале «Нива» в год смерти автора.

Рассказчик и одновременно участник событий, внук известного генерала отправляется зимой на охоту, в «дальние леса». «Люблю я такие путешествия по незнакомым местам, — признается он, — сидишь, закутавшись,

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань. 1995. С. 132—133.

² Рукописи князя Олега вместе с перепиской, дневником и другими материалами хранятся в его фонде (ф. 214) в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии наук.

в саях. Смотришь с любопытством на открывающиеся виды, блаженствуешь!» Он едет к озеру с символичным названием Скит. Вскоре рассказчик поймет, что охоты не получилось, — «поднялась погода». Прямо по сюжету пушкинской «Метели» природная стихия таинственным образом переворачивает планы путешественника. Тогда он решает нанести визит здешнему помещику Ковылину, о «чудаковатости» которого он был наслышан. Ковылин построил храм рядом со своей усадьбой, а потом стал в храме священником по благословению старца.

Отец Алексей Ковылин (Алексей Павлович) рассказывает своему неожиданному гостю, как стремительно изменилась его жизнь, а все началось с некоего «случая». Он, сам из купцов, задумал *обогатиться*, — пожелал купить участок с болотистой землей, чтобы потом осушить и продать землю дорого. Но прежде, по благочестивой традиции отправился на богомолье в Сергиев монастырь. Там встретил старца Варнаву, который благословил Ковылина совершить означенную покупку и... строить на приобретенной земле храм о пяти главах.

Казалось бы, перед нами чувствительная история в духе старинного благочестия. Но от страницы к странице в повести усиливается драматизм, — Ковылин — единственный человек в околотке, который и священствует, и усыновляет сирот, и создает трудовую обитель. Других нет. Дворянство спит непробудным сном, толстеет, хиреет, блажит, разрешает крестьянам бесплатно вырубать леса: «Бери, сколько надобно, все равно украдешь».

Сам Ковылин выносит беспощадный приговор дворянству: «Дворянство пало и больше не поднимется». А что будет после дворянства? На этот вопрос Алексей Павлович отвечает резко и определенно: «А вот как пойдет наш брат купец, да разная голь, стонать русский народ будет!»¹

Чуть раньше «Ковылина», в 1913 году Олег Константинович написал автобиографическую повесть с элементами очерка «Сцены из собственной жизни». Это самое крупное произведение Олега, в котором идет речь о ближайших событиях его жизни. Это лирический дневник его юности, где житейские истории вписаны в широкий общественно-политический контекст. В каждой сценке — свой нерв, своя тема: сдача экзамена в Лицее, приезд в Остаево, занятия живописью, встреча с отцом, описание осташевских лесов.

Отличительной чертой главного героя «Сцен из моей жизни» является способность преодолевать видимые рамки бытия, — обновляться, жить, мечтать, рассуждать, погружаться в поэтические воспоминания, надеяться, философствовать, мудрствовать и даже *пророчествовать*: «...Мы очутились на проселочной дороге. Наступила невозмутимая тишина. В первый раз после упорной зимней работы и тревожностей последних дней я вздохнул свободно. Вся грудь дышала и наслаждалась чистым деревенским воздухом. Экзамены, профессора, Лицей, полк, все волнения, все, все теперь позади... Боже, как хорошо! Вырвался! Где-то там, далеко, далеко люди волнуются, страдают, создавая себе обманчивые кумиры, в погоне за каким-то счастьем...

Счастье! Да вот оно, счастье! Боже, как хороша эта тишина, как хорошо это небо, этот лес, поле...

— А что, Иван, — спросил я, заметив лежащие на дороге кучи камней, — никак шоссе собираются делать?

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань. 1995. С. 201.

— А кто их ведает? Приезжали, мерили, да вот наворотили... Нет, им скоро шашу не сделать!

Шоссе! — думалось мне, — признак культуры, прогресса... Этому, надо радоваться — шаг вперед! Не будет тогда ни ухабов, ни ямщиков, ни троек. Начнем сюда ездить на автомобилях и уж не два часа, а только час. Мало-помалу вырастут фабрики, закипит промышленность. Направо и налево я больше не увижу необозримых полей и лесов...

Все застроится... Лес вырубят, болота осушат... И подумать страшно о том времени, когда перед окнами нашего помещичьего дома вырастет фабричная труба! Чудное небо закроет облаками вонючего дыма, воздух будет навсегда отравлен и пропадет поэзия и прелесть деревенской жизни. Нет, нет... Лучше бы этого не увидеть, уж лучше не дожить до этого времени...»¹.

Как тонко и драматично переплетается в этой повести стремление Олега *послужить России с мечтою не дожить до нового времени, когда все станет другим*.

В лице Олега Константиновича мы встречаем, скорее всего, прозаика. Стихотворения, как считал князь Олег, ему не давались, хотя он написал их около семидесяти.

В февральском номере «Нивы» за 1914 год кроме «Ковылина» была опубликована и небольшая подборка стихов князя — поэтическая молитва: «О, дай мне, Боже, вдохновенье», стихотворение «Остатки грозной Византии», написанное под впечатлением поездки в Константинополь в 1910 году, аллюзия на тютчевско-фетовскую лирику — «Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!», а также жанровая зарисовка — «Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...». Это образец некой *духовно-экологической* поэзии, вне чувственности, вне страстных личных порывов.

Особенно удачным и оригинальным нам кажется стихотворение «Уж ночь надвинулась» (1912), это описание летнего вечера в дворянском имении. Вот оно:

*Уж ночь надвинулась. Усадьба засыпает...
Мы все вокруг стола в столовой собрались,
Смыкаются глаза, но лень нам разойтись,
А сонный пес в углу старательно зевает.
В окно открытое повеяла из сада
Ночная, нежная к нам в комнату прохлада.
Колода новых карт лежит передо мной,
Шипит таинственно горячий самовар,
И вверх седой, прозрачною волною
Ползет и вьется теплый пар.
Баюкает меня рой милых впечатлений.
И сон навеяла тень сонной старины,
И вспомнился мне пушкинский Евгений
В усадьбе Лариных средь той же тишины.
Такой же точно дом, такие же каморки,*

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань, 1995. С. 155.

*Портреты на стенах, шкапы во всех углах.
Диваны, зеркала, фарфор, игрушки, горки
И мухи сонные на белых потолках.*

Это словно последняя фотография уходящей жизни дворянской усадьбы, последние тихие вечерние посиделки, от которых жаль оторваться. Умилительно местоимение «мы», образ родовой, семейной, сословной жизни. Все еще рядом, близко, но уже как бы превратилось в музей и скоро отойдет в прошлое. Пушкин, Евгений Онегин, русские князья двадцатого века, тихое имение, замершие на стене портреты, силуэт сада, последний имперский дагерротип перед новым страшным витком истории.

В 1913 году Олег был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Когда началась Первая мировая война, он с воодушевлением принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном фронте, хотя по здоровью ему было предложено поступить ординарцем в Главную квартиру.

После молебна в Николаевском зале Зимнего Дворца, перед отправлением на фронт, он записывал в дневнике: «Когда Государь подъезжал ко Дворцу, вся толпа стала на колени. Все мы плакали от подъема чувств... Мы все пять братьев идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне...¹. «Я не дожусь отъезда на войну, *вот теперь пришло мое время*». Он был уверен, что власть, представляющая на земле высшие ценности, должна быть готова и умереть за них.

Князь Олег был в свое время одним из самых органичных представителей Царского Дома, которого не коснулись внутриклановые ссоры, страсти, скандалы, мезальянсы, имущественные споры. Он был олицетворением того идеального порыва, что еще хранила и продуцировала в себе Имперская Россия в начале века.

Его первое боевое крещение состоялось 6 августа 1914 года в сражении под Каушеном. В десятых числах сентября началось новое наступление на немцев. В последнем письме к отцу Олег подробно описывал будни военной жизни: «Не знаю, как и благодарить Вас, наши милые, за все, что Вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с теплыми вещами и с разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому, офицеры трогательны... Мы живем только надеждой, что на нашем фронте немцы скоро побегут, — тогда дело пойдет к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к Вам. А иногда к Вам очень тянет! Часто, сидя верхом, я вспоминаю Вас и думаю, вот теперь Вы ужинаете, или Ты читаешь газету, или Мама вышивает. Все это тут же поверяется взводному, который едет рядом.

...Были дни очень тяжелые. Одну ночь мы шли сплошь до утра, напролет. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валялся на бок, но просыпался, к счастью, всегда вовремя. Самое неприятное — это дождь. Очень нужны бурки, которые греют больше, чем пальто. Все за это время

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение 1915 года. Казань, 1995. С. 169.

сделались гораздо набожнее, чем раньше. К обедне или ко всенощной ходят все. Церковь полна»¹.

27 сентября (10 октября) 1914 князь Олег был ранен близ деревни Пильвишки в районе Владиславова. Преследуя неприятельский разъезд, он первый атаковал противника, врезавшись в его строй. В это время раненый немец с земли выстрелил в князя. Рана была тяжелой, операция, сделанная в госпитале в Вильно, не помогла. В тот же день указом главнокомандующего Олег был награжден орденом Святого Георгия IV степени «за мужество и храбрость, проявленные при стычке и уничтожении германских разъездов». Когда генерал Еромолинский, прорвавшийся с великими трудностями к любимому воспитаннику, осторожно спросил его, очень ли он страдает от боли, тот ответил, что страдания большие, но «это нужно было». *«Когда народ узнает, что один из Романовых пролил свою кровь за Россию, нас будут больше уважать и любить»*, — уверенно сказал Олег.

Вечером следующего дня в Вильно прибыли В. К. Константин Константинович Романов и его супруга. Они привезли сыну орден Святого Георгия, принадлежавший Великому Князю Константину Николаевичу, деду Олега. Орден прикололи к рубашке умирающего. Константин Константинович грел холодеющие руки сына, В. К. Елизавета Маврикиевна сидела у изголовья. В половину девятого вечера князь Олег скончался.

В дневнике от 4 октября 1914 года, горько описывая смерть сына, К. Р. вспомнил миф об античной богине Ниобее, которая потеряла всех своих детей: «Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: “Да будет воля Твоя”»².

Он не мог знать, насколько был близок к истине. К. Р. не дожил до страшного 1918 года, когда трое его сыновей были живыми сброшены в шахту в Алапаевске, а остальные дети нашли свою судьбу в эмиграции.

В память об Олеге Константиновиче в 1914 году мать князя, Елизавета Маврикиевна, пожертвовала Александровскому лицу тысячу рублей с тем, чтобы доход с этого капитала ежегодно шел на изготовление серебряной медали имени князя Олега. Этими медалями, правда, недолгое время, награждались лицеисты за лучшее сочинение по отечественной словесности. На медали был начертан лицейский девиз: «Для общей пользы», а также слова князя Олега, написанные им в совершеннолетие: «Жизнь не удовольствие, не развлечение, а крест».

Над могилой Олега Константиновича в 1916 в Осташево был построен четырехстолпный одноглавый храм-усыпальница во имя святого князя Олега Брянского и св. преподобного Серафима Саровского. В тридцатых годах усыпальница была разорена, георгиевский крестик и фуражка князя украдены, а останки князя Олега перезахоронены на осташевском кладбище.

Жизнь князя Олега, безусловно, была героической, он пал смертью храбрых, и свой подвиг ради России совершил, как мечтал. А вот творческий путь его был только намечен. В лице князя Олега Константиновича Романова русская литература заметила уникального писателя, который равно любил утонченный этикет дворца и скромность крестьянской избы, который с новой творческой силой исследовал трагическую антиномию славянской души и призывал читателей к моральному созиданию, ответственности и вдохновению.

¹ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года. Казань. 1995. С. 171–172.

² К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998. С. 352.

Проба ПЕРА



Александр БЫВШЕВ

«НОВЫЙ СВЕТ ЗАЖЕГСЯ НА ВОСТОКЕ»

Александр Михайлович Бывшев — родился в 1972 году. В 1994 году закончил факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. В настоящее время работает преподавателем иностранного языка. Публиковался в центральных и региональных изданиях. **Живет в пос. Кромы Орловской области.**

ХРАМЫ РОССИИ

Нас в такие бросает изломы...
Плачет свечка: «Спаси их, спаси!»
Куполов золотые шеломы
Век за веком встают на Руси.

Над просторами, полный тревоги,
Колокольный разносится звон.
Как пред Господом все мы убоги!
Зло нас пробует с разных сторон.

Одолеть как непросто Мамону.
И с печалью о каждой душе
Стойко держат они оборону
На последнем своем рубеже.

ПРОЗРЕНИЕ

Памяти Юрия Кузнецова

Где ты, русский богатырь, скажи?..
Сжалось сердце от тревог и боли.
А вокруг — ни звука, ни души.
Я один остался в чистом поле.

И казалось — нету больше сил,
Побеждает зло на белом свете.
Я уж было руки опустил,
Но в лицо мне вдруг ударил ветер.

С глаз незримо спала пелена.
Новый свет зажегся на Востоке.
Распрямились плечи и спина.
И земли меня пронзили токи.

Я коснулся троеперстием лба.
Плыли тучи с Запада, чернея...
Нет, еще не кончена борьба.
Мы еще посмотрим, кто сильнее.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Поманила дорога-змея
Парня сельского в сказку-столицу.
Променял он родные края
На неоновую небылицу.

Мишурой повстречала Москва
И с усмешкою бросила Ване:
«Никакого тебе волшебства —
Были б только купюры в кармане».

Поглядел тот с разинутым ртом
И решил: «Вот оно — под рукою.
Сколько разных соблазнов кругом...»
И с тех пор он лишился покоя.

Лихо кружит его «Кадиллак»
И ныряет в машинные реки. —
Оказался повенчан дурак
Со «змеей кольцевою» навеки.

* * *

Солнце плавало в купели,
Тек ручей, капли пели,
Птиц заливиная трель,
Как волшебная свирель,
На округу всю звенела.
Кошка бок на солнце грела,

Дети бегали гурьбой,
Шла старушка за водой.
Древний дед глядел куда-то
Грустно и подслеповато.
Даль. Небес голубизна...
Сорок первый год. Весна.

РАССКАЗ РОВЕСНИКА ВОЙНЫ

Сосед с войны вернулся.
В саду погладил ель.
Малец лицом уткнулся
В потертую шинель.

Солдат прижал супругу
К наградам горячо,
Единственную руку
Кладя ей на плечо.

Малыш рукав потрогал:
«Папуль, а где она?»

Вздыхнул тот у порога:
«Война, сынок, война...»

Сельчане. Стол. Расспросы.
За павших — вновь до дна.
И все, глотая слезы,
Шептали: «Да, война...»

А вскоре дядю Жору
Зарыли у сосны...
Мне шел уже в ту пору
Четвертый год... войны.

СЛЕПОЙ

Слепому показалось, что он видит,
Как яркий свет одолевает тьму.
«Нет, не надейся —
ничего не выйдет!» —
Жестоко кто-то бросил вслед ему.

И день погас. Но вера остается.
Глядят печально лики-образа...
А по ночам он ясно видел солнце,
Закрыв огнем сожженные глаза.

В КОЛЕСЕ

Мы круглый год всё по делам
Спешим. Мелькают лица.
Земля вращается, и нам
Приходится крутиться.

Забот докучных полон рот.
Часов бегущих стрелки
В такой нас взяли оборот —
Куда там этой белке.

НА ЧУЖБИНЕ

Париж. Закат. И нет ответа.
Вот и последняя черта —
Стальное дуло пистолета
Уставилось в отверстие рта.

Лежала краткая записка.
(На дате дрогнула рука...),
А Родина была так близко
И так безумно далека.

* * *

Окрашены небесной синью
Верхушки стареньких осин...
С тревогой вечной за Россию
Средь росных трав стою один.

И в эту даль гляжу до боли.
Ищу ответ на свой вопрос.

Полынью горькой пахнет поле.
И всё вокруг дрожит от слез...

За светом тьма идет по следу.
И сколько небо не проси,
Покоя не было и нету
На неприкаянной Руси.

ВЫШЛА КНИГА

Кондратенко А. И. Жизнь графа Федора Васильевича Ростопчина. — Орел: Изд-во «Вешние воды», 2002. — 382 с. ил.

Это первая в России книга, посвященная судьбе Ф. В. Ростопчина — выдающегося государственного деятеля, военного губернатора Москвы в 1812 году. Уроженец Ливенского уезда, он в период правления Императора Павла I руководил Военной коллегией, внешнеполитическим ведомством и почтовым департаментом, был великим канцлером ордена св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена).

Ростопчин вошел в историю как один из видных представителей русского консерватизма, публицист, автор патриотических памфлетов и афиш 1812 года.



Высокие ТЕХНОЛОГИИ



Владимир НЕКРАСОВ

НОВЫЕ СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ

Владимир Алексеевич Некрасов — академик РАЕН, РАМТН, ЕВАЕН, доктор биологических наук, президент НП МАТЭЗ. С 1988 года занимается исследовательской работой в области геометрического устройства энергии в биосфере и диссимметрии окружающего пространства. Является автором более 20-ти открытых закономерностей, более десятка изобретений и нескольких монографий, награжден орденом Золотого Орла ЕВАЕН, медалями Юрия Гагарина, Королева и медалью за спасение утопающих в 1988 году во время большого наводнения на реке Ингури в Грузии.

В августе 2011 года состоялась очередная Международная конференция в экологическом центре Международной академии тонкополевой экологии и здоровья (МАТЭЗ) в Саратовской области. Научно-практический центр академии находится в строящемся экопоселении, в селе Большая Таволжка, в живописном месте на берегу большого Иргиза, левого притока Волги.

На открытии конференции президентом академии В. А. Некрасовым была представлена новая Концепция организации здоровой и безопасной жизни человека в условиях биосферы. Сокращенный вариант Концепции ранее был опубликован в Федеральном справочнике № 22 2009 г., но к сегодняшнему дню Концепция претерпела некоторые изменения и дополнения. Третья по счету Международная конференция, как и две предыдущие, была посвящена практическому приложению общей теории поля формы Некрасова — теории Поля Формы Земли, тонкополевому направлению в медицине, экологии и ритмологии.

В конце XX века В. А. Некрасову удалось поднять целый пласт знаний в науке, который долго оставался незамеченным или, вернее — несистематизированным. В фундаменте его учения находятся: открытие Л. Пастером диссимметрии, как явления, характеризующего живое вещество; открытие П. Кюри основных свойств диссимметрии; гипотезы В. И. Вернадского о геометрическом устройстве пространства биосферы и наличия в нем энергии левизны-правизны; разделение всех организмов на Земле на правые и левые биологические типы; постулирование А. Г. Гур-

вичем понятия биологического поля клетки, связанного с ее геометрической формой и др.

Новое знание, базирующееся на открытиях В. А. Некрасова в области устройства биосферы Земли и организма человека, создание нового направления в медицине, биологии, строительстве, экологии, ритмологии позволяют пересмотреть многие наши представления о законах взаимодействия человека со средой обитания. Накопленный в последние 20 лет коллективный опыт применения новых знаний о биосфере и человеке, а также практика применения новых технологий для здоровья объединились в свод новых правил организации здоровой и безопасной жизни.

В рамках новой Концепции нам предстоит осознать космическую гармонию, которая проявляется в геометрической структуре Поля Формы Земли и в каждой клетке всего живого, которое заполняет биосферу, и в Космическом пространстве, и в ритмах всех природных процессов. Основным положением Концепции является необходимость соблюдать гармонию с Природой и, если мы забыли, как это делать, то правила, разработанные В. А. Некрасовым, изложенные в большом ряде работ и в двух монографиях, подскажут нам прямой путь к здоровью и долголетию!

Истоки знаний, на которых построена Новая Концепция здоровой и безопасной жизни человека в биосфере и о которой пойдет речь ниже, прослеживаются в философской мысли на протяжении многих веков истории общества. Начиная от пифагорейцев, придающих решающее значение правильному образу жизни, и заканчивая В. И. Вернадским, последним российским философом, который непосредственно воспринимал единство чело-



Участники конференции

века и Космоса, философская мысль которого не раз обращалась к самой структуре устройства пространства вокруг Земли и в Космосе в целом.

В начале XX века В. И. Вернадский писал: **«В первой половине прошлого столетия со времени К. Ф. Гаусса (1777–1855) стало ясно, что правизна-левизна есть геометрическое свойство пространства. Ясно и другое. Она не может быть выведена из аксиом, на которых построена геометрия Эвклида, должна так или иначе быть включена в аксиомы или постулаты. Геометрия не может дальше игнорировать это чисто геометрическое явление. Правизна-левизна, как мы сейчас увидим, не связана только с материальной средой. Она проявляется и в энергетических процессах, и в физическом реальном вакууме»**¹. В своих трудах академик В. И. Вернадский неоднократно указывал, что причины всех процессов, происходящих в живом веществе (в биосфере), кроются в более глобальных процессах: процессах, происходящих во Вселенной. К большому сожалению, по причине развития узкой специализации в науке к середине прошлого века цельный взгляд этого философа-ученого на вещество и пространство практически исчез из науки, также как ушли в забвение его труды и идеи. Книги академика Вернадского долгие годы были под запретом и только в последнее время мы, благодаря сохранившимся воспоминаниям его учеников, можем оценить масштабы и цельность его идей. Д. П. Малюга, слушавший лекции В. И. Вернадского, рассказывает: **«...профессора на своих лекциях старались не вводить нас в дебри “космических явлений”, между тем Владимир Иванович, начав с обычных явлений, наблюдаемых в обыденной жизни, правизны и левизны: левши, правые и левые формы раковин, правые и левые изомеры, переходя к изложению теорий происхождения и существования правых и левых форм, говорил о связи этого явления с геометрическими свойствами пространства, наконец, о правом и левом космическом пространстве»**².

Сегодня открытие мною энергии левизны и правизны в биосфере, которая непосредственно влияет на формирование биологических типов организмов с момента зарождения, а также открытие строгого геометрического закона распределения этой энергии в пространстве становятся фундаментом Новой Концепции организации здоровой и безопасной жизни человека. Открытые закономерности помогают понять причины и механизмы возникновения многих природных явлений, в основе которых лежит единый управляющий закон. Знание этого закона позволяет обнаруживать первопричины, начиная от функциональных нарушений в клетке до возникновения всевозможных природных катаклизмов и стихийных бедствий.

Многолетние исследования и эксперименты, проводимые мною при участии замечательного коллектива сотрудников в разных уголках земного шара, на разных широтах и высотах, и на экваторе в том числе, в итоге привели к формулировке уникального закона, действующего в биосфере, названного *«геометрический закон структуры Поля Формы Земли»*, или сокращенно *«Поле Формы Земли»*. **Поле Формы Земли — особый вид материи, определяющий структуру энергетической диссимметрии в биосфере, внутри которого и посредством которого осуществляется взаимодействие между различными источниками диссимметрии — живыми и космическими телами в биосфере.** Поле Формы Земли (ПФЗ) построено из двух форм энергии: *«левой»* и *«правой»*. Говоря об энергетическом воздействии, мы

опираемся на наблюдения в пространстве сил левой и правой направленности, которые совершенно однозначно проявляются во многих опытах и экспериментах. Первичным источником ПФЗ, вполне вероятно, является Вселенская матрица левизны-правизны, а вторичным источником — геометрическая матрица, построенная из молекул грунта верхнего слоя земной коры. Поле Формы Земли является суперпозицией энергетической матрицы поля формы Вселенной и отраженной матрицей биосферного слоя, излучающего свое поле формы. Нами разработаны способы и приборы, а также адаптированы уже готовые устройства для решения задач определения величины энергетической диссимметрии в любом месте пространства биосферы, практически на любой высоте и широте местности.

На разных широтах и высотах величина энергетической диссимметрии в ПФЗ различна. В целом, на планете в северном полушарии Земли ближе к Северному полюсу в ПФЗ преобладает энергия левизны, а ближе к экватору — энергия правизны. В южном полушарии наблюдается обратная картина: в районе экватора в ПФЗ преобладает левизна, а при перемещении к Южному полюсу в ячейках ПФЗ начинает плавно увеличиваться количество правой энергии (рис. 1).



Рис. 1. Поле Формы Земли

Кроме того, в процессе исследований выяснилось, что структура электромагнитного поля Земли повторяет и напрямую определяется структурой Поля Формы Земли. Впервые для обнаружения элементов структуры ПФЗ нами был применен поляриметр. Прототип этого прибора был изобретен еще в начале XIX в. Сегодня для исследования структуры Поля Формы Земли создаются все более современные и портативные электронные приборы, работающие на разных принципах. Например, прибор «Рада-7», разработанный в МАТЭЗ еще в 2000 г., позволяет определять границы и размеры структурных элементов Поля Формы Земли. В табл. 1

приведены размеры ячеек ПФЗ, полученные при помощи этого прибора. Разброс значений показывает суточное изменение диссимметрии в ячейках структуры ПФЗ в то время года, когда проводились измерения.

Одним из фундаментальных свойств Поля Формы Земли является тот факт, что между левой и правой формами энергии в геометрических ячейках пространства всегда существует *энергетическая диссимметрия*. То есть в любой точке пространства в смежных ячейках всегда преобладает либо правизна, либо левизна, то есть разница между показаниями и есть значение биосферной диссимметрии.

Важным открытием является и то, что размеры энергетических ячеек ПФЗ, интенсивность излучения в них и, соответственно, величина энергетической диссимметрии между ними подвержены постоянным ритмическим изменениям. Пульсации биосферной диссимметрии — один из факторов, ответственных за возникновение и существование жизни на Земле, и определяют всю жизнь человека с момента его зарождения. Эти периодические изменения получили название «*тонкополевые биологические ритмы*».

**Размеры ячеек энергии левизны-правизны в структуре ПФЗ
(значения в см) на разных широтах, в северном полушарии Земли**

Город	A	B	C	D
Мурманск	$137 \pm 8,0$	$162 \pm 9,0$	$43 \pm 5,0$	$38 \pm 0,4$
Москва	$183 \pm 9,0$	$211 \pm 11,0$	$27 \pm 4,0$	$24 \pm 3,0$
Самара	$208 \pm 9,0$	$227 \pm 13,0$	$25 \pm 3,0$	$22 \pm 2,0$
Новороссийск	$215 \pm 10,0$	$241 \pm 15,0$	$18 \pm 1,0$	$16 \pm 1,0$
о. Крит (Греция)	$272 \pm 14,0$	$294 \pm 21,0$	$11 \pm 0,4$	$7 \pm 0,3$
Сингапур	$292 \pm 25,0$	$302 \pm 32,0$	$2 \pm 0,1$	$1 \pm 0,1$

То, что любая живая клетка обладает своим особым полем неэлектромагнитного типа взаимодействий, постулировал еще в начале прошлого столетия известный отечественный ученый-биофизик А. Г. Гурвич. В своей монографии «Принципы аналитической биологии и клеточных полей», вышедшей через 37 лет после его смерти в 1991 г., он писал: **«Основным понятием биологии является вполне естественно форма, то есть закономерность чисто пространственных параметров живых систем...»**. Он писал: **«...Мы сразу должны отказаться от отождествления митотического поля с электрическим или с другим физически определенным полем»**. Своими исследованиями А. Г. Гурвич доказывает, что процесс митоза (деления клетки) нельзя объяснить с точки зрения только внутриклеточных электромагнитных взаимодействий и что главная роль в этом процессе отводится геометрической форме клетки.

Для современной биологии, точнее для ее физико-химических и молекулярных ответвлений, чуждо понимание целостности, которую А. Г. Гурвич, подобно В. И. Вернадскому, считал основополагающим свойством всего живого. Именно А. Г. Гурвич ввел в науку понятие и термин «биологическое поле». Но, к сожалению, его открытия и прогрессивные идеи в биологии сначала были запрещены в нашей стране, затем забыты, а к концу XX в. понятие *биологического поля* было окончательно искажено.

Сегодня нами доказано, что живая клетка обладает особым полем формы, а все живое на планете, любой организм, и биосфера в целом, обладает диссимметрией как внутренней, проявляющейся на уровне вещества, так и в окружающем это вещество поле формы. И именно диссимметрия задает знак и величину собственного поля формы любой организованной структуры. Диссимметрии, исходя из определения, которое дал ей сам Л. Пастер, всегда будет свойственен знак: левый или правый, то есть диссимметрия всегда определяется избытком правых или левых форм вещества или энергии, сосредоточенных в одном объеме.

Л. Пастеру удалось обнаружить на Земле только правые организмы (1848), которым для питания необходимы правые формы вещества: правые стереоизомеры молекул. При этом он не исключал существования на пла-

нете и левых форм жизни при наличии, возможно, особых условий. Мною было открыто, что действительно на Земле в условиях ее биосферы одновременно с правыми живут и развиваются левые организмы, в частности правые и левые типы людей. В результате исследований были установлены области проживания левых и правых типов людей как в северном, так и в южном полушарии Земли. Знание о том, что люди разделяются на биологические типы по собственной левизне или правизне существенно изменяет подход к проблеме организации здоровой жизни и существенно меняет способы и представления о медицинской практике в целом.

Именно ячеистая структура распределения энергии левизны и правизны в биосфере и наличие между смежными ячейками ПФЗ определенной энергетической диссимметрии определяет зарождение и формирование организмов левого и правого биологического типа. Диссимметрия в организме правого и левого человека распределяется по-разному, что отражает *«закон устройства диссимметрии левого и правого биологического типа человека»*. Функциональное состояние человека правого и левого типа меняется вместе с динамикой изменения биосферной диссимметрии, так как именно значение энергетической диссимметрии в ПФЗ в месте зарождения всего живого определяет и их собственную левизну или правизну. Например, зарождение левого или правого типа человека определяется, в основном, местом зачатия на определенной широте и долготе Земли и местом последующего развития эмбриона.

В процессе многолетних исследований выявилось, что в ячеистой структуре Поля Формы Земли кроме геометрических фигур, представляющих в разрезе треугольники, прямоугольники и полосы, их разделяющие (см. рис. 1), присутствуют и другие стабильные структурные элементы: фигуры, представляющие на поверхности Земли круги различного диаметра. В пространстве эти элементы представляют собой конусообразные лучи, расширяющиеся с высотой. Эти особые участки на поверхности Земли по своему негативному влиянию на организм человека получили название *«биосферные патогенные зоны»*. На сегодняшний день нами обнаружено и изучено в разных уголках планеты более 9000 таких зон. Многолетние наблюдения и эксперименты подтвердили, что длительное пребывание в таких местах биосферы неизменно приводит к развитию в организме человека целого ряда патологий. Также было обнаружено, что данные патогенные лучи, проходящие через биосферу, распространяются не от поверхности Земли, а нисходят сверху, в чем заключается их существенное отличие от такого умозрительного понятия, как *«геопатогенные зоны»*, существующего исключительно в гипотезах и ненаучных утверждениях.

Места нахождения биосферных патогенных зон обладают неблагоприятным влиянием на все живые организмы. Несмотря на то, что в этих зонах нарушается гармоничный закон Поля Формы Земли, эти участки представляют собой стабильные структурные элементы, а закон поля формы носит в них другой патогенный характер. К настоящему времени раскрыты многие свойства биосферных патогенных зон. Установлено, что биосферные патогенные зоны являются первопричиной большого ряда заболеваний. По этому фактору зоны разделились на два основных класса. По ведущему заболеванию, вызываемому воздействием на человека биосферных патогенных зон, они получили названия: *«Онко»* и *«Крона»*, что привело в результате

к созданию *Новой классификации заболеваний по первопричине их возникновения в организме человека*. Таким образом, длительное пребывание человека в БПЗ неизменно приводит его к ряду заболеваний, и, что очень важно знать, последствия воздействия этих зон могут сказываться на состоянии здоровья в течение всей жизни, если их не убирать. Благодаря созданию новой классификации заболеваний, а также разработанных на основе этих знаний новых технологий для восстановления и сохранения здоровья, медицина получила новое направление в развитии: *тонкополевое*.

Кроме того, биосферные патогенные зоны влияют и на неживое вещество в биосфере, что зачастую приводит к неблагоприятным событиям: авариям, техногенным катастрофам и бедствиям. В зоне типа «Крона» ослабляются межмолекулярные связи, что приводит к быстрому окислению, разрушению и изнашиванию материалов и оборудования. Радиус биосферных патогенных зон составляет от 1-го до 3000 м и более. Например, в г. Москва в районе Лосинный Остров обнаружена зона «Крона», радиус которой около двух тысяч метров. В Останкино находится зона «Крона» радиусом более 200 метров, на территории которой частично находится и сама телебашня. В месте, где размещался бывший Бауманский рынок, проходят две зоны «Крона» радиусом более 10 метров, которые, как мы считаем, и явились главной причиной его обрушения. В американском г. Миннеаполисе, в районе обвалившегося моста через реку Миссисипи в 2007 г. находится зона «Крона» радиусом более 100 метров. В зонах «Онко» и «Крона» наблюдается отсутствие или нарушение сотовой телефонной связи, сбои в работе навигационных приборов и систем.

Исследования показывают, что только по каналу прохождения в биосфере вертикального луча зоны «Онко» разряды молний во время грозы могут достигать поверхности Земли. И только в лучах зон «Онко» могут возникать сухие молнии и шаровые разряды, что часто является причиной различных бедствий, аварий и пожаров.

Удивительно, но обследование раскопок многих древних городов (на территории Египта, Греции, Турции, Болгарии) показало, что народы, проживающие в те времена, обладали знанием о существовании в биосфере геометрической структуры и о местах нахождения биосферных патогенных зон. Во-первых, это говорит о том, что ячеистая структура в биосфере практически неизменна с веками, а во-вторых, что народы знали о пагубном влиянии на человека определенных мест в биосфере, не строили в этих местах жилищ и не проводили через них дороги. На каком-то этапе развития цивилизации знания об устройстве биосферы Земли были человечеством утеряны. Остается лишь строить догадки о том, пользовались ли древние люди какими-либо приборами и устройствами, или же обладали особым чувством и непосредственно ощущали все элементы Поля Формы Земли как необходимые для жизни, так и патогенные. Древние хорошо знали о том, как использовать эту меняющуюся энергию левизны-правизны, которая составляет для всего живого самое важное *энергетическое питание*.

Из глубокой древности до нас дошли некоторые знания об «энергетическом питании». У разных народов такое питание называлось по-разному:

- энергия «Ци», в Китае;
- энергия Ки, в Японии;
- энергия Прана, в Индии и на Тибете;
- энергия Архей, в Европе (по *Парацельсу*).

Великий ученый и целитель Средневековья Парацельс (1493–1541) в своих трудах утверждал, что наравне с элементарным питанием организму требуется и энергетическое питание в виде энергии Архей (*ens astrorum* — космическая сущность), которое он называл *звездным питанием*, и что сами по себе элементы без звездного питания ничего не стоят. Вот как это звучало: **«Порождение означает, что элементы сами по себе, без звезд, ничего не стоят...»** [12].

Исследования показывают, что способами тонкополевой медицины под-держивали свое состояние здоровья еще пифагорейцы, но самые важные основы тонкополевой медицины были заложены Парацельсом 500 лет на-зад. Внешние незримые факторы, которые вызывают те или иные забо-левания в организме человека, Парацельс называл «звездными мечами», он писал: **«Звезды могут ранить так же, как это делают мечом, но не режут, как обычный меч, но отверзают тело сообразно своему небесному клинку»** [12]. В качестве первоочередного требования при лечении больно-го Парацельс рекомендовал **абсолютное исключение проживания в зоне действия болезнетворных лучей**. Он также ввел понятие «звездная медици-на». Парацельс писал: **«Лекарства здесь происходят от звезд, так же как обычные лекарства происходят от земли, но есть между ними различие. Элементарная медицина и действие ее телесны и осязаемы; а небесная медицина бестелесна, независима, отдельна и чиста и не нуждается она в алхимии для того, чтоб отделить чистое от нечистого, либо же экстрагиро-вать квинтэссенцию из четырех элементов. Для этой медицины не нужны ни снадобья, ни ингредиенты, но воздействует она на пациента прямо и непосредственно»** [12].

А лечить звездные болезни, которых, по его мнению, большинство, не-обходимо способами только звездной медицины, которая предусматривала применение особых знаков или рисунков. Используя именно этот способ, Парацельс в те далекие времена уже мог успешно справляться со многими недугами, которые и сегодня остаются не по силам фармакопейной медици-не («элементарной» по Парацельсу).

Истоки тонкополевого направления в медицине лежат в «звездной ме-дицине» Парацельса и в основах пифагорейской медицины, а открытие за-конов в устройстве биосферы и человека; законов их взаимодействия в све-те теории поля формы; открытие типов людей; создание теории о биосфер-ных патогенных зонах легли в основу нового направления в естествознании **«тонкополевого»**. Сегодня тонкополевая медицина, биология и экология получили уже успешное развитие.

Многолетняя практика показала, что проживание человека в БПЗ опас-но для жизни и приводит организм к конкретным болезням. В зоне «Кро-на» человек может приобрести «кроновский» ряд заболеваний. В этом ряду находятся: туберкулез, экзема, лейшманиоз, маниакально-депрессивный психоз, гипертоническая болезнь (с угрозой геморрагического инсульта), заболевания суставов обменного характера, миома матки, неспецифический язвенный колит, болезнь Крона. В БПЗ «Онко» человек может приобрести «онкологический» ряд заболеваний, среди которых: псориаз, шизофрения, эндометриоз, гипертоническая болезнь (с угрозой ишемического инсульта), язвенная болезнь желудка, заболевания суставов воспалительного характе-ра. Редкое заболевание *витилиго* возникает при двойном воздействии на

человека: излучения зоны «Онко» и излучения зоны «Крона». Важно отметить, что ряд зон «Онко» и «Крона» отрицательно влияют на функцию органов эндокринной системы и часто приводят к таким заболеваниям как сахарный диабет 1 типа и различным патологиям щитовидной железы.

Исследования показали, что длительное проживание в зонах «Онко» и/или «Крона», как правило, приводит к наркотической, алкогольной, табачной и другим вредным зависимостям.

В лечении и профилактике заболеваний или нездоровых зависимостей самое важное — это исключение проживания в опасных зонах, а если это невозможно, то нейтрализация их патогенного воздействия. Для нейтрализации БПЗ была разработана и успешно практикуется защитная методика «*тонкополевой зонтик*». Разработана большая серия устройств — «аппликаторов формы» (полное название — «аппликатор-модулятор матричный Некрасова — «МАТЭЗ»). *Аппликаторы формы* — это новые технологии тонкополевой медицины, обеспечивающие эффективное решение многих задач медицины и экологии, это уникальные инновационные способы и разработки, создание которых стало возможным только благодаря открытию законов устройства биосферы. Поле, излучаемое аппликатором формы, воздействуя на *биогеометрическое* поле человека, приводит к восстановлению обменных процессов в организме, улучшению его функционального состояния, снижению биологического возраста клеток, то есть к существенному омоложению. Аппликаторы формы назначаются в соответствии с типом человека, его группой крови и воздействующей БПЗ («Онко» и/или «Крона»), при функциональных расстройствах в широком спектре патологий и для защиты организма от патогенных излучений природного и искусственного происхождения.

Необходимой человечеству и особо актуальной в свете последних событий является разработка, входящая в серию аппликаторов формы — «**Foton-R15**». Это устройство предназначено для нейтрализации патогенного излучения, создаваемого мобильными телефонами, компьютерами и другими современными цифровыми приборами, в устройстве которых используются интегральные микросхемы. 31 мая 2011 г. Всемирная организация здравоохранения признала патогенное влияние мобильного телефона на организм человека, то есть вызывающее болезнь. Международная комиссия в составе экспертов из разных стран, проанализировав несколько десятков исследований, пришла к выводу, что использование мобильных телефонов ведет к образованию у пользователей рака головного мозга. Доклад экспертов опубликован в г. Лионе (Франция) Международным агентством изучения раковых заболеваний, в котором говорится, что в результате широкомасштабных исследований, проведенных ВОЗ с участием более 30 ученых из 14 стран, было установлено, что средства мобильной связи значительно повышают риск появления как злокачественных, так и доброкачественных новообразований. По завершении исследований мобильные телефоны по степени опасности были отнесены к классу 2В шкалы канцерогенов, которая была составлена Международным агентством по изучению рака, наряду со свинцом, кофе, хлороформом, пестицидами группы DDT. При этом было установлено, что мобильные телефоны могут являться причиной возникновения не только опухолей головного мозга, но и опухолей других органов.

Мною еще в начале 2000 г. были инициированы исследования патогенного влияния сотового телефона на биологический организм. Санитарно-эпидемиологической службой РФ еще в 2003 г. было объявлено об опасности мобильных телефонов для здоровья пользователей. Главным санитарным врачом РФ Г. Г. Онищенко было сделано заявление, суть которого заключалась в том, что мобильные телефоны действительно могут наносить вред здоровью человека, особенно детского организма.

Результаты наших исследований, проводимых с начала 2000 г., показывают, что сотовые телефоны опасны для здоровья человека не только во включенном состоянии, но и в выключенном, и даже с отсоединенной батареей питания. Об этом неоднократно говорилось в различных средствах массовой информации (в печати, по телевидению) и в научных публикациях.

Ниже приводятся закономерности, которые лежат в основе устройства «Foton-R15». Поле формы, излучаемое любой геометрической фигурой, устроено по тому же закону, по которому устроено Поле Формы Земли. Гармоничное поле геометрической формы не представляет какой-либо опасности для организма человека, так как в нем, начиная от клеток и заканчивая соотношениями различных жидкостей, все также устроено по правилу Золотого сечения. Геометрическая фигура, построенная с нарушением правил Золотого сечения, излучает опасное для организма человека поле геометрической формы, оказывающее патогенное воздействие. Известно, что в сотовых телефонах, компьютерах и в других современных миниатюрных электронных устройствах применяются многослойные интегральные микросхемы с высокой плотностью рисунка. Нами было изучено влияние на живой организм полей геометрической формы, излучаемых современными интегральными микросхемами, и доказано, что они могут представлять опасность для здоровья человека. В результате выяснилось, что канцерогенную опасность несет поле геометрической формы, излучаемое объемным рисунком высокоплотных интегральных микросхем, то есть пространственно-геометрический фактор. Средство защиты — нейтрализатор «Foton-R15» обеспечивает высокую эффективность нейтрализации патогенного излучения сотового телефона и после многочисленных проверок в самых различных ведомствах и инстанциях рекомендован к применению (№ ФСР 2011/10417 от 05.04.2011).

Учитывая глобальный экологический и социальный кризис, сказывающийся на здоровье всего населения планеты, сегодня видится необходимым применять новые знания о патогенных факторах в природе; о возможностях тонкополевой медицины и новых способах восстановления и сохранения здоровья. Внедрение в медицинскую практику новых знаний об открытых первопричинах ряда заболеваний *Новой классификации заболеваний* позволит диагностировать болезнь на очень ранней стадии развития и давать прогноз возникновения той или иной патологии, что может играть ведущую роль в профилактике большинства заболеваний человека.

Исследования свойств Поля Формы Земли, его структурных элементов и особенностей влияния на организмы, на левые и правые типы людей, помогли раскрыть ритмический характер изменения биосферной диссимметрии. Ежесуточные замеры в течение многих лет помогли выбрать из общего спектра ритмов основные, подчиненные единой закономерности распреде-

ления во времени. Были открыты: годовой, суточно-годовой и суточный ритм изменения биосферной диссимметрии и другие. Эти ритмы играют главенствующую роль во всех природных процессах. Само зарождение и поддержание жизни стало возможным благодаря наличию диссимметрии в биосферной энергии левизны-правизны и ее постоянной ритмической изменчивости. Обнаруженные мной стабильные ритмы изменения биосферной диссимметрии были названы *«тонкополевые биологические ритмы»*. От этих ритмов зависят резкие перемены погоды, землетрясения, наводнения, извержения вулканов, цунами, а эпицентры этих событий строго подчинены их географическому распределению в структуре Поля Формы Земли. Результаты исследования и анализ распределения «горячих точек» на планете, эпицентров крупных природных катаклизмов за последние пять сотен лет и непосредственные результаты обследования мест крупных катастроф показывают нам, что связь между «горячими точками» и биосферными патогенными зонами неоспорима, а даты событий напрямую связаны с пиковыми днями суточно-годового тонкополевого биологического ритма. Таким образом, стал возможен уверенный прогноз, учет которого может обеспечивать безопасность многих мероприятий в жизнедеятельности человека.

В целях снижения рисков различного рода катастроф необходимо хорошо знать топографию биосферных патогенных зон и быть внимательными к прогнозу резких изменений биосферной диссимметрии. В стабильном ритме суточно-годового изменения биосферной энергетической диссимметрии отмечаются периодические всплески, названные мной *«пиками»*. В эти дни происходят сильные колебания величины энергии левизны и правизны в биосфере. Резкий всплеск аварийности на Земле и в воздухе наблюдается в сутки, предшествующие пику суточно-годового ритма (сложный переходный период), и в сам пиковый день и в день после пика. Можно привести некоторые примеры различных событий, произошедших в пиковые дни тонкополевого суточно-годового ритма в 2010–2011 гг. (по данным СМИ):

- в пиковый день суточно-годового тонкополевого биологического ритма — 17 мая 2010 г. самолет Ан-24 авиакомпании Pamir Airways разбился к северу от Кабула;

- в день, предшествующий пику суточно-годового ритма, 22 мая 2010 г. самолет «Боинг 737-800» компании Air India, летевший из Дубаи, потерпел катастрофу, заходя на посадку в аэропорту Мангалора;

- в пиковый день суточно-годового ритма 5 декабря 2010 г. были утрачены три спутника «Глонасс-М», которые должны были завершить формирование российской глобальной навигационной системы ГЛОНАСС. Ракета-носитель «Протон-М» с тремя спутниками стартовала с космодрома Байконур;

- пик суточно-годового ритма 1 февраля 2011 г. послужил причиной сбоя в работе навигационной аппаратуры по всему миру. В США на несколько часов была потеряна связь со спутником, обеспечивающим управление системой наведения ракет с ядерными боеголовками; в этот день в РФ был проведен неудачный запуск спутника системы ГЛОНАСС;

- в пиковый день суточно-годового ритма 18 августа 2011 г. не вышел на связь в расчетное время новейший спутник «Экспресс-АМ4», запущенный ночью 18 августа с космодрома Байконур ракетой «Протон-М» с разгонным блоком «Бриз-М»;

— в день, предшествующий пику суточно-годового ритма, 24 августа 2011 г. новый грузовой корабль «Прогресс М-12М» на 325 секунде полета не отделился от третьей ступени ракеты-носителя «Союз-У».

Открытие тонкополевых биологических ритмов, зависящих от периодического изменения левизны-правизны в пространстве, как явления космического порядка, не оставляет никакого сомнения в том, что и возникновение жизни, и существование ее на Земле не случайное явление, а полностью зависит от периодических процессов, происходящих в макром мире.

Открытые в биосфере явления и их взаимосвязи на уровне вещества и энергии: закон Поля Формы Земли; биосферная диссимметрия и закон ее ритмической изменчивости; биосферные патогенные зоны и их классификация; левые и правые биологические типы людей; энергетические проявления полей геометрической формы; новая классификация заболеваний (по первопричине возникновения) составляют фундамент единой науки, которая была названа *«тонкополевой»*. Благодаря тонкополевой концепции происходит формирование нового представления о пространстве, занятом живыми системами; о биологических типах человека; о первопричинах заболеваний; о новых эффективных способах оздоровления и омоложения организма. Для обучения новым технологиям тонкополевой экологии и медицины работает *авторская школа В. А. Некрасова*. Эта школа также решает задачу интегрирования новых знаний и свода правил организации здоровой и безопасной жизни в образовательную и социальную среду.

В целях сохранения здоровья и продления активной жизни необходимо соблюдать следующие основные *правила здорового проживания в биосфере*:

1. Избегать длительного нахождения в местах прохождения лучей биосферных патогенных зон «Онко» или «Крона». Этот принцип можно соблюдать уже на этапе проектирования. В целях сохранения здоровья и безопасности жизнедеятельности необходимо исключить строительство опасных техногенных объектов в лучах биосферных патогенных зон.

2. При проектировании зданий любого назначения и планировке помещений следует учитывать размеры ячеек геометрической структуры Поля Формы Земли.

3. В целях оптимизации по полю формы условий проживания в биосфере на различных широтах и высотах и в зависимости от полушария следует учитывать свой биологический тип: левый или правый; это необходимо для создания *тонкополевого биологического комфорта* и гармоничного размещения в структурах ПФЗ.

4. Необходимо согласовывать все свои действия с ритмами изменения биосферной диссимметрии.

В наши дни, когда речь идет уже не о сохранении здоровья отдельному человеку, а о самом выживании человечества на планете, возникла необходимость пересмотреть основные положения нашего взаимодействия с биосферой Земли. Выживание теперь возможно только при соблюдении законов устройства биосферы, когда все технологические процессы природопользования и обеспечения жизнедеятельности человека вписываются в природные биохимические и биоэнергетические процессы. Задача освоения экологических знаний и формирования экологического мышления становится уже задачей мирового масштаба. Популяризация новых знаний об уст-

ройте биосферы и человека: семинарские занятия; научно-практические школы и конференции; разработка учебных пособий для средних школ и вузов, способствует внедрению в сферу деятельности человека новой Концепции организации здоровой и безопасной жизни. Человечеству неизбежно предстоит освоить эти знания и сделать их основой для новых законов организации жизни на планете Земля.

Литература:

1. *Вернадский В. И.* Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994.
2. *Вернадский В. И.* Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993.
3. *Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. П., 1922.
4. *Вернадский В. И.* Проблемы биогеохимии. О правизне и левизне. М.: АН СССР. 1940. С. 15.
5. *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1995.
6. *Гурвич А. Г.* Принципы аналитической биологии и теории клеточных полей. М.: Наука, 1991.
7. *Гурвич А. Г.* Теория биологического поля. М.: Советская наука, 1944. 154 с.
8. *Кюри П.* Избранные труды. М.: Наука, 1996. 340 с.
9. *Некрасов В. А.* Жизнь на Земле. Серия «Тайны природы и открытия века». М.-Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2004. 204 с.
10. *Некрасов В. А.* Новые возможности организации здорового образа жизни в свете открытия в биосфере геометрического устройства левизны-правизны и диссимметрии // Современные медицинские технологии. М.: ООО «Национальная Лига здоровья», 2009. № 2. С. 32–33.
11. *Некрасов В. А.* Поле формы, биосферные патогенные зоны и здоровье человека. М.-Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2009. 144 с.
12. *Парацельс.* О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах / Сост. сб. М. Яновская и др. М.: Эксмо, 2005. 400 с.





Анатолий АВРУТИН

«КОГДА ДУША СТАНОВИТСЯ ПРОЗРЕНЬЕМ»

Анатолий Юрьевич Аврутин — главный редактор журнала «Новая Немига литературная», член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, лауреат литературной премии им. Симеона Полоцкого, в России известен по публикациям в «Литературной газете», в журналах «Москва», «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия» и многих других. **Живет в Минске, Беларусь.**

* * *

И опять на песке блики
белого-белого света,
И опять золотая
небесно-невинная даль.
И светает в груди...
И душа по-над бранным воздета,
И парит над тобой то ли Родина,
то ли печаль...

В мир открыты глаза,
как у предка — распахнуты вежды,
И под горлом клокочет:
«Высокому не прекословь!»,
Сможешь — спрячь в кулачок
тот живительный лучик надежды,
Чтоб мерцала внутри
то ли Родина, то ли любовь.

И придут времена,
когда слово в окно застучится,
И перо заскрипит,
за собою строку торопя.
Что-то ухнет вдали...
Но с тобой ничего не случится,
Хоть и целился враг
то ли в Родину, то ли в тебя.

И приблизишься ты, хоть на шаг,
но к заветному слову,
Что в дряхлеющем мире
одно только и не старо.
Испугается враг...
Уйдет подобру-поздорову...
Если будет здоровье...
И все-таки будет добро...

И тогда осенит,
что последняя песня — не спета,
Что перо —
это тоже звенящая, острая сталь,
Что опять на песке —
блики белого-белого света,
И парит над тобой то ли Родина,
то ли печаль.

* * *

Темнеет к полудню... Какой там еще звездопад...
Всё в рытвинах небо, а в нем — будто бездна клокочет.
Себя вопрошаешь... С собой говоришь невпопад...
И кто-то под окнами воет, ревет и хохочет.

По стылой Отчизне давно уж гуляет сквозняк,
И люди лихие гуляют давно по Отчизне.
Емелину печь на кирпичики Ванька-дурак
По пьянке разнес... И сегодня рыдает на тризне.

И хочется в детство. Туда, где горланит петух,
Где тополь дарит тебе желто-багряные длани,
Где чей-то фонарик в ночи помигал и потух...
И хочется к маме... Как, Господи, хочется к маме!

Чтоб молвила мама: «Вновь встретились наши пути.
Ты нынче не весел... Не думай о всяческой дряни.
Все видит Всевышний!.. Чуток посидишь — и иди,
Но съешь на дорожку вот этот горяченький драник...»

Пойду... И услышав, как сосны скрипят на ветру,
Как ломится сиверко в окна, сгибая раструбы,
Я прежде, чем с хрипом средь бешеной выюги умру,
Страну поцелую в давно посиневшие губы.

* * *

Служил у белых... Умница... Хирург.
А в сорок первом, с заградным отрядом,
Под Ленинградом пал за Петербург,
Все ж для него не ставший Ленинградом.

А сын дожил... По Невскому бредет
В ободранном пальто и старых бурках.
И Ленинградом Петербург зовет —
Не говорите с ним о Петербурге!

Он с новым Петербургом не знаком,
Он про Финляндский... Броневи́к: «Эх, людцы!..»
И Медный всадник с тем броневи́ком
Который год никак не разминутся.

Так и текут — мир этот в мир иной —
Одна печаль, но разные дороги.
И чудятся над вздыбленной Невой
Два города... Два мира... Две тревоги...

* * *

Когда в руках, в предчувствии сожженья,
Не рукопись, а рокопись дрожит,
А там, внутри, сомненья и со-мненья,
Созвучья несозвучий, боль и стыд.
И те слова, что горло замыкают
Намного раньше, чем замкнуть уста,
И неспроста созвучия рыдают,
Рыданиям созвучны неспроста.
И в тех столбцах, где сотканы иные —
Не наших дней страдания и слова,
Все глуше ритм, все четче аритмия,
И снова правда вечно не права.
А что же мы? Зачем шнуруют пальцы
Сермяжку-папку рядышком с огнем?
Как холодно!.. Увидят постояльцы
Лишь кучку пепла... Это завтра... Днем...
И будут нервно дергать то и дело
Худую дверь, подпертую со зла.
И печь пуста... И слово не согрело.
И все, чем жил — зола,
зола,
зола...

* * *

День отгорит. Сомнение пройдет.
Иным аршином жизнь тебя измерит.
Вновь кто-то — исповедуясь — солжет,
И кровной клятве кто-то не поверит.

Иной простор... Иные времена...
Надушенных платков теперь не дарят.
Здесь каждый знал, что отчая страна
В лицо — солжет, но в спину — не ударит.

А что же ныне? Как ни повернись,
А все равно удар получишь в спину.
Жизнь Родины?.. Где Родина, где жизнь? —
Понять хотя бы в смертную годину.

И ту годину нет, не торопя,
Себе б сказать, хоть свет давно не светел:
«Пусть Родина ударила тебя,
Но ты ударом в спину не ответил...»

* * *

И небо туманно, и люди ушли на закат,
И мысли схлестнулись в каком-то неведомом споре,
И вечер подлунный пустыми надеждами смят,
Что станут совсем безнадежными мыслями вскоре.

И не о ком думать, и не о чем, не о чем петь,
Последние веи куда-то бегут врассыпную.
А хочется все же к обедне вначале поспеть,
И только потом отправляться на землю иную...

Как зыбко дыханье! Как зыбок измученный свет,
Что нехотя льется сквозь эту обвисшую штору...
И нету восторга, и ужаса, ужаса нет,
Что часто является в эту напрасную пору.

Всё замерло — ветви, пружина в стоящих часах,
Напрасный упрек в обвинениях бывшему другу...
Засохшей полынью измученный воздух пропах
И ворот застегнут, да так, что дыханию туго.

Измята подушка... Неубранный, с крошками, стол.
Чуть звякает время, сползая на мокрые блюда.
Все так же, как было... Но чудится — кто-то ушел,
Захлопнул замок и, конечно, не сможет вернуться.

* * *

Бледное солнце — наследие августа,
Женщины в серых платках без прикрас.
Я же молю: «Упаси их, пожалуйста,
Благослови же их, яблочный Спас!»

Пусть, как их бабушки, бродят с авоськами,
Пусть пунцовеют, коль им — о любви,
Пусть величаются Маньками, Фроськами...
Спасе!.. Пожалуйста, благослови!

Яблоки сложат в кошелочки белые,
Смотришь — кошелки уже и полны.
Спелые груди, как яблоки спелые,
Только во взглядах — вина без вины.

И выступают походкою кроткою
К Храму, на час отойдя от печи.
Ходят такою же кроткой походкою
Белые ангелы в черной ночи.

Только у ангелов жизнь — не мучение,
Им ли, средь ужаса и суеты,
Стирку заканчивать по возвращению
И всё стоять и стоять у плиты?

После — в осколок зеркальный украдкою
Глянуть, поняв, что бег времени — лют.
Сладкие яблоки... Время несладкое...
Русские женщины к Храму идут.

* * *

По белизне неслышно ускользая,
Неслышно растворяясь в белизне,
Пронзает вены музыка немая,
Больною кровью слышима вдвойне.

И вопреки тоске и непогоде,
И самому дыханью вопреки,
Неясный звук пришел и не уходит,
А остальные звуки — далеки.

Неясный звук... Он слышится без пенья,
Пугая мрак загадкою двойной:
Когда душа становится прозреньем,
Когда прозренье сделалось душой?

* * *

В сердце бродят стихи...
Не поверишь, но все еще бродят.
Хоть поблекли афиши и поздние звезды тихи.
И пора б не бродить, и пора б успокоиться вроде...
Но, как пенная брага, в предсердии бродят стихи.

И я — вечный батрак все того же презренного слова,
Что придет и раздавит, а после — поднимет опять.
Всё пытаюсь писать... Поднимаюсь и падаю снова,
Всё пишу и пишу те слова, что нельзя написать.

Что-то ухнет в ночи,
Полыхнет на полнеба зарница,
И тяжелое слово набухнет, как будто зерно.
Хоть пиши—не пиши, ничего и нигде не случится:
И душа отгорела, и слову не верят давно.

И тропы не видать — всё ухабы, разломы, овраги,
А скользя по оврагу, не больно-то строчку шепнешь...
Но не станет стихов — и не станет ни хлеба, ни браги,
И померкнут рассветы, и рано осыплется рожь.

Потому и кричу, что до неба нельзя докричаться,
Потому и пытаюсь дозваться ушедших навек,
Что сквозь толщу веков лишь зерно и строка золотятся,
Лишь с зерном и строкой понимаешь, что ты — человек...

* * *

Что велено роком,
То, значит, и велено роком.
И сбудется все, здесь не нужно казаться пророком.
А если вкрадется случайно какая-то тайна,
То, значит, и тайна закралась сюда не случайно.
Заря на полнеба? Так, значит, заря на полнеба.
Все сбудется так, как сбылось у Бориса и Глеба.
И хмурые лики останутся хмуры и мрачны —
Не велено роком, и небо не станет прозрачным.
А коль не случится того, что должно бы случиться,
Не стоит напрасно пред Господом Богом виниться.
Начертано так... В том сокрыта высокая милость,
Чтоб что-то случáлось, но все ж ничего не случíлось.
Ведь все не случайно, и в этом высокая тайна,
Что тайна высокая тоже всегда не случайна...





**Сергей
ТРАХИМЁНОК**

СУЕТА СУЕТ

Рассказ

Сергей Александрович Трахимёнок — родился в 1950 г. в Карасуке, Новосибирской обл. Доктор юридических наук, профессор. С 1996 г. по 1999 г. — начальник кафедры правовых дисциплин Института национальной безопасности Республики Беларусь, 1999—2000 — начальник ситуационно-аналитического центра Совета безопасности Республики Беларусь, 2005—2006 — заместитель директора Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 2007 — директор НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Член союзов писателей России и Беларуси. Секретарь Правления Союза писателей Беларуси. **Живет в Минске, Беларусь.**

Странного вида мужчина в шляпе и демипальто шел покачиваясь вдоль трамвайных путей к остановке. По мере его приближения к нескольким десяткам людей, стоящих на асфальтовом возвышении, раскачивания мужчины увеличивались, словно некий механизм каждый раз добавлял им дополнительное ускорение. Все это необъяснимо походило на прогулку по краю пропасти, которая не могла закончиться благополучно.

Из-за поворота появился трамвай. С неотвратимостью судьбы приближался он к остановке.

— Так-так, так-так, — стучали на стыках его колеса.

Когда трамвай поравнялся с мужчиной, тот еще раз качнулся и оказался в пространстве между рельсами...

Семенчук увидел испуганные лица людей, стоявших на остановке, и так же как они испугался и... проснулся...

— Так-так, так-так, — стучали на стыках колеса поезда, возвращая Семенчука из эфемерного царства сна в осязаемую реальность. Вячеслав Антонович Семенчук, полный лысоватый мужчина сорока семи лет, работал снабженцем в бывшем НИИ полимеров и ехал в город в командировку. Вячеслав Антонович посмотрел на часы, можно было еще поваляться, но он поднялся и направился в туалет, понимая, что легче туда попасть сейчас, а не через полчаса, когда проводница станет будить всех, начнется вагонная суета, а он не любил суеты, в том числе и вагонной.

Умывшись и побрившись, Семенчук вспомнил сон, но тот не вызвал у него чувства тревоги или опасности. В детстве мать запрещала ему купаться в реке. А чуть позже девятилетний Слава узнал, что цы-

ганка, ходившая по дворам, нагадала матери «гибель сына от воды». Семенчук, став взрослым, о гадании не забыл и воды сторожился: купался с оглядкой и даже зимой в сильные морозы не ходил кататься на коньках на реку. Зато всего остального он не боялся: до тридцати лет ходил в горы, спускался в пещеры, прыгал с парашютом.

Перед городом поезд замедлил ход, и Семенчук, поторопившийся выйти в тамбур, был вынужден долго и терпеливо ждать, пока плетущийся как судак по Енисею состав минует поселок «новых русских» с трех- и двухэтажными домами и черепичными крышами; старые дачи, построенные в семидесятых годах, небольшие домики на шести сотках; городскую окраину с предприятиями, которые назывались промзоной; стоящие на путях зеленые вагоны — свидетельство приближающегося вокзала и, наконец, перрон с его суетой и беспокойством тех, кто ожидает посадки, тех, кто встречает, и тех, кто «кормится» встречающими, предлагая им такси в любой конец города или тележку в любой конец перрона и даже на привокзальную площадь.

«Но что человеку чужая суета — она не достойна его внимания, поскольку никоим образом его не касается, а является лишь фоном, на котором происходит все, что предписано ему судьбой», — думал Вячеслав Антонович, обходя двух таксистов, крутивших на указательных пальцах ключи от машин, и спускаясь в подземный переход.

На привокзальной площади его опять атаковали таксисты, безошибочно понимая, что мужик с двумя сумками — их потенциальный клиент. Понимал это и Семенчук, но направился к машинам частных, стоящим в отдалении от стоянки такси. В городе он бывал часто и знал, что частники берут за проезд меньше.

Устроившись на заднем сиденье старых «Жигулей», Семенчук немного расслабился, так как знал, что ехать ему не менее двадцати минут.

В командировку он приехал на один день — достать своему начальнику очистной фильтр на машину. Фильтр можно было купить и не мотаясь в город, но начальник полагал, что в городе эти самые фильтры стоят чуть ли не в два раза дешевле, а Вячеслав Антонович не стал его переубеждать, тем более что в город ему нужно было позарез по своим делам.

Сам Семенчук тоже жил в городе, но небольшом, тысяч на шестьдесят жителей. В перестройку институт, в котором он работал, перестал существовать, точнее от него осталась лишь вывеска, под крышей которой продолжала работать одна лаборатория, заключившая в свое время выгодное соглашение с рядом коммерческих фирм, выпускающих и продающих полиэтиленовую пленку для дачников.

Семенчук достал из кармана куртки толстую записную книжку, просмотрел все, что было записано на 20 марта.

Книжка была гордостью Вячеслава Антоновича. Наряду со многими полезными сведениями и телефонными номерами она имела 366 страничек для записей неотложных дел. На странице 20 марта значилось двенадцать пунктов, каждый из которых означал маленькую или большую проблему, которую ему предстояло решить в городе.

Семенчук еще раз сверил адрес и попросил шофера остановиться возле облезлой пятиэтажки.

— Я сейчас вернусь, — сказал он водителю и направился к крайнему подъезду, волоча за собой одну из сумок.

Водитель, мужичок в куртке коричневого цвета, кожаной кепке и с небритым дня два лицом, лениво кивнул ему в ответ головой, понимая, что клиент не скроется от него, не расплатившись, раз уж оставил в машине вторую сумку.

Семенчук поднялся на третий этаж и позвонил в дверь нужной квартиры. Почти сразу же после звонка раздались шаркающие шаги и дверь открыла среднего роста старушка с расчесанными на две стороны седыми волосами во фланелевом халате и тапочках.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — произнес он обычную в таких случаях фразу, поскольку на лице старушки появилось удивленное выражение, — Лидия Петровна заказывала.

— А она мне ничего не говорила, — ответила старушка.

— Знаете, она видимо замоталась, сами понимаете, студенты, нагрузка, — говорил Семенчук, протискиваясь в прихожую и осторожно ставя сумку на пол так, чтобы не звякнули находящиеся там банки.

— А что там? — строго спросила старушка.

— Если бы я знал, — сказал Семенчук, обворожительно улыбаясь, — я всего лишь передаточное звено, посредник, как модно говорить сегодня. А точнее оказия, так что вы не обессудьте. Лидия Петровна разберется, да там и записка ей есть.

— А там нет ничего скоропортящегося? — так же строго спросила старушка.

— Да что вы, там все рассчитано на долгое хранение.

Вторую сумку Семенчук завез еще проще. Жена декана факультета «Мосты и тоннели» приняла дар как должное, даже не поинтересовавшись, от кого он поступил.

Вернувшись в машину, Семенчук вновь уселся на заднем сиденье и попросил шофера подвезти к вокзалу.

Водитель, слегка взволнованный, когда клиент покинул его второй раз, не заплатив за проезд и не оставив ничего в залог, успокоился и начал разговор о погоде и ценах на бензин. Семенчук поддакивал ему, размышляя, однако, о своем.

Он думал, что уж больно гладко начался этот визит в город. Опыт подсказывал, что так не бывает и что дальше у него что-то должно сорваться. Но вместе с тем он радовался тому, что самые значимые дела в его списке успел сделать: передал маленькие подарки преподавателю английского языка своего сына и создал «материальную основу» для будущего разговора с деканом факультета «Мосты и тоннели», на котором учился его оболтус.

Тот мало того, что имел хвост по какой-то технической дисциплине, название которой никак не давалось Семенчуку, но и умудрился получить «хвост» по английскому.

— А вчера был такой случай, — продолжал разговор таксист, — шел пьяный по улице и упал в лужу. Упал и лежит. Подходит сердобольный старичок, вытаскивает его из лужи и ставит на ноги. Мужик какое-то время стоит, качается, а потом бац, выходит на проезжую часть и попадает под машину. Вот это помог. Да?

— Угу, — почти автоматически ответил Семенчук, которого не тронула история с пьяным мужиком. Каждому уготован свой конец. Одному — уме-

реть «от железа», другому — «от воды». Стоит ли тратить время на размышления, почему и как кто-то погиб.

— Вот так живешь, живешь, — продолжал водитель, — и бац. А главное, если тебе написано на роду умереть сегодня, то ты сегодня и умрешь. Вот как тот мужик. Ну не вытащи старик его из лужи, он бы захлебнулся бы. А так под машину попал... Точно?

— Угу, — не особо вдумываясь в эти слова, ответил Семенчук и попросил остановиться поближе к зданию вокзала.

Рассчитавшись с водителем, Семенчук направился в кассу и встал в очередь, чтобы взять обратный билет. Он уедет вечером, даже если все остальные проблемы останутся нерешенными. Черт с ним, начальственным фильтром и прочими мелочами, главное было сделано, и не стоило оставаться в городе еще на один день.

Очередь была небольшой, человек семь. С учетом того, что кассирша пользовалась компьютером, дело шло споро. Но стоящий рядом мужчина с рюкзаком за плечами решил сократить время в очереди разговором с Семенчуком.

— На выходные? — спросил он, пытаясь завязать разговор. Семенчук сделал каменную физиономию и мужчина отстал, оставив его наедине со своими мыслями.

Купив билет на обратную дорогу, Вячеслав Антонович трамваем добрался до железнодорожного института.

В приемной декана факультета «Мосты и тоннели» он просидел почти два часа, не желая раздражать секретаршу, худую девушку в огромных очках со стеклами цвета слабой йодной настойки. Весь вид его, покорность, с какой он пропускал вперед себя представителей профессорско-преподавательского состава, сделали, наконец, свое дело, и даже невидимые за йодными стеклами глаза секретарши заметили столь терпеливого посетителя.

— Дмитрий Степанович, — произнесла она в какое-то устройство, похожее на телефонный аппарат, только без трубки, — к вам товарищ из провинции.

Зайдя в кабинет, Семенчук представился, и от него не ускользнуло, что выражение лица декана слегка изменилось.

«Да, — подумал Вячеслав Антонович, — видимо Игореша действительно достал всех на этом тоннельном факультете».

У Семенчука было двое детей: погодки Алла и Игорь. Но если старшая дочь окончила институт и училась на первом курсе аспирантуры, то сын прошел в политехнический только с третьего раза, а проучившись год, бросил его и поступил в железнодорожный. Семенчук не был против этого, хотя и не мог понять причин для такого поступка. И только недавно узнал он, что Игореша ушел на «Мосты и тоннели» вслед за своей однокурсницей. Какое безрассудство. Семенчук в его возрасте не позволял захлестнуть себя ни чувствам, ни эмоциям.

Вячеслав Антонович понимал, что декан ждет от него действий по защите отпрыска, но он не стал защищать сына, точнее не стал защищать столь примитивно.

— Дмитрий Степанович, — начал он, — я не отниму у вас много времени. Я пришел к вам как отец к отцу в некотором роде за советом.

Такое начало было беспронимательным. Он явился «не права качать» и даже не «бодаться» с деканом, он просит всего лишь совета.

— Некие обстоятельства, которые юноши в таком возрасте вовсе не желают озвучивать, помешали Игорю сдать эти экзамены.

— Вы знаете, — ответил декан, — у нас инструкции, минообраз...

— Я предложил ему уйти из института. Но он настроен учиться, учиться и закончить вуз. И в этом я его не могу не поддержать. Я не прошу у вас делать ему поблажек. Нет, но дайте ему шанс. И, что греха таить, ведь это английский. Так уж получилось, что в школе, где он учился, профилирующим был немецкий и, наконец, появилась учительница английского языка. Но она тут же вышла замуж и все пять лет, пока мальчик учился в школе, она время от времени уходила в отпуск по беременности и родам. В результате за пять лет она имеет двух здоровых детей, а ее ученики так и не знают английского. Дайте ему шанс.

Расчет был правильный. Декан не сможет ему отказать прямо, даже если его оболтус использовал все предусмотренные инструкциями шансы. Он, разумеется, даст согласие. Так проще и спокойнее, чем тратить нервы на то, чтобы сказать папаше-просителю «нет». Ну, подмахнет он еще одно разрешение на сдачу экзамена. А сдать его он все равно не сдаст: знаний-то у студента не прибавилось. Так видимо думает декан. Думает и не знает, что он попал в капкан Семенчука, впрочем, так, как и англичанка, ведь именно ей и декану Вячеслав Антонович отвез по подарку.

Выходя от декана, Семенчук вспомнил анекдот о кавказце, который вез в Москву барана.

— Зачем барана в Москву везешь? — спрашивал его проводник вагона.

— Это не баран, это подарок, — отвечал кавказец, — а баран в институте учится.

Семенчук присел на скамейку в парке, вытащил записную книжку и вычеркнул три позиции в списке. Он не любил суеты и беспорядочности. У него все всегда было расписано по пунктам. И сегодняшний день, и завтрашний. Причем на завтрашней страничке всегда оставались свободные места для тех дел, что появятся, и тех, что по каким-то причинам не были сделаны сегодня.

К концу года Семенчук списывал очередную книжку, но не выбрасывал. Те, что служили хозяину последние три года, просто лежали на письменном столе, остальные, связывались по пять штук и хранились в том же столе, но в дальних ящиках. Хозяин записных книжек не любил неожиданностей, экспромтов, импровизаций, называя все это неорганизованностью. Но больше всего не терпел он неорганизованности, исходящей от других. Все, что другими делалось не по его меркам и стандартам, раздражало Вячеслава Антоновича.

Семенчук посмотрел на часы. Было время обеда. До отхода поезда оставалось пять часов.

Он забежал в кафе под каким-то латинским названием, неспеша отобедал куском пиццы, запил ее стаканом пепси-колы и вновь занялся делами.

К шести часам он успел сделать все: купить жене и любовнице духи, очистной фильтр начальнику, решить по телефону все вопросы со смежниками и... удивиться этому. Такое случалось редко, если не сказать больше, не случалось никогда. Из двенадцати ежедневно планируемых дел редко

удавалось сделать больше десяти. Уж больно необязательный был вокруг Семенчука люд, не желавший жить и работать так, как это делал Вячеслав Антонович.

До поезда оставался час с небольшим, и Семенчук позвонил сыну. Но на вахте в общежитии сказали, что жильца двести второй комнаты не видели со вчерашнего вечера, и Вячеслав Антонович, мысленно выругавшись, повесил трубку. Отсутствие сына можно было предположить. Но в данном случае логика поведения парня в возрасте двадцати лет не стыковалась с родительской.

«Мог бы сегодня и не шлаться, где попало, раз уж знал, что я приеду», — подумал Семенчук, и ему стало грустно.

Совершенно случайно взгляд его натолкнулся на вывеску «Пивбар».

В баре было чисто, светло, за стойкой возвышался молодой человек в жилете, белой рубашке с черной бабочкой. Семенчук уселся на высокий стул и заказал горячий бутерброд и кружку пива. Он жевал бутерброд, запивал его пивом, ожидая, что алкоголь снимет с него неприятное чувство, возникшее после звонка сыну. Но нужного результата не наступало. Тогда он заказал себе сто граммов водки. Пока бармен доставал бутылку, наливал содержимое в мерный стакан и переливал его в другой, к стойке подошли два парня и по-хозяйски уселись на стулья. Бармен тут же подал им пиво в двух бокалах, и те, отхлебнув по глотку, закурили сигареты.

Семенчук махом выпил водку, закусил остатками бутерброда и окончательно понял, что ожидаемого результата не дождется. Наверное, эффект этот наступает не столько от алкоголя, сколько от чего-то другого, и это другое в данное время напрочь отсутствовало. Недаром, видно, русский человек не пьет в одиночестве.

Он рассчитался и пошел к выходу.

На улице грусть, которую он пытался залить выпивкой, вдруг переросла в жалость к себе. И все что он делал сегодня, вчера и много лет до этого показалось ему никчемным, пустым и главное не оставляющим никакого следа в жизни... Постояв на крыльце бара, Семенчук направился к остановке трамвая, отметив, однако, что все-таки опьянел от кружки пива и рюмки водки. Он шел к остановке, не чувствуя под собой ног. Было начало седьмого, заканчивался очередной мартовский день. Солнце уже касалось антенн многоэтажек, с крыш которых свисали огромные сосульки. Красноватые закатные лучи отражались в них.

Странное чувство нереальности происходящего, возникшее не то от опьянения, не то от ощущения, что все это с ним уже когда-то случалось, появилось у Семенчука.

Он двигался вдоль трамвайных путей к остановке, удивляясь тому, что несколько десятков людей, стоящих на асфальтовом возвышении, смотрели на него так, словно он, в отличие от всех законопослушных граждан, ждущих зеленого сигнала светофора, переходит улицу на красный свет.

Перед самой остановкой Семенчука против его воли сильно качнуло, он сделал шаг в сторону и оказался в пространстве между рельсами. Раздался звон трамвайного сигнала. Удивление на лицах людей, стоявших на остановке, сменилось испугом, и Семенчук в мгновение ока вспомнил сон и понял, что сейчас должно случиться. Он внутренне напрягся, ожидая удара бампером в спину. Но в последний момент, когда, казалось, столкновение

неизбежно, какой-то мужчина ударил Семенчука в плечо, вытолкнув за рельсы. Тяжелая масса вагона, чиркнув его по спине, пронеслась мимо. Вздых облегчения раздался на остановке, и про Вячеслава Антоновича, чуть было не попавшего под трамвай, тут же забыли и стали концентрироваться возле дверей вагона.

Семенчук обошел трамвай сзади и поплелся к ближайшему зданию: он боялся упасть и решил на что-нибудь опереться. Добравшись до угла пятиэтажного дома, он прислонился к стене. Немного отдышавшись, он хотел было двинуться дальше, но не смог этого сделать.

Странные мысли, похожие на фразы без начала и конца, а следовательно, без смысла, копошились в голове. Семенчук вдруг с ужасом осознал, если сейчас он не сможет разобраться в них, перевести эти мысли-уроды сначала в полноценные мысли о действиях, а затем положить их в основу поступков, он навсегда останется у стены этой панельной пятиэтажки.

Правда, тут же до него дошло, если он понимает это, значит, он уже мыслит, и из множества мыслей-калек он все же собрал одну, и таким образом сделал первый шаг к спасению. Но порадоваться этому Семенчук не успел. Огромная мартовская сосулька, висевшая над ним на высоте пятого этажа, отломилась и понеслась вниз.





Егор ИСАЕВ

«ДАЙ МНЕ ВЕЧНУ СВОЮ, ЗЕМЛЯ!...»

*Отрывки из беседы
писателя о жизни и
литературе*

*записал
Михаил Фёдоров*

Михаил Иванович Фёдоров — родился в 1953 году в г. Вологде в семье военнослужащего. Вместе с отцом жил в Крыму, Грузии, на Псковщине, на Урале, в Оренбуржье, в Казахстане на Байконуре. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член Союза



писателей России. По профессии адвокат. Автор многих книг прозы и журнальных публикаций. Живет в Воронеже.

Выдающийся русский поэт и публицист Егор (Георгий) Александрович Исаев родился 2 мая 1926 года в селе Коршево Бобровского района Воронежской области в крестьянской семье. После начала Великой Отечественной войны вместе со взрослыми и молодежью школьник Егор Исаев рыл окопы и противотанковые рвы под городом Смоленском. В Красную Армию призван осенью 1943 года. В составе войск 1-го Украинского фронта участвует в Берлинской наступательной операции, в боях под городом Котбус, а затем в освобождении Праги. После войны младший сержант Егор Исаев в течение пяти лет служит в составе Центральной группы войск: в Чехословакии, Австрии, Венгрии. В этот период в дивизионной газете «На разгром врага» впервые печатаются его стихи и заметки. Окончил литературный институт. Был секретарем Союза писателей СССР. Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии. Награжден многими орденами и медалями. Избирался депутатом Верховного Совета СССР. Всемирную известность поэту принесли его поэмы «Суд памяти» и «Даль памяти». В советские времена, затененные материалистической идеологией и атеистической пропагандой, Егор Исаев создает поэтические произведения, которые имеют художественно-философские обобщения, значительную духовную силу. Автор в своих боеспособных антивоенных произведениях в русской классической традиции рассматривает взаимосвязанные категории времени и памяти. Он убежден, что память состоит не только из череды минувших событий, не есть простая сумма личных человеческих воспоминаний.

В напряженной драматической образности его поэм интеграл исторической памяти исчисляется только в границах совести. Каждый человек, особенно солдат, несет личную ответственность не только за судьбу свою и своих близких, но за судьбу своего народа и всего мира. Поэтому нельзя забывать то, что хочется забыть. Поэтому говорит один из героев поэмы «Суд памяти»:

*Запомни, Хорст, как дважды два:
Огонь, он возвращается...*

В своих последующих стихах поэт на более тонких уровнях рассматривает соотношение судьбы, поступка, совести и памяти.

*Я эту память прямо с горизонта
Глазами взял. И до сих пор она во мне,
Она болит, не закрывает двери
В живую даль неотболевших лет.*

Эта «живая даль» и сегодня питает мыслями и образами поэтическую палитру выдающегося поэта.

...Не забыть разговор с Паустовским о философии войны. Это по «Суду памяти». Паустовский прозаик известный, потом, он не такой громкоголосый, очень глубокий, у него учился Бондарев. Ведь образ стрельбища открыл только я — и в поэзии, и в литературе. Как символ. Образа стрельбища — ведь нет. Это же стрельбище по живым. Как можно все объединить, как можно сказать о Второй мировой войне! Вот ты говоришь, в Интернете написано: «Это потрясло Исаева. Он рассказал об этом Паустовскому. Константин Георгиевич внимательно выслушал поэта и сказал сквозь очки: “Молодой человек! Вы нашли главный философский ключ от войны...”» И: “Пишите, но только прозой”». Они передали точно. А прозой это нельзя написать.

Паустовский... Он был народным человеком. Он любил обыкновенность, поэтому был романтиком. Он очерки писал такие, которые романистам никогда не написать. Возьми «Колхиду». Какое у него уважение к труду! Не декларативное уважение, с восклицательными знаками, а знаками, повернутыми в глубину. Философии труда. Поэтому я и пришел к нему. Поэтому я и рассказываю, что и как. Я сам стрелял, я знаю, что такое стрельбище, я по фанерным (мишеням) бил, а потом за этими фанерными — целая галерея. Вторая мировая война, и в Европе, и в Африке, и в Азии, как объединить в один образ, как найти символ... А он, этот символ, лежит передо мной, и его никто не заметил. Это стрельбище! Это же поразительно, Миша Алексеев тоже об этом писал. Но это было в Австрии, в долине Дуная. Я перенес, естественно, в Германию этот кратер войны, это тихое, засоренное место, где земля никогда не знала ни пахоты, ни сева. Но все оттуда шло. И там боль, и кровь, и смерть во все стороны — и на Восток и на Запад... Стрельбище. Какое, ты думаешь, это немецкое стрельбище? Стрельбище — это вообще символ. И в фанерного человека, как в живого человека. Вообще, сам не нахожу этой оценки. Ведь от «Суда памяти» половина зала рыдала, потому что это боль. Это жизнь.

Спрашиваешь: показал Паустовскому наброски? Нет, я ему рассказал... Я в Париже не был, но считаю, что Вена самый красивый город. Вена — в ней родились композиторы, музыка оттуда. Хотя в Германии тяжелая музыка. Органная. Баха. А тут — звучат вальсы. Доносятся неаполитанские песни. Я замираю от неаполитанских песен. Как запоем — как будто я в юность ушел. Или Штраус, понимаешь? И уже седины у меня нет. Но меня как тянуло поле. Мир — самое главное поле. Кто — из полей, а я — в поля. Дай мне весну свою, земля!.. Дай допеть, что не допето. И я ему — Паустовскому. Я переходил мост через Дунай и шел в провинцию. И почему-то меня притягивали вот эти пустыри. У Паустовского есть потрясающее. Где-то: от развалин пахнет вечностью.

Так в Вене. По этой стороне — Вена. Подошел, подъемник для рыбы. В Дунае еще была рыба. А я однажды захотел переплыть Дунай — вот я тебе к настроению рассказываю. И пошел. Какие-то заросшие окопы, думаю: тут же не должно быть боя. Заросшие окопы. Потом гильзы, как порох, рассыпаны. Прогнившие силуэты мишеней. Непонятные уже от ветхости сооружения. Что-то вообще. Я глянул на вал. Вал — пулезаградитель. А там люди, как муравьи. Чего они там делают-то? Тут все запустение. И я иду, подхожу. У кого лопаты. У кого решето. Лопатой — и горсть пуль, пуль всех систем, пока существовало огнестрельное оружие. Начиная от мушкетов и до последней пули от последнего автомата. Поразительно: добыча свинца идет. Там безумие, убийство накоплено. Или, так сказать, по принуждению к убийству. Накопил накопленное. Там пули всех систем. От Фридриха до Бисмарка. От Бисмарка до Гитлера. «Обласканные в талии, нетленные, нехитрые» пули. И ракета. Посмотри, пуля маленькая... Ну, а в заключении пуля возвращается к нему... Ты, ты, ты убит. Пули — они же ничего не соображают. Вот и происходит суд. Нюрнбергский суд идет. Откуда пошло это стрельбище. И вот собственно... Так, Паустовскому передал свои впечатления о стрельбище. И он сразу все понял.

Это в Литинституте. Я был, Юра Бондарев — он был на третьем курсе, а я был на первом. Я не пошел к своему руководителю. Я не пошел к тому же Долматовскому, который все время хотел, чтобы я был у него в семинаре. Он имел право на меня, потому что он как бы открыл меня. Но мне неловко. И нехорошо. Там же были известные писатели, а почему-то я — к Паустовскому.

Дело ведь в том, почему я пришел к Паустовскому. Вопрос: почему? Потому что «Суд памяти» потом однополосно вышел в «Комсомольской правде». Такого вообще не бывало. Только во время войны в той же «Комсомольской правде» полоса была о Зое Космодемьянской — «Таня», Алигер. Это во время войны. А потом первое, когда полосу — дали мою главу. Глава вышла в «Комсомолке». Чивилихин Володя был заведующим отделом в «Комсомолке». А Толя Елкин у него. Мы с ним встретились на Ломоносовском проспекте. А у меня голову распирает. Я ему читаю. Он слушает. И мне: «Егор, поехали». Это же придумать нельзя. Поехали! Толя — Чивилихину: «Слушай, это что-то такое...» Чивилихин: «Ну, давай». Толя: «Ну так, сейчас будет редколлегия». Чивилихин: «Там и прочитай». И пригласили. А у меня состояние, я не понимаю, то написал или нет. Это, может, за

меня как-то написалось. Я прочитал. Сидят эти люди. Члены редколлегии. Это, наверно, было в понедельник. Планерка у них. Я начинаю:

*Поштучным,
пачечным,
строчным
Бесился автомат.
И он, солдат,
Срастался с ним
И сам, как автомат,
Тупея, гнал перед собой
Убойную волну
Из боя — в бой.
Из боя — в бой.
И из страны — в страну.*

Панкин был первым заместителем главного редактора «Комсомолки». А Воронов Юра, он блокадник, у него все погибло, такой немножко девичьего склада и лица и характера, добрый, потом стал поэтом, мы его тоже издали, он и был поэт... Аплодисменты. И Воронов говорит: «Ну а что будем делать-то?» Панкин: «Так чего, тогда на всю газету дать». Один был татарин, вот это мой сторонник, Девитьяров. А он уж слишком был советский: «Надо посоветоваться». Панкин: «О чем советоваться, тут все видно». И решили: следующий номер давать. Дали. А когда дали, бухгалтер приходит и говорит: «А как платить-то будем? По минимальной цене за строчку — это 70 копеек. Или самой высшей — это рубль. Я посчитала, это все, что на поэзию за три года, Исаеву отдадим». Как быть? Как платить? Все в восторге, а о финансах забыли. Ведь весь авторский гонорар за три года надо заплатить Исаеву.

Газета уже вышла, на редколлегии встает Володя Чивилихин: «Стыдно нам будет, мы так сейчас дали и, смотрите, как, уже пошел разговор, а копейки будем считать. А он, вы же видели (про меня), ничего не требует. Он...» А я в гимнастерке был, кирзовых сапогах и шляпе. Чивилихин: «Вот у меня Кедроград вышел». Публицистический очерк «Месяц в Кедрограде». Он же первый выступил за кедр. Так вот у него гонорар за три очерка. Чивилихин: «Переведите мой гонорар Исаеву». Такое ж бывает! Тут драться начнут за кусок хлеба. Перевели. Я получил девятьсот рублей. Это по тамошним деньгам — ого-го! Это зарплата председателя Совета министров.

А потом «Суд памяти» выдвинули на Ленинскую премию. Я — совсем неизвестный человек, у меня нет никакой поддержки. Ничего, понимаешь? Видимо, чтобы меня не победили, я должен был очень хорошо работать, понимаешь? Видимо, это была задача, я должен был не торопиться, не оглядываться на конъюнктуру, понимаешь, это само лежало в самом творчестве. Я не стремился к победе. Если бы я писал, думая об успехе, я бы не написал. Тогда приняли постановление восстановить премии имени Ленина и присуждать их ежегодно ко дню его рождения, 22 апреля. Рассмотрение работ, представленных на соискание премии, и принятие решений о присуждении производилось комитетом по Ленинским и Государственным

премиям. Это наша великая демократия. На соискание Госпремии или Ленинской премии, если она касается науки, она шла иначе, даже секретно. Давали — и никто ничего не знал. А по литературе начинается обсуждение. Коллектив. Кто напечатал. Они выдвигают. И потом, когда принимается к обсуждению: по живописи — то-то, по скульптуре то-то, и по литературе. Это за два года. Два года обсуждать. И вся центральная печать. И республиканская и областная два года. На основе отзывов заседал комитет, и отбирали на обсуждение на самом комитете. А откуда у Исаева кто? Никого. За него деревня, что ли, пойдет?

И произошла страшная стычка. Кочетов выдвинул меня на Ленинскую премию, а Твардовский выдвинул Солженицына. И я пришел на последнее пленарное заседание. А я никого не знаю, никаких благов, сватов. Я не знаю, куда прислониться. А там гранды, Шостакович... И давали премии не имени, а произведению. И вот Шолохов мне не помог. Он не приезжал. А меня под крыло взял Александр Андреевич Прокофьев, ленинградец. Председатель ленинградской писательской организации. Фронтовик, поэт. А тогда добавили на премию меня, Плисецкую, Кирилла Лаврова, Ульянова. А голосование идет по списку. Рассматривали по алфавиту. Соискатель, если его обсуждают, должен уйти с обсуждения, не связываться, не стесняться. Но вот сначала «а», «б», «в», «г» — Гончар Олесь. А Гончар не пришел, он опытный. А я же молодой. Думаю, вот скажут, где Исаев, вот и пришел. Хожу по коридору, проходит двадцать минут, полчаса.

Выходит жена Андрея Вознесенского и говорит: «Егор, заходи». Дверь открыта, сто человек самых отборных и Тихонов Николай Семенович, председатель комитета. Ведь он забыл устав, я ведь должен был подумать, а меня подготовились прихлопнуть. Он издали, оттуда, с председательского места задает мне вопрос, а рядом сидит Твардовский. Это потрясает. Он задает мне, а я смотрю на Твардовского. А ведь это действительно величина, как Шолохов. Они очень близкие, очень народные. Там две войны, война империалистическая и гражданская, проза. А Великая Отечественная, проза не создала такого героя, как Василий Теркин, а создала поэзия. Вот, понимаешь. Тихонов спрашивает: «Егор Александрович, а вы за или против?» Вот ты воскликнул: «Ничего себе!» Выставить напоказ! Ты хочешь или не хочешь? Если б я чуть похитрее был. У меня была возможность... А я сказал: «Николай Семенович, вы же председатель, вы же лучше меня...» А так и рвалось изнутри: «Ну что же меня в такое положение ставите!». И все поняли. Все! И противники, и те, кто «за». Это же секунды. Я как перед расстрелом.

Ну а вдруг я был бы «за». И между прочим, в душе я колебался. До меня доходили слухи, что Шолохов «за». А потом я расспросил его сына Михаила Михайловича, он сказал: «Не знаю». Ну вот, представь себе, я бы сказал «за». Те, которые за меня, сказали бы: «Ну и Исаев! Мол, раз так говорит, он может все предать». Мы за него, а он еще с той стороны хочет. Это все длилось секунду. Я знал, что я себя убиваю. И Твардовский смотрит вот такими, — согнул пальцы в кружки, — глазами. Он все понял. И вот я не прошел. А ведь мог...

Проголосовали. Премию получает Гончар за «Тронку». И хромой белорус, председатель комитета по радио и телевидению, я вообще люблю белорусов, из всех наших украинцев, русских самые прекрасные — белорусы.

Они наивные. Единственно, о каком народе я сказал, сколько там железа, сколько там могил. Это самые светлые из нас, русичей. Ведь Белоруссия всегда лежала поперек запада на дороге в Москву. Ведь пока дойдут, Белоруссию всю сожгут. Он похлопал меня по плечу. И Твардовский все понял. Как он меня понял и понял их. Что же делается? Что же вы играете? А что, было-то. Пока я там ходил, по моей фамилии быстро проголосовали, а как дошли до Солженицына, там схлестнулись. Все это было в шестьдесят четвертом году. Прокофьев и крикнул Твардовскому — они же были до того друзья, фронтовики: «Саня, это баба вилами по воде писала, что Шолохов за Солженицына!» Ведь у Солженицына тогда был весь запад, а у Исаева кто? А Прокоп (Прокофьев) провожает меня, они дружили с Петрусем Бровкой, классиком белорусской поэзии. Вышли. Разъезд, уже поправить ничего нельзя, и он говорит: «Как же нечестно! Мы получили пятнадцать тысяч писем, — ведь накануне два года шло всенародное обсуждение, — и все за Исаева. А вы посмотрите в бюллетень, там всего пятьсот». То есть там кто-то явно дирижировал. Он еще сказал: «...отболит».

Меня приняли в члены Союза писателей в 62-м году. Кто давал рекомендации для вступления? Я не помню. Я об этом даже не задумывался. Вот как я не занимаюсь собой! То есть я не стремился в Союз, не рвался. Это, скорее всего, я уже был выдвинут на Ленинскую премию. Рекомендация в Союз была всесоюзная. Во всех газетах. Пресса по «Суду памяти» была громадная. «Суд памяти» потрясал. Он и сейчас, почитай его. Это абсолютно наше время. Никто так военно-технический комплекс не разоблачил, как я. Как стрельбище, понимаешь? Это не просто. Это не только в масштабе война, а что такое человеко-работа. Работа на уничтожение. Этого никто в литературе не трогал, а я вот затронул. Вот как это? Я сам не понимаю. Стрельбище! Ты когда-нибудь где-нибудь такое читал, в таком развороте? Что такое стрельбище? А что такое патронный завод? Что такое работать на патронном заводе и кормить семью? Это убийство. Подготовка смерти. Вот этим было сказано все. И сейчас, вот Боже мой! Ты хорошо, что об этом думаешь. Не потому, что ты ко мне относишься так или не так, это не важно. Важно время. А я часть времени. То была эрозия почвы, а тут — эрозия разума.

Когда вышел «Суд памяти», тогда тоже была эрозия. И сейчас эрозия разума, то есть человечество сходит с ума. Меня ведь невозможно ничем обмануть. Я могу и бодаться, я могу и в дурачках побыть, как у нас, у поэтов: ребята с придурью, но не дураки. Не зря в нашем фольклоре Иванушка-дурачок. Я не знаю, есть ли в других фольклорах такой Иванушка. Что это выражает? Дурачок, и даже это упрощено где-то. И я это упрощаю. Я долго думал о нашем характере и как это так получается. Русичи — это трехнародный народ: украинцы, которые по центру, русские, которые стали столбом, а третьи белорусы — самые добрые. И такой малочисленностью уйти в такие громадные пространства! Проявление!.. Вот Гамзатов, жалко, рано ушел, он ведь ненавидел слово «незалежність». А ведь как можно быть независимым от себя, от детей, от своих друзей, от своей памяти? Вот — «свобода», столько вокруг этого слова накручено...

Когда меня приняли в Союз, ко мне хорошо относился Соболев Леонид, он создавал Союз писателей РСФСР и был его председателем. Это удиви-

тельный человек. Дворянин. Гардемарин! Он первый и единственный. Вот что сближает его с Воротниковым, ставшим Предсовмина РСФСР. У нас в России еще все под соломой было, а в Прибалтике — коттеджи. Надо же по морде бить словом. Милые мои (прибалты), мы же вам всю промышленность отдали! И порт построили, и заводы, самые технологичные. Заводы, фабрики. У вас люди жили в коттеджах, а в России жили вот в этих избах доживающих. В Грузии — у них камень поближе. А у нас пока его привезешь с Урала, камешек золотым становится. У нас дорог не хватает. Но у нас хватило сил, чтобы железом по Европе дать. Чтобы она к нам не лезла ни под знаком Гитлера, ни под знаком Наполеона. Ну, нельзя же, а то все нападают и нападают! Мы побеждаем Запад для Запада. Они все хотят от нас взять. Но я слишком грубо, крупно говорю.

Так ты понимаешь, какая речь, у всех республик свои компартии. Свои конституции. В России не было своей компартии. У нас не было своей газеты. Республиканской газеты не было. «Советская Россия» появилась в 56-м году. Соболев говорит: «Да как же так?» И тогда так уж сложилось время, писатели собрались на свой первый съезд. Образовался Союз писателей РСФСР. Чтобы охарактеризовать Соболева, расскажу вот что. Газета «Литературная Россия». Она — Союза писателей РСФСР. Иногда соби-рался секретариат и обсуждались материалы годовые, какая проза, какая поэзия. Соболев мне говорит: «Егор! Ты приезжай». Я приехал. Все сидят за столом. Прозу обсудили. Дошли до поэзии. Александр Андреевич Прокофьев — Ленинград, Закруткин, который вообще и романтик, и прозаик, и поэт внутри, Баруздин... И начали обсуждать стихи Владимира Соколова. У него есть такие стихи:

*Звезда полей, звезда полей над отчим домом,
И матери моей печальная рука,
Осколок песни той вчера за тихим Доном
Из чуждых уст настиг меня издалека.*

И вот начали обсуждать. Непонятно, что такое — и Прокофьев, и Закруткин. Соболев на меня глядит: «Егор, а что ты скажешь?» Я: «Ну что я могу сказать! Этот стих не почувствовали». Они смотрят на меня: ничего себе, не почувствовали! Я: «Дорогие друзья, не вчитались. Не вчувствовались. А посмотрите, сколько пространства лежит? Даже одно “осколок песни той”. А вы знаете, осколок... “Звезда полей, звезда полей, и матери моей печальная рука”. Кто автор этих строк? Эти строки откуда пришли, из какого пространства и где они процитированы? А может, в эти строки поэт столько вложил... Я читаю: “Звезда полей, звезда полей над отчим домом” — и посмотрите: “И матери моей печальная рука”. В каждом слове... Тут и материнское, тут и пространственное, тут и историческое, и боль, “Осколок песни той!” Осколок летописи той. “Из чуждых уст”, то есть, не известных мне уст. “Настиг” — то есть нагнал, как стрела, как память, нагнал “меня издалека”». Прокофьев встает: «Егор! Егор! Ну вот... Не дошло». Соболев сиял. Вот что такое Соболев!. А ведь сейчас разве вспомнят Соболева?

Меня как-то спросили: «Егор Александрович, если бы вы не стали писателем, кем бы вы хотели стать?» Я, абсолютно не задумываясь, или

меня кто-то толкнул, сказал: «Я бы стал председателем колхоза. Ну, конечно, если бы меня избрали». — «Ну а из учителей по литературе? Кто у вас?» — мне задают. Ну, интеллектуалы сидят. Мне бы блеснуть, я же Литинститут кончил с отличием, надо бы блеснуть, какой я: ну, конечно, Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Блесни! А я говорю: «Коршевские наши девчата». И говорю: «Я же всерьез! Они же все были поэтами. Они не могли не быть поэтами. Потому что красота вокруг. Молодость с ними была. Луна висела. Кровь просила откровения. В слово входила. И они пели частушки». И кто-то нашелся такой с насмешкой: «А вы спойте хоть одну». Это же два часа я с ними говорил. Я: «Ну а почему одну? Я могу и две. Только петь не буду, а прочитаю». Замерли. Я:

*Я иду — они лежат,
Три майора на лугу.
Тут уж как я растерялась,
Не могу...*

Зал грохнул.

Я: «Три майора, а? Один майор — и то... А тут три майора, как же тут не растеряться-то! Да, наверно, летчики, у них же крылышки наверху груди. Да у каждого в зубах по ромашке. Да еще через плечо — планшетка с картой. Ну, как тут не растеряться? А это — четыре строчки. И все видно. Понимаете?» И зал присел. Как я посадил!

А я: «Дай Бог, из них хоть один вернулся. Целиком. А? А где эти Ваньки? Петьки?! Сережки?! И вот пришел один, вернулся. Там была замечательная дивчина. Вы, наверно, все от них. Они как в хомут вошли, так и до сих пор не выйдут. Вот теперь я вам и вторую частушку прочитаю».

*Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик...*

Мои музы. Вот они, мои учителя. И я с удовольствием рассказываю, как я сижу в кукурузе, как будто в аквариуме. Солнце встает — сквозь кукурузу. А там повилика, осот. Я рву и в кучки складываю. И на свой огород уношу, чтоб подсушить. А тут оставишь — унесут. И все понятно, кто мои учителя.





Андрей ФРОЛОВ

«ЕСЛИ ПАХНЕТ ПИРОГАМИ»

Андрей Владимирович Фролов — родился в 1965 году в Орле. Закончил Орловский строительный техникум, служил в армии, работал — от плотника до инженера. Автор двух книг стихов и сборника рассказов. Произведения публиковались в журналах «Поэзия», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Молодая гвардия», «Невский альманах», в альманахе «Орел литературный». Стихи и рассказы активно публикуются в периодической печати — как областной, так и столичной. Член Союза писателей России. В настоящее время — ведущий специалист Областного государственного учреждения культуры «Орловский Дом литераторов». Член правления Орловской областной организации СП России. **Живет в Орле.**

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
— Не таскайте,
пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит, в доме мир и лад!

ВЕСНА ВО ДВОРЕ

Весна шарахнула во вторник,
Ее уже заждался двор.
И дед Савелий, бывший дворник,
Слезу неожиданную утер.

Вразбег по пенящимся лужам
Снуют веселые лучи,
Ворона скачет неуклюже
Через проворные ручьи.

Играют в салки две девчонки,
И, словно принятый в игру,
Наш новый дворник,
Саня Пчелкин,
Гоняет мусор по двору.

Скворец пальнул
картечью трелей,
Ему откликнулся другой!..
А на припеке дед Савелий
Сердито топает ногой.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
Володька Рыжий, дворничихин внук,
Схватив за шею радугу тугую,
Над головою чертит полукруг!

Широкий веер радужных осколков
С шипением врезается в газон.

А мы поодаль, хмурые, поскольку
К Володке подходить нам не резон.

Штанины клеш — такая нынче мода,
Под синяком сверкает хитрый глаз...
Что говорить, он старше на три года —
Почти эпоха разделяет нас!

СОЛНЕЧНЫЙ ФУТБОЛ

Дети любили солнце,
С ним по утрам играли:
В каждом дворе летали
Солнечные мячи.
Шум, толкотня, веселье —
Честный футбол, без драки.

Ссадины от падений
Солнце лечило вмиг...

Дети стареют.
Солнце —
Молодо, как и прежде, —
Свет изливает щедро
На поскуцневший двор.

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Но не лезьте с расспросами к Феде —
Пропадут понапрасну труды, —
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звезды ему.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину шагов сто двадцать,
Двести семьдесят — в длину.

Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.

Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
Черта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
— Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нем отметин —
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принес мне отцов ответ:

— Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

* * *

Надсадно выла автострада,
Горячим выхлопом дыша —
Через шоссе валило стадо
Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
Как будто спали на ходу,

Коровы медленную думу
Жевали словно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

* * *

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымит
над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом

Тех, кто с моим невеселым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист
устремлен в никуда —
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишневое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

УБЕРЕГИ...

Убереги меня, Судьба,
Не от невзгод, не от болезней —
От суматохи бесполезной
И от позорного столба.

Не дай забыть свое родство,
Чтоб не краснеть отцу и деду;

Дай счастье знать, что я не предал
На этом свете никого.

Что все свои отдал долги,
Что был не пасынком Отчизне...
От пустяковой, зряшной жизни,
Судьба, меня убереги.



**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

«КАК ТЕЧЕТ ЖИЗНЬ»

*К 60-летию Николая
Ивановича Дорошенко
о повести «Прохожий»*

Валентина Валентиновна Ефимовская — потомственный житель Петербурга, родилась в Ленинграде. Поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения.

Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Есть имена, при произнесении которых у людей светлеют лица, добреют сердца. Такое имя — Николай Дорошенко. Имя Николай, вообще, распространенное, любимое в России, как и сам святой, покровитель нашего Отечества Николай Мирликийский, в честь него уже не одно столетие русские матери называют своих сыновей. Николай Иванович Дорошенко, действительно, необыкновенный человек: известный современный прозаик, автор многих повестей, рассказов, публицистических материалов, писатель, слово которого слышит вся страна, ведь он является главным редактором официальной газеты Союза писателей России «Российский писатель» и одноименного, одного из популярных в России, сайта. Художественное слово Николая Дорошенко всегда сердечно, убедительно, образно, непримиримо со злом. И сам он человек ярко выраженной душевной красоты, человек нескрываемого духовного мужества. Уроженец Центральной России, повидавший на своем веку и пространства родной земли, и ее моря и океаны, Николай Иванович знает все стороны трудной русской жизни, на его веку не раз круто ломавшейся. Это сложное знание не затемняет, но просветляет, одухотворяет его творчество.

Николай Дорошенко твердо стоит в своих убеждениях, наследуемых из глубин своего славного русского рода. Истина, честь, любовь, вера — для него не пустые слова, но фундаментальные основы жизни, на защиту которой встают все лучшие герои его произведений. И сам писатель не боится обнажить духовный меч и назвать зло злом, зная, что зло ему отомстит. А добро он не просто декларирует,

но делает, не жалеет отдать людям все свои сокровенные запасы души, сформированной природой и академическими знаниями, историей страны и собственным трудным жизненным опытом.

Дорогой Николай Иванович, поздравляем Вас с Юбилеем. Это тот возраст, когда надо считать не годы, но анализировать свои свершения и строить творческие планы на будущее. Вам, человеку, крепкому физически и духовно, мы можем пожелать только одного, того, о чем Вы более всего болеваете — благоденствия Вашей возлюбленной Родины — России, которая может преодолеть все беды с Божией помощью, под покровом пресвятой Богородицы и по молитвам Николая Чудотворца!

От редакции и читателей журнала «Родная Ладога».

Жизнь истинная есть только та, которая продолжает жизнь прошедшую, содействует жизни современной и благу жизни будущей.

Лев Толстой

«Какова причина моему и всякому существованию?», «Что такое смерть?», «Что значит и зачем то раздвоение — добра и зла, которое я чувствую в себе?», «Как мне спастись?» — все эти «невозможные уму», «безответные» вопросы, записанные Л. Толстым в записной книжке, можно назвать общечеловеческими и составляющими главного вопроса бытия, который задает себе каждый живущий на Земле человек — «Зачем я живу?» Чтобы ответить на него, человечество на протяжении веков и тысячелетий пыталось смоделировать картину мира, создать своего рода «единую теорию строения Вселенной». Эта модель имела этапы своего развития. Ключевыми из них можно назвать теорию Ньютона, абсолютизирующую реальное пространство и время, теорию Эйнштейна, исследовавшую «разумную природу реальности», святоотеческую теорию духовной реальности физического мира. Последнюю можно пояснить словами святителя Григория Нисского, который писал: «...актуальная бесконечность Божественного бытия определяет динамическую бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени». Существенным современным вкладом в развитие этой теории, на мой взгляд, является творчество известного московского прозаика Николая Дорошенко и, в частности, его повесть «Прохожий».

Автор с первых слов доверительно сообщает читателю, что эта повесть о жизни, и начинает рассказ с конкретного определения темы и места действия: «Как течет река — все видели; как течет время — все знают; но только из нашей деревни можно наблюдать, как течет жизнь». Эти, на первый взгляд, простые слова вступления, обладающие некой ритмической организацией, скрытой динамикой и периодичностью, сразу захватывают читателя и словно втягивают в особый мир, из которого можно, оказывается, наблюдать, как течет жизнь. Автор, правда, в первом абзаце повести оговаривает, используя термины кинематики, условия этого наблюдения: «любое движение лишь тогда по-настоящему обнаруживает себя, когда наблюдая его настырность, сами мы вынуждены оставаться навсегда неподвижными».

На первый взгляд — условие невозможное. Однако сущность его давно и полно исследована в богословии, рассматривающем «кинезис» (движение),

переходящий в «статис» (покой), как существенные фазы тварного бытия, которые для каждой единицы творения определяются только в соотношении с понятиями времени (движется во времени) и пространства (пребывает в пространстве): движение творения есть движение по отношению к Богу, а цель и конец движения — пребывание в Нем (преп. Максим Исповедник). В повести Николая Дорошенко имя Бога, если и упоминается, то только во фразеологических оборотах, нет в ней примеров религиозно-мистического опыта, но богословские аналогии наблюдаются: «Ах, как трудно, как же трудно стерпеть свой покой, если рядом все куда-то спешит! Хоть плачь, хоть кричи, хоть гляди тихо, а все равно, оно летит, плывет, ползет, свистит, гудит, ревет, воет, скрежещет, грохочет; кажется, уже один только ты не знаешь, что вокруг тебя происходит... Озираешься по сторонам, думаешь: «Боже мой! Ради чего не стало на всей земле покоя?!» Но — даже сам себе становишься необъяснимым. Самого себя начинаешь воспринимать, как ночную звезду, пристально глядящую сразу во все стороны, но — ни к чему во всех сторонах не причастную». О неподвижности, непричастности писал в своей духовной работе «Умозрение в красках», посвященной русской иконе, Е. Трубецкой: «...именно этой-то кажущейся физической неподвижностью и передается необычайное напряжение и мощь неуклонно совершающегося духовного подъема: чем неподвижнее тело, тем сильнее и яснее воспринимается тут движение духа, ибо мир телесный становится его прозрачной оболочкой»¹.

«Непричастный», «неподвижный» — ключевые слова первых абзацев повести, становятся образно-убедительными только в антиномичной связи с определениями активного, вовлекающего движения, и опять кажется, что автор повести вольно или невольно вторит Е. Трубецкому, который подчеркивал, что человек: «неподвижен, когда преисполняется сверхчеловеческим, Божественным содержанием, когда он так или иначе вводится в неподвижный покой человеческой жизни. Наоборот, человек в состоянии безблагодатном или же доблагодатном, человек, еще не «успокоившийся» в Боге или просто не достигший цели своего жизненного пути, часто изображается... чрезвычайно подвижным»².

В центре своего повествования Николай Дорошенко располагает маленькую, словно сжимающуюся, как в ледяной проруби вода, — патриархальную русскую деревню — «ненужный бугорок», и нескольких ее стариков. А вокруг обреченного, но живого ядра этой деревенской жизни вращается, кипит тягостное для ее обитателей движение жизни иной. «Оказалось, что постороннее для всех нас движение жизни все-таки хлестануло и по нашей деревне, размыло ее, — так речные струи смыывают с гладкого песчаного дна реки ненужный им бугорок». Это движение жизни в повести создают и новая, мощная трасса, расположившаяся всего в трех километрах от деревни, «за серебряной равниной Ходяковского болота», и молодые герои повествования, нарушающие своими привычками и жизненными принципами устоявшиеся пространственно-временные связи патриархального быта.

Нежную симпатию, родственные чувства вызывают своей немногословностью, несуетностью, мудростью, кажется давно знакомые, даже как будто

¹ Трубецкой Е. Три очерка о русской иконе. М., 2003. С. 30.

² Там же. С. 31.

родные, старики повести «Прохожий», смиренные образы которых согреты теплотою изливаемых ими добрых чувств. Скучность существования, которая заключается ныне не в отсутствии хлеба насущного, а оказывается понятием более сложным, не убивает «жизнь человеческого лица», не иссушает «одухотворенный народно-русский облик» этих красивых стариков.

«Наиболее охотно пускали шефов к себе на постой наши старухи. Баба Олена по двадцать человек брала. И словно сама молодела, прояснялось ее лицо вдруг ожившей улыбкой.

— А ничего, гуляйте себе, — говорила она шумливым квартирантам. — Ваши годы такие, что не усядишь на месте.

Весь вечер могла она участливо глядеть на громкие игрища гостей. А один раз даже заплакала. Расплылись губы ее, полные синей, уже неподвижной крови, в горьком плаче обнажили гладкие, без зубов десны, из глаз ее высветились слезы, и не успела она их утереть, юркнули они в темные ходы морщин, тут же проступив безутешной влагой по всему лицу».

Так и хочется воскликнуть — «Ах, как хорошо! Ах, как хороша!» Воистину, прекрасна эта старуха с высветляющимися слезами, строгий и запоминающийся портрет которой дает явно любящий свою героиню автор: «...из вишневых зарослей засохшим листком выглядывало лицо бабы Олены». Из вишневых — подчеркивает автор, намекая на то, что когда-то как вишенка была хороша Олена. Но, как известно, не только внешней красотой красив человек, но той красотой, которая веками спасает и спасает мир, той великой духовной красотой, физический образ которой высвечивают ее пролившиеся на помин русской песенной речи слезы. Малоразговорчивая, одинокая, медлительная, брошенная детьми старуха, у которой и богатство — кот да чугунок, несет в себе такую мудрость, такое знание, которое не по силам молодым. Пережив на своем веку беды всякие — и войну, и голод, и тяжкий труд, понимает баба Олена, что ныне выпало испытание пострашнее. Коль не одолеть русского человека ни огнем, ни голодом, решил враг рода человеческого взять его сытостью. «Было времечко, — вздыхала баба Олена, — вареник не из чего слепить было, а теперь кота хлебом кормить совестно. Ест, сатана, одно мясо. Да еще и свежатину ему подавай. А с другой стороны — раньше вокруг одной картофелины семь человек садились, а теперь, ешь — не хочу, а кормить некого!»

Известны в истории случаи, когда пятью хлебами и двумя рыбами насытились пять тысяч человек, а на Руси одной картофелины хватало на семерых, но это было, когда души были сыты. Как же страшно, когда чугунок полон, а кормить некого. Вообще, этот бабы Оленин чугунок имеет в повести какое-то особенное, символичное значение. Ведь, как известно, святые и святители, герои и страстотерпцы изображались по канонам со своими личными, напоминающими об их подвигах или муках символами-атрибутами. Так и баба Олена через этот чугунок ведь мучу и принимает, и постигает ее. «Сейчас бы им наварила, и напекла всего...» — да есть-то некому; пенсию для дочери скопила, в чугунке хранила — полон до краев был бумажных денег, да отдать не успела, деньги в ничто обратились — не муча ли. И мается баба Олена со своим чугуном, как со своею богатою душою — много в ней доброго, дорогого, а отдать, кажется, некому, да и жизнь уже на исходе. И чистит непрестанно свой чугунок пропитывающимся сажею песком: «...песок о чугунок шуршит — шурш, шурш, шурш» — секунда, за

секундой, день за днем, год за годом — так в повести слышно течет время, и не останавливается для бабы Олены, кажется, даже и после ее смерти, и продолжает солнечно сиять начищенный ею любовно чугунок.

Не на его ли свет пришла Оленина дочь из краев далеких, на похороны матери вовремя успела? Сначала безучастная, не проронившая ни одного доброго слова, ни одной теплой слезинки, она и не подозревала, что неспроста здесь оказалась, что не обычные это похороны для нее, что привела ее сюда Божия природа человека, истонное предназначение быть «началом дальнейшего» за пределами материнской жизни. Так уж исстари ведется, и не важно, какого ты роду-племени. Ведь когда-то тоненькая, грациозная, в шелку и в бархате воспитанная графиня Ростова сумела понять «все то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке». Приехала дочь бабы Олены для того, чтобы унаследовать бесценный чугунок, наполненный до краев нерастратченной материнской любовью, постичь и принять содержимое его в свою душу. Трудно вмещала, с рыданиями, с болью, с такой болью детей рожают, с такой болью прилюдно каются. Тяжело ей бедной пришлось, но наконец «вытерла слезы круглым своим кулачком, сипло промолвила: «Ну, все, кажется жива я осталась. А то боялась, что сердце лопнет». Не лопнет сердце русского человека, уж так Бог позаботился, сотворил его и умным, и крепким, и для самой большой любви вместительным.

А какова самая высокая составляющая любви героев повести, известно, — это их Родина. Родина для них не просто территория проживания. Родина — это и то, что в глубине небес ее, — Бог единый всещедрый, милостивый заступник, лебеди и журавли, и то, что в глубине земли ее — косточки предков, корни вековых деревьев, и свекла, и морковь. Родина — и то, что на самой земле находится, могучий, одухотворенный образ которой автор повести может высветить одним неожиданным, потрясающим штрихом, — скользь заметив, как заполнивший бескрайние просторы земли русской ветер качает *макушки* трав! Так высоки и могучи на этой земле, оказывается, травы, что есть у них макушки, как у церквей или шлемов витязей. А какова же тогда сама земля!? Автор создает сказочный, чудесный насыщенный фон своей повести, герои которой любовь к Родине понимают в защите непостижимого для чужеземного ума исконно русского образа жизни. Вот за него-то и воюют, из последних сил держат оборону герои Николая Дорошенко, защищают свой, кажется, никому «ненужный бугорок». Защищают так, как повелось издревле — своею любовью к отеческому гнезду защищают, своим стоянием — своим трудом.

Извечные темы — «тема семейная» и тема «святости хлебного труда» достаточно полно исследованы в русской литературе с учетом особенностей своего времени. Николай Дорошенко, сберегая вечностные ориентиры, углубляет, находит свое продолжение этих тем в условиях новой российской действительности, когда хлеб, выстраданный собственным трудом, не есть необходимое условие человеческого существования. Сегодня, для того, чтобы выжить и жить, кажется, не обязательно трудиться в поте лица своего, человечество выработало множество окольных, хитрых путей. Но герои Николая Дорошенко крепки, как камни, в своей патриархальной убежденности, в своем, может быть даже не осознанном, страхе Божиим. Они не желают жить так, как им велят новоявленные «учителя», они не позволяют

себе понять, «отчего выскобленная, в десяти шампунях вымытая женщина плачет и не хочет жить с приличным человеком, пьющим вино маленькими глоточками, не снимающим с себя весь день галстук, а главное — кто же их кормит и поит, если они или в ресторане сидят, или в машине едут, или в ванной моются, или просто спрятались в тенечке да говорят, говорят про свою любовь».

О любви герои Н. Дорошенко не говорят, они ее вынашивают, ею живут, храня в сердце, через нее постигают смысл жизни. Персонажи повести «Прохожий» — люди хоть и немолодые, имеющие, по оставшимся от советской власти осколкам честных законов, пенсии, на протяжении всего повествования трудятся. Автор показывает труд тяжелый, но это не подневольный, кровотокающий некрасовский образ труда, не праведно-рациональный гоголевский, но опоэтизированный свободой выбора труд во имя самосовершенствования. Дорошенковские старики, которые могли бы полеживать на полатах, трудятся и ради денег, мечтая помочь детям, и не ради них. В повести все время появляются какие-то огромные, сказочные по меркам крестьянина богатства, шуршат охапки бумажных денег, которые обесцениваются, непременно превращаются в обман, но герои повести продолжают свое дело, словно сидит в них бессмертная мысль, высказанная некогда Левиным: «Нельзя было не делать дела..., как нельзя бросить ребенка, которого держишь на руках». Для бабы Олены, для Ивана Макарова, для Панкратия — труд это не инстинкт, не средство от скуки духовной, а, наоборот, следствие богатства души, наполненной любовью, это их семейное качество, средство приближения к чудесной мечте, к счастью, которое, конечно же, у каждого имеет свои особенности, но у всех похожее, находящее воплощение в детях и внуках. И Олена, и Иван, и Панкратий мечтают о том, чтобы дети увидели родительский подвиг, поняли причину стараний и страданий, и через это понимание наполнили сердца любовью, а любви бы было так много, чтобы осталось и детям детей, и внукам, и правнукам... И наготавливают дорошенковские старики этого старания и страдания про запас, как если чья-нибудь баба «удумает наготовить пряжи не только на рушники, но и на кодри, на лантухи, на дорожки, да к тому же — на весь век, на все времена, которые в свой черед придут».

«...трудно и долго жизнь лепится хорошая». Трудно и долго вызревают на грядках овощи, строятся дома и амбары, трудно и долго течет время в этой деревне. «Год за годом проваливалось время, неслышное, беспмятное», — вскользь замечает автор, и кажется, что это время существует само по себе, не касаясь обитателей деревни, не устрашая их, а лишь вызывая любопытство, как та зловещая трасса, подкрадывающаяся к их «бугорку», но не подпускаемая к нему вплотную какою-то неведомою силой. Из этой своей деревни, из этой своей, кажется ничем не примечательной, но устойчивой, словно принявшей самую совершенную во Вселенной форму — форму шара-ядра жизни, старики прислушиваются, как течет по трассе какая-то другая, ненужная ни им, ни тем, кого она поглощает, жизнь. Привычно и каждый раз с новой радостью, следят они из своего пространства, как протекающее мимо с нестрашной неумолимостью время обретает новые зримые образы. «Весеннее солнце выныривало прямо из-за белых, в снегу, полей, и начиналась весна, а снег еще не сходил, уже проклевывалась зелень в лугах, и в самую жару, когда наш Панкратий решался наконец снять руба-

ху, чтобы обсушить пот на плечах, вдруг начинал желтеть лист на яблонях да березах, ударяли холодные ветры, темнело небо, сыпался промозглый дождь, и тут же морозы начинали стеклить лужи в канавах, а на чистое стекло льда уверенно, как рука на руку, ложился снег. Падал, падал снег, а затем стаивал, чтобы снова вспыхнула, как искра от ветра, яркая, пропитанная солнцем зелень».

Так просто, так необыкновенно красиво сказано в повести о сложнейших на самом деле процессах, которые в науке называются эволюцией Вселенной. Не верится, что жизнь «ненужного бугорка» случайно иллюстрирует сложнейшую математико-богословскую теорию, моделирующую соотношение пространства и времени, которое современная наука предлагает отождествить с соотношением двух бесконечностей — количественной и порядковой. Как известно из математики, эти бесконечности совпадают лишь для конечных множеств, но расходятся для бесконечных. Ученый, философ С. Векшинов в статье «Размышления математика об откровении Иоанна Богослова» показывает, что для условия бесконечных множеств, когда временная бесконечность больше пространственной, можно предположить существование такой пространственно-временной модели, где бесконечно расширяющееся пространство имеет конечную точку — Апокалипсис, в то время, как временная история мира не завершается. «А это значит, что еще не исчерпана надежда на спасение вешнего мира, на его грядущее богоугодное обустройство»³.

Кажется, что обо всем этом, если и не знают, то непременно догадываются, чувствуют вечным чутьем, которое пытаются передать векам грядущим, герои повести. Сжимается пространство их обитания, все туже затягивает смертельную петлю другая, страстная, греховная жизнь. Но нет страха у героев повести. Ни один из них не жалуется на свою судьбу, не трусит перед близкой смертью, не пытается постигнуть тайну небытия, словно собирается жить вечно. Боятся старики лишь одного, что не успеют исполнить закон жизни, который в одном из вариантов звучит так: «...все блага жизни, которыми они пользуются, даны и даются, потому должны быть передаваемы или отдаваемы» (Л. Толстой «В чем моя вера»). О том, что жизнь и время послушны не чьему-то человеческому намерению, мудро рассуждает в повести Панкратий и убеждает Ивана Макарова, «что наперед кто-то все наше времечко посчитал». И зачем бояться этого только кажущегося конечным в своем зримом образе одной человеческой жизни на самом деле бесконечного времени. Точно знает об этом и мать Татьяны, говоря дочери: «А я тебя родила и сразу подумала, что если теперь и умру когда-то, то дальше ты вместо меня будешь жить, что не только на том свете, но и на этом душа моя на каждую травиночку твоими глазами, как собственными, будет не прерываясь глядеть... Выходи за Павлуху...»

«Мысль семейная» — еще одна важная тема повести, разрабатывая которую автор исследует, какими путями из семьи, устроенной по любви, происходит выход в жизнь вечную. В русской литературе подробно рассмотрено, как в семье происходит смирение личностного эгоизма, постижение единства и различия понятий «ближний» и «близкий». Автор повести, продолжая ту мысль русской классики, что ко всем людям надо относиться

³ Христианство и наука. М., 2003. С. 269.

так, как ты относишься к своим близким, любимым, ту мысль, что именно в семье, в колыбели истинных человеческих отношений, формируется душа, рассматривает в своей повести страдания одинокой родительской души. В мирное, благополучное наше время, словно в военные годы, раскалываются семьи, теряются дети, сыновья и дочери бросают престарелых родителей. Автор исследует вопрос, не почему это происходит, а к чему это приводит, показывает, что именно дети, даже великовозрастные, являются той ниточкой, которая связывает с жизнью вечной. Инстинктивное, не требующее анализа стремление главных героев повести к семейному, материнскому, отцовскому служению, становится для них путем постижения цели и смысла жизни.

Покорные жизненным обстоятельствам, пространственно статичные, в самоотречении и самоунижении, в непоколебимом убеждении, что душевное спокойствие — подлость, герои повести Н. Дорошенко являют собой сокровенные образцы исконный русской праведности, которая, оказывается, не иссякла еще к началу третьего тысячелетия. Не упоминая имя Бога всуе, очевидно, что герои повести живут по Божиим заповедям, и, кажется, если не молятся в голос, то только потому, что не перекричать им гул трассы, но несут в душах своих непрестанную тихую смиренную молитву, несут, как сказано в повести, не зная «настоящей меры тому, что у них есть в сердце». Но, видно, мера та неизмеримая, бесконечная, коль не боятся эти старики смерти, и даже умирая, вроде бы и не умирают вовсе, как баба Олена, а продолжают следить за жизнью и задавать вопросы «даже не шевеля навеки сомкнутыми губами». Не боятся герои повести смерти потому, что убеждены, что «правда на белом свете все-таки есть». Не боятся и потому, как сказано в повести с беспрекословной христианской интонацией, что есть в каждом человеке «своя мысль, притертая к сердцу», есть «та самая крайняя догадка, дознавшись до которой люди умирают спокойно, потому, как знают, что дальше будет уже только то-то и то-то...»

Накопление этого знания есть свидетельство самого, что ни на есть активного нравственного роста жизни, беспокойного духовного движения ее, которое автор сложными выразительными средствами заключает в необходимые для этого роста статичные формы бытия. Но это знание, частично унаследованное памятью, требует собственного жизненного опыта, собственной борьбы за обладание истиной, которым сопутствует вера в чудесное. В повести не однажды говорится о чуде. Вообще, тяга к чудесному — исконная особенность русской верующей души, такой души, которую исследует автор. Герои повести не обделены чудесными событиями, они их ждут и видят, например, как появляются: «из земли чистые, охотчие к жизни побеги трав, пшеницы, ячменя, кукурузы, свеклы. Летом на грядках пухнут тыквы, огурцы, помидоры, морковь, словно кто-то, спрятавшийся в земле, смеясь, надувал их наподобие пузырей».

Герои повести Николая Дорошенко надеются на награду счастьем при жизни и, несмотря на свои смиренные жизненные потребности, они, вследствие извечно присущего человеку конфликта веры и разума, явившегося следствием грехопадения первых людей, хотят увидеть носителя чудесного, воочию наблюдать процесс материализации чуда. И в этом своем стремлении, бывает, ошибаются, как случилось в истории с «прохожим». Хотя ошиблись ли?

То, что повесть носит название «Прохожий», заставляет обратить особое внимание на сюжетную линию, связанную с появлением в деревне незнакомого человека. Это было даже не появление, а касание. С безучастностью кометы 1812 года касательно плотного, устойчивого к внешним воздействиям ядра деревенской жизни прошел незнакомец, кажется, никак не затронув его. Но почему он вызывал такой интерес, такой переполох, пересуды и воспоминания о происшедшем. Что произошло, когда, кажется, ничего не произошло? А произошло-то раньше. Его появление было подготовлено всей жизнью последних времен, времен жестких, непонятных жителям деревни, времен унижения и осмеяния их самой большой любви — их России, относительно праведной и вечной жизни которой у героев повести Николая Дорошенко нет никаких сомнений. В тяжелые времена так хочется чуда, счастливой встречи, доброй вести о том, что все плохое кончилось. Счастье, как известно, у каждого свое, но и у каждого общее, соборное. Вот и вышли все жители деревни собором свое счастье встречать. «...лица людские застыли во всей своей ярости к жизни, во всей своей немощи и силе; пусть кто-нибудь прожил бы бок о бок с людьми нашими хоть целый век, но ничего он бы про лица их не узнал, если б не увидел их именно сейчас, в вот эти минуты и секунды. Точно так же нельзя ничего сказать о крыле какой-нибудь птицы тогда, когда она сама его у себя на спине не чувствует, когда не страшится она великой высоты под собой, когда ей хорошо и покойно, когда сердце ее пока еще ни обо что не запнулось. А человеку страшней, чем птице, вдруг учувствовать под собой высоту всей своей жизни». Но эту высоту измерять-то и не надо, будет измерена она для каждого в свой срок, а вот ощутить ее, еще раз удостовериться, что достижима эта духовная высота, необходимо.

Слишком медленно, держа в напряжении и жителей деревни, и читателей, приближается незнакомец. С доброй вестью так не ходят. Автор подготавливает его появление несколькими значимыми тревожными образами — «охолонувшее солнце», «кто-то бьет по железу, клепая косу», замечает, как «губы Ивана Макарова дергались, гнулись в усмешку, но получилась усмешка эта жуткой. «Стало ясно — чужой». И если в этом эпизоде встречи собор сельчан выписан сочно, ярко, ясно, как будто крупными густыми масляными мазками, то образ «прохожего» автор создает в акварельной технике, так что получается нечто бесплотное прозрачное, «в сумерках мелькнуло вместо его все-таки человеческого лица только круглое да плоское зияние». Высоченный незнакомец не запоминается ничем. В памяти остаются лишь его отглаженные брюки и недеревенские сандалии, символы иного образа жизни, того, который наносит магистраль. Но этот чужой, непонятный человек сам испугался жителей деревни, «отступая со своего пути в пыль и нащупывая себе дорогу между непонятными ему их мыслями».

В этом безмолвном поединке-диалоге, в несостоявшихся отношениях слово «непонятный» является ключевым. На Руси непонятное не любят, это символ темного мира. «Кому непонятное нужно», — говорит в самом начале повести баба Олена. Много непонятного, чужеродного захаживало на Русь за тысячи лет ее истории, много «учителей» навязывало свои знания (позже выясняется, что этот прохожий — новый козыревский учитель). Но, как известно, у чужого, инородного на Руси есть два пути — или битым быть и посрамленным убраться восвояси «по старой смоленской дороге»,

или сделаться русским до мозга костей и служить России верой и правдой, как Дионисий, Барклай-де-Толли или Росси.

Прохожий в повести Николая Дорошенко фигура явно не такого масштаба: пуглив, кажется жадным этот человек, когда смотрит «сияющими глазами с глубокими ямами неподвижных зрачков» на золото речного русла, на девственно кудрявые макушки ракушек, на далекий горизонт русской земли, который имеет ныне цену в твердой нерусской валюте. Есть что-то демоническое в этом персонаже, образ которого автор не разрабатывает до конца. И в то же время, дочитав повесть, об этом герое можно сказать словами Гоголя о Чичикове: «...что-то странное, какие-то неведомые доселе, незнакомые чувства, ему самому необъяснимые, пришли к нему — как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то подавленное суровым, мертвым поучением». Кажется, чудо снова должно произойти в этой почти сказочной деревне — чудо высочайшего порядка — чудо преобразования личности. Николай Дорошенко заканчивает повесть, остановившись у роковой черты, у той самой, у которой трагически остановился Гоголь, мечтавший изобразить подобное преобразование — преобразование личности Чичикова на основе христианского мировоззрения. Но Николай Дорошенко, как мне кажется, усложняет здесь задачу — намечая пунктирно пути преобразования не только «прохожего-учителя» (точнее иноземных учителей), но и большого пласта современных русских людей, оторванных от своих корней, от истинных ценностей, людей, выброшенных из потока традиционной русской жизни и культуры.

Задача не из простых, но, думаю, она, решаемая не в одном произведении, по силам автору повести «Прохожий», обладающей необычайной философско-психологической глубиной, имеющей древнерусские корни, образы-архетипы, написанной сочным поэтичным языком. Но тематическое развитие — наиболее характерная особенность повести Николая Дорошенко, в которой жизнь настоящая, «истинная» продолжает жизнь прошедшую во благо жизни будущей. О повести Николая Дорошенко можно сказать в музыкальных терминах и понятиях. «Даже воплощая “образ неподвижности”, она непрерывно течет, движется, и это движение основывается на разных принципах — буквального или видоизмененного повторения, продолжения или разработочного развития, сопоставления одного тематического материала с другим» (М. И. Ройтерштейн). Акцентирование, повторение уже высказанной мысли на новом уровне, новыми выразительными приемами делает повесть выпуклой, движущейся, живой.

Музыкальную полноту, многоплановость придает своего рода полифония — одновременное развитие нескольких мелодических голосов. Но, как известно, «резонатором мелодии» (Б. Асафьев) является гармония. Николай Дорошенко задает свою гармонию для читателей. Но как он это делает, как устанавливает узловые слова, акцентирует мысли, достигает ярко выраженной индивидуальной выразительности, наверное, не знает и сам. Очевидно, что повесть написана с вдохновением, а значит, есть в ней элемент промыслительности. Иначе трудно объяснить, как удалось облечь в небольшую изящную форму маленькой повести повествование смысла большой обширности и глубины, для которых прежде требовались масштабы романа. Бесспорно мастерство автора, который чувствует требование времени и умеет на него откликнуться. А настоящее время требует такого литературного

слова, которое, с одной стороны, должно содержать извечные духовные ценности, с другой, — быть самодостаточным, кратким, метко бьющим, соответствующим темпу современной жизни, какое только и может выжить в насыщенном информацией XXI веке. И с этой точки зрения повесть Н. Дорошенко — несомненно, новаторское произведение.

Когда-то Гоголь писал Прокоповичу: «Если нет в твоём духе вечной светлости, обратись мыслью ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются, и вера, живущая в одной душе, переходит невидимо в другую». Обращаясь к современному человеку, я бы сказала, используя мысль Гоголя — «если нет в твоём духе вечной светлости, прочитай повесть Н. Дорошенко “Прохожий” и ты просветлеешь непременно...»

ВЫШЛА КНИГА

Во имя Великой Победы! Стихотворения современных поэтов. «Библиотека международного журнала «ФОРУМ». М., 2010. 48 с.

В поэтический сборник «Во имя Великой Победы» вошли произведения современных московских поэтов о войне и мире, жизни и смерти, разлуке и любви, вере и надежде, родной земле и отчем доме. Книга адресована широкому кругу читателей и, несомненно, найдет отклик в каждом сердце.

Часть тиража книги авторы преподнесли Государственному музею В. В. Маяковского для передачи в дар участникам мероприятий, посвященных 65-й годовщине Великой Победы.

В оформлении книги использована фотография 1945 года неизвестного автора.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

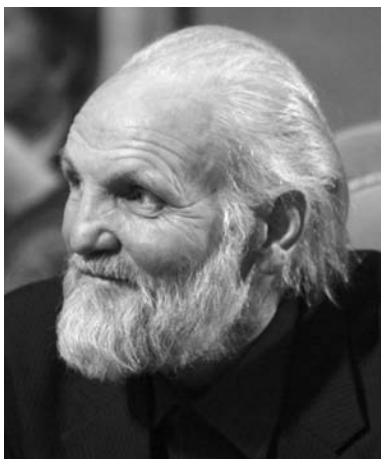
Эта книга — дань памяти и уважения героизму и стойкости Советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Мы посвящаем ее Людям, которые ценой своей жизни отстояли Победу и не дали фашизму захватить власть над миром.

Благодаря воинам, ополченцам, медикам, труженикам тыла мы живем и радуемся Жизни. Благодаря им будут жить наши дети. Благодаря им на нашей земле — Мир. Они отстояли его для будущих поколений ценой своей жизни. Они спасли нашу родную землю...



Вопросы ТВОРЧЕСТВА



Владимир КРУПИН

«ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ СОВРЕМЕННОСТИ»

*О назначении
писателя в России*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Ни народа, ни государства не может быть без национальной идеи, которая объясняет их присутствие в мире. Россия как непобедимое государство и русский народ — Богоносец выращены Православием. Оно и есть национальная идея России. В нем соединенность краткости земной жизни с жизнью вечной и понимание полной зависимости нашей воли от воли Божией.

Русское слово, вначале устное, потом письменное, всегда славilo Бога, всегда полагало основание жизни во Христе. Именно оно созидало национальный характер. Возглас русских былин постоянен: «Постоим за Землю Русскую, за Веру Православную!»

Почему русская литература — ведущая в мире? Потому что стоит на основе устной и книжной письменности Древней Руси, которая глубоко православна. Главная ее мысль — Русь жива, пока живет Православие. Краеугольный камень русской литературы — «Слово о Законе и Благодати». В нем описан приход Православия в русские пределы, преданность народа своим руководителям, если они исполняют Закон Христов, различение добра и зла, учение об истинной мудрости, которая в познании Бога. Первыми переводами с греческого на русский, после Священного Писания и Богослужебных текстов, были книги Святых Отцов. У них мы учились отличать истинное знание от ненужного. Василий Великий замечает: «Познавшие геометрию и астрологию занялись исследованием предметов пустых — пиитикой с баснями, риторикой с искусством в слововыражении, софистикой с ложными умозаключениями, и от этого вознерадели о познании Бога». Он же замечает, что наука философия — это листья дерева, а Богословие — плоды.

Иоанн Златоустый называл чувства слуха, зрения, вкуса, обоняния и осязания «глупыми служанками души... Душа, поддавшись их влиянию, развращается». Кто может вразумить этих глупых служанок? Только духовный человек, его воспитанный верой разум. «Разум — владыка страстей», — говорит святитель. А познавать мир с помощью чувств — это запредельное занятие, приводящее в тупик поисков комфортности для чувств.

Именно воспитанию души с помощью православного разума служила русская литература. Она поставила эту цель во главу угла. Она выучилась этому от устного народного творчества: обрядовых и исторических песен, былин, сказок, загадок, легенд и, второе, от творений Святых Отцов. С первых шагов стала учить добру, красоте, правде, совести, различать ложь, говорила о молитве, посредством которой можно и нужно достигнуть прозорливости, любви и смирения. Учила с помощью великих и мощных образов богатырей и пахарей Святогора, Ильи Муромца, Микулы Селяниновича, Добрыни Никитича, Вольги Святославовича, Алеша Поповича... Все очень разные, живые, способные и к выяснению отношений, они всегда отбрасывали свои обиды друг на друга, на князей, когда речь заходила о защите Святых Церквей. О деньгах и поминах нет при этом. Никита Кожемяка не хочет воевать со Змеем, но Владимир—Красное Солнышко посылает к нему осиротевших детей, и «сжалился Кожемяка на сиротские слезы», и вступил в схватку. Победив Змея, не взял за это ничего и вернулся к своему труду.

Былины Новгородского цикла учили любви и порядочности. Набожность служилых и торговых людей была нормой. Садко, богатый купец, трое суток играет «в гуселки яровчаты», морской царь пляшет, так что «стало много тонуть людей праведных, стал народ молиться Миколу Можайскому». Явился святитель Николай, научил Садко, как спастись от морского царя. Вернулся Садко в Новгород, выстроил в благодарность святому церковь белокаменную. Другой новгородец Василий Буслаев — натура вольная, буйная. Угомона нет на него. И отец покойный не в пример. Ссорится с новгородцами. И унимает его даже не «старчище пилигримище», а «почестная вдова Амелфа Тимофеевна». «Никого я не послушал бы, — говорит Василий, — а послушал тебя, родную матушку, не послушать тебя закон не дает». Отправляется с дружиной к святым местам.

Традиции устной русской литературы перешли в письменную. В «Слове о полку Игореве» Игорь, возвращаясь из плена, первым делом идет в храм к Богородице Пирогощей. «Поучение» Владимира Мономаха насквозь пронизано наставлениями о вере в Бога, о соблюдении постов. «Слово» Даниила Заточника показывает, насколько в Древней Руси хорошо знали Священное Писание и античную письменность. Но уже видны обороты чисто русские: «Лучше слушать спор умных, нежели наставление глупых... Дураков не жнут, не сеют, сами родятся... Как в худой мех воду лить, так и глупого учить; мертвого не рассмешить, безумного не научить».

В текстах постоянны явные или измененные цитаты из Псалтыри, Ветхого и Нового Заветов. И литература паломнических путешествий, хождений насквозь православна. Игумен Даниил у Гроба Господня возжигает «кандила», лампы за всю русскую землю. «Во всех местах Святой Земли я отслужил 90 литургий за князей, бояр, за детей моих духовных, за

всех русских христиан, живых и мертвых». Афанасий Никитин — купец. Конечно, думает и о выгоде путешествия, но главное в «Хождении за три моря» — боязнь потерять причастность к кругу православного богослужения. Вот он болел, выздоровел, ест скоромное, и боится, а вдруг уже наступил Великий пост? Конечно, и Послания и Поучения пастырей и архипастырей наполнены мыслями о молитве, о бренности земного бытия. На первом месте в них стоит понимание, что полнота Богообщения возможна только в Православной Церкви.

Велики заслуги летописца Нестора, святого покровителя пишущих на русском языке. Его «Повесть временных лет... откуда есть пошла Русская земля» ведет отсчет не от киевских князей, а от времен библейских, от разделения земли меж сыновьями Ноя после Потопа, числит происхождение «словенское» от племени Иафетова. То есть русские включаются в мировую историю с ее первых шагов. В житийных сочинениях о Борисе и Глебе, Антонии и Феодосии преподобный Нестор, как и в своей «Повести», все события в мире и Руси объясняет Божественным Промыслом. И сами основатели русского монашества — совершенно незаурядные писатели, особенно Феодосий. Литературоведы отнесли бы его к ярко выраженным публицистам. Весь пафос его широко в Руси известных сочинений говорит о постоянной бдительности и охране веры православной от латинян. Полагая, что спасение возможно только в православной вере, Феодосий вообще запрещает хвалить чужую веру. Кстати, русское слово «чуть» происходит как раз от слова «чуж, чужой». «Если кто хвалит чужую веру, тот является двоеверцем и близок к ереси... Если кто скажет тебе: ту и другую веру Бог дал, ты отвечай: разве Бог двоеверен?» С латинянами Феодосий вообще запрещает иметь какие-либо сношения ни по делам веры, ни по делам житейским.

Можно и дальше и с большой пользой обращаться к памятникам русской письменности, совершенно не стареющим, но пора перейти к современности и сделать вывод: в Русское письменное слово, начиная с Ивана III, с Алексея Михайловича и Петра Алексеевича, тем более с времен сменивших их женщин, Екатерины, Анны, Елизаветы, Екатерины II, вошли оккупанты — духи светскости и развлечения, духи ожидания удовольствия от чтения. То есть пришло чтение, которое действовало на нервы, а не на душу. А щекотание нервов требует все новых ощущений, и их мы дождались от Вольтера, Руссо (искалечившего, кстати, навсегда мировоззрение Льва Толстого, он даже медальон Руссо вместо креста носил), от Дидро, Аламбера. Красиво названы: энциклопедисты, но попросту это безбожники, вызвавшие к жизни и Дарвина с его обезьянами, потом и Ницше с его ожиданием сверхчеловека, то есть фашизма. Это ж логично: если от инфузии-туфельки, амёбы мы дошли до человека, изобрели станок Гуттенберга, надо идти дальше.

Далее страшно, ибо доверились славяне безбожным учениям. Помогали в этом свои богоборцы: Белинский, Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Тарас Шевченко. Да и Герцен. Кто тогда слышал голоса Данилевского, Леонтьева, Хомякова, Аксаковых, святителей Тихона Задонского, Дмитрия Ростовского, Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, Оптинских старцев? Их наследие еще только начинает

осваиваться. Теперешние писатели, дерзающие писать на русском, просто обязаны сделать их книги настольными.

Но скажем честно, разве не мы сами, со своей доверчивостью, виноваты в своих бедах? Позавидовали, что в Париже даже извозчики говорят по-французски, вот и пришли французы, и загнали коней в Успенский собор. Захотели рая на земле, получили революцию и Гражданскую войну. Захотели рынка — получили нищету.

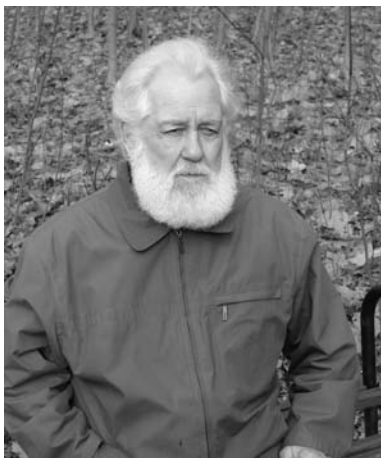
Что нас спасет? Нет, не возвращение идеологии ненавидевших Россию Маркса—Энгельса, а единственное и самое простое — обращение к Господу. Все остальные пути перепробованы.

Эта простота спасения всегда вызывала злобу падшего денницы. Нападения на русскую душу были самыми сильными во все времена. Ослабевала вера — Россия вразумлялась бедствиями. Крепла вера — возвышалась Россия, но опять усиливались сатанинские нападения. Эти нападения усиливаются именно сейчас, по мере продвижения России ко Христу. Духовные вожди народа, к которым относятся писатели, ибо им дан от Бога дар писать, обязаны соответствовать вызову времени. Но если писатель не воцерковлен, труды его плохо помогут Отечеству. Ведь любили же Россию Палиевский, Кожин, Селезнев, Ланщиков, Семанов, Михайлов, но их противостояние нашествию безбожного воинства оказалось слабым. Потому что не были воцерковлены. И не они, а либералы стали влиять на умы. Разве бы кому-то из любящих Россию пришло в голову именовать русских солдат федералами. «Погибло пять боевиков и убито три федерала». Федералы. И это о русских юношах, о цвете человечества. О тех, кто продолжил меру подвига воинов Великой Отечественной.

Именно нам вновь посылается испытание нашей веры, нашей любви к России. Где можно найти силы для любви и веры? Только в Церкви. Кто об этом скажет? Только тот, кто за свои труды и молитвы награжден таким даром. То есть воцерковленный писатель. Он никогда не заменит священника, да это и не его дело. Стихотворение Пушкина «Отцы пустыnnики и жены непорочны» не заменяет великопостную молитву святого Ефрема Сирина, и «Объяснение Божественной Литургии» Гоголя не есть Литургия, но они помогают войти в церковную ограду, воздвигнуть вокруг себя «стены Иерусалимские». Вот назначение сегодняшнего слова.

Да, у нас стократно меньше возможностей выходить к читателям и слушателям, сравните число и тиражи изданий, телевизионное и экранное время, но спросим, что ж нас все никак не победят, не задавят, не низведут до уровня толпы и черни? Потому что есть безошибочное чутье народа. И оно чувствует правду, оно сердцем ощущает того, кто любит Россию, а кто видит в ней экономическую территорию проживания.

Конечно, нам тяжело. Но это естественно: мы — русские, нам всегда было всех тяжелее. Русский Крест неподъемен для других. А то, что он дан именно русским, показывает веру Господа в нас. Мы обязаны оправдать Его веру. Тяжело, но Крест не по силам Господь не дает. И то, что усиливается бесовская злоба — это верный показатель того, что наша любовь к Богу и России действительна. В непрекращающейся схватке Христа с Велиаром, света с тьмой, православные писатели — воины. Их оружие — слово. Но это главное оружие современности. А слово, обеспеченное золотом любви, обязательно победит.



Борис СПОРОВ

ДОСТОЕВСКИЙ ИЗДАЛЕКА

К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

1. К ПОНЯТИЮ КРАСОТЫ

«Красота спасет мир» — как математическую формулу, как откровение из уст князя Мышкина получили мы на вечное пользование. Какое-то время не замечали, не понимали, а когда заметили, то и возрадовались — есть средство спасти погибающих! Правда, тогда же и скептически пожимали плечами — спасет ли? И все-таки обнадеживающе — *Красота спасет мир*. А уж красоты мы произведем и в розницу, и оптом! Обустроили, приземлили формулу — удобно: коротко и ясно. Но ведь столь же формального определения красоты нет, а индивидуально определяемая красота может быть воплощена и в железобетонные бастионы современного жилья. Сказано же прямо, без толкований: *Красота спасет мир* — стало быть, Красота как эстетическая категория. Здесь и поэзия Пушкина, и упражнения Хлебникова — едино.

Если согласиться, что долгие десятилетия мы были лишены свободы слова и мнений, свободы совести и выбора, то, понятно, и литераторы ухитрялись писать так, чтобы в лучшем случае ничего нельзя было бы доказать — это уже и не эзопов язык, это скорее самообман и ложь. И даже наиболее честные и смелые из писателей о многом не могли сказать, а что-то и очень важное уже и утрачивалось в понимании, не угадывалось. «Правда — красота — идея», — так выстраивал литературовед Ю. Селезнев триединство как основополагающее движение и как критерий самости русской классической литературы; и далее расширял невянтное понятие красоты: «Красота русской литературы в конечном счете восходит к началам духовной красоты самого народа». Сказано неплохо: Красота

литературы — духовная Красота народа. Или: *«Всемирная значимость русской литературы в иступленно-страстном поиске истины: правды и красоты жизни»*.

Здесь следует обратить внимание на связку *«правды и красоты»*... Вроде бы и понятия ясны, и, тем не менее, пока это абстрактные понятия, вечная и непостижимая загадка души: правда, красота. Красота — эстетическая категория, и другого как будто ничего нет. И такое на сегодняшний день отношение к вопросу, видимо, устраивает всех... А ведь рукописи горят, красота гибнет, хотя бы красота человека, да и весь тварный мир прекрасного гробится под натиском дьявольского разрушения первоосновы — и никакая эстетическая или художественная красота не спасет в грехе погибающий мир.

Так неужели «формула» и «откровение» достойны улыбки?

Известны слова Достоевского: «Идея красоты... у здорового общества не может погибнуть... Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит, гарантировано и высшее развитие этого народа». Словосочетания «идея красоты», «идеал красоты» прежде всего и следует объяснить, хотя бы ответить на вопрос, а как понимать идеал красоты? Идеал — это не над красотой, а высшее проявление самой красоты, образ красоты. Но можно ли вообще унифицировать эстетическое понятие красоты или идеала, представить понятие статичным. Но можно предположить или предугадать: красота — движение — идеал красоты. Красота в связке с идеалом, красота поднимается до идеала или стремится к идеалу. По такому же принципу строится и другая конструкция: правда и идеал правды — истина. Ведь правда — не менее отвлеченное понятие. Верно подмечено: у каждого человека своя правда. И опять же движение: Правда стремится к Истине — это аксиома. Если же попытаться и сформулировать понятие, то правомерно будет заключить:

Красота — это путь или движение к Идеалу.

Естественно:

Правда — это путь или движение к Истине.

Следовательно, нет статичного (без движения) понимания ни Красоты, ни Правды. Иначе мы невольно впадаем в индивидуальную многозначность.

* * *

Посмотрим, а нет ли у самого Достоевского толкования, так ли уж однозначно понимал он Красоту, как предложили нам воспринять ее литературоведы XX века? Или же мы утратили начальное понимание, при помощи дубового материализма вогнав идеалы духа в желудок?

В записных тетрадях Достоевского есть такое определение: *«Дух святой — есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней»*. А вот несколько усеченное из «Братьев Карамазовых»: *«...красота есть... и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»*. Но пока проясняется лишь то, что Красота обретает идеальное, духовное начало и воплощение. Можно легко уяснить и понять, что, по Достоевскому, Красота — нечто идеальное и даже Божественное. Естественно переход от идеальной к абсолютной Красоте, что и должно быть сопря-

жено с Божественным, духовным началом. И тогда «дух святой» обретает некоторую материальность, кстати, сохраняя условность или размытость. Вспомним, как у Селезнева: красота литературы — духовная красота народа... Именно на этой идеальности и неопределенности и затормаживается сегодня наша окороченная мысль: да, Красота эстетическая, но что-то есть еще и тайное, сокровенное — и все-таки Красота в резервах нашего измерения, нашего восприятия.

Но есть у Достоевского плотное по насыщенности мыслями письмо слушательному адресату В. А. Алексееву, где, в частности, имеются и такие слова, страстные, как пророчество: *«Христос же знал, что хлебом единым не оживишь человека. Если притом не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и в Слове Своем нес идеал Красоты, то и решил: лучше вселить в душу (человека. — Б. С.) идеал Красоты...»*, — а уж о хлебе телесном пусть люди сами позаботятся.

Поначалу, как и в предыдущих примерах, Достоевский говорит об объективном идеале Красоты, во второй же части уже прямо назван идеал Красоты — Христос. Вот этот идеал и вселен, вложен в душу человека — как Образ и Слово, за счет чего человек и обрел непостижимость, неразгаданность вечного идейного или идеального устремления вперед, к Идеалу, к Истине.

Только в таком раскрытии и становятся понятными поистине клятвенные слова — *Красота спасет мир*. Ведь Красота во Христе, а Христос — Спаситель. Вот ведь насколько всеохватен Достоевский.

Итак, *Красота — это путь, движение к Идеалу. Идеалом же Красоты является Христос в Его Слове...*

Правда — путь, движение к Истине. Если иначе, то ложь. Спаситель не ответил на вопрос Пилата: «Что есть истина?» Однако Сам Христос и являлся воплощенной Истиной.

И если мы согласимся с таким определением, тогда только станет понятен и феномен нашей классической литературы: вся русская национальная литература подвигала читателя к Идеалу Красоты, к Истине — и это была ее становая идея, равно и национальная идея — показать миру свой Идеал Красоты, свою Истину.

Но не постигнув Истины, мы так и не уяснили для себя, что вся жизнь после явления Спасителя поистине предстала обновленной, в постижении чего и заключается общечеловеческая идея. От объективного символа к живому Богу. И понятия стали живыми, потому что и понятия вошли в человека; точно так же определены были и духовные начала — к чему человек будет стремиться, на что будет затрачивать свою энергию, то и будет преобладать в нем. Кто поклоняется дьяволу, тот дьявола в итоге и обретет.

Без движения живой Красоты не может быть, потому что только цель — движение к Идеалу — оправдывает и объясняет ее целесообразность. Застывшие идеальные формы остались в дохристианском мире. Надо понять и согласиться, что и сам по себе человек уже не тот, каким он был до Рождества Христова — преобразилась и Мировая Душа. Но человек в грехе и сегодня не желает понимать этого.

Уже казалось, что погибли и наша литература, и наше слово. Соцреализм был внедрен и дал обильные всходы — восторжествовали идея лжи, религия лжи. Необходимо было лишь соблюсти приличие — сохранить видимую, формальную красоту. Активно прославлялась «чеховская чернильница», доказывали теоретически и практически, что литературное произведение можно написать и ни о чем, главное — как написать! И расцветивали пустоту и ложь — не литература, а покойники в красных гробах. Тогда уже и вовсе забыли об указующем персте писателя. Всякое движение было прекращено или приостановлено — и это грозило смертью: ложная, гробовая красота не могла бы спасти даже самую себя... Однако и отрицание здравого реализма в угоду лжи дало свои уродливые плоды — на обихоженой почве и ныне процветает абсурд, активно насаждаемый и поощряемый все той же площадной или бульварной идеологией... И тем не менее, пока мы живы, движение к Истине, к Идеалу Красоты не прекратится.

2. ОСЛЕПЛЕННОСТЬ

В академическом сборнике № 3 «Достоевский. Материалы и исследования» («Наука», 1978 г.) опубликованы «Пестрые заметки» Альтмана. Задержу внимание лишь на двух сообщениях.

1. «*Страшная мишень*». Есть у Достоевского в «Дневнике писателя» (1873) статья «Влас», где рассказан неповторимый случай, чему писатель и поверить-то никак не решится, но который, однако, подвигает его на раздумья поразительной глубины.

Двое сельских парней заспорили «кто кого дерзостнее». Вот один другого и подбил пойти на причастие, а причастие и сохранить во рту. Затем искуситель предлагает расстрелять причастие из ружья. И как только искусенный поднял ружье, тотчас и увидел перед собой «крест, а на нем Распятый». И упал дерзкий человек в беспамятстве...

Такова известная по «Дневнику» история... Но поначалу в сообщении привлекли внимание неточности в цитатах. Так «*промежду себя*» Альтман исправляет на «*промежду собой*»; из «*говорит мне с глазу на глаз*» выкидывает «*мне*», «*сделал так, как*» перекраивает в «сделал, как»; «огород» переводит в множественное число — «огороды», из «*тут я и упал*» выбрасывает союз «и». Кроме этого, неправильное цитирование, искажающее смысл. «*Я положил на жердь* (частицу причастия. — Б. С.). *Зарядил*». И не понять — что зарядил? Изменены знаки препинания. И это всего-то в десяти строчках текста.

За цитированием тотчас последовал вывод:

«Этот рассказ Достоевский сопровождает рассуждением о том, что подобные случаи у других народов невозможны, что это специфически «*русский случай*», больше того — «*в высшей степени изображающий нам весь русский народ в целом*».

И далее Альтман, уже получив право обличать Достоевского, начинает извлекать из различных дореволюционных источников примеры, доказывая, что и у других христианских народов бытует чуть ли не обязательный обычай охотников стрелять то в крест, то в изображение Христа. Так что «*случай... не является национально Русским*», — заключает Альтман.

Понятно: Достоевский, следовательно, попытался доказать, что это только «русский случай», но Альтман поспешил защитить русский народ, со своей стороны доказав, что таковы все они — христиане.

Увы, случай не настолько рядовой, каким он может показаться.

Обратимся к тексту статьи «Влас». Во-первых, цитируемых *слов «русский случай»* у Достоевского вовсе нет; во-вторых, нет рассуждений о том, *«что подобные случаи у других народов невозможны»*; в-третьих, *«в высшей степени изображающий нам весь русский народ в целом»* значит в следующем контексте: «Но это дело медицинское, а я в нем мало знаю. — И продолжает: — Другое дело — психологическая часть факта. Тут являются перед нами **два народных типа**, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом! Это прежде всего забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это — потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой. Это — потребность отрицания в человеке... самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем. Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которой русский человек спешит иногда заявить себя в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего: от семьи, обычая, Бога».

Вот ведь как наш писатель-то рассуждает, дух захватывает! Так и видишь крушащего все безумца, только к крайности подвести: и брата порешит, и церковь разрушит — крайности, доводящие человека до безумия, крайности под провокационный визг: *грабь награбленное!*.. Но прежде всего из текста видно, что не о «русском случае», вообще не о случае с причастием идет тут речь, а о двух характерах, о двух народных типах — именней! — *«в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом»*. Случай **только попытки расстрелять причастие**, и типы народные, могущие проявиться в любых крайностях — это, уж согласимся, не одно и то же. Именно в «роковые минуты» жизни и проявляются крайности. Достаточно вспомнить революционное безумие, кровавыми плодами которого мы давимся и доселе. А ко всему: тут как тут и новый тип — сельский Мефистофель, нигилист-искуситель... Но и в итоге приводит-то все это к покаению — к старцу, в скит дорога. Как некрасовский Влас, в веригах пойдет и этот грешник по Руси собирать подаяние на храм Божий. Повторяю, не о случае, который Альтман ловко превращает в заурядный народный обычай, о типах народных идет речь, о крайностях, кои и привели Россию к гибели. И если уж дано нам выжить, то пойдут еще, пойдут и наши вандалы, дети их и внуки, восстанавливать храмы — да уже и пошли! Мы даже пытаемся разобраться, кто же выступил в роли Мефистофеля. Нет, не для возмездия мы пытаемся разобраться, а чтобы понять истинную причину крушения. И чтобы не искусил и Мефистофель-диссидент, теперь-то мы знаем, причащаться надобно взаправду.

Естествен вопрос: так зачем же Альтману понадобилось такое переигрывание, мягко говоря?... Пока и подумаем об этом.

* * *

2. *«Галлюцинация Достоевского («Хлебный волк»)*. — В данном сообщении речь ведется об одном из изумительных очерков, может быть, во всей мировой литературе. Сочетание детской чистоты и непосредственности с психологической проникновенностью в состояние каторжника, по-моему, и делает «Мужика Марея» шедевром мировой литературы. Человек на каторге — а человеком этим является гениальный Достоевский — живет своим прошлым: вспоминается ему все до былиночки, и переживает он подробно случай — тогда ему было девять лет.

Забрался малыш в овраг; заросли, кустарник; слышно: неподалеку на склоне оврага мужик пашет, наверно, под озимые. И вдруг почудилось мальчику — кто-то крикнул: «Волк бежит!»... Слуховые галлюцинации, наверно, со всеми детьми случаются. И Достоевский оговаривается: в детстве подобное было несколько раз, а потом уже и не случалось. Так вот мальчик, естественно, перепугался, в страхе выбежал он на поляну к мужику Марею, и этот пахарь, с задубелыми землистыми руками, — до умиления трогательный и нежный, успокоил, обласкал мальчика. И этот «малец» и на каторге живет этим... Вот, собственно, и вся история, понятно, дополненная размышлениями писателя.

В цитировании Достоевского все те же неточности... Ну да ладно, соведь Альтману судья, проснется же когда-нибудь. Важнее другое — и в дальнейшем прием исследования повторяется: Альтман начинает муссировать тему с галлюцинациями и с волком, уходя в народные поверья о «хлебном волке» вплоть до французской земли: волк, волк. Однако цель такого «безобидного» надергивания раскрывается в концовке. Приведу ее полностью, чтобы не впасть в соблазн, чтобы верно понять Альтмана:

«Впрочем, галлюцинация Достоевского связана не только с народными поверьями. Некоторые психоаналитики (например, И. Нейфельд) усматривали в образе волка двойника отца Достоевского, но более правдоподобно видеть в нем двойника его самого. В этой связи напомним характеристику, которую дает Достоевскому Н. К. Михайловский в статье «Жестокий талант»: «...никто в русской литературе не анализировал ощущений волка, пожирающего овцу, с такой тщательностью, глубиной, с такою, можно сказать, любовью, как Достоевский... он рылся в самой глубокой глубине волчьей души». И не только самого Достоевского, но и его литературных героев Н. К. Михайловский готов принять за каких-то волчьих оборотней: «Это... целый питомник волков разнообразных пород... изучение волчьей природы представляет для него нечто самодовлеющее».

Сказанное безынтересно дополнить и тем, что мальчика Федю окончательно избавляет от страха перед призрачным волком выбежавшая ему навстречу дворовая собака Волчок: *«живой Волчок противопоставлен призрачному волку».*

Вот так. После этого все проясняется. Я отбрасываю жонглирование мнениями и цитатами, чтобы — не дай Бог! — не ошибиться, выбираю лишь «чистые» слова Альтмана *«...более правдоподобно видеть в нем (в образе*

волка. — Б. С.) *двойника его самого*» (Достоевского. — Б. С.). И концовка: «*Живой Волчок противопоставлен призрачному волку*». Итак, прихватив в подручные Михайловского, Нейфельда, а заодно и редактора тома Фридляндера, Альтман с академических позиций делает звериное открытие... А Достоевский-то для нас, русских, не просто писатель, а наша национальная гордость — наш пророк. Но даже с этим не соизволят считаться.

Поначалу хотелось возмутиться, вознегодовать (да и возмутиться-то негде!), но прошло время — все и перегорело, а теперь уже и возмущаться не хочется. Жаль этих Альтманов, ведь так и изойдут на черную злобу. Подумать только, всю жизнь можно читать и перечитывать Достоевского и другие книги, и это только для того, чтобы выискать повод посеять зло и трястись над этим злом, как Скупой над золотом. Как же черно в такой-то душе. Вот почему и в первом случае понадобилось крайность делать христианским обычаем, а затем уже изливать желчь на светлую личность Достоевского.

Ненависть, что ли, слепит, заставляя желаемое выдавать за действительное. А ведь тому же Михайловскому еще в прошлом веке на «Жестокый талант» ответил Вл. Соловьев, и по части отца Достоевского сплетни убедительно опровергнуты. И это, в свою очередь, Альтманам должно быть известно. Но ничего не поделаешь — слепит злоба.

ВЫШЛА КНИГА

Муссалитина Е. В. В поисках Истины. Стихотворения «Библиотека международного журнала «ФОРУМ». — М., 2010. — 16 с.

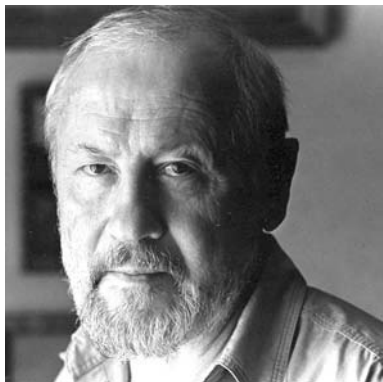
Елена Владимировна Муссалитина — поэт, автор и исполнитель песен, педагог, журналист. Кандидат психологических наук.

Член Союза писателей России, член правления и руководитель Клуба молодых писателей Московской городской организации Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии педагогических и социальных наук.

Лауреат международных и общероссийских литературных премий и музыкальных конкурсов и фестивалей. Ведет концертную деятельность. Неоднократно являлась редактором-составителем общероссийских поэтических сборников и членом жюри литературных и музыкальных конкурсов.

Автор восьми книг стихотворений и двух музыкальных дисков, публикуется в газетах и журналах России и за рубежом. Произведения переводились на английский, китайский, арабский, словацкий, польский и болгарский языки.





Юрий ЛОЩИЦ

РАЗНЫЕ ЛЮДИ СВЕТЛАНЫ ЗАМЛЕЛОВОЙ

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 году в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Светлана Замлелова «Гностики и фарисеи», рассказы и повести. — М.: Художественная литература, 2010 г. — 448 с.

В «Гностиках и фарисеях» Светланы Замлеловой (Москва, «Художественная литература», 2010) желательно читать все. Не обязательно все подряд. Можно выборочно, вразнобой, к чему и располагает жанр сборника рассказов и повестей. Но по мере движения становится ясно, что нужно все прочитать. Потому что есть тут какой-то общий для всего контрапункт. Лишь не ясно еще, в какой именно вещи ключ к нему. Впрочем, может оказаться, что ключ вдруг засверкает сам — в совершенно неожиданном месте.

Представленные ею люди в массе своей как-то непривлекательны. Либо малопривлекательны. То и дело это люди со слабостями. Или нравственными изъянами. Иногда такими заметными, что авторская оценка врывается и в названия («Тварь», «Сумасшедший», «Иуда», «Пошлая история», те же «Гностики и фарисеи»). Писательница не щадит эти слабости, рассматривает их подчас так подробно, даже дотошно, что ее персонажу впору бы провалиться от стыда, если бы чувство стыда было ему свойственно и если бы не был он плодом вымысла («Муся», «Абрамка»).

Сатирические ресурсы автора безусловно сильны. Но не в меньшей мере она оснащена и даром тонкой иронии, незлобливой шутки, грустной улыбки. За такой улыбкой она прячет сочувствие ко многим-многим, к примеру, свою симпатию к баламутным старушкам-сестрам, горожанкам, вдруг надумавшим встретить ноябрьские праздники в холодном и неприятном деревенском доме («Красный день календаря»).

Светлана Замлелова воспитана на русской традиции негромкой и ненадрывной смеховой культуры, идущей к ней от Чехова, а то и напрямик от Голя. Она не считает нужным скрывать эту свою родословную, и потому ей не по нраву хохот, вызываемый повадками эстрадных щекотателей пяток:

«Принадлежала Ася к типу людей, которые, легко сошедшись с новыми знакомыми, успевают надоесть через пару минут. Шуму она производила столько же, сколько телега, едущая по булыжной мостовой. Она так часто принималась хохотать, что можно было подумать, что смех был ее вторым дыханием, и она ни минуты не могла прожить, не смеясь. Смех ее был громким, назойливым и, казалось, проникал под кожу. Кроме того, Ася обладала манерой спорить по любому поводу... Если Ася не спорила, то она смеялась, если не смеялась, то обязательно спорила».

Впрочем, и вы вряд ли расхохочетесь, знакомясь с поступками этих слабых, слабовольных или, наоборот, очень энергичных в проявлениях своей пошлости или бесстыжей греховности людей. Но иногда вам тоже захочется снисходительно улыбнуться. Как, например, на последних страницах «Эмигрантки». Молодой Иван с треском выстукивает на компьютере полное праведного гнева письмо самодовольной нью-йоркской корреспондентке, кичащейся своим «интернационализмом». Но — в последний момент швыряет письмо, вместе со всей предыдущей перепиской, «в корзину». А та, не получив очередной почтовой затравки для нового витка интеллектуальной брани, оскорбленно рыдает в приступе истерики. Надо сказать, что обобщение, выведенное в «Эмигрантке», очень сильное, меткое и художественно убедительное. Такими интеллектуальными челноками, как героиня рассказа и перечисляемые ею знаменитости, сегодня хоть пруд пруди.

Писательница редко выпускает своих добрых людей на первый план повествования. Да и не сразу их подлинная суть вспыхивает подлинным светом. Хорошее и достойное, не говоря уж о героическом, как и в повседневности, не торчит в ее сюжетах на виду. Оно является лишь изредка и ненадолго, как бы прорезая серую пелену пошлых событий и поступков, обозначая их мизерную цену. Таков рассказ «Муся», в котором лишь напоследок вспыхивает бисером поступок молодой женщины, даже не названной ни разу по имени ее самодовольным, как хряк, сожителем. Такова и повесть «Абрамка», чьи события автор попускает излагать внутренне надломленной юной особе, убивающей безвинного городского юридивого. Так выстроен и рассказ «Неприкаянность». Его главные действующие лица — новейшей выделки ходоки в народ, робкий выплеск вырождающейся интеллигенции, искатели «народной правды». Их суетность всего в двух-трех словах подмечена сельским батюшкой. Бежит из деревни Симанский, воровато и трусливо, с лживым обещанием вернуться. Не последняя ли страница в затянувшейся истории головного «правдоискательства»?

Хотя рассказ, давший такое обязывающее название сборнику, показался мне лишь подмалевком, заявкой на что-то более весомое, есть и в нем эскиз обобщения, подсказанного самой повседневностью. В мыслях и публицистических филиппиках молодого московского священника отца Василия писательница тонко уловила привкус фарисейской закваски, то бишь лицемерия. Молодой батюшка то и дело сам впадает в мелкие соблазны. Но не на них сосредотачивается, а гневно уличает в своей очередной статье безымянную заблудшую молодежь.

Пишу это и уже слышу за спиной протестующий шепот писателя-брата: «Негоже нам, грешным, порицать батюшек...». Но в причитании таком — не та же ли самая фарисейская закваска? Слава Богу, батюшки православные прилюдно говорят не об одних лишь грехах паствы, но и о себе: «...от них же первый есмь аз...».

Казалось бы, фарисейство — явление чисто историческое, относящееся к евангельским событиям. Но липкая его закваска живуча, соблазн лицемерного двоедушия многолик, переимчив. Самый обходительный современник! Наше духовное сословие за последние двадцать с малым лет стремительнейше помолодело и возросло количественно. Радоваться бы и только! Но возрастание качественное, как во всем на свете, не поспевает за численным. Не зря покойный Патриарх Алексий с тревогой говорил о модном искусе «младостарчества». Гоже ли вчерашнему семинаристу примерять на себя духовную статью многоопытного прозорливца? Возмется ли молодой коллекционер грехов своей паствы сказать так ответственно и дерзновенно, как говорит другой герой писательницы, отец Мануил?

«Проповеди свои благочинный произносил в храме. Не раз передавали их и по местному радио. Услышавшему впервые отца Мануила в самом деле не пришлось бы и в голову, что голос принадлежит болезненному и чахлому старичку...

— Любите врагов ваших, крушите врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими, — гремел из радиоприемника отец Мануил, и редкий слушатель не стихал, предвкушая, что голос этот скажет именно то, о чем давно хотелось услышать. — Отечество наше поругано, святыни попораны — все отдано во власть жрецам новой религии. Новыми идолами стали Богатство и Слава, Успех и Комфорт. А смогут ли новая религия и новые идолы стать основой народной жизни? Нет! И не нужно обманывать себя...»

Безобманным чувством читатель придет к пониманию, что в словах провинциального благочинного, в самом его образе — ключ к осмыслению не только событий повести «Пошлая история», но и всей книги.

Вот откуда свет. В его лучах смягчатся морщины на лице старой матери («Петровна») и деревенского старца Матвея («Зимняя быль»). Милыми и славными увидятся Марина, ее родители и подружки («Беззаботные») и даже маменькин сынок, вечный студент, неудачливый в любви оболтус («Павлуша»).

В этом же свете прояснится и смысл «Иуды», рассказа, написанного по евангельской канве, но от имени самого Искарота, вечно помнящего свою измену. К счастью, писательнице удалось избежать распространенного с давних времен гностического соблазна, состоящего в попытках реабилитации Иуды и его предательства.

Рассказ «Бродяга», написанный в жанре философского эссе, напомнит еще об одной стороне дарования Светланы Замлековой. Как публицист, историк, редактор она часто выступает на сайтах «Фонд стратегической культуры», «Камертон», «Великороссъ», и читателю, постоянно ищущему в Интернете, найти ее выступления легче, чем книгу «Гностики и фарисеи», изданную тиражом всего в тысячу экземпляров. Ведь новой книге ее так легко затеряться на прилавках, по-прежнему заваленных горами «дамской прозы» — всех этих романых сериалов, болтливых, похотливых, бесстыжих, позорящих язык, литературу, страну.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА



**Светлана
ЗАМЛЕЛОВА**

MCDONALD'S ОТ ЛИТЕРАТУРЫ

Светлана Георгиевна Замлелова — родилась в Алма-Ате, окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва), член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, главный редактор литературных сайтов КАМЕРТОН <http://webkamerton.ru> и ВЕЛИКОРОССЬ <http://www.velykoross.ru>. Печаталась в газетах и журналах «Московский литератор», «Москвичка», «Наша губерния», «Немига литературная» (Беларусь), «Наше поколение» (Молдова) и др. **Живет в Москве.**

Маркс, описывая капиталистическое производство, подчеркивал, что цель капиталиста — отнюдь не общественные потребности, но прибыль, ради которой он и производит меновые стоимости. Духовное производство, точно так же, как и материальное, не ориентируется на реального потребителя и на служение общественным идеалам. Для того чтобы удовлетворять насущные нужды хватило бы весьма ограниченного числа производителей. Однако на всех желающих получать, посредством производства, прибыль потребностей не хватает. В результате производитель действует просто и жестоко: он выдумывает новые потребности и заставляет обывателя покупать то, о чем еще вчера тот не просто не имел ни малейшего представления, но и не догадывался о существовании у себя потребности, удовлетворению которой служит новый товар.

Едва ли кто-то станет возражать, что книжные магазины, например, существуют сегодня не ради народного просвещения. А писатели, чьими именами подписаны штабеля книг, пишут эти книги не по причине одолевающего их вдохновения. Направленное когда-то на фиксацию прозрений, на обретение у Неба новых знаний и благ, на преобразование, по слову А. Панарина, *«косной физической природы в предметы культуры»* нынешнее духовное производство не стремится, как правило, ни к чему, кроме прибыли.

Интеллектуальный труд всегда ценился по результату. От ученого или философа ждали открытий, от писателя — гармонии слова, то есть расстановки слов, поражающей одновременно внешним благозвучием и заключенной внутрь мудростью. Если ученый, философ или писатель

отказываются от своих традиционных занятий, они становятся кем угодно еще, но перестают быть ученым, философом или писателем. Они уподобляются тому дворнику, который вместо того, чтобы мести улицы, скачет вдоль тротуара на метле. Никто бы и не стал возражать против такого эксцентрического занятия, особенно, если от него нет вреда окружающим. Но было бы обманом называть это уборкой улиц. Человек может взять ручку или усесться за компьютер и посвятить всего себя виртуальной копролаллии и копрофагии. Но это еще не достаточное основание для того, чтобы называться писателем. Труд писателя, связанный с напряжением творческой воли, зависимый от интуиции и прозрений, можно сравнить с трудом ювелира или кондитера — так кропотлива работа и так же изыщен предполагается результат.

Литература существует и развивается по определенным законам, многаяжды подробно описанным. Внутри этого заданного пространства то и дело возникает что-то новое, иногда не сразу распознаваемое, как это бывало, например, со многими известными и незыблемыми ныне именами. Но текст, не соответствующий признакам, отличающим литературу, находящийся вне законов ее существования, литературой по определению не является. Возможно, он имеет право на существование, но он не имеет права называться чужим именем.

Тем, кто присваивает себе чужое имя, в русском языке обычно сама собой прилипает приставка «лже-». В нашем случае можно говорить о лжелитературе и лжеписателях.

Это именно лжеписатели утверждают, что сочинения, напоминающие анамнез больных фекально-генитальным психозом, есть не что иное, как новая страница русской литературы.

Это именно лжеписатели, пускаясь в рассуждения о чем бы то ни было, позволяют себе выражения типа: «мне нравится / не нравится», «я люблю / не люблю».

В конце концов, это именно лжеписателей называют проектами, подчеркивая тем самым изначальную нацеленность на прибыль, а не на творческий акт.

Россия из мощной некогда Державы обращается на наших глазах в этнографический заповедник, в лубочное царство с декоративной Церковью, потешной армией, неизвестно откуда взявшейся толпой столбовых дворян и многочисленной партией недовольных таким положением дел. Русский писатель, властитель дум и народная совесть в прошлом, так же преобразуется в некую декоративную фигуру, распрощавшуюся и с творческими муками, и с особой миссией радения за всех. Для подтверждения статуса нынешнему писателю нужно, конечно, писать. Но, во-первых, как хорошо всем известно по ряду примеров, совершенно не обязательно делать это самому. А во-вторых, требования к изыскной словесности опустились сегодня до такого уровня, что русская литература уподобилась китайской промышленности, для которой самое главное — это «быть».

Существование литературы, как и всякого другого творчества, связано с обретением познания и обусловлено им. Изначально не в приземленном рационалистическом смысле, но в смысле постижения мира, прорыва в трансцендентное. Творчество становится мостом или каналом, позволяю-

щим художнику выйти за пределы собственного «Я» и по слову М. Мерло-Понти, *«быть вне самого себя, изнутри участвовать в артикуляции Бытия»*. Более того, роль «указателя к трансцендентному» искусство играет и для стороннего наблюдателя. Заключенный в эскиз или рассказ взгляд на предмет может стать вспышкой, озаряющей суть предмета. Исследователи Туринской Плащаницы, на которой проступает облик мертвого израненного человека, говорят о том, что изображение появилось на ткани вследствие сильнейшей световой вспышки. Благодаря этой вспышке человечество узнало, как выглядел его Спаситель.

Свет искусства может быть сравним со светом Воскресения, вдруг открывшим тайну Бытия и обнажившим Логос. В этом смысле задача художника — не открывать то, чего нет, но найти средства выражения, которые и другим помогут ухватить, наконец, ускользавшие ранее образы, помогут преодолеть внутреннюю немоту и слепоту.

Творческий путь подчас приводит художника к конфликту с реальностью, поскольку творчество требует самоотдачи и погружения, в результате чего образ жизни художника отличается от образа жизни большинства обывателей. В то же время творческий путь может уподобиться пути монашескому. Подобно тому, как труд монаха направлен — в идеале — на очищение своего богоподобия от мирской шелухи, так и труд художника может быть рассмотрен как высвобождение гармонии из оков хаоса.

От сегодняшнего литературного процесса, ориентированного по преимуществу не на постижение мира, а на взыскание премий, трудно ждать великого. Лжелитература существует по законам рынка. Из имени производителя текста, как из названия, например, модного дома, формируется brand — своего рода гарантия качества. То есть качества-то, может, нет и в помине, но потребителю текста при помощи технологий манипуляции сознанием вдалбливают, что это не что иное, как национальный bestseller, большая книга и так далее в том же роде. При этом непременно добавляют, что именно за этого писателя проголосовали Ирина Хакамада, Леня Голубков и какой-нибудь Ванька-Каин, переселившийся со всеми своими сбережениями в Майямы. Заглотивший наживку читатель отправляется в магазин и, думая, что покупает книгу, покупает хорошо разрекламированный товар, что-то вроде пива «Клинское» или кетчупа «Heinz». Цель рынка — заставить потребителя раскошелиться. Цель достигнута.

Обманутый читатель ждет от лжелитературы того же, что привык получать от литературы. Но не дастся ему, *«потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника»* (Лк. 6:43–44). И здесь на помощь лжелитературе приходит лжекритика, которая вместо того, чтобы бить тревогу и кричать о подлоге, усыпляет общественное сознание и ломает мало-помалу читательское восприятие. В интервью автору статьи замечательно сказал об этом писатель Иван Зорин: *«К сегодняшней критике нельзя относиться иначе как к шутке. В наше время, когда посредничество сменило производство, на первую полосу вышла интерпретация. Критика превзошла литературу. Чего стоят заумные тексты, напичканные псевдонаучной терминологией, объясняющие гениальность произведений, которые стыдно назвать и школьным сочинением! А бес-*

конечные шедевры, которые находят премии? Периклов век и Флорентийское возрождение не знали такой концентрации таланта!»

Лжелитература складывается из симулякров, то есть из имитаций реальности. Внешне лжелитература похожа на литературу. Но, по слову Ж. Делеза, *«симулякр не просто вырожденная копия, в нем кроется <...> сила, которая отрицает и оригинал, и копию, и модель, и ре-продукцию»*. Применительно к нашему случаю это означает, что лжелитература вытесняет и подменяет собой литературу. Лжелитература — это нечто принципиально иное, и читатель вместо золотой монеты получает стеклянные бусы.

Но почему это происходит и для чего это делается? Ответ прост: для интенсификации производства.

Не стоит забывать, что книги для тех, кто их продает — это, прежде всего, товар. Продавца меньше всего заботят творческие муки и прорывы в трансцендентное. Индустрия по ломке читательского сознания — все эти премии, «раскрутки», billboard'ы и пр. — существует не с целью выявления талантов, но с целью формирования новой потребности. Как сказано на сайте фонда Михаила Прохорова, учредителя литературной премии «НОС» (Новая Словесность): *«для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной словесности на русском языке»*. Заметим в скобках, что в самом общем смысле trend — это направление. В качестве термина, что единственно оправдывает англицизм, слово обозначает направленность изменения экономических показателей, то есть опять же отсылает к рынку.

Какая может быть прибыль от Достоевского, провозившегося с «Братьями Карамазовыми» три года? Кто станет продавать книги Толстого, «шлифовавшего» «Войну и мир» целое десятилетие? За такое время успевают зажечься и погаснуть мириады литературных звездочек, а каждая крупная звезда выдает по чемодану книг. Конечно, и Достоевского терзали издатели, алкавшие интересной прибылью. Но капитализм времен Достоевского не достиг еще своей высшей стадии, которая досталась в удел нам, многогрешным. Империализм как высшая стадия капитализма — это когда просящему хлеба кладут в руку камень, а просящему рыбу предлагают змею. Это виртуальный мир, производящий симулякры, манипулирующий сознанием и выдающий грошовые чувственные удовольствия за полноту жизни. Хочется лишь обратить читательское, да и вообще потребительское, внимание на одно пикантное обстоятельство: за симулякры их производители всегда хотят получать самые настоящие деньги...

Подлинное производство — как материальное, так и духовное — перестает быть основным средством получения прибыли. Таковым средством становится спекуляция и цивилизованное шулерство, иначе называемое PR. Человека не просто вынуждают отдавать реальные деньги за то, что ему совершенно не нужно. Попутно его изо всех сил стараются растлить. Мат и фекально-генитальные смакования, столь любимые лжелитературой, потакают худшим инстинктам, создают иллюзию свободы и подталкивают к отрицанию культуры и морали, восстающих против подобного рода освобождений. Общество, презревшее мораль и культуру, не осудит ростовщиков и шулеров и не поднимется против их власти.

Сколько бы ни пыжилась лжелитература, подпитываемая премиями, но не является она продуктом свободы творчества. Напротив, это искусственное и уродливое явление, подобное Франкенштейну. Цель ее существования — даже помимо воли создающих ее лжеписателей — опростить читательский вкус, создать энное количество brand'ов и продавать под их вывеской тексты, не просто не отягощенные интеллектом и вкусом, но и формирующие новый тип человека. Человека, о котором Пушкин писал как о «человеке, у которого нет ничего святого». Такой потребитель отвечает одновременно нескольким задачам рынка: он готов платить за симулякры и не готов осуждать за обман их производителя. Именно на таком типе держится общество потребления, именно на него опирается власть паразитирующего меньшинства.

Но так не может продолжаться вечно, и человечество ждет либо вырождение и обращение в первобытное состояние, либо все-таки в очередной раз наступят дни, которые потрясут мир...

ВЫШЛА КНИГА

Борис Краснов. Стекланные деревья. — СПб., ООО «АртЭго», 2010. 96 с.

Краснов Борис Николаевич — поэт и прозаик, родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича. Работает ведущим инженером в НИИ. Автор трех поэтических книг и многочисленных журнальных публикаций стихов и прозы. Член Союза писателей России. «Стекланные деревья» — четвертая книга поэта.





**Алексей
КОНДРАТЕНКО**

**ИВАН БЕЛОРУССОВ:
«СЛОВЕСНОСТЬ
ЕСТЬ САМЫЙ
ВЫСШИЙ РОД
ИСКУССТВА»**

Алексей Иванович Кондратенко — родился в 1964 г. в Воронеже, окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал в средствах массовой информации Орловской области. Кандидат политических наук, член Союза писателей России с 1999 г. Автор нескольких книг исторической прозы, главный редактор альманаха «Орел литературный». Лауреат премии журнала «Наш современник». **Живет в Орле.**

Министерство образования ныне как с панацеей носится с пакетом новых стандартов школьных предметов. Едва ли не спасением от лавины безграмотности XXI века объявляется новый формат изучения русской литературы, языка, обществу предлагается некий эрзац под названием «словесность». И это все происходит в стране с многовековыми традициями филологической науки, в стране, где исконное, а не «модернизированное» понятие словесности еще в XIX веке имело совершенно ясный и позитивный смысл.

Чем выдумывать новые программы, не проще ли обратиться к опыту наших предшественников, хотя бы бегло перечитать их удивительно емкие книги? Я хочу рассказать о вкладе в педагогику и филологическую науку ныне забытого профессора Ивана Михайловича Белорусова. Более века назад он работал директором и преподавателем Орловской губернской мужской гимназии. Здесь же, в городе Орле, были изданы многие работы, сделавшие его имя известным всей просвещенной России.

И. М. Белоруссов родился 1 июня 1850 года в Тотемском уезде Вологодской губернии. В одной из своих работ он писал: «Я сам вырос среди простого крестьянского народа, сам учился в сельской народной школе и, по окончании среднего образования, был некоторое время народным учителем».

Учился в Миньковской народной школе под руководством отца — сверхштатного дьякона, затем в Тотемском училище и Вологодской Духовной семинарии. Но в связи со смертью отца (в семье было семь человек) Белоруссову пришлось уже на четвертом курсе семинарии стать народным учителем у себя на родине. В сельской школе молодой пе-

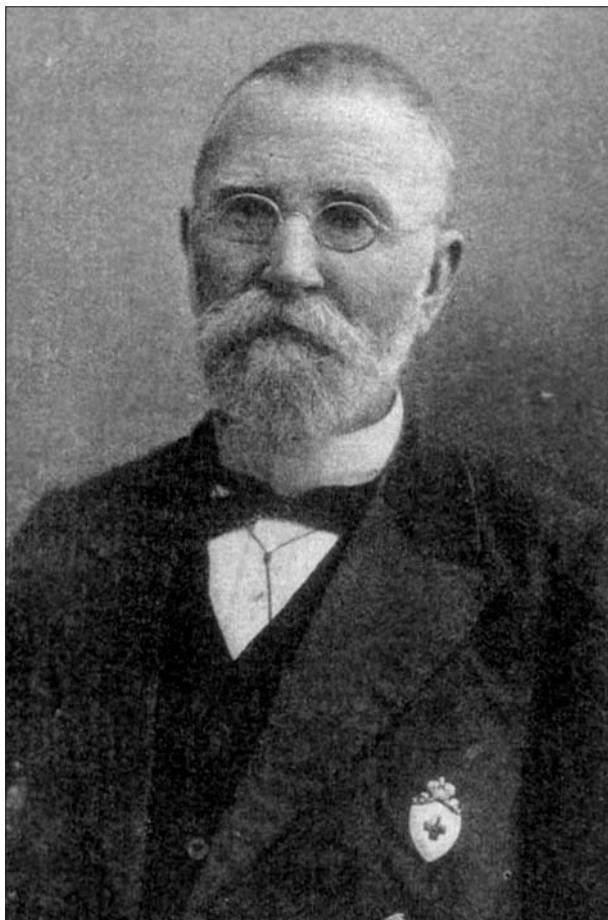
дагог преподавал весь круг предметов, в том числе и арифметику, Закон Божий. Но все больше увлекала словесность.

И. М. Белоруссов окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт (этот вуз был основан в 1867 для подготовки учителей древних и новых языков, словесности, истории, географии; помещался в бывшем дворце Императора Петра II (Университетская наб., 11)). С июля 1875 года Белоруссов — преподаватель русской словесности и латинского языка в Архангельской мужской гимназии. По совместительству преподавал в женской гимназии, был редактором неофициальной части газеты «Архангельские губернские ведомости». В июле 1878 года был назначен наставником-руководителем в историко-филологический институт в городе Нежине (ныне Украина), где проработал шесть лет, являясь одновременно преподавателем русской литературы.

Еще в августе 1875 года И. М. Белоруссов выступил «в годичном акте» (была тогда такая церемония) в Архангельской гимназии с речью «О значении древних языков в системе гимназического образования». В этом северном городе он издал и свою первую книгу «Учебник теории поэзии» (1877). Одна из первых исследовательских работ — статья «Теория словесности» — была опубликована в апрельском (1878) номере «Журнала Министерства народного просвещения». Поднятая проблема побудила автора самым серьезным образом приняться за работу над составлением «Учебника теории словесности», который к 1918 году выдержал 32(!) издания. И. М. Белоруссов писал: «Словесность — искусство изображать посредством слова всевозможные предметы и явления и всевозможные душевные состояния. Словесность есть самый высший род искусства, в известной степени совмещающий в себе свойства всех остальных искусств».

С 1884 года Белоруссов был директором Орловской гимназии. Один из его учеников — литератор, автор нескольких сборников очерков и рассказов Павел Россиев, вспоминал много лет спустя: «Помнятся живые, осмысленные уроки, на которых улавливались, с помощью Ивана Михайловича, все изгибы и извивы «божественной эллинской речи», ее полновзвучность и полновесность, и когда мы чувствовали в гомеровских рапсодиях музыкальную характерность языка наших былин; мы углублялись в тонкость Ксенофонта «Анабазиса» и над какой-то частицей, недостойной удара, а только придыхания, останавливались с той серьезностью, с какой ботаник останавливается над клеткой или живой протоплазмой. Искусный преподаватель по-своему, кратко и удобопонятно предлагал синтаксические и грамматические мудрости... Основой воспитательной и педагогической мысли Белоруссова было беспрестанное возбуждение, укрепление и усиление сознательной и свободной деятельности учащихся, можно сказать — самообразование, построенное на твердой воле и сознательном труде, как святом долге каждого человека... Для Белоруссова русский язык стал солнцем, которое не только согревало его душу, но и являлось источником литературно-педагогической энергии, а эта, в свою очередь, была источником его интеллектуальной жизни»¹.

¹ Подробнее см.: *Россиев П. Иван Михайлович Белоруссов (По поводу 40-летия его педагогической деятельности)* // Исторический вестник. 1915. № 6. С. 934–942).



Иван Михайлович Белоруссов

ционер и карьерист, насаждавший среди гимназистов “религиозный дух” и доноительство». На самом деле, если внимательно прочитать рассказ «Молодежь», в нем не встретить никаких злых эпитетов в адрес директора. Скорее Леонид Андреев передает свое, школярское видение некоей конфликтной ситуации в гимназии и просто чуть иронизирует над «грозным» директором. Зачем же тогда авторам комментариев понадобилось «бросать камень» в Белоруссова? Чтобы на фоне его консерватизма, приверженности классике подчеркнуть свободолобие и новаторство Андреева? Но каким бы ни был Белоруссов, уже тот факт, что среди его учеников был такой писатель, как Андреев, однозначно свидетельствует в пользу правильности методики преподавания этого учителя словесности. Наверное, время все же «примирило» учителя и ученика, да и позднейших критиков: ныне в Орле в Доме-музее Леонида Андреева на 2-й Пушкирной улице среди других фотографий встречается посетителей и скромный портрет учителя словесности Ивана Белорусова.

Впрочем, встречаются и другие отзывы о Белоруссове — директоре Орловской гимназии. Например, орловский литературовед Л. Н. Афонин (1918–1975) охарактеризовал Белоруссова так: «Карьерист, не скрывавший своих реакционных воззрений, Белоруссов стемился поднять в гимназии “религиозный дух”, изгонял вольномыслие... Ходили слухи, что Белоруссов берет взятки... Уроки Белоруссова по литературе были на редкость скучны... Службист Белоруссов преподавал литературу по бурсацкому способу “от энтих до энтих”»¹.

И в комментарии к рассказу Л. Андреева «Молодежь», помещенном на сайте www.leonidandreev.ru, дана уничижительная характеристика одного из героев: «Директор гимназии Михаил Иванович в действительности Иван Михайлович Белоруссов — реак-

¹ Цит. по: Афонин Л. Леонид Андреев (из неопубликованного). Орел, 2008. С. 31–33.

Выйдя в отставку с должности директора Орловской гимназии в 1897 году, Белору́сов до 1911 жил в Орле и вел самую активную деятельность. С 1906 по 1909 год преподавал в Орловском Бахтина кадетском корпусе. Был председателем педагогических советов двух женских гимназий в Орле, почетным членом епархиального училищного совета, трижды руководил преподаванием русского и церковно-славянского языка на педагогических курсах для учителей церковно-приходских школ Орловской, Смоленской и Ставропольской епархий. Его «Словарь Ломоносовского языка» еще в рукописи был удостоен Ахматовской премии Академии наук (1914).

Белору́сов являлся действительным членом Орловской губернской ученой архивной комиссии, Орловского Церковного историко-археологического общества, принимал активное участие в организации и деятельности Орловского Союза законности и порядка, был членом особого литературного комитета при печатном органе этого союза — газете «Орловская речь». Публиковался в «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском вестнике», в варшавском «Русском филологическом вестнике» (здесь в 1887 году, в частности, была напечатана статья «Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии»), «Филологических записках» (Воронеж), ряде научных изданий Петербурга, Москвы, Киева. Белору́сов показал современникам значение великого филолога А. А. Потебни, обрисовал его образ и разъяснил заслуги (книга «Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни» (Орел, 1902)).

Книги Белору́сова можно было приобрести в книжных магазинах вышеперечисленных городов, а также в Одессе, Казани. Так, например, небольшая книга о Пушкине первоначально печаталась в воронежских «Филологических записках», там же, в Воронеже, была выпущена отдельным изданием в 1880 году типографией губернского правления, а затем, в 1895 году, вышла вторым изданием — в Орле, в типографии П. Н. Хализева.

Необходимо отметить, что Воронеж был одним из основных издательских центров, где выходили книги Белору́сова (связано это было, конечно же, с тем, что в этом городе издавался журнал «Филологические записки»). Труды Белору́сова печатались здесь в основном в типографии В. И. Исаева (например, «Учебник теории словесности» (1880), «Заметки о литературе» (1888), «Зачатки русской литературной критики» (1888–1890) и др.).

Долгая жизнь была суждена не только учебнику Белору́сова по теории словесности. Другой его фундаментальный труд — «Учебник по русской грамматике» — был удостоен престижной премии Петра Великого, к 1916 году выдержал 26 изданий (ряд из них выходил в Орле, в типографиях С. А. Зайцевой (1889), П. Н. Хализева (1893, 1901), А. А. Логунова (1910), в типографии губернского правления (1911, 1914)).

После революции у Белору́сова были конфискованы в Орле дом, библиотека, капитал в банке. В годы Гражданской войны он жил в Алуште (Крым) на даче. Его последние дни описал Иван Шмелев в книге «Солнце мертвых». При большевиках Белору́сов едва не был расстрелян, страшно бедствовал, голодал, просил милостыню. «Вот, голубушка... Христовым именем побираться! Не стыдно мне это, старику, а хорошо... Господь сподобил принять подвиг: в людях Христа бужу!» — говорил он. Однако, как Белору́сов рассказывал самому Шмелеву, и в эти роковые дни, несмотря на голод и слабость, ежедневно работал: «Последнюю книгу дописываю... план завершаю...

каждый день работаю с зари по четыре часа. Слабею... На кухнюхожу советскую, кухарки ругаются... супцу дают когда, а хлебушка нет...» Однако его материалы и труды оказались не нужны новой власти («писал комиссарам — никому дела нет...»), ему назначили мизерную пенсию.

Смерть Белоруссова Шмелев описал так: «Умер старик вчера — избили его кухарки. Черпаками по голове били в советской кухне. Надоел им старик своей миской, нытьем, дрожаньем: смертью от него пахло... Лежит профессор, строгий лицом, в белой бородке, с орлиным носом, в чесучовом сюртуке форменном, сбереженном для гроба... лежит покойно — до будущего века. Аминь».

Настало время увековечить в Орле память о выдающемся русском педагоге. Биография и творческое наследие И. М. Белоруссова еще ждут своих исследователей. Можно только сетовать на несправедливость ушедшего века, который оставил в тени забвения имя столь многогранного и даровитого ученого. Мы предлагаем читателю перечень основных работ И. М. Белоруссова и несколько отрывков из его трудов, которые сохраняют немалую долю актуальности спустя целое столетие.

«Одну из самых трудных и вместе с тем неблагоприятных задач для преподавателя русского языка в средних школах представляют письменные работы учеников. Возражать против этого едва ли решится хоть один из тех, которые знакомы с сим делом. Научить ученика *писать* в высшем значении этого слова — значит сделать его совершенно развитым в умственном отношении, значит, снабдить его самым лучшим и веским аттестатом зрелости. Отсюда вытекает трудность задачи. Употреблять же большую часть времени на исправление ученических письменных опытов, чувствовать постоянно недостаток времени для занятия другими делами, необходимыми для дальнейшего развития самого преподавателя, вращаться чуть не без отдыха в одной и той же сфере недоразвитого стиля и детских мыслей и получать за все это сто рублей в год — как хотите — работа слишком неблагоприятная. Неудивительно после этого, что даже самый добросовестный труженик возропщет иногда на свою горькую долю и будет придумывать какие-нибудь средства, которые бы хоть сколько-нибудь облегчили его египетскую работу и дали вздохнуть свободно на одну недельку. Между тем без ущерба занятиям учеников дать себе значительный отдых невозможно, разве только отказавшись от половины уроков; но это значило бы лишиться себя насущного пропитания. Поэтому, как ни хитри, что ни выдумывай, а все-таки в заключение приходишь к одному выводу: нужно исправлять ученические «сочинения». Опытный и пожилой преподаватель, должно думать, даже и не задается подобными иллюзиями; он *свыкается* со своим положением и чрезвычайно доволен, если труды его достигают своих результатов: это его гордость, это высшее нравственное его торжество...

Оставляя, таким образом, в стороне вопрос о неблагоприятности труда при исправлении ученических сочинений, преподавателю русского языка приходится иметь в виду одну и единственную задачу — научить учеников *писать*, чего бы то ни стоило...

Правила для начинающих писать я формулировал бы приблизительно следующим образом:

1. После прочтения какого-нибудь повествовательного стихотворения начинается составление переложения. При этом не нужно заглядывать в

прочитанное стихотворение, а следует стараться припоминать всю нить рассказа на память. Если же что-нибудь будет забыто из прочитанного, то лучше опустить это в переложении, чем засматривать в книжку и вносить прочитанное из нее в переложение. Можно даже от себя прибавить что-нибудь, когда забудется связь содержания прочитанного. — Такой метод составления переложений важен в том отношении, что ученик приучается схватывать суть рассказа и воспроизводить его самостоятельно.

2. Сочинения необходимо писать сначала начерно, и только после тщательного и обдуманного исправления по несколько даже раз можно приступить к переписыванию набело.

3. Лист бумаги, на котором пишется черновое сочинение, должен иметь поля. Это необходимо для того, чтобы иметь место для исправления неправильно и плохо написанного.

4. Самое же писание сочинения начерно и исправление его должно состоять в следующем:

а) каждую мысль следует выражать так, чтобы непременно выходило предложение, состоящее из подлежащего и сказуемого, если это предложение личное, и из сказуемого, если оно безличное. При подлежащем, само собой, могут быть определительные слова, а при сказуемом — дополнительные и обстоятельственные;

б) нужно тщательно следить за тем, чтобы слова в предложении составлены были как можно правильнее и благозвучнее, а для этого полезно по несколько раз прочитывать известное предложение и наблюдать, легко ли оно читается;

в) если в простом предложении будут дополнительные и обстоятельственные слова, то нужно всегда обращать внимание на то, к какому глаголу они относятся, и ставить их по возможности ближе к тому слову, от которого они зависят, причем для избежания неправильных конструкций полезно спрашивать себя, с каким падежом, с предлогом или без предлога, сочиняется известный глагол;

г) когда таким образом будет исправлено и проверено каждое предложение, тогда следует позаботиться о связи предложений между собой посредством соответствующих союзов. Если же предложения связаны были союзами при самом написании сочинения начерно, то при исправлении нужно только проверить, такие ли союзы поставлены, какие следовало поставить;

д) при написании сочинения сложными предложениями на первых порах не нужно допускать в одном сложном предложении многих придаточных; кроме того, следует выбирать из них такие, которые чаще всего употребляются, например, с союзами: *что, потому что* и некоторыми другими. При этом всегда следует спрашивать себя, какое слово поясняется известным придаточным предложением и на какой вопрос оно отвечает в зависимости от того слова, к которому оно относится;

е) при сочетании придаточных предложений с главными нужно соблюдать те же требования, что и при расстановке определительных, дополнительных и обстоятельственных слов в простых предложениях, то есть чтобы придаточные предложения стояли ближе к тем словам, к которым они относятся, и чтобы читались они в целом сложном предложении свободно и понимались без затруднений.

Такие правила, я думаю, не будут стеснять учеников, напротив — послужат для них указанием, чего держаться при составлении переложений»¹.

Основные работы И. М. Белоруссова

1. К литературе о Пушкине (Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзию. — К биографии Пушкина). Воронеж, 1880; Орел, 1895.

2. Зачатки русской литературной критики. Вып. I. (Сумароков. — Критики в «Собеседнике». — Фонвизин. — Клушин. — Крылов. — Спор Шишкова и карамзинистов о старом и новом слоге. Карамзин. — Каченовский. — Жуковский) — Вып. II. (А. Ф. Мерзляков как теоретик и критик). Издано в Воронеже в 1888—1890 гг.

3. Учебно-педагогические заметки (Наши народные школы и гимназии. — Репетиторство в гимназиях. — Теория словесности как научный и учебный предмет. — К вопросу о письменных упражнениях учеников по русскому языку. — По поводу одной рецензии на учебник по русской грамматике). 2-е изд. Орел, 1895.

4. Чтение и разбор литературных образцов в средних учебных заведениях. Варшава, 1880; Орел, 1900.

5. Учебник теории словесности (32 издания к 1918 г.).

6. Учебник по русской грамматике. Ч. 1. Этимология. Ч. II. Синтаксис. (26 изданий к 1916 г.).

7. Краткая русская грамматика с прибавлением необходимых сведений по церковно-славянскому языку. (Допущено в качестве учебного руководства в начальных училищах и церковных школах). Одно из изданий. Орел, 1904.

8. Синтаксис русского языка в исследованиях Потебни (Допущено в библиотеки средних учебных заведений, учительских институтов и учительских семинарий). Орел, 1901; 1902.

9. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности. Варшава, 1898.

10. Древнерусская книжная и народная словесность. Хрестоматия с примечаниями к тексту и предисловием о древнерусском языке. Орел, 1892.

11. Заметки по литературе (Главные моменты в истории развития теории поэзии. — К отделу о французском, или так называемом ложном, классицизме в литературе. — Страничка к литературному романтизму). Воронеж, 1898.

12. Краткие сведения по палеографии древнерусской письменности. Доклад был прочитан на заседании Орловского церковного историко-археологического общества 4 января 1905 г., затем опубликован в журнале «Орловские епархиальные ведомости», напечатан во втором томе «Сборника Орловского церковного историко-археологического общества» и вышел отдельным изданием.

13. Демосфена Олинфские речи (с непрерывными комментариями в тексте).

14. Учебник теории поэзии (26 изданий к 1911 г.).

15. Главные моменты в истории развития теории поэзии.

16. К вопросу об исправлении русского перевода священных книг Нового Завета // Орловские епархиальные ведомости, 1907.

¹ Цит. по: *Белоруссов И. М. Учебно-педагогические заметки*. Орел, 1895. С. 71—72, 86—88.



Олег СЕЛЕДЦОВ

«ПРОСТИТЕ МЕНЯ...»

Рассказы

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 году г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года, участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8 поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

Ну, правда же, это глупо! Глупо, глупо. Идиотизм полный. Нормальный человек на это и внимание бы не обратил, ну или посмеялся бы. До слез, может, даже посмеялся бы. И все. Забыл бы тут же. Вот жена у меня нормальная. Это, говорит, ты все нарочно придумал, чтобы из дому слинять. Зазнобу себе на стороне нашел. Точно! Нет, ну не дура ли? Вернее, не дура, вовсе не дура. Нормальная баба. Любая на ее месте так раскудила бы. И чего я в самом-то деле? Может, не поздно еще вернуться? А что? Сойду на ближайшей станции, пересеяду во встречный поезд. Жена, конечно, сразу же решит, что была права в своих опасениях. Ну и пусть! Все. Решено. Ближайшая станция через двадцать минут. Выхожу. Домой. Домой! Хватит сходить с ума. Чего и кому я хочу доказать? Что не верблюд? Что я — это именно я, а не тот... другой? Тот... А ведь на фотографии-то моя мордашка. Моя.

И шут меня дернул смотреть эту передачу. Обычно не смотрю. Так, иногда только, когда делать нечего, когда сериалов нормальных нет, газетки прочитаны, гулять с дочкой по вечернему городу не тянет, а вечер убить надо. Тогда включаю. И между прочим, передача эта похлеще латиноамериканских мелодрам будет. Все плачут, особенно женщины. Так умильно смотреть. Личики у них такие добрые становятся, чистые. Она, может быть, взяточница или спекулянтка какая, или вон алкашка, на этой передаче в основном таких, бросивших в пьяном угаре своих детей, и ищут, а тут слезками-то личико умывается и как у дитяти становится. И все в студии плачут. Чужой беде или чужой радости сопереживают. За это и смотрю. Иногда.

В тот вечер я на работе не задерживался. Даже наоборот, под предлогом якобы деловой встречи слинял на часик пораньше. Захотелось пройтись по городу. Нет, я не любитель уличных прогулок, просто в мире середина октября. Последние, пожалуй, теплые денечки золотой осени. Уже завтра или послезавтра затянут небо серые шторы с редким орнаментом молниевых всполохов, ветер-террорист начнет свою омерзительную акцию, медленно, с садистским спокойствием уничтожая тепло в квартирах, на предприятиях и в человеческих душах. Потом с небес польет морось, туман, ледяная вода, мокрый снег и прочая сырость, и все это надолго, все это бесконечно, все это до волчьего воя тоскливо и безнадежно.

Но все это завтра. А сегодня еще тепло, еще солнечно и уютно. Под ногами по-родственному, доверительно шепчутся хранители чужих летних тайн. Моя дочка любит набрать их большую охапку. Кленовые, липовые, ясеневые, разных цветов и оттенков. Наберет, спрячет в самую гущу детское свое личико, вдохнет пряный аромат опавшей, но еще живой листвы и вдруг разом резко швыряет все это вверх, над головой, визжит, смеется, хлопает в ладоши, а листья водопадом заливают ее плечики, курточку, беретик, золотистые кудряшки. Вся в меня. Я в детстве такой же был. Но в этот день я не собирал листву, не швырял ее безрассудно куда попало. Я просто шел домой, наслаждаясь последними звуками, последними красками, последними запахами ушедшего лета. А завтра... Да пусть оно приходит это завтра, ведь это будет только... завтра.

Словом, ничего не предвещало неприятностей. Ужин удался. Жена старалась, чудные «голубчики» приготовила, перцовочки даже налила для аппетита. Я вообще-то по этому делу не большой охотник, но для аппетита, но жена налила! Да еще дочурка порадовала — три пятерочки в этот день из школы принесла. Праздник! Праздник.

Ну вот, покушали, еще по пять капель под настроение приняли, прилег я на свой любимый диванчик — и пульт в руки. Телевизор — тоже член семьи. Его в такой праздничный день забывать нельзя. А понедельник, ничего толкового в программе нет, ну и включил я эту передачу. Там, как обычно, все плачут.

Девочку, брошенную матерью-наркоманкой, тетя родная нашла, к себе забирает, с виду — приличная женщина, может, и правда, ребенку будет у ней хорошо. Тетя плачет, девочка тоже. Она до последнего верила, что передача найдет ее маму, а тут — тетя. Ладно, пусть хоть так.

Мужик лет за восемьдесят ищет подругу юности. Фотографию ее показывает. Такой она была шестьдесят лет назад. Пухленькие щечки, румянец, взгляд бойкий. Хоть бы не нашел. Представляю, какое его ждет разочарование.

Женщина ищет сына. Почти семь лет назад он пошел в лес за грибами и не вернулся. Бедная женщина. Все эти семь лет ждет, надеется на что-то, а только ведь давно уже нет ее сына в живых. Кажется, это все понимают, даже ведущий.

Вот другая женщина, захлебываясь слезами, сжимая в трясущихся руках фотографию, делится с телезрителями своим горем. Сорок лет назад у нее пропал сынок. Ему было три годика. И зовут его... Стоп! Я даже рот разинул от удивления. Рыдающая женщина называет мое имя, мою фамилию, мое отчество, день и месяц моего рождения, да и по возрасту совпа-

дает. А тут еще на весь экран фотография. Большеголовый и пучеглазый ушастик. Как две капли похож на мои изображения в трех-четырёхлетнем возрасте. Ну, положим, детки все немного похожи, но что-то уж чересчур много совпадений. Да и фамилия у меня редкая — Псаломщик. Такая вот. Очевидно, кто-то из моих предков на церковь работал. Сам-то я не очень верующий. Нет, на Пасху, конечно, яички крашу и на Крещение за водичкой хожу — ну как все, мы же русские люди, традиции свои надо беречь. Да. Ну так вот. Посмотрел я этот сюжет и сижу ни жив ни мертв. Осмысливаю. Что же это делается-то? Вот он я. Целый, не распиленный пополам. Псаломщик Игорь Матвеевич. И документы у меня в порядке. Свидетельство вот о рождении. Все четко. Дата выдачи, место рождения. Папа с мамой мои. Вчера только виделись. Мы к ним на пельмени ходили. Ерунда какая-то. Бывают же такие совпадения! Но фотография-то... Мордашка-то моя. Откуда она у этой женщины? Нет, нет. Бред. Полный бред. Может, мне все это привиделось? И тут телефон. Приятель мой звонит, тоже смотрел передачу, и то ли в шутку, то ли всерьез заводит: так и так, мол, Игорь, сколько веревочке ни виться... нашли, мол, тебя, что же ты, я то есть, гад, столько лет от родной матери прятался?

Я со злости чуть трубку не сломал. А телефон опять в трелях заходит. Впрочем, все бы ничего, да глаза той женщины, руки ее трясущиеся из памяти не уходят. Ведь не врет она. Горе у нее всамделишное, неподдельное.

Ух, забрало меня. И телевизор уже мне не нужен, и спать не могу. Пошел на балкон. Вечер тихий, звездный. Завтра небось испортится погода-то. Радуйся, наслаждайся чудесными минутами последнего теплого вечера, так нет же! Все про эту женщину думаю, про сына ее, тоже, между прочим, Игоря Матвеевича, и тоже Псаломщика, и похожего на меня в детстве, как брат-близнец. Так до полуночи на балконе и простоял, словно чумной. Жена даже беспокоиться начала. Может, говорит, тебе еще пять капель накапать, для успокоения нервов? А что делать? Накапал. И не пять, а больше. Чуть помогло. Под утро уснул, а чуть свет бросился к родителям. Они в соседнем доме живут. Так, мол, и так, не смейтесь и не презирайте. А маме и не до смеха. Расплакалась. Да как ты, говорит, и помыслить посмел, что мы тебе не родные? Я, говорит, тебя, свинья неблагодарная, вынашивала, рожала, растила. Отец ночи не спал, пеленки твои закаканные стирал, а ты... А что я? Вы меня не так поняли, я ведь совсем другое хотел, я ведь... А что именно? Чего я хотел-то? Чего пришел? Чего людям спать не даю? Стал я тут на колени, поклонился до земли отцу с матерью и, слова не говоря, выбежал вон из квартиры. И думаете, легче мне после этого разговора стало? Куда там! Еще хуже. Не дают мне покоя глаза той женщины, руки ее трясущиеся. Спать не могу. Работать не могу. Взял за свой счет неделю и... не могу объяснить, как так получилось, а позвонил по номеру этой телепередачи, чтоб ее. Меня выслушали и дали адрес. И вот я еду. К чужой женщине. Везу фотографии, подарки. От моих настоящих родителей подарки-то. Словом, полный бред. Глупо, глупо и еще раз глупо.

Вот и станция. До вечера подожду, а там встречный поезд. Так, наверное, лучше будет. Лучше... По мрачному перрону меж бесконечно черных и холодных луж бродили замороженные голуби. Осень за эту неделю воцарилась над землей окончательно. И ведь все мы и всё вокруг готовились

к этому, к слякоти этой, к мерзким ветрам, к морозящей стыни, к холоду заворотниковому, а навалилась осень, контузила нас своей безысходностью, и оказалось: ни фиги мы не готовы. Ни к осени, ни к зиме, ни к жизни.

На вокзальных часах высветилось время отправления. Вагон дернуло и, лениво постукивая колесами по рельсовым стыкам, поезд пополз в холодную, осеннюю неизвестность. Не сошел, значит. Дальше поехал. Почему? Зачем это надо? Кому это надо? Женщине той несчастной? А может быть, мне? Кто мне ответит? Кто? Кто...

СЛУЧАЙ В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Сергеа возвращался с работы уставший, как волк. Мало того что в цех бросили сверхсрочный заказ, так еще Михалыч на больничный ушел. Пришлось пахать за троих. Сереге нет еще и тридцати, он работает на крупном судоремонтном заводе, живет в чудесном городе. Городе-герое. И как все его жители, тоже иногда чувствует себя героем. А что? Ну чем он не герой? Например, сегодня. Заказ выполнили. Без Михалыча обошлись. И так всегда. Серега не курит. Почти. Так, под настроение только. Не пьет. До скотского состояния. Большие деньги от жены не заначивает. На Галку-бухгалтершу почти уже не заглядывается. Ну что? Герой? Герой и есть. Серега любит свой город. Любит возвращаться с работы, особенно после ночной смены. Идешь себе по городу, все только-только потянулись по местам отбытия трудовой повинности, а ты уже свой долг исполнил. Ты уже победитель. Вот так вот.

Сергеа дошел до остановки. Здесь уже полно народу. Давно, видать, не было троллейбуса. В основном стоят ветераны. Бабульки с баулами да дедки с палками. И чего им дома-то не сидится? Все разъезжают. Туда-сюда, на рынок, в собес, в льготную аптеку, в ветеранский магазин. Вся жизнь — сплошные разъезды. Суета сует, как говорил древний мудрец. Серега не стал бы мотаться. Эх, выйди он сейчас на пенсию, зажил бы... Да чего мечтать-то? До пенсии ему еще... больше, чем прожил на свете. Сейчас о другом думать надо. Вот Светуля его опять нудит, юбку летнюю ей подавай, словно бы он не купил ей в прошлом месяце босоножки. Сын оболтусом растет. На лето им задали по списку книги читать, а он еще ни одной в руки не брал, а ведь скоро во второй класс. Теща грозилась на выходные приехать. Напроситься, что ли, в авральную бригаду, поработать в эти выходные? Благо конец месяца, заказов полно. До конца навигации времени не так много осталось. Так и надо сделать.

Подходит троллейбус. Серега, пропустив вперед всех ветеранов, втискивается в салон. Ехать ему далеко. Пятнадцать остановок. Однако устал он премного. Освободится место, надо будет присесть. Рабочий класс все же. Имеет право. После рынка народ рассосался. В салоне стало просторней, и, когда освободилось место у окошка, Серега, оглядевшись, нет ли какой стоящей бабульки, плюхнулся на это сиденье, закрыв глаза от усталости. Через две остановки снова прибавилось пассажиров.

— Эй, молодой человек, тебе, тебе говорю. Не делай вид, что спишь. Женщина пожилая стоит рядом, а он расселся. Ну-ка уступи место.

Сергеа открыл глаза. На него недружелюбно глядели суровые густые брови грузного дедка.

— Это вы мне?

— Тебе, тебе, сокол. Молодой, а уже наглый. Просыпайся давай. Уступи место бабушке.

— Это вы бабушка, что ли?

— Грубиян. Старому человеку дерзит. Бесстыжий.

Это встрянула бабулька, очевидно, та самая, которой Серега и должен был уступить место. И уступил бы. Какие проблемы-то? Вы попросите по-человечески. Уступи, мол, сынок, старому человеку... ножки больные... поясницу ломит и все такое. Зачем же оскорблять прилюдно? Он ведь не какой-нибудь тунеядец-алкаш. Он — рабочий класс. Едет домой после смены. Устал. А его обижают. Так нельзя.

— Вы бы не ругались. А попросили по-хорошему.

— Слышали? Мы его еще упрашивать должны. Вот вам нынешняя мо-лодежь!

— Совсем совесть потеряли.

— О-о... Глаза бесстыжие-то. В милицию бы сдать. Жаль, нет таких законов.

— А потом удивляемся, почему дети у нас курят, пьют и сексом ранним занимаются. Есть с кого пример брать.

— Да замолчите вы! Вот вам, бабушка, ваше место, только кричать не надо.

— Он еще указывать будет, что нам делать.

Бабка протиснулась со своим баулом на освободившееся место. Толкнула Серегу, только что не плюнула. И чего это она такая смелая? Из-за дедка, что ли? Серега был рассержен не на шутку. Поглядел сердито и встретился в упор со злыми глазами деда.

— Чего зыркаешь? Думаешь, самый умный?

— Ничего я не думаю.

— Вот именно. Не думаешь. Вы, молодые, совсем думать разучились. Только бы водки нажраться да людей ограбить.

— Это кого же я ограбил? Ты что, дед, спятил?

— Ты мне не тычь! Я таких, как ты, знаешь...

— В НКВД, что ли, служил, папаша? Сразу видна надзирательская хватка.

— Что?! Да я тебя...

Дед полез на Серегу с кулаками. Но куда там! Серега — парень крепкий. С ним в кулачки не поиграешь. Схватил за руку, вывернул. Хотел было под зад коленкой дать, да жалко стало. Дед все же, ветеран. Толкнул только. Ух и раскричались все. Весь троллейбус. Все дедки и бабульки. Даже кондуктор — молодая девица — была против него.

— На следующей остановке сойдеешь.

— Чего это ради? Я взял билет, деньги заплатил.

— Вот тебе твои деньги. Только уходи отсюда. Видишь, что ты наделал?

И такая досада Серегу взяла. Ведь прав-то он. Ну чего все на него взелись? Словно он и впрямь грабитель и тунеядец. Он же рабочий класс. Ишачил сегодня за себя и за того Михалыча, как в ветеранской песне поется. И что теперь? Вот так вот взять и уйти, словно нашкодивший пацаненок? Серега оглядел пассажиров. Ничего он им не объяснит. А и пошли они все! Достали уже ветераны воночие. Все бы им воевать. Не за страну,

куда там! За льготы свои ветеранские. Хоть на копейку, но льготу себе очередную пробить надо. Иначе все. Иначе Сталинград падет и Севастополь не продержится.

— И когда уж вам льготы ваши отменят? Ведь как только вам всем вместо льгот денежные компенсации введут, троллейбусы наши опустеют. Ругани не будет. Красота!

Лучше бы он этого не говорил. Весь салон двинулся на него. Серега не испугался. Чего там! Связываться не охота. Плюнул с досады и вышел на остановке. День был испорчен. Дома Серега поругался с женой, накричал на сына. Шлепнул даже пару раз по попе. А потом пошел в магазин, купил две бутылки водки, спустился к берегу залива и, не чувствуя вкуса, влил в себя содержимое обеих посудин. Усталость взяла свое. Серега вдруг рухнул на каменистый пляж и забылся, всхлипывая во сне. Флотский патруль прошел мимо. Мало ли бомжей валяется на пляже, пусть милиция ими занимается. Но Сереге повезло. Милиции было не до него. Уже вторые сутки весь личный состав ГУВД был занят на очередном этапе операции «Смерч». К вечеру Серега вернулся домой.

На следующий день в заводской курилке бригадир, ежедневно тщательно вычитывавший центральные газеты, вдруг сокрушенно присвистнул:

— Надо же, Кривоносов умер. Жаль мужика. Да... Уходят ветераны.

— Что за Кривоносов, родственник твой, что ли?

— Какой родственник? Кривоносов Федор Игнатович. Герой-разведчик. Почти дважды Герой Советского Союза.

— Как это?

— У него Золотая Звезда и три ордена Славы.

— Ого! Геройский дядя. А фотография есть?

— Вот, посмотри.

Бригадир протянул газету. Серега развернул и застыл от изумления и даже некоторого ужаса. С газеты на него сурово смотрели густые брови грузного мужчины. Он. Вчерашний дедок. Разведчик? Герой? Как же так-то? Как же это, братцы?

— Сережа, ты чего? Что с тобой? Эй! Тебе плохо?

Да как сказать... А ведь и впрямь Сереге стало плохо. Защемило что-то в груди, в носу противно защекотало. Сидит Серега, в газету уставился. Уже и перерыв кончился, уже станки в цехе ворчливо завертели токарные патроны и искрящиеся фрезы, а он все сидит. Бригадир пробовал было его растормошить, да куда там. Сидит, словно окаменел, лишь влага в глазах блестит. Плюнул бригадир, да и заказ срочный, не до капризов. Что это свалилось на бригаду? То Михалыч заболел, теперь вот с этим истуканом проблемы. И ладно бы бездельник какой, а то лучший фрезеровщик цеха, всегда свою работу в срок сделает и бригаде поможет. Эх, не вовремя заболел.

— Ладно, Сережа, иди домой. Как-нибудь сладим.

Пошел. Трудно соображает. В никуда идет. На автопилоте. Лишь временами в голову залетают с ветерком мысли. Это что же получается? Это значит, он убил человека? Героя? Хотя при чем здесь это? А если бы не было у Кривоносова звезд геройских? Он перестал бы быть человеком? Да? Убил. Убил! Убил человека!! Из-за упрямства своего. Устал он, видите ли. Кривоносов поболее его в жизни уставал-то. Сердце небось больное было,

старые раны давали знать, а он небось общественную работу тянуть продолжал. В школах выступал, в совете ветеранов активистом был. Он и вчера, наверное, не на базар ехал, а какому-нибудь инвалиду помощь вез материальную. И тут он, Серега, со своей гнилой правдой. Толкнул человека, почти ударил. Вот и не выдержало надорванное войной и жизнью сердце ветерана. Инфаркт. Что же делать-то теперь? Нужно ехать к нему домой. Перед родными его каяться, у мертвого прощения просить. Если вдова-старушка осталась, помогать ей будет. Как может. А если его арестуют? Поделом, значит. А как же сын без отца? Лучше уж вовсе без отца, чем с отцом-убийцей. А как же адрес-то он найдет? В совете ветеранов подскажут. Точно. Нужно сейчас непременно ехать в городской совет ветеранов. Это в центре.

Серега оглядел местность. Далеко же он забрел. Вот, однако же, троллейбусная остановка. Решено. Будь что будет, надо действовать, хоть совесть свою очистит. Народу в троллейбусе было немного. Пустых мест хватало. Но Серега не стал садиться. Он приютился за дверью на задней площадке, чтобы не занимать много места. Пусть уж дедульки с бабулками нормально покатаются, пока еще действуют их ветеранские льготы. Эх, далековато от работы он, Серега, живет, а то вообще ходил бы каждый день пешком, чтобы не мешать старикам. Эх, если бы вернуть вчерашний день...

— Молодой человек, помощи мешок занести.

Серега обернулся на голос и... словно молния шапхнула в голове. На него сердито глядели знакомые густые брови. Нет. Не может быть! Да как не может! Он! Он!! Вчерашний знакомец.

— Ну, чего уставился-то? Ишь, уставился. Помоги мешок занести-то.

Серега сорвался с места, словно пушинку внес тяжеленький мешочек дедульки и продолжал смотреть на него с восторгом, так в детстве смотрел он на только что повязанный ему руками старшеклассницы новенький пионерский галстук.

— Вы... Вы, простите, Кривоносов? Вы живы?

— Какой еще, к ляхам, Кривоносов? Ты больной, что ли? Что-то рожа твоя мне знакома. Не ты ли меня вчера...

— Я, я, дедушка, вы живы. Я так рад. Простите меня... Простите.

Серега опустился на колени. Весь салон уставился на эту сцену. Дедок было испуганно схватился за мешок, но вдруг, взглянув в глаза парню, часто захлопал ресницами.

— Ладно... Чего уж. Со всяким бывает. Только ты это... Смотри... Вот ведь... Как бывает-то...

Серега вышел на остановке. Это была не его остановка. Да какая разница. Серега постоял чуток, а потом вдруг подпрыгнул что было сил и заорал по-детски пронзительно:

— Уря-а-а!!!

До конца рабочего дня еще было время. Да и ребята там потеют за него и Михалыча. И чего это он взъелся на Михалыча-то? Пусть нормально выздоравливает. Серега за него поработает. С радостью. В ночную сегодня пойдет. Все сделает. Только вы живите, люди! Ругайтесь, катайтесь в троллейбусах, ходите на рынок, но живите. Ладно?

А семье Кривоносова все же надо будет помочь.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры *Г. А. Ильина, Н. П. Першакова*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 27.10.2011 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 27,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1110267.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.